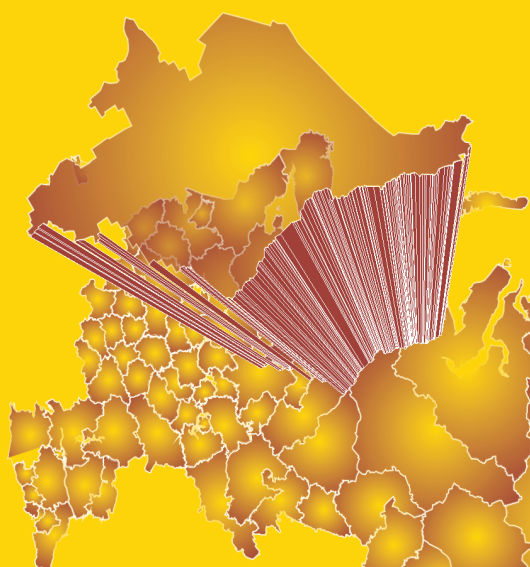

Уровень жизни населения регионов России

Living Standards
of the Population
in the Regions of Russia

ТЕМА ВЫПУСКА:

ТРУДОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЯН, ПРЕДОТВРАТИМАЯ
СМЕРТНОСТЬ, СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ПОЖИЛЫХ

ISSN 1999-9836 (print)
ISSN 2713-3397 (online)

2026 Том 22 № 3

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономики
Российской академии наук**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук (ИЭ РАН) является правопреемником Института экономики Российской академии наук, созданного в соответствии с постановлением Президиума Академии (протокол Президиума Академии от 23 июня 1930 г. №23 п.6), с 1936 г. – в ведении АН СССР (протокол Президиума АН СССР от 15 февраля 1936 г. №4 §1).

Постановлением Президиума Российской академии наук от 13 декабря 2011 г. № 262 изменен тип и наименование Института с Учреждения Российской академии наук Института экономики РАН на Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук.

ИЭ РАН передан в ведение Министерства науки и высшего образования в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 15.07.2018 г. № 682 для осуществления научной деятельности и действует на основании Устава, утвержденного Приказом Министерства науки и высшего образования от 06.07.2018 № 224, зарегистрированного Межрайонной инспекции ФНС России № 46 по г. Москве 09.08.2018 г.

Директором ИЭ РАН является член-корреспондент РАН, д.э.н. Головин Михаил Юрьевич.

В соответствии с Уставом основными направлениями деятельности Института являются:

- научные исследования и разработки в области общественных и гуманитарных наук;
- послевузовское профессиональное образование.

Основные научные направления:

проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований по следующим направлениям:

- проблемы общей экономической теории и методологии, включая классическую политэкономию и теорию воспроизводства капитала, институциональную теорию, экономическую социодинамику, теорию опекаемых благ, экономической истории и истории школ экономической мысли;

- исследование основных тенденций функционирования экономики России, анализ экономической политики, политики регионального развития, факторов экономической безопасности, формирования стратегии и моделей устойчивого экономического роста;

- анализ социальной политики и междисциплинарные исследования российской экономики, включая разработку экономической теории культурной, научной и образовательной деятельности;

- институциональный анализ государственного регулирования и формирования эффективной институциональной среды;

- комплексный анализ социально-экономического развития и системных преобразований в странах российского «пояса соседства», внешних факторов развития российской экономики и интеграции России в глобальные и региональные экономические и политические процессы.

Является учредителем и соучредителем следующих научных журналов:

«Вестник Института экономики Российской академии наук» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.);

«Вопросы теоретической экономики» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ЭЛ № ФС 77-78796 от 30 июля 2020 г.);

«Мир перемен» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № 77-15089 от 14 апреля 2003 г.);

«Вопросы экономики» (зарегистрирован Государственным комитетом РФ по печати № 018423 от 15 января 1999 г.);

«Россия и современный мир» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС 77 - 36650 от 23 июня 2009 г.);

«Вопросы политической экономики» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС 77 - 61516 от 24 апреля 2015 г.).

С 2023 года является учредителем журнала «Уровень жизни регионов России» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС 77-78712 от 20 июля 2020 г.)

Адрес редакции:

Российская Федерация, 117218

г. Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел: +7 499 125 8445;

Email: vcugjournal@mail.ru

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

2026 Том 22 № 3

Издаётся с 1992 года
Выходит 4 раза в год
DOI: 10.52180/1999-9836
ISSN: 1999-9836 (Print)
ISSN: 2713-3397 (Online)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук (Институт экономики РАН)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА И РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бобков Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гулюгина Алефтина Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Чашина Татьяна Викторовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Маликов Иван Федорович – стажёр-исследователь сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

Мачелян Гарри Григорьевич – кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь

Одинцова Елена Валерьевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

Рязанцев Вадим Игоревич – младший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

СЕКРЕТАРЬ

Шерстобитова Юлия Александровна – младший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бурак Пётр Иосифович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, президент РАН, директор Института региональных экономических исследований, Россия
Волгин Николай Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, советник генерального директора ВНИИ труда Минтруда России, Россия

Головнин Михаил Юрьевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института экономики РАН, Россия

Гонтмахер Евгений Шлёмович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета, Россия

Григорьева Наталия Сергеевна – доктор политических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой социологии управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Гринберг Руслан Семёнович – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Россия

Долгушкин Николай Кузьмич – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, Россия

Ленчук Елена Борисовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, Россия

Музычук Валентина Юрьевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора Института экономики РАН по научной работе, Россия

Половинко Владимир Семенович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной экономики и управления человеческими ресурсами Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Россия

Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник группы исследований социокультурной динамики, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери Марко – Dr Political Science, Professor, генеральный секретарь Института политических, экономических и социальных исследований, Италия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдеев Юрий Алексеевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Россия

Александрова Ольга Аркадьевна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН; профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Архангельский Владимир Николаевич – кандидат экономических наук, заведующий сектором воспроизводства населения и демографической политики Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Багирова Анна Петровна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, заместитель директора по науке и инновациям Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Золотов Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и методологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия

Иванова Алла Ефимовна – доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом здоровья и самосохранительного поведения Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, Россия

Каменева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Леденева Виктория Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, Россия

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего Центром социально-демографических исследований Вологодского научного центра РАН, Россия

Локтюхина Наталья Викторовна – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы Научно-исследовательского финансового института Минфина России; профессор

кафедры экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений, Россия

Мотрич Екатерина Леонидовна – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Россия

Недоспасова Ольга Павловна – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой организационного поведения и управления персоналом Томского государственного университета, Россия

Попкова Людмила Ивановна – доктор географических наук, доцент, профессор Курского государственного университета, Россия

Разумова Татьяна Олеговна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики труда и персонала экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Симонова Марина Викторовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента филиала Самарского государственного технического университета в г. Новокуйбышевске; профессор кафедры архитектурно-строительной графики и изобразительного искусства Самарского государственного технического университета, Россия

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Россия

Сотникова Светлана Ивановна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Новосибирского государственного университета экономики и управления, Россия

Чубарова Татьяна Владимировна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Абдурахманов Каландар Ходжаевич – доктор экономических наук, профессор, академик Академии наук Республики Узбекистан, ректор Ташкентского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Республика Узбекистан

Савова Ралица – PhD Candidate, Университет Печ; официальный представитель в Центральной и Восточной Европе европейского культурного маршрута «Пути лонгобардов по Европе»; член редакционного комитета журнала «Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia» Болонского университета, Венгрия, Италия

Херрманн Петер – Dr. Sociol., Dr. habil., научный сотрудник Центра по правам человека юридического факультета Центрального Южного университета, приглашенный профессор центра исследований цифрового интеллекта традиционной спортивной культуры Цюйфуского педагогического университета; действительный член Европейской академии наук и искусств; действительный член Ме-сопотамской академии наук и искусств Бейт Нахрин (BEN-MAAS), KHP, ЕС

Хусаинов Булат Доскалиевич – доктор экономических наук, ассоциированный профессор, академик Казахстанской Национальной Академии естественных наук, Республика Казахстан

Чоба Юдит – Prof. Dr. habil., профессор социологии факультета социологии и социальной политики Дебреценского университета, Венгрия

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

«ТРУДОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЯН, ПРЕДОТВРАТИМАЯ СМЕРТНОСТЬ, СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ПОЖИЛЫХ»

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.....	363
СТАТЬЯ НОМЕРА.....	368
<i>Одинцова Е.В.</i> (Не)стабильность трудового положения экономически (не)активных лиц в России.....	368
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	380
<i>Ромашкина Г.Ф., Занчук М.Р.</i> Эмпирический анализ влияния неопределенности на потребительские рынки регионов России.....	380
<i>Кауфман Н.Ю., Зеленцова С.Ю.</i> Неформальная занятость в цифровой экономике: институциональные ловушки и социальные риски.....	392
<i>Бобков В.Н., Дегтярев Г.П., Рязанцев В.И.</i> Социальное страхование: история вопроса в контексте базового пенсионного дохода.....	409
<i>Соловьева Т.С., Попов А.В.</i> Концептуальная модель взаимодействия ключевых акторов системы программирования благополучной старости.....	423
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	438
<i>Темницкий А.Л.</i> Фактор собственности предприятия в трудовом поведении профессионалов и квалифицированных рабочих России....	438
<i>Воеводина Е.В., Круглова Е.Л., Проскурина А.С.</i> Добровольное пенсионное страхование в системе формирования длинных денег россиян: социальные механизмы формирования доверия и вовлеченности.....	452
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	467
<i>Тухтарова Е.Х., Ли Е.Л.</i> Социально-экономические факторы смертности мужчин и женщин в возрасте до 35 лет в Дальневосточном федеральном округе.....	467
<i>Полянская Е.В.</i> Потери потенциальных лет жизни от предотвратимой смертности трудоспособного населения Амурской области: внутрирегиональные и половозрастные особенности.....	482
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА.....	498
<i>Николаев И.А.</i> Особенности измерения производительности труда в сфере культуры.....	498
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.....	510
<i>Субетто А.И.</i> К какому труду в сфере культуры можно применять категорию «производительность труда», а к какому нельзя в логике ее измерения?.....	510
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.....	516
<i>Бобков В.Н., Вередюк О.В.</i> Дестандартизация занятости: тенденции и новые контуры научного дискурса экономистов по труду.....	516
<i>Закиева Р.Р., Жидяева Т.П.</i> Обзор по итогам XIX Всероссийской научной конференции «Ковалевские чтения».....	529

При перепечатке ссылка на журнал «Уровень жизни населения регионов России» обязательна. Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции. Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию. Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187.

Подписано в печать 01.09.2026.
Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 967.

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32.
Телефон +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru

Сайт журнала: <https://vcug-journal.ru/>
Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство «Шелест»
Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164
Тел. +7 904 317 7693
Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Журнал доступен на следующих платформах:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Readara: <https://readara.org/vcugjournal>
ЗБС «Знаниум»: <https://znanium.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

2026 Vol. 22 No. 3

Issued since 1992

On a quarterly basis

DOI: 10.52180/1999-9836

ISSN: 1999-9836 (print)

ISSN: 2713-3397 (online)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
(IE RAS)

Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996.
Reregistered PI No. FS77-78712, July 20, 2020.

EDITOR-IN-CHIEF, HEAD OF THE EDITORIAL COUNCIL AND EDITORIAL BOARD

Bobkov, Vyacheslav Nikolayevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL STAFF

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Gulyugina, Aleftina Aleksadrovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF – EXECUTIVE SECRETARY

Chashchina, Tat'yana Viktorovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

MEMBERS OF THE EDITORIAL STAFF

Machkhelyan, Garry Grigor'evitch – PhD in Economics, Associate Professor, Independent Researcher

Malikov, Ivan Fedorovitch – Trainee Researcher Assistant of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Odintsova, Yelena Valer'yevna – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Ryazantsev, Vadim Igorevitch – Junior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

SECRETARY

Sherstobitova, Yuliya Aleksandrovna – Junior Research Assistant of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Burak, Pyotr Iosifovitch – RANS Academician, Doctor of Economics, Professor, President of RANS, Director of the Institute for Regional Economic Research, Russia

Dolgushkin, Nikolai Kuz'mitch – RAS Academician, Doctor of Economics, Professor, Vice-President of the Russian Academy of Sciences, Russia

Golovnin, Mikhail Yur'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Gontmakher, Evgeny Shlyomovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Public and Social Institutions and Social Work at the Russian State Social University, Russia

Grigor'eva, Nataliya Sergeevna – Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of Sociology Management Department at the School of Public Administration at the Lomonosov Moscow State University, Russia

Grinberg, Ruslan Semyonovitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Lenchuk, Yelena Borisovna – Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Research School «Economic Policy» at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Muzychenko, Valentina Yur'yevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Polovinko, Vladimir Semenovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Dostoevsky Omsk State University, Russia

Toshchenko, Zhan Terent'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Worker of the Sociocultural Dynamics Research Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of Theory History and Sociology at the Sociology Faculty of the Russian State University for the Humanities, Russia

Volgin, Nikolai Alekseyevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Adviser to Director General of the All-Russia Research Institute

of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, Marco – Dr. of Political Sciences, Professor, Secretary General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES), Italy

EDITORIAL BOARD

Alexandrova, Ol'ga Arkad'yevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher, Deputy Director for Research at the Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Antonova, Natal'ya Leonidovna – Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of Sociology and Technologies of Public Administration, School of Public Administration and Entrepreneurship of the Institute of Economics and Management at the Ural Federal University, Russia

Arkhangel'skiy, Vladimir Nikolayevitch – PhD in Economics, Head of the Sector of Population Reproduction and Demographic Policy of the Laboratory of Population Economics and Demography of the Faculty of Economics at the Lomonosov Moscow State University, Russia

Avdeev, Yuriy Alekseyevitch – PhD in Economics, Leading Research Worker at the Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Bagirova, Anna Petrovna – Doctor of Economics, PhD in Sociology, Professor, Professor at the Department of Sociology and Technology of Public Administration, Deputy Director for Science and Innovation at the School of Public Administration and Entrepreneurship of the Institute of Economics and Management at the Ural Federal University, Russia

Barkov, Sergey Aleksandrovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology of the Lomonosov Moscow State University, Russia

Chubarova, Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Economics, Leading Research Worker, Head of the of the Centre of the Economic Theory at the Social Department at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ivanova, Alla Yefimovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Health and Self-Preservation Behaviour at the Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Kameneva, Tat'yana Nikolayevna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Ledeneva, Viktoriya Yur'evna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Chief Research Worker at the Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonidova, Galina Valentinovna – PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Worker, Deputy Head of the Center for Social and Demographic Research at the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

Loktyukhina, Natal'ya Viktorovna – Doctor of Economics, Professor, Leading Research Worker at the Centre of the Social Sphere Finances; Scientific and Research Financial Institute of the Ministry of Finance of Russian Federation; Professor at the Chair of Labour Economics and Personnel Management, Faculty of Economics, Academy of Labor and Social Relations, Russia

Motrich, Yekaterina Leonidovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Economic Research Institute of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Russia

Nedospasova, Olga Pavlovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Organizational Behavior and Human Resources Management of the Tomsk State University, Russia

Popkova, Lyudmila Ivanovna – Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor, Professor of the Kursk State University, Russia

Razumova, Tat'yana Olegovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Labour and Personnel Economics at the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University, Russia

Simonova, Marina Viktorovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management at the Branch of Samara State Technical University in Novokuibyshevsk; Professor of the Department of Architectural and Construction Graphics and Fine Arts at the Samara State Technical University, Russia

Sotnikova, Svetlana Ivanovna – Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Labor Economics and Personnel Management at the Novosibirsk State University of Economy and Management, Russia

Zolotov, Aleksandr Vladimirovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic Theory and Methodology at the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Abdurakhmanov, Kalandar Khodjaevich – Doctor of Economics; Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Rector of the Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Republic of Uzbekistan

Csoba, Judith – Prof. Dr. habil., Professor of Sociology of the Department of Sociology and Social Policy of the University of Debrecen, Hungary

Herrmann, Peter – Dr. Sociol., Dr. habil., Research Worker at the Human Rights Centre Law School at the Law Faculty of the Central South University, Visiting Professor at the Center for Digital Intelligence Research of Excellent Traditional Sports Culture at the Qufu Normal University; Member of the European Academy of Science and Arts, Member of the Beyt Nahrin Mesopotamian Academy of Sciences and Arts (BEN-MAAS), PRC, EU

Khusainov, Bulat Dorskaliyevitch – Doctor of Economics, Associate Professor, Academician of the Kazakhstan Academy of Natural Sciences, Republic of Kazakhstan

Savova, Ralitsa – PhD Candidate, Pécs University; Official Representative for Central and Eastern Europe of the European Cultural Route "Longobard Ways across Europe"; Member of the Editorial Committee of the Journal "Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia" University of Bologna, Hungary, Italy

CONTENTS THE ISSUE THEME:
«THE EMPLOYMENT SITUATION OF RUSSIANS, PREVENTABLE MORTALITY,
SOCIAL PROTECTION FOR THE ELDERLY»

CHIEF EDITOR'S COLUMN	363
ARTICLE OF THE ISSUE	368
<i>Odintsova E.V.</i> (In)stability of the Employment Position of Economically (In)active Individuals in Russia.....	368
ECONOMIC RESEARCH	380
<i>Romashkina G.F., Zanchuk M.R.</i> Empirical Analysis of the Impact of Uncertainty on Consumer Markets in Russian Regions.....	380
<i>Kaufman N.Yu., Zelentsova S.Yu.</i> Informal Employment in the Digital Economy: Institutional Pitfalls and Social Risks.....	392
<i>Bobkov V.N., Degtyarev G.P., Ryazantsev V.I.</i> Social Insurance: The History of the Issue in the Context of Basic Pension Income.....	409
<i>Soloveva T.S., Popov A.V.</i> A Conceptual Model of the Interaction between Key Actors in a Programming System for a Prosperous Old Age.....	423
SOCIOLOGICAL RESEARCH	438
<i>Temnitskii A.L.</i> The Enterprise Ownership Factor in the Labor Behavior of Professionals and Skilled Workers in Russia.....	438
<i>Voevodina E.V., Kruglova E.L., Proskurina A.S.</i> Voluntary Pension Insurance in the System of Long-Term Wealth Generation for Russians: Social Mechanisms for Building Trust and Engagement.....	452
DEMOGRAPHIC RESEARCH	467
<i>Tukhtarova E.K., Li E.L.</i> Features of the Impact of Socio-Economic Factors on the Mortality of Working Men and Women Under the Age of 35 in the Far Eastern Federal District of Russia.....	467
<i>Polyanskaya E.V.</i> Features of Potential Years of Life Lost from Preventable Mortality in Municipalities of the Amur Region.....	482
DISCUSSION FORUM	498
<i>Nikolaev I.A.</i> Features of Measuring Labour Productivity in the Cultural Sphere.....	498
LETTER TO THE EDITOR	510
<i>Subetto A.I.</i> To Which Types of Work in the Cultural Sector Can the Concept of «Labour Productivity» Be Applied, and to Which Cannot, in Terms of How it is Measured?.....	510
SCIENTIFIC LIFE	516
<i>Bobkov V.N., Veredyuk O.V.</i> De-Standardization of Employment: Trends and New Contours of Academic Discourse.....	516
<i>Zakieva R.R., Zhidyayeva T.P.</i> Review of the results of the XIX All-Russian Scientific Conference «Kovalevsky Readings».....	529

While quoting the reference to the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required.
The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.
Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to reviewing.
Subscription index 71187.

Signed for publication 01.09.2026. Format 60x84/8. Circulation 700 copies. Order № 967.

Editorial Office Address:
32 Nakhimovskiy Prospekt, Moskva 117218, Russian Federation.
Telephone: +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru

Internet: <https://vcug-journal.ru/>
The original layout was prepared and printed by LLC Shelest Publishing Company
164 Engel'sa Ulitsa, Izhevsk 426060, Russian Federation.
Telephone: +7 904 317 7693
E-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

The journal is available on the following platforms:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Reader: <https://readera.org/vcugjournal>
EBS "Znaniy": <https://znaniy.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Редакторская заметка
EDN ILVVTY

Колонка главного редактора

EDI (Editorial article)

Chief Editor's Column

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Тема третьего номера журнала 2026 года: **«ТРУДОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЯН, ПРЕДОТВРАТИМАЯ СМЕРТНОСТЬ, СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ПОЖИЛЫХ»**.

В представленном читателю выпуске содержатся теоретические, методологические и практические работы, посвящённые экономическим, социологическим и демографическим аспектам развития современной России и её регионов, новости научной жизни.

В третьем выпуске за 2026 год статья номера – **«(Не)стабильность трудового положения экономически (не)активных лиц в России» Е.В. Одиной**, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики Российской академии наук. Цель представленного в статье исследования – выявление (не)стабильности характеристики трудового положения экономически активных и неактивных лиц в России. Изменения в трудовом положении и качестве занятости работающих, идентифицируемом в парадигме устойчивость–неустойчивость, прослежены на интервале 2014–2023 гг. В статье проанализированы перемещения между группами, отражающими имеющееся трудовое положение и качество занятости, в составе которых: I. Занятые в организациях с разными их характеристиками с точки зрения качества занятости; II. Занятые не в организациях (потенциально неустойчивая занятость); III. Безработные (временно незанятые, крайняя форма неустойчивой занятости); IV. Лица за рамками экономической активности. Автором выявлены масштабы укрупнённых групп экономически (не)активного населения в 2023 г., (не)стабильность положения в данных группах относительно 2014 г., имевшие место перемещения между группами с разным трудовым положением и качеством занятости. В статье определено, что имевшие место изменения для большинства лиц с нестабильным трудовым положением были связаны с перемещением в рамках «контура уязвимости», т.е. с переходами между сегментами занятости низкого качества, включая неустойчивую занятость, временную незанятость и экономическую неактивность.

В рубрике **«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** публикуются статьи, посвящённые эмпирическому анализу влияния неопределённости на потребительские рынки регионов России, неформальной занятости в цифровой экономике, социальному страхованию в части истории вопроса в контексте базового пенсионного дохода, концептуальной модели взаимодействия ключевых акторов системы программирования благополучной старости.

Статья **«Эмпирический анализ влияния неопределённости на потребительские рынки регионов России» Г.Ф. Ромашиной**, д-ра социол. наук, профессора Тюменского государственного университета, **М.Р. Занчук**, аспиранта Тюменского государственного университета, направлена на исследование влияния воспринимаемой фундаментальной неопределённости на потребительское поведение с использованием теоретических наработок кейнсианской и посткейнсианской научных традиций на примере регионов России. Эмпирический анализ проведён с использованием региональных данных российской статистики за период с 2000 по 2024 гг. и пошаговой регрессионной модели со случайными эффектами, в которой зависимой переменной выступает средняя склонность к потреблению. Авторами выполнена проверка различных нелинейных моделей для оценки возможностей учёта неопределённости. В статье показана связь между новостной неопределённостью и средней склонности к потреблению, исследовано влияние усиления воспринимаемой неопределённости на паническое потребление, отражающее повышение склонности к потреблению при сохранении значимости стандартных макроэкономических параметров. Авторами определены возможности нелинейного моделирования в описании потребитель-

ского поведения на примере регионов России, а также приведены примеры моделей, более адекватно описывающих специфику российских регионов.

Статья **«Неформальная занятость в цифровой экономике: институциональные ловушки и социальные риски»** *Н.Ю. Кауфман*, канд. экон. наук, доцента Сургутского государственного университета, *С.Ю. Зеленцовой*, канд. экон. наук, доцента Сургутского государственного университета, посвящена выявлению и анализу ключевых институциональных ловушек, обуславливающих устойчивость неформальной занятости в цифровой экономике, и порождаемых ими социальных рисков. Авторами сформулировано понятие «неформальная занятость в цифровой экономике» с позиций институциональной экономической теории, выявлены, систематизированы и классифицированы ключевые институциональные ловушки неформальной занятости в цифровой экономике. В статье определены социальные риски, ассоциированные с выявленными ловушками, дан анализ и сформирована матрица социальных рисков. Показано, что совокупное действие выявленных ловушек порождает системные последствия на индивидуальном (снижение защищённости), групповом (рост неравенства, деградация коллективных форм защиты и солидарности) и общесистемном (фискальные потери) уровнях, консолидируя слой «цифрового прекариата». В статье определены ориентиры для институциональных изменений в целях преодоления выявленных ловушек, стратегические направления минимизации рисков.

В статье **«Социальное страхование: история вопроса в контексте базового пенсионного дохода»** *В.Н. Бобкова*, д-ра экон. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, руководителя научного проекта Лаборатории исследований базового пенсионного дохода Института экономики Российской академии наук, *Г.П. Дегтярева*, д-ра экон. наук, независимого эксперта-исследователя, *В.И. Рязанцева*, стажера-исследователя Лаборатории исследований базового пенсионного дохода Института экономики Российской академии наук, приведено исследование генезиса доктрины социального страхования, разработанной известным представителем германской школы государственного социализма А. Вагнером и ставшей концептуальной основой «социальных реформ сверху» О. фон Бисмарка. Цель работы – проследить эволюцию идей, взглядов, представлений и подходов к развитию социального и пенсионного страхования от классического либерализма к государственному социализму, от радикальных (революционных) реформ к постепенному (эволюционному) реформированию в Германии и России, показать преемственность этой доктрины в современных системах социального и пенсионного страхования, аргументировать плодотворность её применения в современных дискуссиях и обсуждениях многозначных и многосмысловых понятий «базовый доход», «универсальный (безусловный) базовый доход», «базовый пенсионный доход». В статье обосновано, что предложенная А. Вагнером целостная, многоуровневая и многоаспектная система социального реформирования (повышение оплаты труда, обязательное страхование от болезни, инвалидности и старости, фабричное законодательство, налоговая реформа) положила начало нормативному и законодательному «вписыванию» принципов солидарности, справедливости и государственной ответственности в социально-экономическую жизнь многих стран, получила теоретическое и практическое воплощение в России и вполне применима в современной концепции введения в российскую пенсионную систему базового пенсионного дохода. Авторами сделан вывод о научной новизне рассмотрения базового пенсионного дохода как институционального продолжения вагнеровской доктрины и модели социального страхования, социального реформирования.

Статья **«Концептуальная модель взаимодействия ключевых акторов системы программирования благополучной старости»** *Т.С. Соловьевой*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника Вологодского научного центра Российской академии наук, *А.В. Попова*, д-ра экон. наук, ведущего научного сотрудника Вологодского научного центра Российской академии наук, посвящена разработке концептуальной модели взаимодействия основных заинтересованных сторон в вопросах программирования благополучия старшего поколения в России. Эмпирическую основу составили данные социологического опроса населения и экспертного опроса основных акторов, которые могут влиять на достижение цели благополучной старости, проведённые в Вологодской области в 2025 году. В статье дан обзор базовых векторов социальной политики по обеспечению благополучной старости, выявлена значимость различных источников и направлений поддержки, реализуемых различными стейкхолдерами. Также проведено оценивание активности и эффективности работы ключевых организаций и акторов с пожилыми людьми. Ключевым результатом работы стала разработка концептуальной модели взаимодействия акторов в системе программирования благополучной старости, включая уточнение принципов её построения, определение выполняемых акторами функций в зависимости от этапа жизненного цикла человека.

В рубрике **«СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** публикуются статьи, посвящённые фактору собственности предприятия в трудовом поведении профессионалов и квалифицированных рабочих России и добровольному пенсионному страхованию в системе формирования длинных денег россиян.

В статье «**Фактор собственности предприятия в трудовом поведении профессионалов и квалифицированных рабочих России**» *А.Л. Темницкого*, д-ра социол. наук, доцента Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, ведущего научного сотрудника Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, основной исследовательский вопрос связан с поиском ответа о потенциале государственных и частных предприятий стать более привлекательным местом занятости для современных наёмных работников. Автором проведено сравнение государственных и частных предприятий по их возможностям для предоставления профессионалам и квалифицированным рабочим социальных льгот, по размеру зарплаты, соотнесённого с затратами времени, а также по оценкам удовлетворённости оплатой и работой в целом. В статье показано, что работники частных предприятий по-прежнему отстают от государственных по возможностям получения основных социальных льгот за исключением оплаты питания. Выявлено, что большие затраты рабочего времени у рабочих частных предприятий в сравнении с их коллегами на государственных перестали, начиная с 2012 г., приносить более высокий заработок, сравнялись и оценки удовлетворённости оплатой труда. Также определено, что заметное влияние частная форма собственности предприятий оказывает на результирующие показатели трудового поведения профессионалов, у которых и размер зарплаты и удовлетворённость ею всегда были выше, чем у их коллег на государственных. Показано, что роль частной формы собственности предприятия в объяснении разброса значений получаемой зарплаты последовательно снижалась, а с 2016 г. перестала быть значимой.

В статье «**Добровольное пенсионное страхование в системе формирования длинных денег россиян: социальные механизмы формирования доверия и вовлечённости**» *Е.В. Воеводиной*, канд. социол. наук, доцента, доцента кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ведущего научного сотрудника Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, *Е.Л. Кругловой*, канд. социол. наук, доцента кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ведущего научного сотрудника Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, *А.С. Проскуриной*, канд. социол. наук, доцента кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ведущего научного сотрудника Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, предметом исследования является готовность населения использовать предлагаемые институциональные инструменты формирования длинных денег с целью пенсионного обеспечения. Цель исследования – анализ роли социальных механизмов формирования доверия и вовлечённости населения в практики добровольного пенсионного страхования (ДПС) в поведенческой вовлечённости россиян в эти практики в условиях текущих трансформаций. Авторами отмечается возникающее противоречие между усилиями государств по вовлечению граждан в программы «длинных денег», долгосрочных сбережений с дополнительными гарантиями, и реакцией граждан. В статье оценивается информированность населения в сфере ДПС, исследуется влияние структурных особенностей текущей экономической ситуации на барьеры участия граждан в формировании долгосрочных пенсионных накоплений. На основе проведённого анализа определяются меры с наибольшим потенциалом для управляемости накоплений, их антикризисной устойчивости и возможности использования для создания комфортно-будущего.

В рубрике «**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи, посвящённые социально-экономическим факторам смертности мужчин и женщин в возрасте до 35 лет в Дальневосточном федеральном округе и потерям потенциальных лет жизни от предотвратимой смертности трудоспособного населения Амурской области.

В статье «**Социально-экономические факторы смертности мужчин и женщин в возрасте до 35 лет в Дальневосточном федеральном округе**» *Е.Х. Тухтаровой*, канд. экон. наук, руководителя направления «Моделирование социально-демографических процессов» Восточного центра государственного планирования, *Е.Л. Ли*, канд. экон. наук, руководителя сектора «Качество жизни и демографический потенциал» Восточного центра государственного планирования, дана комплексная оценка социально-экономическим факторам, влияющим на смертность молодёжи в Дальневосточном федеральном округе с детализацией по полу и возрасту. Авторами проанализированы существующие подходы к оценке факторов смертности молодёжи в разрезе пола и возраста в России и за рубежом. Для регионов Дальневосточного федерального округа исследование проведено с привлечением данных за 2017–2022 годы.

В статье показано, с какого возраста социально-экономические факторы оказывают значительное воздействие на смертность молодых мужчин и женщин. Также выявлены главные факторы их смертности. Наряду с этим определено влияние потери работы на показатели смертности, исследована связь уровня образования и риска смертности. В статье рассмотрены факторы, позволяющие существенно снизить риски смертности. Дана сравнительная характеристика социально-экономических факторов смертности у молодых мужчин и женщин Дальневосточного федерального округа.

Статья **«Потери потенциальных лет жизни от предотвратимой смертности трудоспособного населения Амурской области: внутрирегиональные и половозрастные особенности»** *Е.В. Полянской*, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника, директора Дальневосточного научного центра физиологии и патологии дыхания, направлена на исследование территориальной, возрастной и половой структуры потерянных потенциальных лет жизни (ППЖ) по укрупнённым группам предотвратимых причин смерти. Исследование проведено на основе данных о смертности и численности населения Амурской области за 2017–2019 гг. В статье впервые для данного региона выполнена декомпозиция ППЖ по узким пятилетним возрастным группам для населения трудоспособного возраста с дифференциацией по полу, муниципальному образованию и группам предотвратимых причин смерти. В работе проведено оценивание динамики ППЖ по причинам, предотвратимым мерами первичной профилактики, а также по причинам, предотвратимым своевременным выявлением заболеваний и улучшением лечения. Выявлено, что структура возрастного вклада в ППЖ характеризуется выраженными гендерными и территориальными различиями. В статье определены возрастные группы у мужчин и у женщин с наибольшим вкладом в ППЖ. Также установлены муниципальные образования с наиболее и с наименее благоприятной ситуацией по исследуемым характеристикам.

В рубрике **«ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА»** публикуется статья **«Особенности измерения производительности труда в сфере культуры»**, автором которой является *И.А. Николаев*, д-р экон. наук, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук. В статье проанализирована возможность и целесообразность расчета показателя производительности труда для отрасли культуры и в целом для отраслей социальной сферы. Автором проведена аналитическая оценка практики расчёта показателей производительности труда на уровне Росстата и на уровне Минкультуры России. Отмечено, что методологически данный вопрос остаётся недостаточно определённым, формируемые статистические показатели не дают необходимого представления о состоянии дел с производительностью труда как на уровне всей экономики, так и на уровне отраслей социальной сферы, в том числе культуры. В статье на основе проведённого анализа обоснован вывод о допустимости использования показателя валовой добавленной стоимости (ВДС), несмотря на нерыночный характер отрасли, для расчёта уровня производительности труда в сфере культуры, а также показана важность учёта специфики генерируемой в отрасли культуры НДС, источником которой являются, прежде всего, бюджеты всех уровней. Определено, что напрашивающийся вывод о том, что уровень производительности труда в отрасли культуры зависит в определяющей степени от бюджетных возможностей, не должен ставить под сомнение возможность использования НДС для расчёта показателя уровня производительности труда. В статье обоснован вывод о том, что появляющаяся с использованием НДС для расчёта уровня производительности труда в отрасли культуры возможность сравнивать её по данному показателю с другими отраслями должна использоваться очень осторожно в виду высокой вероятности некорректности соответствующих сравнений.

В рубрике **«ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ»** публикуется обращение **«К какому труду в сфере культуры можно применять категорию «производительность труда», а к какому нельзя в логике ее измерения?»** *А.И. Субетто*, д-ра экон. наук, д-ра филос. наук, канд. техн. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора кафедры общественных наук Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, в котором он привлекает внимание читателей журнала к поддержке развертывания научной дискуссии на страницах журнала **«Уровень жизни населения регионов России»** не только вокруг вопроса: «Возможно ли применение экономической категории «производительность труда» к сфере культуры, образования, науки, в целом к социальной сфере, или на «языке» политэкономии – к «сфере духовного производства?», но и вокруг вопроса: «На фоне развития глобальных экологических угроз для будущего человечества может ли и дальше культура подчиняться рынку как механизму развития экономики, и в целом – всё материальное и духовное воспроизводство общества?», в том числе, в аспекте повышения роли культуры в логике исторического развития общества и возвышения качества человека до уровня адекватности и общества, и культуры, соответственно, тем необходимым для развития жизни «ответам», которых требуют «вызовы» XXI века.

В рубрике «**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**» публикуются две статьи, одна из которых посвящена обзору актуального научного дискурса экономистов по труду о дестандартизации занятости по итогам круглого стола в рамках X Санкт-Петербургского международного форума труда (апрель 2026 г.), другая – итогам XIX Всероссийской научной конференции «Ковалевские чтения» (ноябрь 2025 г.).

Статья «**Дестандартизация занятости: тенденции и новые контуры научного дискурса экономистов по труду**» **В.Н. Бобкова**, д-ра экон. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, главного научного сотрудника, заведующего сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики Российской академии наук, **О.В. Вередюк**, канд. экон. наук, доцента Санкт-Петербургского государственного университета, посвящена обзору актуального научного дискурса экономистов по труду о дестандартизации занятости по итогам Круглого стола «Дестандартизация занятости: тенденции и перспективы» в рамках X Санкт-Петербургского международного форума труда, состоявшегося 9 апреля 2026 года. В качестве информационной основы послужили тезисы докладов спикеров Круглого стола. В статье выявлено актуальное видение экономической наукой тенденций и новых контуров дестандартизации занятости, в фокусе которого в 2026 году находятся качество трудовой жизни, благополучие и достойный труд, влияние искусственного интеллекта, дилемма «человекоцентричность – прекаризация», новые формы занятости (в том числе самозанятость), а также государственное регулирование социально-профессиональной структуры населения. Показано, что тематика докладов академических экспертов данного мероприятия Форума труда за последние пять лет чутко отражает сложную и динамичную картину развития научного понимания дестандартизации занятости, раскрывая тесную взаимосвязь между внешней средой и внутренней логикой исследовательского процесса.

В статье «**Обзор по итогам XIX Всероссийской научной конференции «Ковалевские чтения»**», **Р.Р. Закиевой**, д-ра пед. наук, профессора кафедры промышленной электроники Казанского государственного энергетического университета, **Т.П. Жидяевой**, старшего преподавателя кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Алатырского филиала Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, дан обзор докладов, прозвучавших на XIX Всероссийской научной конференции «Ковалевские чтения», проходившей 13–15 ноября 2025 г. в Санкт-Петербургском государственном университете и посвящённой теме «Социология новой современности: проблемы, теории, методы». В статье показаны основные проблемы, прозвучавшие в докладах участников конференции. Отмечено, что особое внимание на конференции было уделено вопросам социальной стратификации, трансформации институтов семьи и образования, влиянию цифровизации на общественные процессы. В статье отражены наиболее интересные доклады участников конференции и отличительные черты XIX Ковалевских чтений.

Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор **В.Н. Бобков**

СТАТЬЯ НОМЕРА

Оригинальная статья

УДК 331.5

JEL J21, J6

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_1_368_379

EDN JUZDVG

(Не)стабильность трудового положения экономически (не)активных лиц в России

Елена Валерьевна Одинцова

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

(odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Аннотация

Цель представленного в статье исследования состояла в выявлении (не)стабильности характеристики трудового положения экономически активных и неактивных лиц в России. Изменения в трудовом положении и качестве занятости работающих, идентифицируемом в парадигме устойчивость – неустойчивость на основе соответствующих индикаторов, прослеживались на интервале 2014–2023 гг. при сопоставлении ситуации в «базовом» 2023 г., фиксирующим текущую ситуацию, с «референсным» 2014 г. На основе микроданных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ рассматривались перемещения между следующими выделенными группами, отражающими имеющееся трудовое положение и качество занятости: I. Занятые в организациях, занятость которых с точки зрения качества характеризуется как: (1.1) устойчивая, (1.2) незащищённая, (1.3) не обеспечивающая экономическую устойчивость домохозяйств и (1.4) неустойчивая; II. Занятые не в организациях (потенциально неустойчивая занятость); III. Безработные (временно незанятые, крайняя форма неустойчивой занятости); IV. Лица за рамками экономической активности. Определены масштабы данных укрупнённых групп экономически (не)активного населения в 2023 г., (не)стабильность положения в данных группах относительно 2014 г., имевшие место перемещения между группами с разным трудовым положением и качеством занятости. Выявлено, что у 59,3% находящихся в состоянии экономической активности и 29,9% находящихся в состоянии экономической неактивности в 2023 г. трудовое положение было нестабильным относительно 2014 г. При этом имевшие место изменения для большинства лиц с нестабильным трудовым положением были связаны с перемещением в рамках «контура уязвимости», т.е. переходами между сегментами занятости низкого качества, включая неустойчивую занятость, временной незанятости (крайняя форма неустойчивой занятости) и экономической неактивности.

Ключевые слова: трудовое положение, качество занятости, нестабильность, неустойчивость, экономическая активность, занятость, безработица, экономическая неактивность

Для цитирования: Одинцова Е.В. (Не)стабильность трудового положения экономически (не)активных лиц в России // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 368–379. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_1_368_379 EDN JUZDVG

RAR (Research Article Report)

JEL J21, J6

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_1_368_379

(In)stability of the Employment Position of Economically (In)active Individuals in Russia

Elena V. Odintsova

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Abstract

The purpose of the research presented in the article was to identify the (in)stability characteristics of the employment position of economically active and inactive individuals in Russia. Changes in the employment position and quality of employment of workers, identified in the sustainability – precarity paradigm based on relevant indicators, were tracked over the period 2014–2023, comparing the situation in the «baseline» year of 2023, which represents the current situation, with the «reference» year of 2014. Based on the microdata of the Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE), the following groups were considered, reflecting the existing employment position and quality of employment: I. Employees in organizations whose employment is characterized as: (1.1) sustainable, (1.2) insecure, (1.3) not ensuring economic sustainability of households, and (1.4) precarious; II. Employees not in organizations (potentially precarious employment); III. Unemployed (temporarily unemployed, an extreme form of precarious employment); IV. Persons outside the economic activity. The scale of these enlarged groups of the economically (non)active population in 2023, the (non)stability of the positioning in these groups relative to 2014, and the movements between groups with different employment position and quality of employment have been determined. It was found that 59.3% of those who were economically active and 29.9% of those who were economically inactive in 2023 had unstable employment position compared to 2014. However, most of those with unstable employment position experienced changes within the «vulnerability contour», which refers to transitions between low-quality employment segments, including precarious employment, temporary unemployment (an extreme form of precarious employment), and economic inactivity.

Keywords: employment position, quality of employment, instability, unsustainability (precarity), economic activity, employment, unemployment, economic inactivity

© Одинцова Е.В., 2026

For citation: Odintsova E.V. (In)stability of the Employment Position of Economically (In)active Individuals in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):368-379. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_1_368_379 (In Russ.)

Введение

Положение населения относительно экономической активности и неактивности является одним из активно разрабатываемых сегментов российских и зарубежных исследований, фокус внимания которых концентрируется на различных аспектах этой проблематики в ракурсе отслеживания происходящих изменений. Один из них связан с мониторинговым наблюдением, выявлением сложившихся тенденций.¹ Другой аспект сопряжён с рассмотрением рынка труда в парадигме стабильности – нестабильности (мобильности). В данном случае в центре внимания исследователей находятся потоки на рынке труда, процессы перемещения между статусами экономической (не)активности, предприятиями, отраслями, регионами и пр., а также связанные с этими процессами социально-экономические последствия и обуславливающие их факторы (см., напр. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]). Результаты данных исследований для России показывают значительную мобильность между основными состояниями на рынке труда (занятость, безработица, неактивность), более слабую подвижность работников бюджетного сектора относительно рыночного, более высокие шансы безработицы для неформально занятых и экономически неактивных [1; 2], относительно низкую межрегиональную и межсекторную мобильность по сравнению со странами Организации экономического сотрудничества и развития [3].

Важным аспектом исследований также является рассмотрение положения занятых и изменений его сравнительной характеристики в зависимости от качества имеющейся занятости, оцениваемого в парадигме устойчивость – неустойчивость, и его последствий для работников и их домохозяйств (см., напр. [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22]). (Не)устойчивость занятости и соответствующая характеристика положения работников определяется наличием и концентрацией различных проявлений (индикаторов) неустойчивой занятости, свидетельствующих о снижении качества занятости, утрате трудовых и социальных прав работников [16]. Применительно к России выявлены масштабы сег-

ментов занятости, различающихся в зависимости от наличия и концентрации индикаторов неустойчивой занятости, риски неустойчивости занятости для разных групп работников, показаны негативные последствия неустойчивой занятости для формирования уровня жизни работников и их домохозяйств и его устойчивости (см., напр. [13; 14; 18; 19; 20; 21]). Вместе с тем данный блок исследований преимущественно связан с изучением особенностей качества занятости и положения работников в соответствующих сегментах в зависимости от имеющейся (не)устойчивости занятости и динамики их масштабов, аспект переходов работников между этими сегментами пока недостаточно проработан. В настоящей работе предпринята попытка восполнить данный пробел в научном дискурсе, расширив ракурс рассмотрения от сферы занятости до безработицы и экономической неактивности для более комплексного отслеживания возможных изменений в положении экономически (не)активных лиц во времени. Научная проблема исследования заключается в необходимости дополнения концептуальной рамки оценивания качества занятости в парадигме устойчивость – неустойчивость аспектом выявления его (не)стабильности, что позволит получать более объёмную картину динамики ситуации с качеством занятости. Актуальность исследования определяется дефицитом соответствующих оценок в условиях расширения дестандартизации занятости, развития её гибких форм, сопровождаемых эрозией качества занятости, а также последствиями изменений в социально-трудовой сфере, статуса экономической (не)активности и качества занятости работающих для качества и уровня жизни экономически (не)активного населения и их домохозяйств.

Объект исследования – лица, находящиеся в состоянии экономической активности или неактивности, *предмет* – трудовое положение экономически активных и неактивных лиц. *Цель* исследования заключалась в выявлении (не)стабильности характеристики трудового положения экономически активных и неактивных лиц в России.

В исследовании решались следующие задачи: обобщить применяемые в авторских исследованиях разработки в части идентификации трудового положения, в том числе с учётом оценивания качества занятости в парадигме устойчивость – неустойчивость; провести оценивание трудового

¹ См., например: Мониторинг доходов и уровня жизни населения России // Институт экономики РАН: [сайт]. URL: <https://inecon.org/novosti/sborniki-nauchnyx-statej/monitoring-doxodov-i-urovnya-zhizni-naseleniya-rossii.html> (дата обращения: 21.07.2026); Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад ЦЕТИ и ЛИРТ НИУ ВШЭ для ЦСР. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 148 с.

положения экономически (не)активных лиц для «базового» года, а также оценить произошедшие изменения относительно «референсного» года, выявив (не)стабильность трудового положения, в том числе качества занятости.

Гипотеза исследования: динамический ракурс анализа позволит уточнить происходившие изменения на рассматриваемом временном отрезке, выделив и оценив масштабы групп экономически (не)активного населения с условно стабильным и нестабильным трудовым положением и качеством занятости.

Теоретические и методологические основы

В данной работе рассматривается не домохозяйственный [23], а индивидуальный уровень трудового положения, под которым понимается положение относительно экономической (не)активности, участия в занятости и её качества. При этом в центре внимания исследования – динамика данного положения, при отслеживании которой акцент делается на перемещениях индивидов в течение наблюдаемого периода времени между следующими укрупнёнными группами экономически (не)активных лиц (таблица 1).

Таблица 1

Укрупненные группы экономически (не)активного населения по их трудовому положению

Table 1

Enlarged Groups of Economically (In)Active Population by Employment Position

I. Занятые в организациях, в том числе имеющие следующее качество занятости:				
Индикаторы качества занятости	Устойчивая занятость (1.1)	Незащищённая занятость (1.2)	Занятость, не обеспечивающая экономическую устойчивость домохозяйств (1.3)	Неустойчивая занятость (1.4)
Занятость на основе устной договорённости без оформления документов; Вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя; Отсутствие оплачиваемого отпуска; Уменьшение работодателем заработной платы или сокращение часов работы; Задолженность по заработной плате; Неофициальная (частично или полностью) заработная плата;	–	V	–	V
Уровень доходов от занятости, не обеспечивающий экономическую устойчивость домохозяйств*	–	–	V	V
II. Занятые не в организациях				V
III. Безработные (временно незанятые)				V
IV. Лица за рамками экономической активности				

Источник: составлено автором.

Группа I. Занятые в организациях. В рамках данной группы с учётом результатов более ранних исследований [18] нами выделяются четыре подгруппы, дифференцированные по качеству занятости. Оно определяется на основе наличия и комбинации индикаторов неустойчивой занятости, верифицированных в предыдущих исследованиях (см., напр. [19]). Занятость, которая сопровождается наличием только индикатора уровня доходов от занятости из перечня рассматриваемых (таблица 1), идентифицируется как не обеспечивающая экономическую устойчивость домохозяйств (группа 1.3). Нормативная граница доходов от занятости², свидетельствующая о (не)устойчивости занятости, определена на основе стандарта покупатель-

ной способности по душевым денежным доходам. Он открывает нижнюю границу идентификации среднеобеспеченного населения³, экономической устойчивости и расширенного воспроизводства уровня жизни [24]. При наличии других индикаторов (исключая уровень доходов от занятости) занятость определяется как незащищённая (группа 1.2). В случае сочетания индикатора уровня доходов от занятости с другими индикаторами условий занятости такая занятость идентифицируется как неустойчивая (группа 1.4). Отсутствие каких-либо индикаторов из рассматриваемого перечня позволяет определить занятость как (условно⁴) устойчивую (группа 1.1).

³ 3,5 прожиточных минимума (ПМ) в 2023 г., 3,4 ПМ в 2014 г.

⁴ В рамках рассматриваемого перечня индикаторов.

² 4,5 прожиточных минимума трудоспособного населения (ПМтр) в 2023 г., 4,3 ПМтр в 2014 г.

Группа II. Занятые не в организациях. Как показывают предыдущие исследования (см., напр., [19]), занятость вне организаций сопряжена с рисками снижения качества занятости работников и наличия индикаторов её неустойчивости. Занятых из данной укрупнённой группы, также как и занятых в организациях из группы (1.4), можно отнести к неустойчиво занятым.

Группа III. Временно незанятые (безработные). Эта категория населения включается нами в число неустойчиво занятых (временная незанятость (безработица) как крайняя форма неустойчивой занятости) (см., напр. [19]), ввиду отсутствия (на период поиска работы) оформленных трудовых отношений, нахождения за рамками устойчивой занятости, отсутствия трудового дохода, который бы обеспечил экономическую устойчивость их домохозяйств.

IV. Лица за рамками экономической активности. Выделение данной категории населения важно с точки зрения отслеживания возможных перемещений между статусами экономической (не)активности на рассматриваемом промежутке времени. Так, например, находящиеся на текущий момент времени в определённой группе экономически активного населения ранее могли находиться за рамками экономической активности, в том числе по возрасту. Кроме того, данная укрупнённая группа экономически неактивных лиц, как показывают более ранние исследования, может включать потенциально теневую (неустойчивую) занятость лиц трудоспособного возраста [19], что также важно с точки зрения оценивания качества занятости и динамики трудового положения.

Для целей выявления изменений характеристики трудового положения в рамках данного исследования нами были выбраны две реперные точки: 2023 г. – в качестве «базового», фиксирующего текущую ситуацию, и 2014 г. – в качестве «референсного», с которым проводилось сравнение. Эмпирическую базу для проведения сравнительного оценивания трудового положения на выбранном временном отрезке составили микро-

данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ⁵ (далее – РМЭЗ). Были востребованы данные 32 волны РМЭЗ (2023 г.)⁶ и 23 волны РМЭЗ (2014 г.). На основе данных массивов были отобраны индивиды, сведения по которым имелись в 32 и 23 волнах РМЭЗ (всего – 4,7 тыс. чел.), для проведения дальнейшего анализа и выявления их трудового положения и его изменения.

Выбранный временной отрезок (почти десятилетний период) и только две реперные точки на нём задают определённые ограничения для интерпретации результатов исследования. Вместе с тем, данный подход позволит выявить, как изменилось трудовое положение россиян за период, в который имели место серьёзные экономические, геополитические и др. процессы, сказавшиеся на рынке труда и сфере занятости: на «выходе» (2023 г., которому предшествовала «адаптация» к последствиям коронакризиса, вызванного пандемией COVID-2019, обострения внешнего санкционного давления на экономику России с 2022 г., перераспределения трудовых ресурсов после начала СВО и мобилизации и пр.) относительно «входа» (2014 г., связанный с предыдущей «волной» усиления внешнего санкционного давления на экономику России).

Результаты исследования

Проведённое оценивание показало, что в 2023 г. у около 80% экономически активного населения (ЭАН) трудовое положение было связано с занятостью в организациях. При этом у большей части из них качество занятости было снижено – она не обеспечивала экономическую устойчивость домохозяйств, была незащищённой или неустойчивой (таблица 2). Ещё 16,6% ЭАН были заняты в неформальном секторе, т.е. их занятость была сопряжена с рисками снижения её качества. 3,2% ЭАН находились в крайней форме неустойчивой занятости (временной незанятости).

Таблица 2

Распределение по трудовому положению экономически (не)активного населения, 2023 г.

Table 2

Distribution of the Economically (In)Active Population, 2023

	В %*	В %**	В %***
I. Занятые в организациях, всего	50,4	80,2	100,0
в том числе имеющие следующее качество занятости:			
(1.1) Устойчивая занятость	4,2	6,7	8,4
(1.2) Незащищённая занятость	2,4	3,9	4,7

⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>.

⁶ В связи с изменением вопросника РМЭЗ в 33 волне (2024 г., являющейся на момент проведения исследования наиболее актуальной) были выбраны данные предыдущей 32 волны для обеспечения сопоставимости оценок.

Окончание Таблицы 2

(1.3) Занятость, не обеспечивающая экономическую устойчивость домохозяйств	30,0	47,7	59,5
(1.4) Неустойчивая занятость	13,8	21,9	27,4
II. Занятые не в организациях	10,4	16,6	
III. Безработные (временно незанятые)	2,0	3,2	
IV. Лица за рамками экономической активности	37,2		

*В % от численности экономически активных и неактивных лиц. **В % от численности экономически активных лиц. ***В % от численности занятых в организациях.

Источник: составлено автором. Оценка на основе данных 32 волны РМЭЗ и Обследования рабочей силы Росстата⁷.

Рассмотрение ситуации в динамическом ракурсе на основе панельного анализа позволяет оценить (не)стабильность фактического трудового положения экономически (не)активных

лиц в 2023 г. относительно 2014 г. и проследить их перемещения между группами с разным трудовым положением и качеством занятости (таблица 3).

Таблица 3

Распределение по трудовому положению в 2023 г. экономически (не)активного населения в зависимости от их трудового положения в 2014 г.

Table 3

Distribution of the Economically (In)Active Population in 2023 by Employment Position, Based on Employment Position in 2014

Трудовое положение в 2014 г. (укрупнённые группы экономически (не)активных лиц)	Трудовое положение в 2023 г.* (укрупнённые группы экономически (не)активных лиц)						
	I. Занятые в организациях, в том числе имеющие следующее качество занятости:**				II. Занятые не в организациях	III. Безработные (временно незанятые)	IV. Лица за рамками экономической активности
	(1.1)	(1.2)	(1.3)	(1.4)			
I. Занятые в организациях, в том числе:**							
(1.1)	26,4	7,1	5,4	3,2	3,1	1,3	1,0
(1.2)	18,1	18,6	2,2	3,7	1,8	0,0	0,4
(1.3)	32,6	24,3	49,2	22,8	14,9	8,9	14,5
(1.4)	16,7	35,7	25,1	32,0	18,0	20,3	8,0
II. Занятые не в организациях	3,5	2,9	4,2	8,0	38,6	15,2	2,8
III. Безработные (временно незанятые)	0,0	4,3	3,9	4,5	7,9	15,2	3,2
IV. Лица за рамками экономической активности***	2,7	7,1	10,0	25,8	15,7	39,1	70,1

* В % по столбцу. ** (1.1) – Устойчивая занятость, (1.2) – Незащищённая занятость, (1.3) – Занятость, не обеспечивающая экономическую устойчивость домохозяйств, (1.4) – Неустойчивая занятость. *** В том числе в возрасте до 15 лет.

Источник: составлено автором. Оценка на основе данных 23 и 32 волн РМЭЗ.

Как следует из данных таблицы 3, среди устойчиво занятых (группа 1.1) в 2023 г. только 26,4% сохранили характеристику устойчивости с 2014 г. С определённой долей ограничений (имея в виду только две рассматриваемые «реперные» точки при отслеживании динамики) занятость

группы (1.1) можно охарактеризовать как стабильно устойчивую, а их трудовое положение – как стабильное. Большинство (73,6%) устойчиво занятых в 2023 г. характеристику устойчивости в аспекте качества занятости приобрели, улучшив своё трудовое положение в 2014–2023 гг. Прежде всего они перешли из сегмента занятости, которая ранее (в 2014 г.) не обеспечивала экономическую устойчивость их домохозяйств (32,6%). У дру-

⁷ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 02.04.2026).

гой части устойчиво занятых в 2023 г. занятость в 2014 г. была незащищённой (18,1%) или неустойчивой (16,7%). Остальные попали в сегмент устойчивой занятости в организациях из неформального сектора (3,5% в 2014 г. были заняты вне организаций) или ранее находились за рамками экономической активности⁸ (2,7%).

Среди тех, чья занятость в 2023 г. характеризовалась как *незащищённая* (группа 1.2), только 18,6% сохранили эту характеристику качества занятости с 2014 г. (стабильно незащищённые), для остальных она является приобретённой. Большинство (60,0%) ранее также были заняты в организациях, но их занятость была неустойчивой (35,7%) или не обеспечивала экономическую устойчивость их домохозяйств (24,3%), т.е. у этой части работающих в рассматриваемый период изменился состав и концентрация индикаторов неустойчивой занятости. У 7,1% находившихся в сегменте незащищённой занятости в 2023 г. трудовое положение относительно 2014 г. ухудшилось – они переместились в этот сегмент из устойчивой занятости. Остальные перешли в сегмент незащищённой занятости в организациях из неформального сектора (2,9%), либо ранее они были безработными (4,3%) или за рамками экономической активности (7,1%).

Сегмент занятости, которая *не обеспечивает экономическую устойчивость домохозяйств* (группа 1.3), почти наполовину являлся стабильным. Среди занятых в этом сегменте 49,2% сохранили данную характеристику качества занятости с 2014 г. Часть занятых в этом сегменте ухудшили своё трудовое положение в 2014–2023 гг., переместившись из сегмента устойчивой занятости (5,4%). Ещё одна группа занятых (25,1%) перешла из сегмента неустойчивой занятости, т.е. они «утратили» часть индикаторов неустойчивой занятости, сохранив только индикатор уровня доходов от занятости. 2,2% оказались в группе (1.3), переместившись из сегмента незащищённой занятости, т.е. ранее у них были другие индикаторы снижения качества условий занятости, которые к 2023 г. «сменил» индикатор уровня доходов от занятости. 4,2% перешли в сегмент занятости в организациях, которая не обеспечивает экономическую устойчивость домохозяйств, из неформального сектора. Остальные ранее были безработными (3,9%) или за рамками экономической активности (10,0%).

Сегмент *неустойчивой занятости* (группа 1.4) являлся стабильным почти на треть (32,0% занятых в организациях в 2023 г. сохранили низкое качество своей занятости с 2014 г.), для остальных неустойчивость занятости стала приобретённой

характеристикой в рассматриваемый период. У менее четверти занятых в 2014–2023 гг. ухудшение качества занятости было связано с увеличением числа индикаторов неустойчивой занятости: в дополнение к индикатору доходов от занятости, который был в 2014 г. (22,8%), появились другие признаки неустойчивой занятости. Ещё 3,7%, которые в 2014 г. находились в сегменте незащищённой занятости, наоборот, в дополнение к другим уже имевшимся индикаторам неустойчивой занятости «приобрели» индикатор уровня доходов от занятости. У 3,2% оказавшихся в 2023 г. в сегменте неустойчивой занятости качество занятости в рассматриваемый период резко ухудшилось: они переместились из сегмента устойчивой занятости, где были в 2014 г. Остальные попали в сегмент неустойчивой занятости в организациях из неформального сектора (8,0%) или ранее находясь за рамками сферы занятости – 4,5% в 2014 г. были безработными (крайняя форма неустойчивой занятости) и 25,8% экономически неактивными.

Неформальный сектор занятости в рассматриваемый период почти на 60% обновился, только для 38,6% занятых в нём в 2023 г. их положение относительно 2014 г. являлось стабильным. Чуть более трети (34,7%) занятых вне организаций в 2023 г. ранее были заняты в организациях и их занятость характеризовалась как незащищённая (1,8%), неустойчивая (18,0%) или не обеспечивающая экономическую устойчивость их домохозяйств (14,9%). 3,1% переместились в неформальный сектор занятости из сегмента устойчивой занятости в организациях. 23,6% попали в неформальный сектор занятости из числа безработных или экономически неактивных лиц.

Среди *безработных* в 2023 г. 45,7% ранее были заняты – в организациях (чаще всего их занятость была неустойчивой, но также есть и имевшие устойчивую или не обеспечивающую экономическую устойчивость домохозяйств занятость) либо вне организаций. 39,1% ранее были за рамками экономической активности, а 15,2% были безработными и в 2014 г.

Большинство (70,1%) лиц, которые были за рамками экономической активности в 2023 г., сохранили свою экономическую неактивность с 2014 г. 26,7% ранее были заняты в организациях или вне их. У занятых в формальном секторе занятость, как правило, была неустойчивой (8,0%) или не обеспечивала экономическую устойчивость их домохозяйств (14,5%). Небольшая группа (3,2%) в 2014 г. были безработными, а в 2023 г. их трудовое положение сменилось на экономическую неактивность.

Обсуждение

Проведённое исследование вносит вклад в изучение качества занятости, положения различ-

⁸ Здесь и далее – в том числе были в возрасте до 15 лет.

ных групп населения относительно сферы занятости и экономической активности, дополняя его динамическим аспектом, связанным с лонгитюдным наблюдением (за одними и теми же объектами во времени), что позволяет добавить определённой глубины в понимание происходящих процессов. Так, замеры численности населения, попавшего в рассматриваемые группы с разным трудовым положением в конкретный год, позволяют выявлять изменение их относительных размеров с течением времени. Например, рассмотрение распределения занятых в организациях по группам в зависимости от качества их занятости в 2014 г. и в 2023 г. (рисунок 1) показывает, что группа устойчиво занятых (1.1) сжалась на

0,4 п.п., группа с незащищённой занятостью (1.2) – на 0,8 п.п., группа с занятостью, не обеспечивающей экономическую устойчивость домохозяйств, (1.3) увеличилась на 9,1 п.п., а группа неустойчиво занятых (1.4) сжалась на 7,9 п.п. При этом, как следует из результатов проведённого оценивания качества занятости для одних и тех же занятых по состоянию на 2014 г. и на 2023 г., в рассматриваемый период произошли, по сути, более существенные изменения. Они связаны с «ротацией» состава соответствующих сегментов занятости, которые за рассматриваемый период обновились на 30–80% в зависимости от выявленного качества занятости в них (таблица 3).

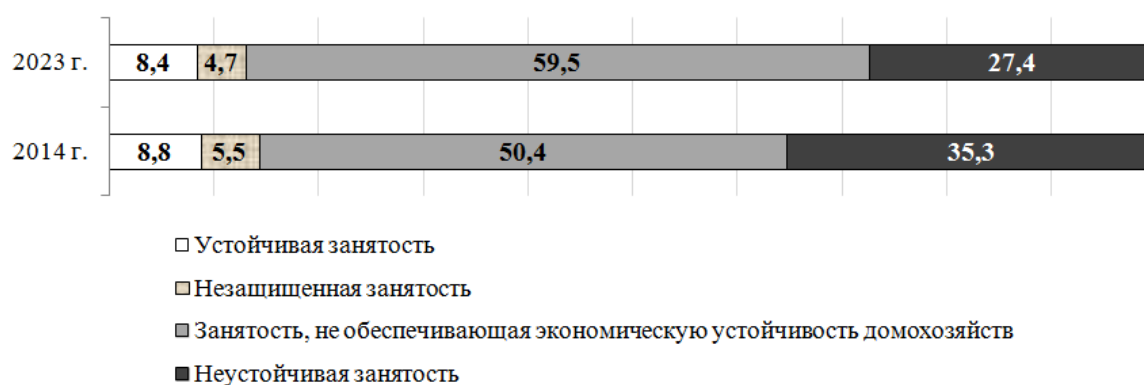

Рисунок 1. Распределение занятых в организациях по качеству их занятости, в 2014 г. и 2023 г., в %
Figure 1. Distribution of Employees in Organizations by Quality of Employment, in 2014 and 2023, in %

Источник: составлено автором. Оценка на основе данных 23 и 32 волн РМЭЗ.

Предложенный в исследовании подход к рассмотрению трудового положения экономически (не)активных лиц и качества занятости работающих в динамическом ракурсе позволяет выявлять их (не)стабильность (изменчивость). Как следует из полученных данных, в 2023 г. («на выходе») трудовое положение у большинства (59,3%) из наблюдаемой выборки изменилось относительно 2014 г. («вход») (рисунок 2). По итогам, среди них 7,1% ухудшили своё положение, переместившись из сегмента устойчивой занятости в сегменты занятости с более низким качеством, в том числе став неустойчиво занятыми. В целом неустойчивость занятости в рассматриваемый период «приобрели» 23,4% из числа ЭАН с нестабильным трудовым положением. 5,2% из числа ЭАН с нестабильным трудовым положением стали безработными, утратив занятость или экономическую неактивность. В целом только для 8,2% из числа ЭАН с нестабильным трудовым поло-

жением изменения в рассматриваемый период стали позитивными, для остальных они были сопряжены со сменой состояний уязвимости – они перемещались между сегментами низкого качества занятости, включая неустойчивую занятость, временной незанятости (крайняя форма неустойчивой занятости) и экономической неактивности.

Только 40,7% ЭАН в 2023 г. сохранили характеристику трудового положения, которая у них была в 2014 г. При этом из них только 4,3% остались в сегменте устойчивой занятости, остальные сохранили те или иные характеристики снижения качества их занятости или остались за её рамками (временная незанятость).

Среди находившихся в 2023 г. за рамками экономической активности большинство (70,1%) сохранили своё трудовое положение относительно 2014 г., а его изменения (29,9%) были связаны, прежде всего, с утратой занятости, качество которой было снижено.

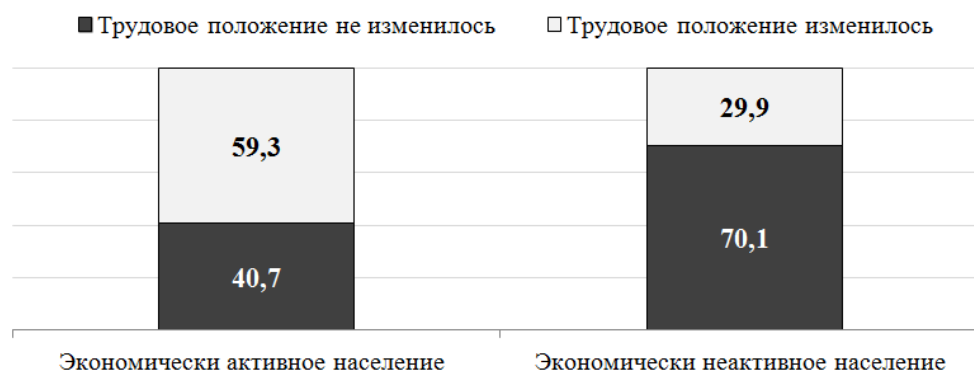

Рисунок 2. Изменение трудового положения экономически (не)активного населения (в 2023 г. относительно 2014 г.)
Figure 2. Changes in the Employment Position of the Economically (In)Active Population (in 2023 Compared to 2014)

Источник: составлено автором. Оценка на основе данных 23 и 32 волн РМЭЗ.

Реализованный в данной работе подход к изучению динамики качества занятости и трудового положения, как уже отмечалось, имеет определённые методологические ограничения: «полнота» анализируемых перемещений обусловлена числом «реперных» точек, на которых они отслеживаются. В данном исследовании возможное приращение знаний о процессах в сфере занятости и её качестве, мобильности экономически (не)активного населения на основе использования такого подхода показано на двух «реперных» точках. Вместе с тем, их увеличение может повысить точность оценок и позволить выстроить более детальные траектории изменений трудового положения экономически (не)активного населения. Так, проведённый дополнительный анализ на отрезке 2014 г. – 2019 г. – 2020 г. – 2023 г.⁹ в частности показал, что среди устойчиво занятых в 2023 г. только порядка 15% имели такое же качество занятости во всех четырёх реперных точках (эту группу можно считать ядром стабильно устойчивых). Среди неустойчиво занятых в 2023 г. у порядка 55% эта неустойчивость сохранилась с коронакризисного 2020 г., из них 60% были неустойчиво занятыми и в докоронакризисном 2019 г., а из них порядка 50% были неустойчиво занятыми уже в 2014 г. (их можно считать ядром стабильно неустойчивых). Среди безработных в 2023 г. менее 20% были безработными в 2020 г. Большинство (более 60%) попали в категорию безработных, будучи в 2020 г. либо неустойчиво занятыми, либо их занятость не обеспечивала экономическую устойчивость их домохозяйств. При этом из числа неустойчиво занятых в 2020 г. более 60% были не-

устойчиво занятыми и в 2019 г., а в 2014 г. они были либо безработными, либо занятыми в сегменте неустойчивой занятости или не обеспечивающей экономическую устойчивость домохозяйств, либо за рамками экономической активности.

Временной интервал, выбранный в данном исследовании, является достаточно большим (почти 10 лет) для отслеживания динамики качества занятости и трудового положения внутри двух реперных точек (2014 г. и 2023 г.). Это накладывает определённые ограничения на выводы о их (не)стабильности. Как подтверждает проведённый дополнительный анализ, на данном интервале «частота» изменений в трудовом положении и качестве занятости может быть различной, превышающей заложенный в концепции исследования «шаг» перехода (2023 г. к 2014 г.). Однако это только актуализирует необходимость дальнейшего более глубокого и детального изучения ракурса изменчивости качества занятости и трудового положения экономически (не)активных лиц. В данном исследовании реализована идея выявить фактическое «состояние» (2023 г.), результирующее все возможные «переходы» на выбранном временном отрезке, относительно «исходного» (2014 г.). Кроме того, длительный период позволяет выявить определённые уже сложившиеся «стратегии». В частности, проведённый дополнительный анализ показал, что за почти десятилетний период среди находившихся на страте (2014 г.) рассматриваемого периода за рамками экономической активности по возрасту к 2023 г. большинство по итогам так и остались за её рамками, но уже не по возрасту. Менее 20% оказались в сфере занятости, но, как правило, это был сегмент неустойчивой занятости.

⁹ В данном случае наблюдаемая выборка сжимается почти до 2 тыс. чел. Оценки на основе данных 23, 28, 29 и 32 волн РМЭЗ.

Изменения в трудовом положении и качестве занятости, на которых фокусируется данное исследование, могут быть обусловлены различными причинами и факторами. Это может быть горизонтальная и/или вертикальная мобильность – смена должности, профессии, места работы (предприятие, регион) и пр. Они могут быть связаны с изменениями на «индивидуальном уровне» – выход на пенсию, завершение обучения, изменение семейного положения и пр., – которые, в свою очередь, приводят к изменениям в экономической (не)активности и качестве занятости. За изменениями в статусе экономической (не)активности и качестве занятости также могут «стоять» «внешние» причины – утрата занятости или ухудшение её условий вследствие негативных изменений «на стороне» работодателя (ухудшение положения или закрытие предприятия). Причины и факторы, определившие соответствующие изменения в трудовом положении экономически (не)активного населения и качестве занятости работающих, оставшиеся за рамками рассмотрения в данной работе, требуют самостоятельного и детального изучения.

Заключение

Результаты проведённого исследования подтверждают важность изучения аспекта (не)стабильности при исследовании трудового положения экономически (не)активных лиц и качества занятости работающих и её (не)устойчивости, масштабы которой оценены для периода 2014–2023 гг. Гипотеза исследования подтвердилась. Научная новизна заключается в выявлении (не)стабильности качества занятости, идентифицируемого на основе наличия и сочетания признаков неустойчивости, в том числе (не)возможности обеспечить экономическую устойчивость домохозяйств работников. Выявлено, что в рассматриваемый период сегмент устойчивой занятости сжался с 8,8% в 2014 г. до 8,4% в 2023 г. (от числа занятых в организациях). При этом состав данного сегмента был стабильным менее чем на 30%. Соответственно, более 70% занятых, которые находились в этом сегменте в 2023 г., приобрели характеристику устойчивости их качества занятости в период с 2014 г. Прежде всего, они перешли из сегментов с разным сочетанием признаков неустойчивой занятости, а также из неформального сектора, либо сменив экономическую неактивность на занятость.

Сегмент незащищённой занятости в 2023 г. сжался до 4,7% относительно 2014 г. на 0,8 п.п., а его состав в данный период обновился более чем на 80%. Главным образом это произошло за счёт перемещения из сегментов неустойчивой или не

обеспечивающей экономическую устойчивость домохозяйств занятости. Сегмент занятости, не обеспечивающей экономическую устойчивость домохозяйств работников, в 2023 г. являлся наиболее массовым (59,5% от занятости в организациях в целом) и относительно 2014 г. увеличился на 9,1 п.п. При этом состав данного сегмента занятости в организациях являлся наиболее стабильным относительно трёх других: почти 50% работников были в этом сегменте в 2014 г., а остальные перешли в него в этот период (чаще всего из сегмента неустойчивой занятости).

Сегмент неустойчивой занятости в рассматриваемый период сжался на 7,9 п.п., составив в 2023 г. 27,4%. При этом состав сегмента неустойчивой занятости почти на 70% обновился относительно 2014 г. В него переместились, главным образом, из сегмента занятости, не обеспечивающей экономическую устойчивость домохозяйств, а также из экономической неактивности.

Неформальный сектор (потенциально неустойчивой) занятости в рассматриваемый период обновился более чем на 60%. Резерв его пополнения был связан, прежде всего, с занятостью, не обеспечивающей экономическую устойчивость домохозяйств работников, неустойчивой занятостью, безработицей и экономической неактивностью. Крайняя форма неустойчивой занятости (временная незанятость) являлась наименее стабильной с точки зрения состава и пополнялась, главным образом, за счёт неустойчивой занятости (в формальном и неформальном секторе) и экономической неактивности.

Полученные результаты исследования свидетельствуют о достаточно высокой нестабильности трудового положения экономически (не)активных лиц, обновляемости сегментов с разным качеством занятости с точки зрения её (не)устойчивости. Это подтверждает результаты других более ранних исследований о мобильности между основными состояниями на рынке труда [1; 2]. Вместе с тем полученные данные уточняют и показывают, что имевшие место изменения для большинства лиц с нестабильным трудовым положением были связаны с перемещением в рамках «контура уязвимости» – переходами между сегментами занятости низкого качества (включая неустойчивую занятость), временной незанятости (крайняя форма неустойчивой занятости) и экономической неактивности.

Полученные результаты имеют практическую значимость, позволяя прорабатывать управленческие решения в области политики занятости, адресованные разным группам экономически (не)активного населения, включая работающих с разным качеством их занятости. Они также мо-

гут быть востребованы для актуализации инструментария мониторинга численности данных групп, имея в виду «обновляемость» их состава, за которой могут «стоять» различные причины и факторы.

Полученные результаты верны для выбранного временного периода с учётом рассматриваемых реперных точек и методологии идентификации трудового положения и качества занятости и её (не)устойчивости. В дальнейших исследованиях целесообразно уточнить полученные результаты для других временных периодов и/или более широкого набора реперных точек. Кроме того, необходимо комплексное изучение причин и факторов, лежащих в основе и обуславли-

ющих смену экономической (не)активности и изменения в качестве занятости работающих. Также актуальным, в том числе с учётом исследований для больших временных интервалов, является аспект изучения изменений в трудовом положении и качестве занятости для разных возрастных (поколенных) групп экономически (не)активного населения. Всё это позволит выявить более детальные траектории перемещений (изменений трудового положения), точные стратегии занятости (экономической активности), обуславливающие их факторы и последствия для устойчивости и стабильности положения домохозяйств с разным составом экономически (не)активных лиц.

Список источников

1. Мобильность и стабильность на российском рынке труда / Н.Т. Вишневецкая, И.Б. Воскобойников [и др.]; под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 529 с. ISBN 978-5-7598-1532-7 EDN YQXQES
2. Гимпельсон В., Шарунина А. Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг. // Экономический журнал ВШЭ. 2015. Том 19. № 3. С. 313–348. EDN UWPILX
3. Вакуленко Е.С. Сравнительный анализ межрегиональной и межсекторной мобильности в России // Экономика региона. 2020. Том 16. Вып. 4. С. 1193–1207. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-13> EDN FUOSPF
4. Hu M., Yi B. The Impact of Heterogeneous Labor Mobility on Income Inequality: A Skill Premium Perspective. *International Review of Economics and Finance*. 2026;108:105231. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2026.105231>
5. Woods T., Nguyen D., Schneider D., et al. Labor Market Pathways to Job Quality Mobility in the Service Sector: Evidence from the «Great Resignation». *Research in Social Stratification and Mobility*. 2024;92:100962. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2024.100962>
6. Fontaine I., Gálvez-Iniesta I., Gomes P., et al. Labour Market Flows: Accounting for the Public Sector. *Labour Economics*. 2020;62:101770. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2019.101770>
7. Chassamboulli A., Fontaine I., Gomes P. How Important Are Worker Gross Flows Between Public and Private Sector? *Economics Letters*. 2020;192:109204. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2020.109204>
8. Wang F., Liang Z., Lehmann H. Import Competition and the Rise of Precarious Employment: Evidence from Individual-Level and Firm-Level Data in China. *Labour Economics*. 2025;97:102803. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2025.102803>
9. Pauls C., Fleischmann M., Klein M., et al. Subjective Household Poverty as a Moderator for the Association Between Employment Precariousness and Mental Health Across Five European Welfare State Types. *SSM – Population Health*. 2024;27:101696. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2024.101696>
10. Park H., Park G.-R., Kim J. Transitioning into and Out of Precarious Employment and Life Satisfaction: Evidence from Asymmetric Fixed Effects Models. *Social Science and Medicine*. 2024;341:116539. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2023.116539>
11. Cuccu L., Royuela V., Scicchitano S. Navigating the Precarious Path: Understanding the Dualisation of the Italian Labour Market Through the Lens of Involuntary Part-Time Employment. *Papers in Regional Science*. 2024;103(6):100061. <https://doi.org/10.1016/j.pirs.2024.100061>
12. Karl M., Staudt A., Vives A., et al. Validation of the Employment Precariousness Scale and Its Associations With Mental Health Outcomes: Results from a Prospective Community-Based Study of Pregnant Women and Their Partners in Dresden, Germany. *British Medical Journal Open*. 2024;14(8):e077206. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2023-077206>
13. Shichkin I.A., Kozhevnikova M.O. The Impact of Precarity on Quality of Employment and Living Standards of Households of the Middle Generation Workers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(3):190–205. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.3.93.11> EDN AKLGEY
14. Popov A.V. Implications of Precarization in the Context of Generational Groups: Direct and Indirect Effects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(6):167–181. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.10> EDN OFOIKT
15. Han W.J., Zhang L. Precarious Parental Employment Conditions and Family Poverty Experiences in the First Six Years of a Child's Life. *Journal of Child and Family Studies*. 2022;31:1106–1120. <https://doi.org/10.1007/s10826-021-02154-4>
16. Бобков В.Н. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения // Народонаселение. 2019. № 2. С. 91–104. <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00018> EDN AXGJGY

17. Бобков В.Н. О концепции проблематики современной экономики труда // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 355–370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_1_355_370 EDN COHNCQ
18. Одинцова Е.В. Оценивание неустойчивой занятости по найму в российском формальном секторе: от уровня работников к уровню домохозяйств // Общество и экономика. 2025. № 8. С. 18–32. <https://doi.org/10.7868/s3034598725080022> EDN COFQGD
19. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Подвойский Г.Л. Устойчивая и неустойчивая занятость в Российской Федерации // Мир новой экономики. 2023. Том 17. № 3. С. 109–124. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-3-109-124> EDN MHZHXM
20. Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2024. 462 с. ISBN 978-5-7777-0938-7 EDN IEJRKS
21. От прекарной занятости к прекаризации жизни. Коллективная монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 364 с. <https://doi.org/10.55604/9785777708861> EDN VOKUSY
22. Кученкова А.В. Прекаризация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 1. С. 101–120. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8840> EDN FSNBZJ
23. Odintsova E.V. Level and Quality of Employment of Households with Children: (Non-)Sustainability and Dynamics in the New Conditions of Russia's Development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2025;18(5):129–142. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.5.101.7> EDN CGTKSP
24. Одинцова Е.В. Об устойчивости уровня жизни российских домохозяйств // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 87–104. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104 EDN AUWQTH

Информация об авторе:

Елена Валерьевна Одинцова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук
(SPIN-код: 1866-4793) (ResearcherID: U-7061-2019)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.07.2026; одобрена после рецензирования 07.08.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. (eds.), et al. Mobility and Stability in the Russian Labour Market. Moscow: HSE Publishing House; 2017. 529 p. ISBN 978-5-7598-1532-7 (In Russ.)
2. Gimpelson V., Sharunina A. Flows in the Russian Labor Market: 2000–2012. *Ekonomicheskij zhurnal VSHE=HSE Economic Journal*. 2015;19(3):313–348 (In Russ.)
3. Vakulenko E.S. Comparative Analysis of Interregional and Intersectoral Mobility in Russia. *Ekonomika regiona=Economy of region*. 2020;16(4):1193–1207. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-13> (In Russ.)
4. Hu M., Yi B. The Impact of Heterogeneous Labor Mobility on Income Inequality: A Skill Premium Perspective. *International Review of Economics and Finance*. 2026;108:105231. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2026.105231>
5. Woods T., Nguyen D., Schneider D., et al. Labor Market Pathways to Job Quality Mobility in the Service Sector: Evidence from the «Great Resignation». *Research in Social Stratification and Mobility*. 2024;92:100962. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2024.100962>
6. Fontaine I., Gálvez-Iniesta I., Gomes P., et al. Labour Market Flows: Accounting for the Public Sector. *Labour Economics*. 2020;62:101770. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2019.101770>
7. Chassamboulli A., Fontaine I., Gomes P. How Important Are Worker Gross Flows Between Public and Private Sector? *Economics Letters*. 2020;192:109204. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2020.109204>
8. Wang F., Liang Z., Lehmann H. Import Competition and the Rise of Precarious Employment: Evidence from Individual-Level and Firm-Level Data in China. *Labour Economics*. 2025;97:102803. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2025.102803>
9. Pauls C., Fleischmann M., Klein M., et al. Subjective Household Poverty as a Moderator for the Association Between Employment Precariousness and Mental Health Across Five European Welfare State Types. *SSM – Population Health*. 2024;27:101696. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2024.101696>
10. Park H., Park G.-R., Kim J. Transitioning Into and Out of Precarious Employment and Life Satisfaction: Evidence from Asymmetric Fixed Effects Models. *Social Science and Medicine*. 2024;341:116539. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2023.116539>
11. Cuccu L., Royuela V., Scicchitano S. Navigating the Precarious Path: Understanding the Dualisation of the Italian Labour Market Through the Lens of Involuntary Part-Time Employment. *Papers in Regional Science*. 2024;103(6):100061. <https://doi.org/10.1016/j.pirs.2024.100061>
12. Karl M., Staudt A., Vives A., et al. Validation of the Employment Precariousness Scale and Its Associations With Mental Health Outcomes: Results from a Prospective Community-Based Study of Pregnant Women and Their Partners in Dresden, Germany. *British Medical Journal Open*. 2024;14(8):e077206. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2023-077206>
13. Shichkin I.A., Kozhevnikova M.O. The Impact of Precarity on Quality of Employment and Living Standards of Households of the Middle Generation Workers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(3):190–205. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.3.93.11>

14. Popov A.V. Implications of Precarization in the Context of Generational Groups: Direct and Indirect Effects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(6):167–181. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.10>
15. Han W.J., Zhang L. Precarious Parental Employment Conditions and Family Poverty Experiences in the First Six Years of a Child's Life. *Journal of Child and Family Studies*. 2022;31:1106–1120. <https://doi.org/10.1007/s10826-021-02154-4>
16. Bobkov V.N. Precarious Employment in the Russian Federation: the State and Directions of Reduction. *Narodonaselenie=Population*. 2019;22(2):91–104. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00018> (In Russ.)
17. Bobkov V.N. On the Concept of the Problems of Modern Labour Economics. *Uroven' Zhizni Naseleniya Regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):355–370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_1_355_370 (In Russ.)
18. Odintsova E.V. Assessment of Precarious Employment in the Russian Formal Sector: From the Level of Workers to the Level of Households. *Obshchestvo i ekonomika=Society and Economics*. 2025;(8):18–32. <https://doi.org/10.7868/s3034598725080022> (In Russ.)
19. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Podvoisky G.L. Sustainable and Precarious Employment in the Russian Federation. *Mir novoi ehkonomiki=The World of the New Economy*. 2023;17(3):109–124. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-3-109-124> (In Russ.)
20. Toshchenko Zh. T. (ed.) *Zhiznennyi Mir Rabotnikov: Ustoichivost' Versus Prekarnost'*. Moscow: Publishing House Ves' mir; 2024. 462 p. ISBN 978-5-7777-0938-7 (In Russ.)
21. Toshchenko Zh.T. (ed.) *From Precarious Employment to Precarious Quality of Life*. Monograph. Moscow: Publishing House Ves' mir; 2022. 364 p. ISBN 978-5-7777-0886-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708861> (In Russ.)
22. Kuchenkova A.V. Employment Precarization and Subjective Well-Being of Employees in Different Age Groups. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 2022;28(1):101–120. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8840> (in Russ.)
23. Odintsova E.V. Level and Quality of Employment of Households with Children: (Non-)Sustainability and Dynamics in the New Conditions of Russia's Development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2025;18(5):129–142. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.5.101.7>
24. Odintsova E.V. On the Sustainability of the Standard of Living of Russian Households. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):87–104. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104 (In Russ.)

Information about the author:

Elena V. Odintsova – PhD in Economics, Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 1866-4793) (ResearcherID: U-7061-2019)
The author declares that there is no conflict of interest.

The article was submitted 22.07.2026; approved after reviewing 07.08.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Оригинальная статья

УДК 330.16

JEL D12, E21, G41

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_2_380_391

EDN KMCMNG

Эмпирический анализ влияния неопределенности на потребительские рынки регионов России

Гульнара Фатыховна Ромашкина¹, Максим Русланович Занчук²

^{1,2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ (gr136@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7764-5566>)

² (zanchuk2001@mail.ru), (<https://orcid.org/0009-0000-9912-1416>)

Аннотация

Последнее десятилетие характеризуется усилением роли фундаментальной неопределённости в экономике России, связанной как с внешними, так и внутренними факторами. Потребительское поведение жителей российских регионов, с одной стороны, находится под влиянием стандартных факторов, описывающих макроэкономическую ситуацию, и, с другой стороны, подвержено паническим ожиданиям и информационной асимметрии. Целью настоящей статьи является исследование влияния воспринимаемой фундаментальной неопределённости на потребительское поведение с использованием теоретических наработок кейнсианской и посткейнсианской научных традиций на примере регионов России. Эмпирический анализ основан на региональных данных Российской государственной статистики за период с 2000 по 2024 год. Основным методом анализа выбрана пошаговая регрессионная модель со случайными эффектами, в которой зависимой переменной выступает средняя склонность к потреблению. В работе проведена проверка различных нелинейных моделей для оценки возможностей учёта неопределённости. Уровень неопределённости оценивался по индексу информационной неопределённости, расчёт которого основывался на упоминаниях в газетах термина «неопределённость». Остальные параметры модели образуют стандартный набор макроэкономических показателей. Основным результатом является подтверждение статистически значимой положительной связи между новостной неопределённостью и средней склонности к потреблению. Сделан вывод, что усиление воспринимаемой неопределённости провоцирует паническое потребление, отражающее повышение склонности к потреблению при сохранении значимости стандартных макроэкономических параметров (ВРП на душу населения, реальный доход и уровень безработицы). Выявлены возможности нелинейного моделирования в описании потребительского поведения на примере регионов России. Приведены примеры моделей, более адекватно описывающих специфику российских регионов. Выявлена высокая значимость региональных различий, отражающих участие в формировании потребительского поведения скрытых региональных факторов. Таким образом, исследование позволило подтвердить на эмпирических данных эвристические возможности посткейнсианской теории для описания динамики потребительского поведения.

Ключевые слова: потребительское поведение, склонность, неопределённость, посткейнсианство, ожидания, панельные данные

Для цитирования: Ромашкина Г.Ф., Занчук М.Р. Эмпирический анализ влияния неопределенности на потребительские рынки регионов России // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 380–391. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_2_380_391 EDN KMCMNG

RAR (Research Article Report)

JEL D12, E21, G41

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_2_380_391

Empirical Analysis of the Impact of Uncertainty on Consumer Markets in Russian Regions

Gulnara F. Romashkina¹, Maksim R. Zanchuk²

^{1,2} Tyumen State University, Tyumen, Russia

¹ (gr136@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7764-5566>)

² (zanchuk2001@mail.ru), (<https://orcid.org/0009-0000-9912-1416>)

Abstract

The last decade has been characterized by an increasing role of fundamental uncertainty in the Russian economy, related to both external and internal factors. The consumer behaviour across Russian regions, on the one hand, is influenced by standard factors, describing the macroeconomic situation, while on the other hand, it is exposed to panic responses and information asymmetry. The purpose of this article is to conduct a study of the impact of perceived fundamental uncertainty on consumer behavior using the theoretical developments of the Keynesian and post-Keynesian scientific traditions, using data from Russian regions. The empirical analysis is based on regional data from the Russian state statistics for the period from 2000 to 2024. The main method of analysis is a stepwise regression with random effects, where the dependent variable is the average propensity to consume. In the study, various nonlinear models were tested to estimate the possibilities of considering uncertainty. The level of uncertainty was assessed on an information uncertainty index, which was calculated based on the mentions of the term «uncertainty» in newspapers. The rest of the parameters formed a standard set of macroeconomic indicators. The main result of the study was the confirmation of a statistically significant positive connection between news uncertainty and the average propensity to consume. It was concluded that increased uncertainty provokes panic consumption, reflecting an increased propensity to consume while maintaining the significance of standard macroeconomic parameters (GRP per capita, real income and unemployment rate). Possibilities for nonlinear modeling were revealed in describing consumer behavior using the example of Russian regions. There were presented the examples of models that describe the specificity of Russian regions more adequately. Highly significant regional differences were

© Ромашкина Г.Ф., Занчук М.Р., 2026

revealed, reflecting the participation of hidden regional factors in the formation of consumer behavior. Thus, the research has confirmed the heuristic possibilities of post-Keynesian theory in describing the dynamics of consumer behavior on empirical data.

Keywords: consumer behavior, propensity, uncertainty, post-Keynesianism, expectations, panel data

For citation: Romashkina G.F., Zanchuk M.R. Empirical Analysis of the Impact of Uncertainty on Consumer Markets in Russian Regions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):380–391. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_2_380_391 (In Russ.)

Введение

В условиях нарастания волатильности экономики под давлением как внешних, так и внутренних факторов, важно понимать факторы, влияющие на потребительское поведение.

Традиционные подходы к объяснению динамики потребительского поведения преимущественно через доходы и доступность благ становятся ограниченными, поскольку не учитывают, что в условиях ускоряющихся изменений создаётся основа для проявлений новых форм поведения и повышения значимости иных факторов. Например, такие подходы не могут объяснить паническое, массовое или демонстративное потребление, противоречащее принципам рациональности выбора. Включение кейнсианской теории позволяет учесть социально-психологические факторы, ожидания и уровень воспринимаемой неопределённости в поведении индивидов [1]. В контексте российской экономики, где макроэкономическая нестабильность, кризисные факторы и структурные реформы создают перманентное поле неопределённости, кейнсианская перспектива позволяет объяснять трансформации потребительских стратегий, не сводящихся к простому риску с известным распределением вероятностей [2].

Целью настоящей статьи является комплексное исследование влияния воспринимаемой фундаментальной неопределённости на потребительское поведение с использованием теоретических наработок кейнсианской и посткейнсианской научных традиций на примере регионов России. Объектом исследования выступают домохозяйства регионов России. Предметом исследования является зависимость средней склонности к потреблению (APC) как индикатора потребительского поведения по статистическим данным за 2000–2024 гг. от стандартных макроэкономических переменных и от индикатора воспринимаемой неопределённости.

Динамика потребительского поведения россиян была рассмотрена С.В. Макаром и А.В. Ярашевой в контексте предположения, что дополнительный доход расширяет доступ к товарам и услугам [3]. Такие гипотезы продолжают логику стандартных макроэкономических подходов.

Однако кризисные обстоятельства выводят на передний план социально-демографические характеристики домохозяйств и их субъективные оценки своего положения в формировании общих параметров потребления [4]. Анализ трендов потребительских расходов населения регионов России, проведённый Е.Я. Пастуховой и соавторами, показал, что в кризисные периоды регионы, отличающиеся среднедушевыми доходами, в одинаковой манере изменяют потребительскую структуру, наращивая потребление продовольствия и отказываясь от расходов на услуги [5]. Возможно, домохозяйства, проживающие в разных регионах, похожим образом оценивают полезность различных благ в ситуации кризиса. Однако не все исследования подтверждают такой вывод. Например, И.М. Шнейдерман и соавторы, изучая региональные различия финансового поведения российских домохозяйств в кризисные периоды показали, что население регионов, располагающее более высоким уровнем дохода, способно интенсивно увеличивать кредитование при сохранении низкого уровня депозитов [6]. По их мнению, различные структурные элементы не обнаруживают целостного единого механизма приспособления к кризисному шоку.

Макроэкономические шоки 2014, 2020 и 2022 годов сопровождалась всплеском потребительских цен и падением объёма розничного товарооборота, отражающих отказ населения от части потребления [7]. Кризисная ситуация вызывала снижение спроса на непродовольственные товары и привела к увеличению доли расходов на питание в структуре потребления домохозяйств. Данная реакция населения на кризисную динамику выражает стратегию экономии на товарах длительного пользования и смещение фокуса внимания на товары первой необходимости. Однако такой механизм адаптации не исчерпывает весь спектр стратегий, выбираемых населением в условиях кризиса.

Адаптация потребительского поведения российского населения в кризисные периоды принципиально не отличается от изменений потребления населения европейских стран [8]. Так, при проявлении неопределённости жители еврозоны

также прибегают к экономии на товарах и услугах и переходят на сберегательный режим поведения. Отказ от потребления на уровне домохозяйств приводит к сокращению совокупного спроса и ухудшению положения предприятий, переводя экономику в негативную фазу экономического цикла. Исследователи отмечали, что более высокой чувствительностью к сигналам неопределённости обладают домохозяйства, относящиеся к нижним доходным децилям.

Несмотря на наличие общемировых трендов в динамике потребления, население некоторых стран иначе приспосабливалось к кризисам. Согласно выводам Ч. Дхакал и соавторов, нестандартную потребительскую реакцию на кризис, вызванный COVID-19, продемонстрировало население США, сокращая расходы на продовольствие в силу разрушения торговых связей между поставщиками продовольствия, вызванных введением административных ограничений и сворачивания деятельности предприятий [9]. М. Закери и соавторы отметили уникальность стратегии сжатия потребления в этот же период в Иране [10]. Во время ковидного кризиса население продолжало потребление продовольствия в прежнем объёме, но сокращало расходы на транспорт, здравоохранение и непродовольственные товары. Однако сила кризисного шока привела к тому, что в последующих периодах население вынуждено было дополнительно сокращать расходы на продовольствие и жильё.

Такие противоречивые оценки потребительских стратегий населения в долгосрочной перспективе требуют дополнительного изучения реальной ситуации на более длинных периодах. На наш взгляд, кейнсианская и посткейнсианская традиции могут послужить качественной основой объяснения эмпирических проявлений влияния кризисных явлений на потребление. В представленном нами исследовании проверялись четыре рабочие гипотезы.

Н1. Склонность к потреблению домохозяйств населения регионов России прямо зависит от среднедушевых денежных доходов населения и ВРП на душу населения.

Н2. Воспринимаемая неопределённость оказывает статистически значимое влияние на склонность к потреблению домохозяйств в условиях экономического кризиса. Если влияние отрицательное, доминирует рациональный тип потребления. Если влияние повышательное, доминирует панический или эмоциональный тип потребительской активности.

Н3. Макроэкономические шоки, такие как рост безработицы и снижение реальных доходов, усиливают негативное влияние на склонность к потреблению.

Н4. Существуют значимые региональные различия во влиянии неопределённости на склонность к потреблению, обусловленные спецификой региональных экономических и социальных условий.

Теоретические и методологические основы

Кейнсианская парадигма и роль ожиданий

Ядром теоретической системы английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946) для понимания потребительского поведения выступает психологический закон, утверждающий, что домохозяйства откликаются на рост дохода меньшим приращением потребления [1]. Соотношение показателя дохода и потребления выражает склонность к потреблению домохозяйства [11]. Кейнс выделял объективные и субъективные факторы, способствующие изменению склонности к потреблению, но логика исследования требует выделить социально-психологические мотивы, среди которых отношение к будущему становится особо значимым для домохозяйств в условиях неопределённости. Ситуация нестабильности сужает возможности прогнозирования и распространяет негативные ожидания, подталкивающие агентов к сокращению потребления и формированию сбережений. Неопределённость становится фактором потребительской динамики [12].

Концепция неопределённости

Дж. М. Кейнс считается одним из первых экономистов, внедрившим концепцию неопределённости в экономический анализ [13]. В кейнсианской теории важно различие между вероятностными исходами и неопределённостью. В первом случае неопределённость порождается активами длительного пользования, поскольку конечный результат их применения является неизвестным в настоящий момент, внося неуверенность в долгосрочные ожидания [1]. Во втором случае неопределённость выступает неотъемлемым свойством общественного развития, события и параметры которого в текущий момент не могут быть предсказаны. В последующем развитии теории неопределённость была названа фундаментальной, тем самым подчёркивая полную невозможность познания будущего в силу отсутствия необходимой информации в настоящий момент. Второй вариант трактовки представляется в рамках статьи более уместным, поскольку жители российских регионов сталкиваются с неопределённостью, обусловленной различными кризисами. Вероятность наступления различных вариантов исходов здесь не может быть определена. Потребительское поведение находится под влиянием воспринимаемой неопределённости, которая не может быть оценена в терминах риска.

Асимметрия информации и иррациональное начало

Информационная экономика не относится напрямую к кейнсианству, но имеет тесную связь с концепцией неопределённости через понятия асимметрии информации и иррациональности поведения [14]. Асимметрия информации, когда одна сторона сделки обладает большим объёмом знаний, чем другая, порождает неопределённость для менее информированной стороны. Информационная неопределённость приводит к массовым отказам потребителей от приобретения товаров и дестабилизации работы рынков. Неопределённость побуждает потребителей проявлять большую осторожность при совершении покупок, сокращать потребление и увеличивать сбережения, что согласуется с кейнсианскими предположениями. В своей совместной работе «Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой» американские экономисты Джордж Акерлоф и Роберт Шиллер, опираясь на идею Кейнса о «животных инстинктах», ввели понятие иррационального начала, которое выражает свойство индивидов действовать под давлением иррациональных мотивов, иллюзий и норм морали, внося существенный вклад в динамику экономики [15]. Одним из возможных проявлений иррациональности, по мнению российского экономиста-социолога В. В. Радаева, также может считаться эмоционально нагруженное потребление, которое выражается в приобретении товаров под давлением эмоций и стресса [16; 17]. В условиях повышенной неопределённости «эмоциональные» аспекты потребления могут усиливаться (как способ справиться со стрессом или эмоциональная реакция на шоковое событие), или подавляться (из-за необходимости экономии).

Посткейнсианские подходы к потреблению

В отличие от неоклассической традиции, Дж. М. Кейнс не строил нормативной модели потребительского выбора, основанной на рациональном расчёте. Его теоретическая система, напротив, указывает на определяющую роль фундаментальной неопределённости и конвенциональных ожиданий, что имплицитно содержит критику модели рационального потребителя [18]. Один из видных представителей посткейнсианства, канадский экономист Марк Лавуа, предложил модель потребительского выбора, учитывающую ограниченную рациональность, привычки и влияние социальной среды, что особенно значимо в условиях фундаментальной неопределённости [19]. Согласно этой модели, потребности индивидов организуются иерархически, в виде пирамиды. Реальный доход при этом выступает ключевым фактором, позволяющим переходить на более высокие уровни потребностей. Марк Лавуа также утверждал, что посткейнсианская теория пот-

ребления противоречит моделям, которые часто встречаются в неоклассической экономической теории. Он подчёркивает важность социальных норм, культурных ценностей и институциональных рамок, которые могут влиять на то, как люди воспринимают свои потребности и принимают решения о покупке. Примерами выступают демонстративное потребление или структура потребления беднейших групп населения. В нашем исследовании мы учитываем восприятие неопределённости не через оценку риска, что можно считать расширение инструментария экономического эмпирического анализа.

Эмпирические данные и модели

На первом этапе нашего исследования была сформирована эмпирическая база по статистическим данным регионов РФ за период с 2000 по 2024 год. Были отобраны показатели, которые признаются кейнсианской теорией основными в определении экономической динамики. Источником основного блока показателей является статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели»¹. Дополнительно были собраны данные по уровню безработицы² и индексу Джини³.

Средняя склонность к потреблению (APC) рассчитана на основе региональных данных по структуре использования денежных доходов. Средний располагаемый доход вычислялся путём умножения доли каждого компонента на показатель среднедушевого денежного дохода за исключением обязательных платежей и взносов. В структуру показателя среднего располагаемого дохода входят покупки товаров и услуг, приобретённая недвижимость, прирост финансовых активов. Средняя склонность к потреблению рассчитана как частное от деления размера покупок товаров и услуг на средний располагаемый денежный доход. Расчёт проводился авторами данной статьи в статистических пакетах SPSS (V32), Gretl.

В работе были построены многомерные регрессионные модели для оценки зависимости средней склонности к потреблению (APC) от внешних переменных. В структуру независимых переменных были последовательно включены: (1) среднедушевые денежные доходы (руб., Q); (2) реальные денежные доходы (% к предыдущему году, RCash); (3) ВВП на душу населения (руб., GRPpc); (4) индекс потребительских цен (% декабрь к декабрю прошлого года, Consumer); (5) общий уровень без-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.12.2025).

² Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 19.11.2025).

³ Неравенство и бедность // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 26.12.2025).

работицы (% от населения 15–72 лет, UnEmpl); (6) индекс Джини (Gini); (7) уровень бедности (PbPl); (8) год наблюдения; (9) регион (reg). Показатели (1–7) числовые, (8) порядковый, (9) номинальный.

На втором этапе в модель был включён индекс информационной неопределённости (UnCert) для выявления влияния неопределённости на среднюю склонность к потреблению.

Данный индекс разрабатывался, чтобы оценить динамику неопределённости на основе статей из ведущих газет по странам Европы и Северной Америки с начала двадцатого века. Выбор показателя объясняется тем, что российские органы статистики не рассчитывают отдельно уровень неопределённости, поэтому используются данные иностранных научных проектов. Кроме того, в отличие от макроэкономических показателей, указывающих косвенно на ситуацию неопределённости, индекс информационной неопределённости напрямую от-

ражает, как общество оценивает текущее состояние экономики. Расчёт индекса опирался на подсчёт количества упоминаний в газетных статьях следующих терминов: «неопределённый», «неопределённость», «экономика», «экономический», «налоги», «бюджет», «регулирование» и др. Расчёт индекса по России производился на основе статей газеты «Коммерсант». Регистрация упоминаний опирается на поиск необходимых статей в цифровых архивах газеты, после которого формируется ежемесячный показатель. В эмпирическую базу вошёл показатель неопределённости за период 2000–2024 год. Подсчёт годового показателя выполнялся за счёт сложения ежемесячных значений. Далее была построена смешанная регрессионная модель с включением фиксированного фактора регион (reg), являющегося номинальной переменной.

Обобщённые данные демонстрируют сильный разброс между регионами (таблица 1).

Таблица 1

Статистические характеристики исходных данных, Россия, 2000–2024 годы

Table 1

Statistical Characteristics of the Initial Data, Russia, 2000–2024

	APC	UnCert	Q	RCash	GRPpc	Consumer	UnEmpl	Gini
Валидные	2091	2116	2091	2088	2001	2093	2095	2086
Среднее	0,80	192,6	22474,5	105,5	428992,7	109,8	7,5	0,4
Медиана	0,81	145,5	19334,0	104,5	228250,0	109,4	6,4	0,4
Станд. откл.	0,1	136,7	19484,3	7,5	859091,9	4,8	5,7	0,0
Асимметрия	-0,83	1,37	2,24	0,79	7,37	0,79	4,44	1,15
Экссесс	1,14	1,12	9,32	1,58	72,38	1,09	30,16	5,14
Минимум	0,22	56,46	587,00	81,6	6667,90	101,10	0,80	0,28
Максимум	1,15	577,14	187687	146	11995394,3	138,70	67,70	0,60

Источник: расчёты авторов на основе данных⁴.

Разведочный анализ данных

Для выявления структуры данных и обоснования выбора спецификации моделей на первом этапе был проведён разведочный анализ (EDA). Анализ выполнен для 85 регионов России за период 2000–2024 годы (таблица 1). Распределение APC (средней склонности к потреблению) близко к нормальному, отрицательная асимметрия (-0,83), указывает на наличие небольшого числа регионов с аномально низкой склонностью к потреблению (северные и дальневосточные территории с высокой долей сбережений).

Динамика годовой средней склонности к потреблению населения различных регионов России приведена на рисунке 1. Как утверждают классические концепции, во время кризисов население стремится сберечь, тем самым снижая долю потребительских расходов в общей структуре. Снижение средней склонности к потреблению от-

ражает указанный эффект. Как правило при снижении абсолютного уровня среднего снижается и его разброс (дисперсия), отображая гомогенность реакции. Однако так происходит не всегда. В отдельные периоды значение средней склонности к потреблению некоторых регионов выше единицы, обозначая превышение потребления над доходом. Предполагается, что потребление, превышающее размер дохода, финансируется за счёт кредитов, которые направляются в сторону приобретения товаров и услуг. Заметно, что во второй половине периода количество регионов, увеличивающих потребление относительно дохода, увеличилось.

Межрегиональные различия APC наиболее выражены в кризисные периоды (рис. 1). Максимальные значения APC (0,8–1,15) демонстрируют регионы Северного Кавказа и юга России (Дагестан, Ингушетия, Чечня, Краснодарский край), что может быть связано с высокой долей теневой экономики, традициями гостеприимства или особенностями статистического учёта. Ми-

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.12.2025).

нимальные значения APC (0,22–0,45) характерны для северных и дальневосточных территорий (Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО, Магаданская область, Камчатский край), где высокая стои-

мость жизни сочетается с более развитой сберегательной культурой. Высокая значимость региональной переменной требует учёта специфически региональных факторов.

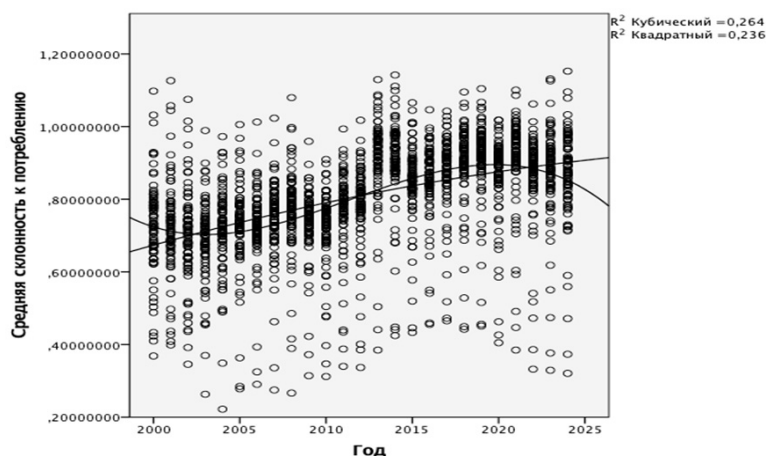

Рисунок 1. Динамика средней склонности к потреблению по регионам. Россия. 2000–2024 гг.
Figure 1. Dynamics of the Average Propensity to Consume by Region, Russia. 2000–2024

Источник: расчёты авторов на основе данных.⁵

Индекс информационной неопределённости демонстрирует сильную правостороннюю асимметрию, что подтверждает целесообразность учёта нелинейности. Минимальное значение соответствует относительно стабильным периодам (например, 2006–2007 гг.), тогда как в кризисные периоды (2009, 2015, 2020, 2022 гг.) индекс резко возрастает. На втором этапе анализа мы протестировали различные виды парных регрессий методом подбора: линейную ($R^2=0,151$), логарифмическую ($R^2=0,221$), обратную ($R^2=0,227$),

экспоненциальную ($R^2=0,119$), составную ($R^2=0,119$), логистическую ($R^2=0,119$), степенную ($R^2=0,176$), квадратичную ($R^2=0,262$), кубическую ($R^2=0,266$) (рисунок 2). Результаты показали, что влияние индекса информационной неопределённости (который может возрасти в сотни раз в короткие периоды) лучше учитывается в обратной, квадратической и кубических полиномиальных моделях. Мы выбрали вариант включения индекса в полином на основе обратной модели ($1/UnCert$).

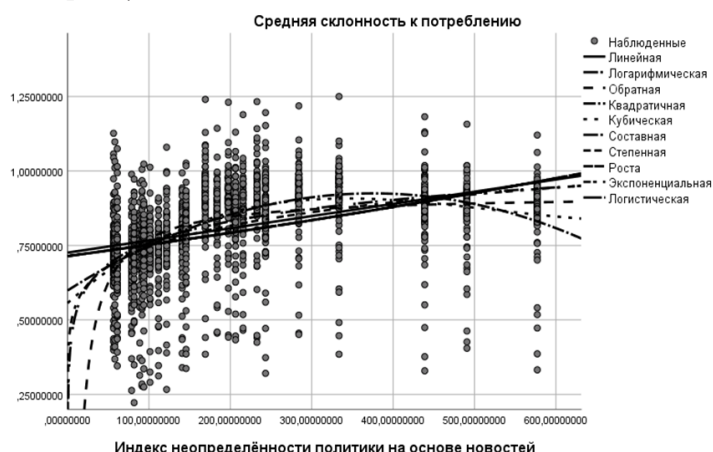

Рисунок 2. Подбор модели для оценки зависимости средней склонности к потреблению от индекса информационной неопределённости (UnCert) по регионам. Россия. 2000–2024 гг.
Figure 2. Model Selection for Estimating the Relationship Between the Average Propensity to Consume and Information Uncertainty Index (UnCert) by Region, Russia. 2000–2024

Источник: расчёты авторов на основе данных.⁶

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.12.2025).

⁶ Там же.

В ситуации, когда склонность к потреблению снижается, возрастает склонность к сбережению (рисунок 3). Статистические годовые данные и дисперсия средней склонности к потреблению отражают резкие колебания (скачки) в течение того же периода, что и обратная величина от индекса информационной неопределённости. Эти данные частично подтверждают гипотезу Н2. Кризисные периоды отличаются от некризисных одновременным снижением средней склонности к потреблению

и её дисперсии, высокой взаимосвязанностью между показателями средней склонности к потреблению и обратного индекса информационной неопределённости. Можно заключить, что жители регионов России схожим образом адаптировались к кризисным шокам, что отражается в снижении дисперсии индекса склонности к потреблению между регионами. Однако после 2022 года тенденция изменилась, показывая нарастание гетерогенности между регионами в склонности к потреблению.

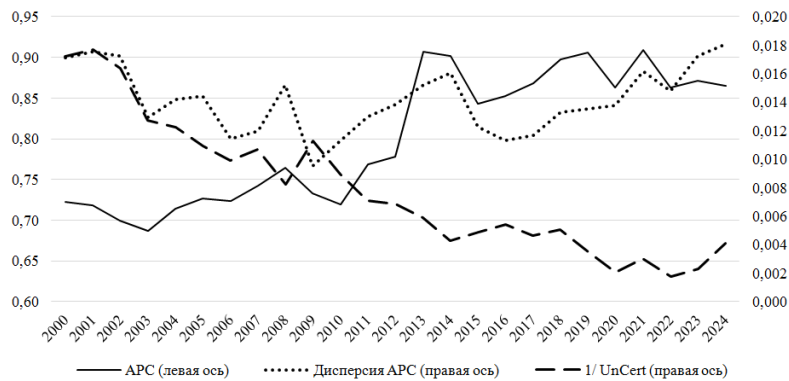

Рисунок 3. Динамика средней склонности к потреблению (APC, левая ось), её дисперсии (правая ось) и 1/(индекс информационной неопределённости) для регионов (1/ UnCert, правая ось). Россия. 2000–2024 гг.

Figure 3. Dynamics of the Average Propensity to Consume (APC, Left Axis), its Variance (Right Axis), and 1/ Information Uncertainty Index (1/ UnCert, Right Axis) for Regions. Russia. 2000–2024

Источник: расчёты авторов на основе данных.⁷

Анализ временных трендов показал, что периоды пиковой неопределённости характеризуются разнонаправленной динамикой воспринимаемой неопределённости и склонности к потреблению. Кризисы 2009 и 2015 годов сопровождаются ростом UnCert и снижением APC, что соответствует классической модели (переход на сбережение). Кризисы 2020 и 2022 годов сопровождаются совместным ростом UnCert и APC, отражая паническое потребление [19]. Смена паттерна после 2020 года может свидетельствовать об изменении поведенческих стратегий населения: в более поздних кризисах доминирует эмоционально нагруженное потребление, что согласуется с гипотезой Н2 о панической потребительской активности.

Распределение макроэкономических предикторов

Стоимостные показатели (среднедушевые доходы Q, ВРП на душу населения) демонстрируют сильную правостороннюю асимметрию и высокий эксцесс (таблица 1), что обусловлено наличием регионов-лидеров (Москва, Санкт-Петербург,

нефтегазовые регионы). Это обосновывает использование логарифмического преобразования данных показателей для нормализации распределения. Высокая корреляция между $\ln(Q)$ и $\ln(GRPpc)$ (по Спирмена=0,93^{***}) потребовала удаление одного из показателей из моделей. Поскольку доходы будут отражены в реальных показателях, мы удаляем из моделей $\ln(Q)$. Проверка на робастность показала, что замена $\ln(GRPpc)$ на $\ln(Q)$ в моделях не изменила знаков, но немного увеличила модуль коэффициентов. Качество модели 1 при замене $\ln(GRPpc)$ на $\ln(Q)$ несколько ухудшилось, но дальнейшие расширения показали большую надёжность использования $\ln(GRPpc)$. Уровень безработицы (UnEmpl) характеризуется крайне высоким эксцессом (30,16) из-за единичных выбросов (максимум 63,1% в Ингушетии в отдельные годы), что требует осторожной интерпретации и проверки робастности результатов при исключении таких наблюдений. Далее из выборки были удалены экстремальные выбросы для Ямало-Ненецкого и Ненецкого АО и проверена робастность результатов через удаление выбросов в отдельные годы для Ингушетии по уровню безработицы.

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.12.2025).

Результаты исследования и их обсуждение

На третьем этапе были сформированы три модели, которые были оценены методом наименьших квадратов, методом подбора и максимального правдоподобия. Модель 1 предназначена для оценки воздействия кейнсианских факторов на среднюю склонность к потреблению. Модель 2

включает в себя параметры предыдущей модели, но расширяется за счёт индикаторов неопределённости (таблица 2). Модель 3 добавляет случайный фактор региональных различий, который позволит оценить вклад ненаблюдаемых особенностей регионов в формирование склонности к потреблению (таблица 3).

$$APC(i,t) = A + B1 * RCash(i,t) + B2 * UnEmpl(i,t) + B3 * Ln(GRPpc(i,t)) + eps, \quad (\text{Модель 1})$$

$$APC(i,t) = A + B1 * RCash(i,t) + B2 * UnEmpl(i,t) + B3 * Ln(GRPpc(i,t)) + B4 / UnCert(i,t) + B6 * Consumer(i,t) + B7 * Gini(i,t) + eps, \quad (\text{Модель 2})$$

$$APC(i,t) = A + B1 * RCash(i,t) + B2 * UnEmpl(i,t) + B3 * Ln(GRPpc(i,t)) + B4 / UnCert(i,t) + B6 * Consumer(i,t) + B7 * Gini(i,t) + B7 * reg(i) + eps, \quad (\text{Модель 3})$$

$$APC(i,t) = APC(i,t-1) + B1 * RCash(i,t) + B2 * UnEmpl(i,t) + B3 * Ln(GRPpc(i,t)) + B4 / UnCert(i,t) + B5 * Consumer(i,t) + B6 * Gini(i,t) + eps, \quad (\text{Модель 4})$$

где i – номер региона, t – год, eps – случайная ошибка.

Гипотеза H1 утверждает, что склонность к потреблению домохозяйств населения регионов России прямо зависит от среднедушевых денежных доходов населения и ВРП на душу населения.

Оценки модели 1 показывают понижающее влияние уровня безработицы ($UnEmpl$), динамики денежных доходов ($RCash$) на склонность к потреблению (таблица 2).

Таблица 2

Оценки параметров панельной регрессии без учёта фиксированных эффектов. Россия. 2000–2024 гг.

Table 2

Estimates of Panel Regression Parameters without Fixed Effects. Russia. 2000–2024

Модель 2. Хи-квадрат отношения правдоподобия = 1198,5, $p < 0,0001$

Параметр	B_i	ст. ошибка	t-статистика	p
Модель 1. $N = 1993$, Within $R^2 = 0,351$, ст. ошибка = 0,088; AIC = -3945; DW=0,447; F = 343				
Константа (A)	1,02	0,0628	16,29	0,000***
RCash	-0,004	0,0003	-11,82	0,000***
UnEmpl	-0,011	0,0008	-12,23	0,000***
Ln(GRPpc)	0,021	0,0029	7,149	0,000***
Модель 2. $N = 1990$, Within $R^2 = 0,473$, ст. ошибка = 0,079; AIC = -4353; DW=0,595; F = 283				
Константа (A)	2,095	0,097	21,47	0,000***
RCash	-0,003	0,0003	-9,168	0,000***
UnEmpl	-0,01	0,0008	-12,41	0,000***
Ln(GRPpc)	-0,057	0,0054	-10,47	0,000***
1/ UnCert	-19,86	1,1	-18,05	0,000***
Gini	0,24	0,086	2,787	0,005***
Consumer	0,0001	0,0006	0,2	0,84

Примечание: зависимая переменная APC (Средняя склонность к потреблению)

N – число использованных наблюдений, число периодов 24; *** – максимальный уровень значимости

Источник: расчёты авторов на основе данных.⁸

Введение в модель индекса неопределённости приводит к смене знака при $Ln(GRPpc)$. В кризисы ВРП падает, а неопределённость растёт. Мы можем предположить, что без прямого учёта индекса информационной неопределённости ВРП на

душу населения «захватывает» неопределённость, поэтому эффект положительный. Если эффект неопределённости выделен отдельно, мы видим чистый эффект кейнсианской модели – богатые сберегают больше. Чем выше неопределённость, тем больше доля потребления. Рост уровня безработицы, снижение неравенства и положительная

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.12.2025)

динамика реальных доходов снижают склонность к потреблению. Введение инфляции в модель 2 излишне, поскольку эта переменная незначима (таблица 2).

Включение регионов в панельную одношаговую модель 3 с фиксированными эффектами позволяет улучшить параметры (таблица 3). Региональный аспект не изменил отрицательное влияние динамики дохода, ВРП на душу населения на склонность к потреблению, что приводит к отвержению гипотезы Н1. Можно предположить, что возрастающий фактор не-

определённости провоцирует краткосрочный рост потребления, но в долгосрочной перспективе домохозяйства направляют прирост доходов на сбережения. Но знак при коэффициенте Джини поменялся на отрицательный. Отметим, что регионы России отличаются по уровню неравенства, поэтому фиксированный учёт регионального фактора элиминировал влияние регионального неравенства. Инфляция остаётся незначимой, демонстрируя слабое восприятие потребления. Выявленные тенденции позволяют принять гипотезу Н3.

Таблица 3

Оценки параметров модели 3 панельной регрессии с учётом фиксированных эффектов по регионам. Россия. 2000–2024

Table 3

Estimates of Model 3 of Panel Regression, Taking into Account Fixed Effects by Regions. Russia. 2000–2024

Параметр		B	Стандартная ошибка	t-статистика	p
Константа (A)		3,72	0,297	12,51	0,000***
Предикторы	RCash	-0,003	0,00001	-9,060	0,000***
	UnEmpl	-0,01	0,0007	-12,85	0,000***
	Ln(GRPpc)	-0,063	0,005	-11,39	0,000***
	1/ UnCert	-18,63	1,11	-16,76	0,000***
	Gini	-0,163	0,08	-7,459	0,05*
	Consumer	0,001	0,0004	0,26	0,79
Фикс. фактор	Reg(Регион)			-15,78	0,000***

Примечание: зависимая переменная APC (средняя склонность к потреблению)

N = 1990, Within R²=0,796, ст. ошибка = 0,078; AIC = -4489; DW=0,593; F = 252***

$\chi^2=3009,98$, $p<0,001$

Критерий гипотезы χ^2 Вальда, воздействие конкретных регионов на переменную исключены.

Источник: расчёты авторов на основе данных.⁹

Одним из важных результатов является высокая значимость региональных различий для определения динамики средней склонности к потреблению в российских регионах ($\chi^2=3009,98$, $p<0,001$). Территориальные различия тяжело теоретически обобщить, но они способны формировать основную тенденцию в потребительском поведении. Показатель региональных различий, включённый в третью модель, выражает название каждого конкретного региона.⁹

Для учёта инерционности потребительского поведения была оценена динамическая панельная модель с лагированной зависимой переменной APC(-1) (таблица 4). Коэффициент при APC(-1)

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.12.2025).

положителен и высокосзначим (B = 0,50), что подтверждает наличие эффекта привычки: половина предыдущего уровня склонности к потреблению сохраняется в текущем периоде. Сохранение знаков при коэффициентах модели подтверждает робастность. Ключевой результат модели, это подтверждение гипотезы Н2 о паническом потреблении: рост неопределённости (снижение 1/UnCert) значимо повышает APC (B = -5,21). При этом реальные доходы (RCash) и ВРП на душу населения регионов России имеют отрицательные коэффициенты (B = -0,0023 и -0,017 соответственно), что полностью соответствует психологическому закону Кейнса, потребление растёт медленнее дохода, поэтому APC снижается при экономическом росте.

Таблица 4

Оценки параметров динамической модели панельной регрессии. 2000–2024

Table 4

Parameter Estimates of the Dynamic Panel Regression Model. 2000–2024

	B	Ст. ошибка	z	p
APC(-1)	0,5	0,04	11,59	0,000***
RCash	-0,0023	0,0004	-5,73	0,000***
UnEmpl	-0,0078	0,002	-3,81	0,000***
Ln(GRPpc)	-0,017	0,01	-1,47	0,086*
1/ UnCert	-5,21	2,32	-2,24	0,013**
Consumer	-0,002	0,0005	-4,68	0,000***
Gini	0,367	0,111	3,31	0,0009***

$N = 1812$. Тест на AR(1) ошибки: $z = -8,522$ [0.0000]. Тест на AR(2) ошибки: $z = 0,093$ [0.93].

Тест на сверхидентификацию Саргана (Sargan) χ^2 -статистика отн. ст.св. = 2,86

Сумма кв. остатков 8,64, ст. ошибка модели 0,04

Источник: расчёты авторов на основе данных.¹⁰

Уровень безработицы и инфляция снижают APC ($B = -0,0078$ и $-0,002$ соответственно), отражая превентивное сберегательное поведение. Индекс Джини, напротив, положительно связан с APC ($B = 0,367$), что может объясняться ростом доли бедных слоёв населения в регионах с высоким неравенством. Спецификационные тесты подтверждают валидность инструментов (тест Саргана, $\chi^2 = 2,86$, $p > 0,05$). Стандартная ошибка модели составляет 0,04, что соответствует 5% от среднего значения APC. Тест на AR(2) не отвергает нулевую гипотезу ($p > 0,05$), что подтверждает корректность спецификации.

Заключение

Эмпирический анализ позволил проверить выдвинутые гипотезы, показать значимость учёта эффектов неопределённости.

Влияние ВРП на душу населения и динамики дохода на склонность к потреблению сильно зависит от вида модели, что требует дальнейшего исследования (возможно, действует эффект перманентного дохода) в регионах России с самыми высокими значениями ВРП на душу населения. Удаление выбросов и выравнивание данных не изменило знаков коэффициентов моделей. Поэтому нами был сделан вывод о том, что гипотеза **H1** не подтверждена.

Информационные потоки, отражающие нестабильность экономической ситуации, значительно повышают склонность к потреблению населения регионов России, что можно интерпретировать как подтверждение гипотезы **H2**.

Уровень безработицы устойчиво снижает склонность к потребительскому поведению во всех спецификациях, что подтверждает гипотезу **H3**.

Модели с фиксированными и случайными эффектами демонстрируют высокую объясняющую способность, что указывает на необходимость учёта региональных различий в свою очередь подтверждает гипотезу **H4**.

Научная новизна результатов заключается в эмпирической проверке теоретических положений посткейнсианства. На основе статистических данных были проверены модели оценки влияния индекса информационной неопределённости (новостной частоты) на склонность к потреблению в российских регионах на панельных данных за 24 года с учётом стандартных макроэкономических параметров. Было показано, что включение индикатора воспринимаемой неопределённости повышает объясняющую способность моделей.

Динамическая панельная модель (модель 4) является наиболее адекватной спецификацией для описания потребительского поведения в российских регионах. Коэффициент при APC(-1) подтверждает высокую инерционность поведения, а отрицательные знаки при показателях доходов эмпирически подтверждают «психологический закон» Кейнса. Положительное влияние обратного индекса неопределённости на APC отражает паническое потребление в ответ на рост новостной неопределённости. Для нас важно, что полученные результаты устойчивы к спецификации и подтверждаются тестами на валидность инструментов. Однако содержательная интерпретация полученных результатов требует дополни-

¹⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.12.2025)

тельных эмпирических и теоретических исследований, включая экспертное знание.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на углублённый анализ различных видов неопределённости. Последующая исследовательская работа может выстраиваться вокруг работ Радаева и Акерлофа/Шиллера для

конкретизации связи, выстраивающейся между сигналами неопределённости и эмоциональным потреблением. Для более точного отражения процессов рекомендуется расширить спектр информационных источников, учитывающихся при расчёте индекса информационной неопределённости.

Список источников

1. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процент и денег. Москва: Эксмо, 2022. 960 с. ISBN 978-5-04-166327-8
2. Lavoie M., Seccareccia M. L'économie Post-Keynésienne, Une pensée Hétérodoxe Méconnue? *Revue Interventions Économiques*. 2022;67:1-22. <https://doi.org/10.4000/interventionseconomiques.16208>
3. Макара С.В., Ярашева А.В. Потребительское поведение россиян: возможности и приоритеты // *Народонаселение*. 2022. Том 25. № 4. С. 68–78. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.6> EDN MONYFA
4. Hristov H., Millard J., Pravst I., et al. European Household Spending and Socio-Economic Impacts on Food Behavior During the First Wave of COVID-19. *Frontiers Nutrition*. 2022;9:869091. <https://doi.org/10.3389/fnut.2022.869091>
5. Пастухова Е.Я., Бельчик Т.А., Кочнева О.П. Доходы, бедность и потребительские расходы населения регионов: долгосрочные тренды и факторы влияния // *Вопросы управления*. 2023. Том 17. № 3. С. 5–18. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-5-18> EDN ZEFYNP
6. Шнейдерман И.М., Ярашева А.В., Макара С.В. Финансовое поведение населения России: региональные различия // *Вопросы статистики*. 2021. № 28. № 6. С. 59–68. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-6-59-68> EDN YVMCDB
7. Гулюгина А.А. Потребительские расходы и покупательная способность населения России в условиях санкций: уровень, структура, кризисные проявления // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 4. С. 530–542. <https://doi.org/10.52180/1999-983620242044530542> EDN GIYUZU
8. Manou K., Papapetrou E. Does Uncertainty Matter for Household Consumption? A Mean and a two Tails Approach? *Journal of Economics and Finance*. 2025;49(4):909–941. <https://doi.org/10.1007/s12197-025-09727-9>
9. Dhakal C., Acharya B., Wang S. Food Spending in the United States During the First Year of the COVID-19 Pandemic. *Frontiers in Public Health*. 2022;10:1-7. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.912922>
10. Zakeri M., Radfar A., Bayati M., et al. Lessons from the Pandemic: An Interrupted Time Series Analysis of Food and Non-Food Household Expenditures in Iran. *BMC Public Health*. 2025;25(1):1-9 <https://doi.org/10.1186/s12889-025-25230-6>
11. Drakopoulos S.A. The Marginalization of Absolute and Relative Income Hypotheses of Consumption and the Role of Fiscal Policy. *The European Journal of the History of Economic Thought*. 2021;28(6):965–984. <https://doi.org/10.1080/09672567.2021.1946120>
12. Drakopoulos S.A. Theories of Consumption. *MPRA Paper*. 2021:108215.
13. Комаровская Н.В. Определяя неопределённость // *Вопросы теоретической экономики*. 2025. № 1(26). С. 51–64. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2025_1_51_64 EDN FDEIFZ
14. Stiglitz J.E. The Contributions of the Economics of Information to Twentieth Century Economics. *The Quarterly Journal of Economics*. 2000;115(4):1441–1478. <https://doi.org/10.1162/003355300555015>
15. Акерлоф Дж., Шиллер Р. *Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой*. М.: Юнайтед Пресс, 2010. 273 с. ISBN 978-5-904522-33-9
16. Радаев В.В. Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть первая: теоретические основы // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 5(177). С. 202–220. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2491> EDN NLPXRX
17. Радаев В.В. Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть вторая: эмпирические оценки особенностей, факторов и финансовых последствий // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 6(178). С. 17–34. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2501> EDN QXWMFD
18. Drakopoulos S.A. Post-Keynesian Economics: New Foundations by Marc Lavoie Chapter 2: Theory of Choice. *Review of Political Economy*. 2023;35(4):1034-1044. <https://doi.org/10.1080/09538259.2023.2208064>
19. Lavoie M.A. Post Keynesian Approach to Consumer Choice. *Journal of Post Keynesian Economics*. 1994;16(4):539-562. <https://doi.org/10.1080/01603477.1994.11489999>

Информация об авторах:

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор, Тюменский государственный университет (SPIN-код: 7764-5566) (ResearcherID: O-7221-2017) (Scopus Author ID: 57219916692)

Занчук Максим Русланович – аспирант, Тюменский государственный университет (SPIN-код: 9904-4280)

Заявленный вклад авторов:

Ромашкина Г.Ф. – научное руководство, концепция исследования, формулировка гипотез, редактирование текста, интерпретация результатов.

Занчук М.Р. – сбор и обработка данных, эконометрическое моделирование, подготовка таблиц и рисунков, написание первоначального варианта статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Ромашкина Гульнара Фатыховна.

Статья поступила в редакцию 31.04.2026; одобрена после рецензирования 23.06.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Keynes D. General Theory of Employment, Interest and Money. Moscow: Publishing House Eksmo; 2022. 960 p. ISBN 978-5-04-166327-8 (In Russ.)
2. Lavoie M., Seccareccia M. L'économie Post-Keynésienne, Une pensée Hétérodoxe Méconnue? *Revue Interventions Economiques*. 2022;67:1-22. <https://doi.org/10.4000/interventionseconomiques.16208>
3. Makar S.V., Yarasheva A.V. Consumer Behavior of Russians: Opportunities and Priorities. *Narodonaselenie=Population*. 2022;25(4):68-78. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.6> (In Russ.)
4. Hristov H., Millard J., Pravst I., et al. European Household Spending and Socio-Economic Impacts on Food Behavior During the First Wave of COVID-19. *Frontiers in Nutrition*. 2022;9:869091. <https://doi.org/10.3389/fnut.2022.869091>
5. Pastukhova E.YA., Belchik T.A., Kochneva O.P. Monetary Incomes, Poverty and Consumer Expenditures in the Regions: Long-Term Trends and Impact Factors. *Voprosy Upravleniya=Management Issues*. 2023;17(3):5-18. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-5-18> (In Russ.)
6. Shneiderman I.M., Yarasheva A.V., Makar S.V. Financial Behavior of the Russian Population: Regional Differences. *Voprosy Statistiki=Bulletin of Statistics*. 2021;28(6):59-68. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-6-59-68> (In Russ.)
7. Gulyugina A.A. Consumer Spending and Purchasing Power of the Russian Population Under Sanctions: Level, Structure, Crisis Manifestations. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):530-542. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_4_530_542 (In Russ.)
8. Manou K., Papapetrou E. Does Uncertainty Matter for Household Consumption? A Mean and a two Tails Approach. *Journal of Economics and Finance*. 2025;49(4):909-941. <https://doi.org/10.1007/s12197-025-09727-9>
9. Dhakal C., Acharya B., Wang S. Food Spending in the United States During the First Year of the COVID-19 Pandemic. *Frontiers in Public Health*. 2022;10:1-7. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.912922>
10. Zakeri M., Radfar A., Bayati M., et al. Lessons from the Pandemic: An Interrupted Time Series Analysis of Food and Non-Food Household Expenditures in Iran. *BMC Public Health*. 2025;25(1):1-9. <https://doi.org/10.1186/s12889-025-25230-6>
11. Drakopoulos S.A. The Marginalization of Absolute and Relative Income Hypotheses of Consumption and the Role of Fiscal Policy. *The European Journal of the History of Economic Thought*. 2021;28(6):965-984. <https://doi.org/10.1080/09672567.2021.1946120>
12. Drakopoulos S.A. Theories of Consumption. *MPRA Paper*. 2021;108215.
13. Komarovskaya N.V. Defining Uncertainty. *Voprosy Teoreticheskoi Ekonomiki=Issues of Economic Theory*. 2025;((1)26):51-64. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2025_1_51_64 (In Russ.)
14. Stiglitz J.E. The Contributions of the Economics of Information to Twentieth Century Economics. *The Quarterly Journal of Economics*. 2000;115(4):1441-1478. <https://doi.org/10.1162/003355300555015>
15. Akerlof J., Shiller R. *Spiritus Animalis: How Human Psychology Drives the Economy, and Why it Matters for Global Capitalism*. Moscow: Publishing House United_Press; 2010. 273 p. ISBN 978-5-904522-33-9 (In Russ.)
16. Radaev V.V. Emotionally Loaded Consumption in Modern Russia. Part One: Theoretical Basis for Research. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;(5):202-220. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2491> (In Russ.)
17. Radaev V.V. Emotionally Loaded Consumption in Contemporary Russia: Specific Features, Main Factors and Financial Consequences. Part 2: Empirical Estimates. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;(6):17-34. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2501> (In Russ.)
18. Drakopoulos S.A. Post-Keynesian Economics: New Foundations by Marc Lavoie. Chapter 2: Theory of Choice. *Review of Political Economy*. 2023;35(4):1034-1044. <https://doi.org/10.1080/09538259.2023.2208064>
19. Lavoie M. A Post Keynesian Approach to Consumer Choice. *Journal of Post Keynesian Economics*. 1994;16(4):539-562. <https://doi.org/10.1080/01603477.1994.11489999>

Information about the authors:

Gulnara F. Romashkina – Doctor of Sociology, Professor, Tyumen State University (SPIN-code: 7764-5566) (ResearcherID: O-7221-2017) (Scopus Author ID: 57219916692)

Maksim R. Zanchuk – Postgraduate Student, Tyumen State University (SPIN-code: 9904-4280)

Authors' declared contribution:

Gulnara F. Romashkina, scientific supervision, research concept, hypothesis formulation, text editing, interpretation of results.

Maksim R. Zanchuk – data collection and processing, econometric modeling, preparation of tables and figures, writing the initial draft.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for correspondence is Gulnara F. Romashkina.

The article was submitted 31.04.2026; approved after reviewing 23.06.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Оригинальная статья

УДК 331.5

JEL A13, B52, J21, O17

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_3_392_408

EDN LBKNFR

Неформальная занятость в цифровой экономике: институциональные ловушки и социальные риски

Наталья Юрьевна Кауфман¹, Светлана Юрьевна Зеленцова²

^{1,2} Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

¹ (ntrus@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-7385-9276>)

² (svetlana-zel@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-6803-3082>)

Аннотация

В условиях происходящих изменений, актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией рынка труда, порождающей новые гибридные формы занятости, которые развиваются быстрее формирования адекватной нормативно-правовой базы, что создаёт предпосылки для расширения неформальной занятости в цифровой среде, сопряженной с масштабными социальными рисками. Теоретической основой выступает неинституциональная экономическая теория (Д. Норт), методологический аппарат включает институциональный, системный и эволюционный подходы, методы классификации, статистического и сравнительного анализа, матричного моделирования. Эмпирическую базу составили данные Росстата, ФНС, экспертные оценки фискальных потерь, а также результаты отечественных и зарубежных исследований. Цель работы – выявление и анализ ключевых институциональных ловушек, обуславливающих устойчивость неформальной занятости в цифровой экономике, и систематизация порождаемых ими социальных рисков. Авторами в статье поставлены и решены следующие задачи: концептуализировано понятие «неформальная занятость в цифровой экономике» с позиций институциональной экономической теории; систематизированы и классифицированы институциональные ловушки, характерные для цифровой среды; определены социальные риски, ассоциированные с выявленными ловушками; сформулированы ориентиры для институциональных изменений. В результате исследования выявлены четыре ключевые институциональные ловушки неформальной занятости в цифровой экономике: правовой неопределённости, псевдосамостоятельности, гибкости как принуждения и платформенного посредничества. На основе проведённого анализа сформирована матрица социальных рисков и установлено, что совокупное действие выявленных ловушек порождает системные последствия на индивидуальном (снижение защищённости), групповом (рост неравенства, деградация коллективных форм защиты и солидарности) и общесистемном (фискальные потери) уровнях, консолидируя слой «цифрового прекариата». Практическая значимость исследования заключается в обосновании направлений институциональных изменений, направленных на преодоление выявленных ловушек: дифференциация правовых статусов работников, совершенствование механизмов переквалификации гражданско-правовых отношений, обеспечение прозрачности цифрового посредничества и поддержка новых форм коллективной защиты. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической верификацией предложенных механизмов и разработкой методик оценки эффективности институциональных преобразований в сфере регулирования цифровой занятости.

Ключевые слова: неформальная занятость, цифровая экономика, институциональные ловушки, социальные риски, платформенная занятость, цифровой прекариат

Для цитирования: Кауфман Н.Ю., Зеленцова С.Ю. Неформальная занятость в цифровой экономике: институциональные ловушки и социальные риски // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 392–408. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_3_392_408 EDN LBKNFR

RAR (Research Article Report)

JEL A13, B52, J21, O17

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_3_392_408

Informal Employment in the Digital Economy: Institutional Pitfalls and Social Risks

Natalya Yu. Kaufman¹, Svetlana Yu. Zelentsova²

^{1,2} Surgut State University, Surgut, Russia

¹ (ntrus@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-7385-9276>)

² (svetlana-zel@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-6803-3082>)

Abstract

In the context of the ongoing changes, the relevance of the study is due to the rapid digitalization of the labour market, which generates new hybrid forms of employment, which are developing faster than the formation of an adequate regulatory framework, which creates the prerequisites for the expansion of informal employment in the digital environment, associated with large-scale social risks. The theoretical basis is neoinstitutional economic theory (D. North), the methodological framework includes institutional, systemic and evolutionary approaches, methods of classification, statistical and comparative analysis, matrix modeling. The empirical basis of the study was made up of data from Rosstat, the Federal Tax Service, expert estimates of fiscal losses, as well as the results of domestic and foreign studies. The aim of the study is to identify and analyze the key institutional traps that determine the sustainability of informal employment in the digital economy, and systematize the social risks generated by them. The study pursues four objectives: the concept of «informal employment in the digital economy» is developed a conceptual definition from the standpoint of institutional economic theory; systematized and classified institutional traps characteristic of the digital environment; social risks associated with identified traps are identified; guidelines for institutional change are formulated. The study identified four key institutional traps of informal employment in the digital economy: legal uncertainty,

© Кауфман Н.Ю., Зеленцова С.Ю., 2026

bogus self-employment, flexibility as coercion, and platform intermediation. Based on the analysis, a social risk matrix was developed and it was established that the cumulative effect of the identified traps generates systemic consequences at the individual (greater vulnerability), group (growing inequality, degradation of collective forms of protection and solidarity) and system-wide (fiscal losses) levels, consolidating the «digital precariat» layer. The practical significance of the study lies in the justification of the directions of institutional changes aimed at overcoming the identified pitfalls: differentiation of the legal status of employees, improving mechanisms for the reclassification of civil-law contracts as employment relationships, ensuring the transparency of digital mediation and support for new forms of collective protection. The prospects for further research are related to the empirical verification of the proposed mechanisms and the development of methods for assessing the effectiveness of institutional transformations in the field of the regulation of digital employment.

Keywords: informal employment, digital economy, institutional traps, social risks, platform employment, digital precariat

For citation: Kaufman N.Yu., Zelentsova S.Yu. Informal Employment in the Digital Economy: Institutional Pitfalls and Social Risks. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):392–408. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_3_392_408 (In Russ.)

Введение

Стремительная цифровизация экономических процессов трансформирует глобальный и национальные рынки труда, порождая новые, зачастую гибридные формы занятости. Платформенная экономика, фриланс, удалённая работа и проектный труд, с одной стороны, открывают возможности для гибкости, самозанятости и снижения транзакционных издержек. С другой стороны, они становятся питательной средой для расширения неформальной занятости, обретающей в цифровой среде новые, институционально не урегулированные формы.

Эта трансформация происходит быстрее, чем развивается соответствующая нормативно-правовая база, что создаёт предпосылки для формирования институциональных ловушек – устойчивых неэффективных норм, которые воспроизводятся, несмотря на их негативные последствия. Выход работников в «цифровую тень» сопряжен с масштабными социальными рисками: утратой гарантий трудовых прав, социальной защиты, доступа к легальному кредитованию и пенсионному обеспечению, что в долгосрочной перспективе угрожает устойчивости социально-трудовой сферы и повышает нагрузку на государственный бюджет.

Проблематика неформальной занятости, цифровой трансформации труда детально изучена в работах отечественных и зарубежных учёных, которые исследовали её причины, масштабы и структуру в индустриальном и постиндустриальном контексте. Однако научный пробел заключается в недостаточной проработке взаимосвязи между институциональными особенностями цифровой экономики и воспроизводством неформальных практик, также в комплексной оценке формирующихся социальных рисков не как побочного эффекта, а как системного следствия новых институциональных ловушек.

В экономике существует понятие «рабочая сила», которое представляет собой совокупность

лиц, предлагающих свой труд для производства товаров и услуг, и охватывает две ключевые категории: занятых и безработных. Критерием отношения к занятым служит наличие рабочего места, реализуемое через формальное членство в производственном коллективе, осуществление индивидуальной трудовой или предпринимательской деятельности. Важно отметить, что статус занятого сохраняется за работником на основании заключённого трудового договора (оформленных трудовых отношений) даже в периоды его временного отсутствия на рабочем месте (очередной отпуск, болезнь, командировка) [1].

Изучение неформальной занятости имеет прочную теоретическую традицию, восходящую к работам К. Харта [2], заложившего основы концепции «неформального сектора». В российской науке фундаментальный вклад в изучение масштабов, структуры и функций неформальной занятости внесли В.Е. Гимпельсон и Р.И. Капелюшников [3], обосновавшие её роль как адаптационного механизма российского рынка труда, а также Е.С. Узякова [4], связавшая неформальность со структурными дисбалансами. В своём исследовании она показывает, что неформальность – это не пережиток прошлого, а активно воспроизводящийся элемент, тесно связанный с проблемами структурного несоответствия спроса и предложения труда.

Проблема неформальности на рынке труда описывается в научном дискурсе множеством терминов («недекларируемая», «неофициальная», «нерегулируемая», «неформальная» занятость и пр.), что отражает сложность и многогранность самого феномена. Несмотря на терминологическое разнообразие в научных источниках, в качестве международных статистических стандартов были утверждены лишь два: «занятость в неформальном секторе» и «неформальная занятость» [5]. Эти категории, разработанные Международной организацией труда (МОТ), представляют собой последовательные этапы эволюции подходов

к измерению неформальности – от методологии 1990-х годов к более совершенной системе 2000-х.

Согласно МОТ¹, существуют следующие ключевые критерии:

- для работников по найму: отсутствие письменного договора, социального страхования (пенсионного, медицинского), оплачиваемого отпуска, защиты от необоснованного увольнения;
- для работодателей и самозанятых: ведение деятельности без государственной регистрации и/или без уплаты соответствующих налогов и сборов.

Ф. Адэр, следуя рекомендациям МОТ, рассматривает неформальную занятость как занятость, не охваченную трудовым и социальным законодательством (отсутствие контракта, соцгарантий), которая может существовать как в формальном, так и в неформальном секторе [6].

С развитием цифровых технологий фокус исследований сместился в сторону новых форм занятости. В работах Г.Л. Воронина и А.Д. Крамера [7] неформальная занятость рассматривается как условие становления прекариата. Н.В. Закалюжная [8] анализирует трансформацию трудовых отношений в цифровую эпоху, подчёркивая разрыв между динамикой технологических изменений и инертностью правового регулирования, что создаёт институциональный вакуум, в котором возникают новые гибридные формы занятости, не вписывающиеся в традиционные правовые конструкции.

Концептуальные основания исследования прекаризации заложены в работах Ж.Т. Тощенко [9], обосновавшего появление нового социального класса – прекариата, а также В.Н. Бобкова, Е.В. Одинцовой и В.И. Рязанцева [10] предложивших индикаторы прекаризованной занятости и выявивших её межпоколенные особенности. И.А. Волкова и Т.А. Галынчик [11] показывают, что прекаризация ведет к обесцениванию человеческого капитала, снижая мотивацию работников к профессиональному развитию.

Региональные исследования дополняют макроэкономический анализ микроуровневыми данными. Так, Р.Р. Ураев, А.С. Круль и Г.Р. Валиева [12], фиксируют, что в Республике Башкортостан цифровая неформальная занятость становится для многих респондентов осознанным выбором, связанным со стремлением к самостоятельности и гибкому графику. В.В. Одегов, Д.О. Шерстяков и Е.А. Шумилина [13], обосновывают значимость региональной дифференциации структуры занятости, а Э.О. Илларионова [14] в своём исследова-

нии акцентирует внимание на гендерных аспектах трансформации занятости в условиях цифровизации, показывая, что новые формы занятости создают возможности для уязвимых групп, но одновременно несут риски усиления неравенства.

Зарубежные исследователи (А. Elias, G.M. Gomez [15], J. Drahokoupil, A. Piasna, W. Zwysen [16]) подчёркивают, что цифровые платформы выступают активными институциональными акторами, формирующими новые нормы социально-трудовых отношений и выводящими их за пределы национального трудового законодательства.

Несмотря на значительный объём накопленного знания, представленного в работах как общероссийского, так и регионального уровня, в научной литературе сохраняется пробел в системном анализе взаимосвязи между специфическими институциональными характеристиками цифровой среды (алгоритмическое управление, пользовательские соглашения, рейтинговые системы) и устойчивым воспроизводством неформальных практик.

Исследования, рассмотренные выше, фиксируют наличие новых форм неформальной занятости, их распространение в регионах, связь с кризисными явлениями и гендерную специфику, однако они не предлагают единой теоретической рамки, объясняющей, почему эти формы устойчиво воспроизводятся, несмотря на декларируемые государством цели легализации и социальной защиты. Настоящее исследование предлагает заполнить этот пробел, рассматривая неформальную занятость в цифровой экономике не как совокупность отклонений, а как результат функционирования самоподдерживающихся институциональных ловушек, что позволяет объяснить эффект блокировки и обосновать направления институциональных изменений.

Следовательно, актуальность исследования обусловлена развитием неформальной занятости в условиях развития гиг-экономики и цифровизации, которые формируют новый взгляд на рынок труда и появление новых профессий, предусматривающих не только стандартную занятость в офисе, но и расширение платформенной занятости, фриланса. Цифровые средства упрощают коммуникативные каналы взаимодействия работодателя и работника, формируя различные вариации такого взаимодействия и в то же время они несут определённые риски.

Цель исследования – выявить и проанализировать ключевые институциональные ловушки, обуславливающие устойчивость и институционализацию неформальной занятости в условиях цифровой экономики, а также систематизировать порождаемые ими социальные риски.

¹ Доклад Международной организации труда о статистике неформального сектора // ООН: [сайт]. URL: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/53rd-session/documents/2022-24-InformalEcoStats-R.pdf> (дата обращения: 27.03.2026).

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- Концептуализировать понятие «цифровая неформальная занятость» в рамках институциональной экономической теории.

- Систематизировать и классифицировать институциональные ловушки, характерные для цифровой среды (ловушка «правовой неопределённости», «псевдосамостоятельности», «гибкости как принуждения», «платформенного посредничества»).

- Определить социальные риски (снижение уровня социально-трудовой защищённости, рост социально-экономического неравенства, деградации коллективных форм защиты и солидарности, фискальных потерь и нагрузки на бюджетную систему), ассоциированные с выявленными ловушками.

- На основе сравнительного анализа зарубежного и российского опыта регулирования сформулировать ориентиры для институциональных изменений, направленных на минимизацию выявленных рисков.

Объект исследования – социально-трудовые отношения, складывающиеся в сфере цифровой занятости.

Предмет исследования – институциональные механизмы воспроизводства неформальной занятости и связанные с ними социальные риски.

Гипотеза исследования заключается в том, что рост неформальной занятости в цифровой экономике обусловлен не только технологическими изменениями, но и формированием устойчивых институциональных ловушек, которые, будучи взаимосвязанными, создают системные социальные риски, выходящие за рамки индивидуальных потерь работников.

Теоретические и методологические основы

Настоящее исследование выполнено в рамках неинституциональной экономической парадигмы, что обусловлено необходимостью анализа не только формальных правил регулирования занятости, но и неформальных практик, складывающихся в цифровой среде, и сочетает качественную (институциональный анализ, концептуализация) и количественную (статистический анализ, оценка масштабов) стратегии. Работа представляет собой теоретико-прикладное исследование, построенное на логике последовательной декомпозиции цели: от концептуализации явления к выявлению его институциональной структуры (ловушек) и далее – к оценке системных последствий (рисков).

Методологическую основу работы составил комплекс взаимодополняющих подходов. Институциональный подход (в традициях Д. Норта) позволил рассмотреть неформальную занятость

как результат взаимодействия формальных правил и неформальных ограничений, а также применить концепт «институциональных ловушек» для объяснения устойчивости существующих практик в цифровой среде. Системный подход обеспечил рассмотрение рынка труда как целостной системы, где изменения в одном сегменте (цифровая занятость) влекут трансформацию всей конфигурации социально-трудовых отношений. Эволюционный подход использован для анализа трансформации форм неформальности по мере цифровизации экономики – от традиционной к цифровой.

В работе использован комплекс методов, соответствующих поставленным задачам:

- Теоретический анализ и синтез применены для систематизации научных подходов к определению неформальной занятости, выявления теоретического пробела и концептуализации понятия «цифровая неформальная занятость». Проанализированы фундаментальные труды отечественных (Г.Л. Воронин, В.Е. Гимпельсон, С.В. Дорошенко, А.А. Зудина, Р.И. Капелюшников, А.Д. Крамер, Е.С. Узякова) и зарубежных авторов (S. Baghaie, S. Sajadi Mohammad, K. Hart, X. Lei, A. Kelishomi Moghaddasi, R. Nistico, R. Wang), а также современные публикации по проблемам платформенной занятости и прекаризации труда (Д.Г. Бычков, И.А. Волкова, Т.А. Галынчик, Е.Е. Гришина, С.Ю. Зеленцова, М.И. Имамвердиева, Н.Ю. Кауфман, А.А. Колесник, Н.В. Локтюхина, О.А. Феоктистова О.А., Е.Л. Филатова).

- Метод классификации и типологизации использован для выделения и систематизации институциональных ловушек неформальной занятости в цифровой экономике. На основе анализа:

1. Нормативных правовых актов (Трудовой кодекс РФ², Федеральный закон № 422-ФЗ о налоге на профессиональный доход³).

2. Научной литературы по институциональной экономике и цифровой занятости (Н.В. Заколюжная, В.В. Браткова, Е.А. Курносова, И.Н. Мыслева, Д.А. Оганесян, О.В. Сорокина, Е.Л. Филатова, М.А. Anwar, A. Elias, W.H. Dutton, V. Heimburg, G.M. Gomez, M. Graham, M. Wiesche).

Были выделены четыре устойчивых типа ловушек, различающихся по источнику возникновения и механизму воспроизводства: правовой неопределённости, псевдосамостоятельности, гибкости как принуждения, платформенного посредничества.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025 № 532-ФЗ).

³ Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ (ред. от 28.11.2025 г. № 425-ФЗ) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход».

– Статистический и экономико-статистический анализ применялся для оценки масштабов и динамики неформальной занятости в РФ. Эмпирическую базу составили: официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат)⁴; аналитические отчёты⁵ и данные оценки фискальных рисков теневой занятости и перспективы совершенствования налогового администрирования в сфере цифровой занятости⁶.

– Метод сравнительного анализа использован для сопоставления различных подходов к регулированию цифровой занятости в российской и зарубежной практике, что позволило обосновать предложения по институциональным изменениям. Сравнительный анализ включал:

1. Анализ российской практики регулирования: оценка эффективности эксперимента по налогу на профессиональный доход (Д.Г. Бычков, Е.Е. Гришина, С.В. Дорошенко, Н.В. Локтюхина, О.А. Феоктистова), анализ пробелов в трудовом законодательстве в сфере платформенной занятости (Н.В. Заколюжная, И.Н. Мыслева, оценка рисков подмены трудовых отношений статусом самозанятого (А.В. Алексеевская, И.Ю. Ваславская), анализ практик алгоритмического управления в российских платформах (Г.Р. Баймурзина, Е.Л. Филатова, Е.А. Черных).

2. Анализ подходов к легализации неформальной занятости зарубежных стран (Р. Adair, A. Moghaddasi Kelishomi, R. Nistico, V. Heimbürg, M. Wiesche).

– Метод моделирования и матричный анализ применён для построения авторской матрицы социальных рисков, в которой каждый тип институциональной ловушки соотнесён с четырьмя ключевыми группами рисков: снижение уровня социально-трудовой защищённости, рост социально-экономического неравенства, деградация коллективных форм защиты и солидарности, фискальные потери. Оценка уровня риска (высокий, средний, низкий) проводилась на основе синтеза статистических данных и результатов качественных исследований, в том числе:

⁴ Труд и занятость в России 2025 // Росстат: [сайт]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 27.03.2026); Комплексное наблюдение условий жизни населения // Росстат: [сайт]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html (дата обращения: 27.03.2026).

⁵ Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Федеральная налоговая служба: [сайт]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 27.03.2026).

⁶ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов // Минфин России: [сайт]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=308751-osnovnye_napravleniya_byudzhethoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_na_2025_god_i_na_planovyi_period_2026_i_2027_godov (дата обращения: 27.03.2026).

1. Для оценки снижения уровня защищённости использованы данные Комплексного наблюдения условий жизни населения (Росстат) о доле работников, не имеющих письменного трудового договора, оплачиваемого отпуска и социальных отчислений, а также результаты исследований В.Н. Бобкова, В.В. Братковой, Е.В. Одинцовой, В.И. Рязанцева, О.В. Сорокиной и др., в которых предложены индикаторы прекаризованной занятости (отсутствие трудового договора, неофициальный доход, отсутствие социальных гарантий).

2. Для оценки уровня роста социально-экономического неравенства использованы данные Росстата о дифференциации доходов населения в разрезе форм занятости, а также исследования М.Н. Дудина о влиянии цифрового неравенства на социально-экономическое развитие регионов и исследования Г.Р. Баймурзиной, Е.А. Черных о разрыве в доходах между ключевым и периферийным персоналом цифровых платформ.

3. Для оценки уровня деградации коллективных форм защиты и солидарности использованы результаты исследований В.Н. Бобкова, Е.В. Одинцовой, В.И. Рязанцева, выявившие невозможность применения традиционных институтов защиты прав работников в условиях цифровой неформальной занятости, а также исследования А. Elias, G.M. Gomez о блокировке самоорганизации работников алгоритмическим управлением.

4. Для оценки уровня фискальных потерь использованы данные Федеральной налоговой службы о численности самозанятых и объёме начисленных налогов, экспертные оценки Председателя Комитета Совета Федерации по бюджету А.Д. Артамонова, а также исследования С.В. Дорошенко, А.В. Алексеевской, И.Ю. Ваславской о налоговых потерях при подмене трудовых отношений статусом самозанятости.

Синтез указанных источников позволил присвоить каждому типу институциональной ловушки качественную оценку уровня соответствующего риска (высокий, средний, низкий), что нашло отражение в авторской матрице социальных рисков (таблица 3).

В рамках настоящего исследования анализ проводится на макроуровне с фокусом на общероссийские институциональные тенденции, что обусловлено необходимостью концептуализации самого феномена цифровой неформальной занятости и выявления универсальных механизмов воспроизводства институциональных ловушек. Региональная дифференциация (различия в уровне безработицы, отраслевой структуре, практике внедрения цифровых платформ в субъектах РФ) представляет собой самостоятельный вектор дальнейших исследований и требует отдельного

эмпирического анализа с привлечением региональных статистических данных и качественных полевых исследований.

Результаты исследования и их обсуждение

В институциональной перспективе неформальная занятость – это не просто статистическая категория, а следствие устойчивых неэффективных норм – «ловушек», закрепляющих разрыв между формальным законодательством и реальными практиками. В контексте цифровой экономики эти ловушки приобретают специфические черты, трансформируясь в модели «платформенной неформальности», где отсутствие гарантий идеологически маскируется под атрибут гибкости и предпринимательской самостоятельности.

Анализ эмпирических данных подтверждает, что в условиях системной трансформации российской экономики неформальная занятость (теневая), сформировалась в качестве спонтанного, но эффективного компенсаторного механизма. Она выступала инструментом оперативной подстройки рынка труда к кризисным шокам: высвобождаемые из формального сектора (различных организаций) работники абсорбировались теневой экономикой, что предотвращало обвалный рост безработицы и позволяло сохранять видимость стабильности в сфере занятости [17]. Отметим, что данный процесс не следует смешивать с занятостью в легальном неформальном секторе (индивидуальные предприниматели, самозанятые), которая, хотя и создаёт повышенные риски перехода в тень, сама по себе не является теневой.

Критерии отнесения к неформальной занятости, используемые Росстатом, базируются на отсутствии официальной регистрации как самого

хозяйствующего субъекта, так и трудовой деятельности индивида. В эту категорию попадают, с одной стороны, наёмные работники неформальных предприятий, а с другой – лица, занятые самостоятельно без надлежащего оформления. Наибольшая концентрация таких работников традиционно фиксируется в отраслях с низким порогом входа и высокой долей самозанятости: сельское хозяйство, торговля, строительство и услуги.

В рамках данного исследования под неформальной занятостью (теневой) понимаются трудовые отношения, полностью или частично скрытые от государственного регулирования и налогообложения, характеризующиеся отсутствием социальных гарантий, пенсионных прав и формального договорного оформления. В отличие от этого, категория «занятые в неформальном секторе», используемая в официальной статистике Росстата, охватывает легальную экономическую деятельность физических лиц (индивидуальных предпринимателей, самозанятых, лиц, работающих по найму у физических лиц), которая сама по себе не является теневой, но создаёт институциональную среду с повышенными рисками перехода в неформальность. Поэтому динамика занятости в неформальном секторе может рассматриваться как косвенный индикатор потенциала распространения теневых практик в цифровой экономике.

По данным официальной статистики в России численность занятых в неформальном секторе в 2024 г. составляла 15,2 млн человек (рисунок 1), их уровень в общем числе занятых составил 20,5%. На протяжении 5 лет, с 2020 года доля занятых в неформальном секторе в общей численности занятости остаётся на уровне 20%, незначительно снизившись в 2023 году до 18,3%.

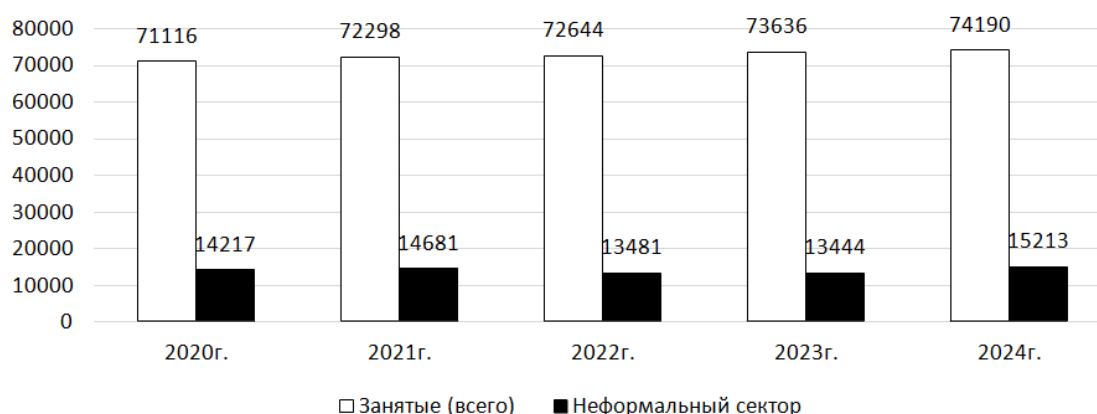

Рисунок 1. Статистика занятых, в т.ч. в неформальном секторе за 2020–2024 гг., тыс. чел.

Figure 1. Employment Statistics, Including in the Informal Sector for 2020–2024, Thousand People

Источник: Федеральная служба государственной статистики.⁷

⁷ Труд и занятость в России 2025 // Росстат: [сайт]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 27.03.2026).

Весь комплекс причин сложившейся динамики увеличения неформальной занятости можно разделить на статистико-структурные, экономические и институционально-поведенческие факторы.

1. Статистико-структурные факторы. Согласно методологии Росстата, к занятым в легальном неформальном секторе относятся три основные группы: работники, занятые у индивидуальных предпринимателей; самозанятые, применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»; лица, работающие по найму у физических лиц (домохозяйств). Наблюдался взрывной рост числа самозанятых – это главный структурный драйвер, так, по данным ФНС, на конец октября 2024 года в России было зарегистрировано 11,7 млн самозанятых, что на 33% больше, чем годом ранее.

2. Макроэкономические факторы. К ним относятся высокая инфляция и дорогие кредиты, а также оптимизация налоговой нагрузки, когда работодатели активно переводят сотрудников на схемы с самозанятостью или выплачивают часть зарплаты «в конверте», такая мера позволяет формально снизить расходы на персонал, но для работника оборачивается потерей социальных гарантий.

3. Институциональные факторы и трансформация трудовых отношений. Данная проблема характеризуется политикой служб занятости и подменой трудовых отношений оформлением работника в качестве самозанятого. Формально такой работник приобретает легальный статус (уплачивает налог на профессиональный доход), однако фактически продолжает трудиться в режиме полного рабочего дня с подчинением правилам внутреннего распорядка работодателя, что позволяет последнему обходить требования Трудового кодекса об отпусках, больничных и социальных гарантиях. В итоге, человек выходит из статуса безработного, но его реальная занятость и доходы более не контролируются государством, пополняя сектор неформальной экономики. А также преобладает развитие платформенной занятости: цифровые платформы (Яндекс.Такси, Ozon, Wildberries, Avito и др.) создают миллионы рабочих мест, но значительная часть этих мест приходится именно на самозанятых или тех, кто совмещает такую деятельность с основной работой. Однако институционально эти отношения остаются в «серой зоне» между наёмным трудом и предпринимательством, что и фиксируется статистикой как рост неформальности.

4. Социальные риски как обратная сторона роста. В контексте данной проблемы со

стороны работников – это потеря социальных и пенсионных прав, со стороны государства происходят потери бюджета. Председатель Комитета СФ Анатолий Артамонов оценил прогнозный ущерб бюджету от теневой занятости в 2024 году в 11,4 трлн рублей (против 7,7 трлн в 2020-м)⁸.

Для понимания природы неформальной занятости в новых технологических условиях недостаточно статистического подхода, фиксирующего лишь отсутствие регистрации или договора. Требуется теоретическая рамка, позволяющая объяснить, почему эта форма воспроизводится и какие механизмы лежат в её основе. Такую рамку предоставляет институциональная экономическая теория, которая изучает взаимодействие формальных правил (законов, норм) и неформальных практик (обычаев, традиций, рутин).

Относительно трансформации рынка труда под влиянием цифровых технологий, выявлено появление новых форм занятости (платформенная, дистанционная), изменение требований к работникам, флексибилизацию трудовых отношений [18; 19].

В рамках институциональной теории неформальная занятость в цифровой экономике может быть определена как: устойчивый тип трудовых отношений, осуществляемых с использованием цифровых технологий (интернета, мессенджеров, соцсетей, специальных сайтов) [20], который характеризуется отсутствием социальной защиты работника при формальном декларировании иного статуса («самозанятый», «партнёр», «независимый подрядчик»). Ключевой признак – «серая» схема оплаты труда (полностью или частично скрытая от налогообложения) и отсутствие официального оформления трудовых отношений в соответствии с Трудовым кодексом, тогда как способ поиска заказчика или доставки услуги может быть любым цифровым. Это порождает институциональный вакуум или «серую зону», где нормы трудового права де-факто не действуют.

Для более глубокой концептуализации неформальной занятости в цифровой экономике можно применить модель Дугласа Норта (институты как «правила игры»), адаптировав её к цифровой реальности (таблица 1).

⁸ Филоненко В.В. В Совфеде оценили прогнозный ущерб от теневой занятости в 11 триллионов рублей // Парламентская газета: [сайт]. 04 июня 2025 г. URL: https://www.pnp.ru/economics/v-sovfede-ocenili-prognoznnyy-ushherb-ot-tenevoy-zanyatosti-v-11-trillionov-rubley.html?utm_source=pnp.ru&utm_medium=link&utm_campaign=article_inside_block (дата обращения: 20.02.2026).

Таблица 1

Отличительные признаки неформальной занятости в цифровой экономике

Table 1

Distinctive Features of in Formal Employment in the Digital Economy

Уровень анализа	Институты формальной экономики	Институты неформальной занятости в цифровой экономике
Институциональная среда (правила высшего уровня)	Трудовой кодекс, законы о занятости, налоговая система, соцстрахование	Формально не отменены, но де-факто не работают. Платформы используют пробелы в законодательстве («ловушка правовой неопределённости»)
Институциональные соглашения (правила взаимодействия)	Трудовой договор, коллективный договор, членство в профсоюзе	Заменяются «Пользовательским соглашением» (односторонний акт платформы), системой рейтингов, алгоритмическим менеджментом
Неформальные нормы (рутины, практики)	Трудовая этика, профессиональные стандарты, неформальные связи в коллективе	Часто формируются платформой: культура «быстрых денег», соревновательность, изоляция, отсутствие солидарности. Самоэксплуатация как норма

Источник: составлено авторами на основе [21; 22].

Платформенная занятость – это одна из разновидностей неформальной занятости в цифровой экономике, но не всегда неформальная занятость в цифровой экономике является платформенной [23]. Платформенная занятость может быть формальной, если работник официально оформлен как самозанятый или ИП и платит налоги, а может быть и неформальной. Но чаще всего в России и мире она тяготеет к неформальности или полуформальности, из-за чего эти понятия и стоят рядом. Исходя из проведённого анализа, феномен платформенной занятости, активно развивающийся на протяжении последних двух десятилетий, характеризуется значительной терминологической неопределённостью и в нашем исследовании будет рассматриваться как одно из направлений неформальной занятости.

В научный и общественный дискурс вошли такие понятия, как «цифровой труд», «гиг-экономика» (от англ. gig – подработка), «микроработа», «проектное» или «временное трудоустройство» [24]. Данный понятийный плюрализм отражает не только многогранность самого явления, но и отсутствие его устоявшейся концептуализации.

Ключевой проблемой, однако, остаётся не столько измерительная, сколько институциональная: фактическое отсутствие механизмов реализации социальных гарантий и защиты трудовых прав работников при параллельном отсутствии специализированного отечественного законодательства. Следовательно, неформальная занятость в цифровой экономике – это не просто отклонение от формальных правил, а именно

институциональная ловушка, то есть устойчивая неэффективная норма [25], возникающая вследствие:

- разрыва между скоростью внедрения цифровых технологий и практикой их нормативного регулирования;
- несогласованности формальных правил (законов) и неформальных практик взаимодействия в цифровой среде;
- эффекта блокировки (lock-in effect), когда участники не могут выйти из неэффективных отношений без потери доступа к ресурсам.

Цифровые технологии и платформы не столько создают неформальность «с нуля», сколько трансформируют её, придавая новые формы, следовательно возникает новая неформальность, связанная с платформенной занятостью, фрилансом и самозанятостью, которая отличается от традиционной неформальной занятости.

В таблице 2 предложенная классификация позволяет рассматривать неформальную занятость в цифровой экономике не как совокупность случайных отклонений, а как системный институциональный феномен, где каждая из ловушек выполняет функцию закрепления неэффективных норм:

- правовая неопределённость создаёт институциональный вакуум;
- псевдосамостоятельность маскирует зависимость;
- гибкость как принуждение легитимизирует прекаризацию;
- платформенное посредничество блокирует возможность коллективного сопротивления.

Таблица 2

Сводная таблица классификации институциональных ловушек неформальной занятости в цифровой экономике

Table 2

Summary Table of the Classification of Institutional Pitfalls of Informal Employment in the Digital Economy

Ловушка	Источник возникновения	Механизм воспроизводства	Ключевые последствия
Правовой неопределённости	Разрыв между технологическими инновациями и правовым регулированием	Использование пробелов в законодательстве, отсутствие прецедентов	Отсутствие социальных гарантий, невозможность защиты прав
Псевдосамостоятельности	Подмена трудовых отношений гражданско-правовыми	Маскировка зависимости под «предпринимательство»	Потеря пенсионных прав, отпусков, больничных
Гибкости как принуждения	Идеологизация гибкости как безусловного блага	Дерегуляция, устранение защитных норм	Прекаризация, нестабильность доходов
Платформенного посредничества	Монопольное положение платформ как посредников	Алгоритмическое управление, блокировка самоорганизации	Зависимость от «черного ящика» алгоритмов

Источник: составлено авторами на основе [26; 27].

Предложенная классификация позволяет не только идентифицировать типы ловушек, но и понять их внутреннюю динамику. Проведённый анализ показывает, что все четыре типа ловушек находятся в отношении взаимодополнения, формируя замкнутый круг.

– Ловушка «правовой неопределённости» выступает первичной, создавая саму возможность для уклонения от норм.

– Ловушка «псевдосамостоятельности» является ключевым механизмом легитимации, переводящим неопределённость в конкретную, но ложную правовую форму (например, договор ГПХ/самозанятости вместо трудового).

– Ловушка «гибкости как принуждения» служит идеологическим оправданием, формируя у работников восприятие прекарных условий как блага и личной ответственности.

– Ловушка «платформенного посредничества» выступает инструментальной основой, технологически закрепляющей первые три ловушки через алгоритмическое управление и блокировку коллективных действий.

Именно это переплетение, когда одна ловушка создаёт условия для возникновения и устойчивости другой, и объясняет эффект блокировки. Социальные риски, таким образом, являются не суммой разрозненных проблем, а системным следствием функционирования этой взаимосвязанной институциональной матрицы.

В совокупности эти ловушки образуют устойчивую институциональную матрицу, воспроизводящую неформальную занятость в цифровой экономике и консервирующую связанные с ней социальные риски. Под социальными рисками в

контексте данного исследования понимаются вероятные события или процессы, ведущие к ухудшению социального положения работников, их семей и общества в целом, обусловленные институциональными дисфункциями в сфере цифровой занятости.

Оценка рисков производится по четырём ключевым направлениям: снижение уровня защищённости, рост социально-экономического неравенства, деградации коллективных форм защиты и солидарности и фискальные потери.

1. Риск снижения уровня социально-трудо-вой защищённости неформальных работников: порождается ловушками «правовой неопределённости» и «псевдосамостоятельности».

Отсутствие чёткого правового статуса работников, занятых в цифровой среде (платформенные исполнители, фрилансеры, самозанятые, работающие на одного заказчика), в сочетании с подменой трудовых отношений гражданско-правовыми приводит к исключению значительной части занятых из системы социального страхования. Работники, формально оформленные как самозанятые или независимые подрядчики, фактически трудятся в режиме полного рабочего дня, подчиняясь внутренним регламентам и графику работодателя, но лишены гарантий, предусмотренных Трудовым кодексом Российской Федерации.

Уровень последствий: индивидуально-личностный (работник и его семья), а в долгосрочной перспективе – общесистемный (рост социальной нагрузки на государство при наступлении страховых случаев у лиц, не формировавших пенсионных и страховых прав).

2. Риск роста социально-экономического неравенства.

Данный риск аккумулирует последствия всех четырёх типов институциональных ловушек, но в наибольшей степени связан с ловушками «псевдосамостоятельности» и «гибкости как принуждения». Цифровизация экономики ведёт к расширению гибких, временных и нетипичных форм занятости. Платформенная занятость, фриланс и иные формы цифровой неформальной занятости создают новые возможности для включения в экономику социально уязвимых групп (молодых матерей, людей с инвалидностью, пенсионеров, мигрантов), однако одновременно порождают механизмы, усиливающие социально-экономическую поляризацию [28].

Многослойный характер неравенства: [29]

1. Вертикальное неравенство – между владельцами цифровых платформ (собственниками капитала) и исполнителями, непосредственно создающими стоимость. Прибыль платформ концентрируется у ограниченного круга собственников, тогда как исполнители получают сдельную оплату без гарантий минимального дохода и социальных выплат.

2. Горизонтальное неравенство – между «ядром» формально занятых работников (имеющих бессрочные трудовые договоры, социальный пакет, возможности карьерного роста) и «периферией» платформенных работников, лишённых этих преимуществ при сопоставимых трудовых усилиях.

3. Алгоритмическое неравенство – распределение заказов, определение размера вознаграждения и доступа к более выгодным условиям работы зависит от непрозрачных алгоритмов платформы (рейтинговые системы, приоритизация исполнителей, динамическое ценообразование). Это создаёт «цифровые гетто» для низкорейтинговых работников, снижая их доходы и усугубляя поляризацию внутри самой платформенной занятости.

Следует отметить, что платформенная занятость может выступать механизмом социальной инклюзии. Исследования показывают, что в традиционной занятости шансы на трудоустройство у людей с инвалидностью ниже на 89%, тогда как в платформенной занятости этот разрыв сокращается до 73% [30]. Однако инклюзивный эффект достигается ценой сохранения precarious условий занятости, что создаёт двойственность социальных последствий.

Уровень последствий: индивидуально-личностный (снижение качества жизни работников), социально-групповой (консолидация слоя «цифрового прекариата» с устойчиво воспроизводя-

щимися признаками социально-экономической уязвимости) и общесистемный (эрозия среднего класса, рост социальной напряжённости, снижение совокупного потребительского спроса).

3. Риск деградации коллективных форм защиты и солидарности.

Данный риск является прямым следствием ловушки «платформенного посредничества». Цифровые платформы, выступая в роли «алгоритмического работодателя», объективно затрудняют или делают невозможным применение традиционных механизмов самоорганизации и коллективного представительства работников. Это обусловлено рядом факторов:

- географической распределённостью работников, которые не находятся в едином физическом пространстве и не идентифицируют себя как трудовой коллектив;

- опосредованностью взаимодействия интерфейсом платформы, что исключает прямые горизонтальные коммуникации между исполнителями;

- алгоритмическим управлением, при котором ключевые решения (распределение заказов, определение размера вознаграждения, блокировка аккаунта) принимаются автоматизированной системой, а не работодателем как контрагентом, что затрудняет идентификацию субъекта ответственности;

- индивидуализацией трудовой деятельности, когда каждый работник взаимодействует с платформой как независимый субъект, что блокирует формирование коллективной идентичности и солидарности.

Ключевым следствием действия данной ловушки становится невозможность или крайняя затруднительность применения традиционных институтов защиты прав работников – профсоюзов, коллективных договоров, трудового арбитража – в условиях цифровой неформальной занятости. Как отмечается в научной литературе [31], это создаёт институциональный вакуум, принципиально отличающий новую цифровую неформальность от традиционной. В классической неформальной занятости (например, на строительных площадках или в розничной торговле) работники, как правило, находятся в едином физическом пространстве, имеют возможность неформального общения, обмена информацией и взаимопомощи, что позволяет им хотя бы частично компенсировать отсутствие формальных гарантий через горизонтальные связи и репутационные механизмы внутри локального сообщества.

В цифровой среде такие механизмы солидарности не формируются автоматически. Атомизация работников, их изоляция друг от друга, отсутствие

институциональных каналов для коллективного отстаивания интересов усиливают зависимость каждого отдельного исполнителя от платформы и снижают их переговорную силу. Работник, лишённый возможности коллективного взаимодействия, вынужден принимать условия платформы (включая непрозрачные алгоритмы распределения заказов и штрафные санкции) как данность, что консервирует его уязвимое положение.

4. Риск фискальных потерь и нагрузки на бюджетную систему

Данный риск интегрирует последствия всех ловушек, но наиболее тесно связан с ловушками «правовой неопределённости» и «псевдосамостоятельности». Подмена трудовых отношений статусом самозанятости или использование серых схем оплаты труда приводит к недополучению бюджетом налогов и страховых взносов. Как отмечают эксперты, «специальный налоговый режим для самозанятых, изначально предназначенный для легализации занятости в сфере услуг, превратился в вариант снижения издержек на персонал» [32]. В 2024 году только торговый оборот «платформенной экономики» составил, по разным оценкам, от 6,4% до 20% ВВП России. При этом значительная часть этих операций находится в «серой зоне» с точки зрения налогообложения.

Структура фискальных потерь [33]:

1. Недополучение НДС/Л – при замене трудовых договоров договорами с самозанятыми ставка налога снижается с 13–15% до 4–6%, при этом выпадают и страховые взносы (30%).

2. Недополучение страховых взносов – отсутствие отчислений в СФР означает, что текущие пенсионные права не формируются, а социальные обязательства перекладываются на будущие бюджеты.

3. Потери региональных бюджетов – налоги с доходов физических лиц составляют существенную часть региональных и местных бюджетов.

И, как следствие, накопление пенсионных прав у работников неформального сектора происходит в неполном объёме или не происходит вовсе, что в перспективе создаст дополнительную нагрузку на систему социального обеспечения (необходимость выплаты социальных пенсий, социальных пособий).

В таблице 3 представлен сводный анализ социальных рисков и их зависимость от институциональных ловушек. В совокупности, данные риски формируют устойчивую систему воспроизводства социальной уязвимости и происходит формирование «прекариата» – нового опасного класса.

Таблица 3

Матрица социальных рисков

Table 3

Social Risk Matrix

Институциональная ловушка	Снижение уровня социально-трудовой защищённости	Рост социально-экономического неравенства	Деградация коллективных форм защиты и солидарности	Фискальные потери и нагрузка на бюджетную систему
Правовой неопределённости	высокий	средний	низкий	высокий
Псевдосамостоятельности	высокий	высокий	средний	высокий
Гибкости как принуждения	высокий	высокий	средний	средний
Платформенного посредничества	средний	высокий	высокий	низкий

Источник: составлено авторами.

Проведённая оценка позволяет заключить, что выявленные институциональные ловушки неформальной занятости в цифровой экономике порождают комплекс взаимоусиливающих социальных рисков:

– индивидуально-личностный уровень – снижение социально-трудовой защищённости, нестабильность доходов, утрата пенсионных прав;

– социально-групповой уровень – углубление социально-экономического неравенства, формирование слоя работников с неустойчивой занятостью и отсутствием социальных гарантий, ослабление коллективных форм защиты;

– общесистемный уровень – фискальные потери, рост будущей нагрузки на бюджет, институциональная неустойчивость рынка труда.

Совокупное действие данных ловушек формирует устойчивый контур воспроизводства социальной уязвимости, в котором риски выступают не побочными эффектами, а имманентными свойствами институциональной системы. Следствием становится консолидация слоя «цифрового прекариата» – работников, формально включённых в экономику, но исключённых из механизмов социально-трудовой защиты [34]. Ключевым препятствием для преодоления сложившейся ситуации

выступает эффект институциональной блокировки: издержки выхода из ловушки для индивидуальных агентов превышают издержки адаптации к ней, что требует не частных корректировок, а системного изменения институциональной среды.

В результате проведённого исследования можно сформировать обобщающий результат, отражающий системную взаимосвязь институциональных ловушек и социальных рисков (таблица 4).

Таблица 4

Системная взаимосвязь институциональных ловушек и социальных рисков

Table 4

The Systemic Relationship Between Institutional Traps and Social Risks

Институциональная ловушка	Механизм формирования неформальности	Ключевой социальный риск	Уровень последствий
Правовой неопределённости	Создание «серой зоны» между формальными и неформальными правилами	Снижение уровня социально-трудовой защищённости, фискальные потери	Общесистемный
Псевдосамостоятельности	Подмена трудовых отношений гражданско-правовыми	Рост социально-экономического неравенства; снижение защищённости (потеря пенсионных прав, отпусков, больничных)	Индивидуальный, групповой
Гибкости как принуждения	Идеологизация прекарных условий как «блага»	Снижение защищённости; рост неравенства; деградация коллективных форм защиты	Индивидуальный, групповой
Платформенного посредничества	Алгоритмическое управление, блокировка самоорганизации	Деградация коллективных форм защиты и солидарности; рост неравенства (алгоритмическое)	Групповой

Источник: составлено авторами.

Представленная в таблице 4 систематизация позволяет наглядно проследить логическую цепочку от институциональной ловушки к формируемым ею социальным рискам и уровням их последствий. Проведённый анализ демонстрирует, что выявленные четыре типа ловушек не действуют изолированно, а образуют взаимодополняющую систему, в которой каждая последующая ловушка усиливает и закрепляет эффекты предыдущих.

Кумулятивный эффект действия всех четырёх ловушек выходит за рамки суммы отдельных рисков. Как показано в таблице 4, их взаимодополнение формирует замкнутый контур воспроизводства социальной уязвимости: правовая неопределённость позволяет легитимировать зависимость под видом самостоятельности, идеология гибкости оправдывает прекарные условия, а платформенное посредничество технологически блокирует попытки выхода из этой системы. Результатом становится консолидация слоя «цифрового прекариата» – работников, формально включённых в экономику (как самозанятые, платформенные исполнители, фрилансеры), но исключённых из механизмов социально-трудовой защиты, что создаёт долгосрочные угрозы для устойчивости социально-трудовой сферы и требует системных

институциональных изменений, а не точечных корректировок.

Полученные в ходе исследования результаты согласуются с выводами ряда отечественных и зарубежных авторов, одновременно развивая и дополняя их. Выявленная ловушка «правовой неопределённости» подтверждает тезис Н.В. Залужной о разрыве между динамикой технологических изменений и инертностью правового регулирования, а также выводы И.Н. Мыслевой о наличии институционального вакуума в сфере цифровой занятости. Классификация четырёх типов ловушек развивает теоретические положения В.В. Братковой и О.В. Сорокиной о механизмах формирования институциональных ловушек в цифровой экономике, конкретизируя их применительно к сфере занятости.

Обоснование ловушки «псевдосамостоятельности» коррелирует с эмпирическими данными Д.Г. Бычкова и соавторов, а также А.В. Алексеевской и И.Ю. Ваславской о масштабах подмены трудовых отношений статусом самозанятого в российской практике. Выводы о ловушке «платформенного посредничества» созвучны результатам исследований А. Elias и G.M. Gomez, а также J. Drahokoupil, A. Piasna, W. Zwysen, которые показывают, что цифровые платформы выступают

не просто технологическими посредниками, но активными институциональными акторами, блокирующими самоорганизацию работников через алгоритмическое управление.

Построенная в работе матрица социальных рисков (таблица 3) и систематизация уровней их последствий (таблица 4) дополняют существующие исследования прекаризации занятости (В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, В.И. Рязанцев, И.А. Волкова, Т.А. Галынчик) за счёт интеграции институционального анализа и выявления взаимосвязей между типами ловушек и различными группами рисков.

Научная новизна исследования заключается:

- в концептуализации понятия «неформальная занятость в цифровой экономике» с позиций институциональной экономической теории, что позволяет рассматривать её не как совокупность отклонений, а как результат функционирования устойчивых неэффективных норм;

- в разработке и обосновании классификации четырёх ключевых институциональных ловушек неформальной занятости в цифровой экономике, находящихся в отношении взаимодополнения и формирующих замкнутый контур воспроизводства;

- в построении матрицы социальных рисков, систематизирующей последствия действия выявленных ловушек на индивидуальном, групповом и общесистемном уровнях.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии институциональной теории применительно к анализу трансформации социально-трудовых отношений в цифровой экономике. Практическая значимость состоит в обосновании направлений институциональных изменений (дифференциация правовых статусов, совершенствование механизмов переквалификации гражданско-правовых отношений, обеспечение прозрачности цифрового посредничества, поддержка новых форм коллективной защиты), которые могут быть использованы при совершенствовании законодательства и разработке программ в сфере регулирования цифровой занятости.

Выводы

Проведённый анализ позволил выявить сущность неформальной занятости как экономической активности, протекающей вне правового поля. Примером служат продавцы на рынках, строители, репетиторы, работники сферы услуг: их труд сам по себе законен, однако официально не оформлен, налоги с него не уплачиваются, а социальные гарантии отсутствуют.

Результаты проведённого исследования подтверждают выдвинутую гипотезу. Установлено, что распространение неформальной занятости в

цифровой экономике действительно обусловлено не только технологическими и экономическими факторами, но и формированием устойчивых институциональных ловушек (правовой неопределённости, псевдосамостоятельности, гибкости как принуждения, платформенного посредничества). Выявлено, что данные ловушки находятся в отношении взаимодополнения и формируют замкнутый контур воспроизводства социальной уязвимости, порождая системные риски на индивидуальном, групповом и общесистемном уровнях. Таким образом, гипотеза о том, что институциональные ловушки создают системные социальные риски, выходящие за рамки индивидуальных потерь работников, нашла эмпирическое и теоретическое подтверждение.

Неформальная занятость в цифровой экономике представляет собой не реликт прошлого и не временное отклонение, а устойчиво воспроизводящийся институциональный феномен. Её ключевая особенность – парадоксальная рациональность: в сложившихся институциональных условиях часто является оптимальной стратегией для всех участников, где работник получает доход без бюрократических издержек, работодатель (или заказчик) экономит на налогах и социальных гарантиях, а государство закрывает глаза на масштабы явления, смягчая тем самым социальную напряжённость на рынке труда.

Однако эта «рациональность» является ловушкой. Выявленные в ходе исследования институциональные ловушки – правовой неопределённости, псевдосамостоятельности, гибкости как принуждения и цифрового посредничества – формируют самоподдерживающуюся систему. Издержки, создаваемые этими ловушками (утрата пенсионных прав, невозможность кредитования, отсутствие защиты от необоснованного расторжения отношений, фискальные потери), накапливаются на уровне индивида и общества в целом, консервируя социальную уязвимость и подрывая долгосрочную устойчивость социально-трудовой сферы. Выход из этой ловушки возможен только через комплексные институциональные изменения, перестраивающие структуру стимулов таким образом, чтобы формализация стала более выгодной, чем неформальность.

Стратегия минимизации рисков, следовательно, должна быть направлена на изменение самой структуры стимулов и разрушение описанных ловушек, а также должна строиться в трёх направлениях:

1. Снижение барьеров формализации (чтобы выходить из тени стало выгодно).

Необходим переход от политики «наблюдения за пробелами» к политике «упреждающего регу-

лирования». Ключевым шагом видится не подведение неформальной занятости исключительно под нормы Трудового кодекса (что может разрушить её гибкость) и не сохранение текущей «серой зоны», а создание гибридного правового статуса «экономически зависимого самозанятого».

2. Точечный контроль (чтобы оставаться в тени стало рискованно).

Предложенным выходом может стать введение чётких правовых критериев для переквалификации гражданско-правовых договоров в трудовые в судебном и административном порядке. К таким критериям должны относиться: систематический характер работы, выполнение работы лично, использование материалов и средств труда заказчика, подчинение внутренним регламентам и графику, интеграция в основной бизнес-процесс. Одновременно с этим необходимо рассмотреть вопрос о создании экономических стимулов для выхода из тени, например, введение пониженного тарифа страховых взносов для малого бизнеса и заказчиков, работающих с физическими лицами на долгосрочной основе, но при условии полной формализации отношений. Это снизит издержки легальной занятости и сделает её более конкурентоспособной по сравнению с серыми схемами.

3. Поддержка новых форм коллективной защиты.

Атомизация работников в цифровой среде – одно из главных препятствий для защиты их прав. Они не идентифицируют себя как коллектив, что делает невозможным применение традиционных механизмов (профсоюзы, коллективные договоры). Гибкость, навязываемая как единственно возможная форма существования, превращается в инструмент принуждения к принятию любых условий.

Предложение: создать правовые и организационные условия для возникновения новых форм

коллективной самоорганизации, адекватных цифровой реальности. Это могут быть «цифровые гильдии», ассоциации самозанятых и фрилансеров, онлайн-платформы взаимопомощи. Их ключевая функция – не только защита интересов, но и создание альтернативных механизмов социальной защиты (взаимное страхование, юридическая поддержка, коллективное обсуждение условий работы с крупными заказчиками). Государству целесообразно поддерживать такие инициативы через гранты, образовательные программы и предоставление «регуляторных песочниц» для отработки новых моделей коллективного взаимодействия.

Реализация предложенных мер, ориентированных на дифференциацию статусов, переквалификацию отношений, обеспечение цифровых прав работников и поддержку их самоорганизации, позволит трансформировать текущее институциональное равновесие. Цель этих изменений – сделать формализацию не принудительной мерой, а результатом рационального выбора, при котором легальный статус даёт работнику и работодателю больше преимуществ, чем уход в «цифровую тень». Только такой подход способен минимизировать социальные риски, восстановить устойчивость рынка труда и обеспечить справедливое распределение благ, создаваемых в цифровой экономике.

Предложенная классификация институциональных ловушек и матрица социальных рисков носят теоретико-концептуальный характер и требуют дальнейшей эмпирической верификации на расширенной базе данных, включая микроданные обследований рабочей силы. Исследование ограничено анализом российской специфики, однако предложенный инструментарий может быть адаптирован для сравнительных межстрановых исследований.

Список источников

1. Преимущества и риски самозанятости и платформенной занятости / Д.Г. Бычков., Е.Е. Гришина, Н.В. Локтюхина, О.А. Феоктистова // Экономическая политика. 2024. Том 19. № 4. С. 60–83. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-4-60-83> EDN RFVSAK
2. Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. *Journal of Modern African Studies*. 1973;11(1):61-89.
3. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нормально ли быть неформальным? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. Том 17. № 1. С. 3–40. EDN QAOIOH
4. Узькова Е.С. Неформальная занятость и структурные дисбалансы на рынке труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. № Том 17. № 6. С. 167–183. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.9> EDN OSUCAZ
5. Капелюшников Р.И., Зинченко Д.И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть I: дистанционная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6(184). С. 157–181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654> EDN JOEAJB

6. Adair P. Non-Observed Economy vs. Shadow Economy and Informal Employment in Poland: A Range of Mismatching Estimates. In: Andreff W. (ed.) *Comparative Economic Studies in Europe: a Thirty-Year Review*. Switzerland: Palgrave Macmillan; 2021. P. 249–278. https://doi.org/10.1007/978-3-030-48295-4_13
7. Воронин Г.Л., Крамер А.Д. Неформальная занятость в России как условие становления прекариата // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 3(63). С. 69–78. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_3_69 EDN LSQZLI
8. Закалюжная Н.В. Новая концепция занятости и развитие трудовых отношений в цифровую эпоху // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. № 2. С. 139–164. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.139.164> EDN VIPAJN
9. Тощенко Ж.Т. Новое социально-экономическое явление: прекариат // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Том 1. № 1. С. 146–161. <https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-1-146-161> EDN GBMXXQ
10. Бобков В.Н., Одицова Е.В., Рязанцев В.И. Прекаризация занятости и ее особенности в поколенных группах работников в оценках профсоюзных экспертов // Социально-трудовые исследования. 2023. № 1(50). С. 31–40. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-31-40> EDN IMSDVK
11. Волкова И.А., Галыничик Т.А. Прекаризация занятости населения как фактор обесценивания человеческого капитала // Народонаселение. 2025. Том 28. № 1. С. 168–178. <https://doi.org/10.24412/15617785-2025-1-168-178> EDN DWSJAU
12. Ураев Р.Р., Круль А.С., Валиева Г.Р. Неформальная занятость в условиях цифровизации рынка труда (на примере Республики Башкортостан) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 119–126. <https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-3-119-126> EDN OIUSLE
13. Одегов В.В., Шерстяков Д.О., Шумилина Е.А. Проблемы занятости и занятость как индикатор устойчивости регионов // Прикладные экономические исследования. 2025. № 5. С. 139–147. <https://doi.org/10.47576/2949-1908.2025.5.5.016> EDN PRYHVQ
14. Илларионова Э.О. Новые формы занятости в контексте цифровизации рынка труда // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27. № 1. С. 21–32. <https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.2> EDN SJTEDK
15. Elias A., Gomez G.M. Digital Platforms as Institutional Actors in the Global South – Evidence from India's Informal Sector. *Digital Geography and Society*. 2025;9:100146. <https://doi.org/10.1016/j.diggeo.2025.100146>
16. Piasna A., Zwysen W., Drahokoupil J. The Platform Economy in Europe: Results from the Second ETUI Internet and Platform Work Survey (IPWS). Research Paper-Working Paper. Brussels: ETUI; 2022. 5 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4042629>
17. Зудина А.А. Неформальная занятость в периоды кризиса: анализ потоков рабочей силы на российском рынке труда // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 28. № 4. С. 565–586. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2024-28-4-565-586> EDN OYLGWW
18. Шорникова Н.Ю. Исследование влияния цифровых технологий на трансформацию труда // Экономические системы. 2025. Том 18. № 3. С. 142–151. <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2025-18-3-142-151> EDN QYSJQP
19. Lei X., Baghaie S., Mohammad Sajadi S. The Digital Economy: Challenges and Opportunities in the New Era of Technology and Electronic Communications. *Ain Shams Engineering Journal*. 2024;15(2):102411. <https://doi.org/10.1016/j.asej.2023.102411>
20. Wang R. Challenges and Countermeasures for the Protection of Online Consumer Rights in the Digital Economy. *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2023;55(1):102-106. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/55/20230969>
21. Оганесян Д.А., Курносова Е.А. Теория институциональных изменений // Вестник Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 2(124). С. 164–168. EDN TPUHUX
22. Мысляева И.Н. Государственное регулирование социально-трудовых отношений в условиях цифровой экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 27–38. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_3_27_38 EDN LENTCB
23. Филатова Е.Л. Платформенная экономика: влияние на труд и занятость // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Том 13. № 4. С. 64–74. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-4-6> EDN RFNTTJ
24. Graham M., Anwar M.A. The Global Gig Economy: Towards a Planetary Labour Market? In: Larsson A., Robin Teigland R. (eds.) *The Digital Transformation of Labor. Automation, the Gig Economy and Welfare*. London: Routledge; 2019. 22 p. ISBN 9780429317866 <https://doi.org/10.4324/9780429317866-13>
25. Сорокина О.В., Браткова В.В. Институциональные ловушки в цифровой экономике: причины и механизм формирования // Кант. 2025. № 1(54). С. 168–175. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-54.24> EDN HBDEXU
26. Graham M., Dutton W.H. (eds.) *Society and the Internet, How Networks of Information and Communication Are Changing Our Lives*. UK: Oxford University Press; 2019. P. 293-306. ISBN 9780198843498 <https://doi.org/10.1093/oso/9780198843498.001.0001>
27. Нехода Е.В., Недоспасова О.П., Геворгян О.И. Институционализация новых форм занятости: от вызовов к возможностям // Журнал институциональных исследований. 2025. Том 17. № 3. С. 67–83. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2025.17.3.067-083> EDN YKNUCV
28. Heimbarg V., Wiesche M. Digital Platform Regulation: Opportunities for Information Systems Research. *Internet Research*. 2023;33(7):72-85. <https://doi.org/10.1108/INTR-05-2022-0321>
29. Дудин М.Н., Шкодинский С.В., Усманов Д.И. Оценка влияния цифрового неравенства на уровень социально-экономического развития регионов Российской Федерации // Вопросы инновационной экономики. 2021. Том 11. № 3. С. 961–984. <https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.113452> EDN BSQQKC

30. Баймурзина Г.Р., Черных Е.А. Особенности платформенной занятости в России: о чем говорят данные цифровых профилей работников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Том 17. № 2. С. 202–219. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.11> EDN KHRTOY
31. Kelishomi A.M., Nistico R. Economic Sanctions and Informal Employment. *Labour Economics*. 2024;89:102581. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102581>
32. Алексеевская А.В., Ваславская И.Ю. Налоговые риски в условиях трансформации рынка труда и предпринимательства (на материалах Республики Татарстан) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2025. № 1(81). С. 1–15. EDN GLUGML
33. Дорошенко С.В. Неформальная занятость: влияет ли налоговый режим на профессиональный доход? // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 3. С. 11–22. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-11.14> EDN DDKQRY
34. Прекаризация труда: социально-экономические риски занятости в цифровой экономике России / Н.Ю. Кауфман, С.Ю. Зеленцова, М.И. Имамвердиева, А.А. Колесник // Фундаментальные исследования. 2025. № 9. С. 28–33. <https://doi.org/10.17513/fr.43898> EDN SPECWC

Информация об авторах:

Наталья Юрьевна Кауфман – кандидат экономических наук, доцент, Сургутский государственный университет (SPIN-код: 4966-0185) (ResearcherID: AAD-8367-2021)

Светлана Юрьевна Зеленцова – кандидат экономических наук, доцент, Сургутский государственный университет (SPIN-код: 1892-0167) (ResearcherID: KIK-2693-2024)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Наталья Юрьевна Кауфман.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 09.04.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Bychkov D.G., Grishina E.E., Loktyukhina N.V., et al. Advantages and Risks of Self-Employment and Platform Employment. *Ekonomicheskaya politika=Economic Policy*. 2024;19(4):60–83. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-4-60-83> (In Russ.)
2. Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. *Journal of Modern African Studies*. 1973;11(1):61–89.
3. Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. Is It Normal to Be Informal? *Ekonomicheskii zhurnal VShE=HSE Economic Journal*. 2013;17(1):3–40. (In Russ.)
4. Uzyakova E.S. Informal Employment and Structural Imbalances in the Labour Market. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;6(17):167–183. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.9> (In Russ.)
5. Kapelyushnikov R.I., Zinchenko D.I. Digital Forms of Employment in the Russian Labour Market. Part I: Remote Employment. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2024;(6(184)):157–181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654> (In Russ.)
6. Adair P. Non-Observed Economy vs. Shadow Economy and Informal Employment in Poland: A Range of Mismatching Estimates. In: Andreff W. (ed.) *Comparative Economic Studies in Europe: a Thirty-Year Review*. Switzerland: Palgrave Macmillan; 2021. P. 249–278. https://doi.org/10.1007/978-3-030-48295-4_13
7. Voronin G.L., Kramer A.D. Informal Employment in Russia as a Condition for the Formation of the Precariat. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki=Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2021;(3(63)):69–78. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_3_69 (In Russ.)
8. Zakalyuzhnaya N.V. A New Concept of Employment and the Development of Labour Relations in the Digital Age. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki=Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2023;16(2):139–164. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.139.164> (In Russ.)
9. Toshchenko Zh.T. A New Socio-Economic Phenomenon: The Precariat. *Noonomika i nooobshchestvo. Al'manakh trudov INIR im. S.Yu. Vitte=Noonomics and Noosociety. Almanac of the INIR named after S.Yu. Witte*. 2022;1(1):146–161. <https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-1-146-161> (In Russ.)
10. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Ryazantsev V.I. Precarisation of Employment and Its Features in Generational Groups of Workers in the Assessments of Trade Union Experts. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;(1(50)):31–40. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-31-40> (In Russ.)
11. Volkova I.A., Galynchik T.A. Precarisation of Employment as a Factor of Human Capital Depreciation. *Narodonaselenie=Population*. 2025;28(1):168–178. <https://doi.org/10.24412/15617785-2025-1-168-178> (In Russ.)
12. Uraev R.R., Krul A.S., Valieva G.R. Informal Employment in the Context of Digitalization of the Labour Market (on the Example of the Republic of Bashkortostan). *Vestnik ehkonomiki, prava i sotsiologii=The Review of Economy, The Law and Sociology*. 2025;(3):119–126. <https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-3-119-126> (In Russ.)
13. Odegov V.V., Sherstyakov D.O., Shumilina E.A. Employment Problems and Employment as an Indicator of Regional Sustainability. *Prikladnye ekonomicheskie issledovaniya=Applied Economic Research*. 2025;(5):139–147. <https://doi.org/10.47576/2949-1908.2025.5.5.016> (In Russ.)

14. Illarionova E.O. New Forms of Employment in the Context of Labour Market Digitalization. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo=Science. Culture. Society*. 2021;27(1):21-32. <https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.2> (In Russ.)
15. Elias A., Gomez G.M. Digital Platforms as Institutional Actors in the Global South – Evidence From India's Informal Sector. *Digital Geography and Society*. 2025;9:100146. ISSN 2666-3783. <https://doi.org/10.1016/j.diggeo.2025.100146>.
16. Piasna A., Zwysen W., Drahokoupil J. The Platform Economy in Europe: Results from the Second ETUI Internet and Platform Work Survey (IPWS). Research Paper-Working Paper. Brussels: ETUI; 2022. 5 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4042629>
17. Zudina A.A. Informal Employment during Crises: Analysis of Labour Force Flows in the Russian Labour Market. *Eh-konomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki=Higher School of Economics Economic Journal*. 2024;28(4):565–586. <http://doi.org/10.17323/1813-8691-2024-28-4-565-586> (In Russ.)
18. Shornikova N.Yu. A Study of the Impact of Digital Technologies on the Transformation of Labour. *Ekonomicheskie sistemy=Economic Systems*. 2025;18(3):142–151. <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2025-18-3-142-151> (In Russ.)
19. Lei X., Baghaie S., Mohammad Sajadi S. The digital economy: Challenges and opportunities in the new era of technology and electronic communications. *Ain Shams Engineering Journal*. 2024;15(2):102411. <https://doi.org/10.1016/j.asej.2023.102411>
20. Wang R. Challenges and countermeasures for the protection of online consumer rights in the digital economy. *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2023;55(1):102–106. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/55/20230969>
21. Oganessian D.A., Kurnosova E.A. Teoriya Institutsional'nykh Izmenenii. *Vestnik Samarskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Ehkonomika i Upravlenie*. 2015;(2(124)):164–168. (In Russ.)
22. Myslyayeva I.N. State Regulation of Social and Labour Relations in the Digital Economy. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):27–38. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_3_27_38 (In Russ.)
23. Filatova E.L. Platform Economy: Impact on Labour and Employment. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta=Surgut State University Journal*. 2025;13(4):64–74. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-4-6> (In Russ.)
24. Graham M., Anwar M.A. The Global Gig Economy: Towards a Planetary Labour Market? In: Larsson A., Robin Teigland R. (eds.) *The Digital Transformation of Labor. Automation, the Gig Economy and Welfare*. London: Routledge; 2019. 22 p. ISBN 9780429317866 <https://doi.org/10.4324/9780429317866-13>
25. Sorokina O.V., Bratkova V.V. Institutional Traps in the Digital Economy: Causes and Mechanisms of Formation. *Kant*. 2025;(1(54)):168–175. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-54.24> (In Russ.)
26. Graham M., Dutton W.H. (eds.) *Society and the Internet, How Networks of Information and Communication Are Changing Our Lives*. UK: Oxford University Press; 2019. P. 293–306. ISBN 9780198843498 <https://doi.org/10.1093/oso/9780198843498.001.0001>
27. Nekhoda E.V., Nedospasova O.P., Gevorgyan O.I. Institutionalisation of New Forms of Employment: From Challenges to Opportunities. *Zhurnal Institutsional'nykh Issledovaniy=Journal of Institutional Studies*. 2025;17(3):67–83. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2025.17.3.067-083> (In Russ.)
28. Heimburg V., Wiesche M. Digital Platform Regulation: Opportunities for Information Systems Research. *Internet Research*. 2023;33(7):72–85. <https://doi.org/10.1108/INTR-05-2022-0321>
29. Dudin M.N., Shkodinskiy S.V., Usmanov D.I. Assessment of the Impact of Digital Inequality on the Socio-Economic Development of Russian Regions. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki=Russian Journal of Innovation Economics*. 2021;11(3):961–984. <https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.113452> (In Russ.)
30. Baymurzina G.R., Chernykh E.A. Features of Platform Employment in Russia: What the Data from Digital Worker Profiles Say. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(2):202–219. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.11> (In Russ.)
31. Kelishomi A.M., Nistico R. Economic Sanctions and Informal Employment. *Labour Economics*. 2024;89:102581. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102581>
32. Alekseevskaya A.V., Vaslavskaya I.Yu. Tax Risks in the Context of Labour Market and Entrepreneurship Transformation (Based on the Materials of the Republic of Tatarstan). *Regional'naya Ehkonomika I Upravlenie: Ehlektronnyi Nauchnyi Zhurnal=Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal*. 2025;(1(81)):1–15. (In Russ.)
33. Doroshenko S.V. Informal Employment: Does the Tax Regime Affect Professional Income? *Intellekt. Innovatsii. Investitsii=Intellect. Innovations. Investments*. 2024;(3):11–22. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-11.14> (In Russ.)
34. Kaufman N.Yu., Zelentsova S.Yu., Imamverdieva M.I., et al. Precarisation of Labour: Socio-Economic Risks of Employment in the Digital Economy of Russia. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental Research*. 2025;(9):28–33. <https://doi.org/10.17513/fr.43898> (In Russ.)

Information about the authors:

Natalya Yu. Kaufman – PhD in Economics, Associate Professor, Surgut State University
(SPIN-code: 4966-0185) (ResearcherID: AAD-8367-2021)

Svetlana Yu. Zelentsova – PhD in Economics, Associate Professor, Surgut State University
(SPIN-code: 1892-0167) (ResearcherID: KIK-2693-2024)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Natalya Yu. Kaufman.

The article was submitted 03.03.2026; approved after reviewing 09.04.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Обзорная статья
УДК 331, 316.334.22, 101.1:316
JEL I38, I32
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_4_409_422
EDN QXJWPD

Социальное страхование: история вопроса в контексте базового пенсионного дохода

Вячеслав Николаевич Бобков¹, Григорий Павлович Дегтярев², Вадим Игоревич Рязанцев³

^{1,3} Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

² независимый эксперт-исследователь, Москва, Россия

¹ (bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

² (i@dgp48-1.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-5443-6588>)

³ (vir220497@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0001-6249-0242>)

Аннотация

В статье приведено исследование генезиса доктрины социального страхования, разработанной известным представителем германской школы государственного социализма А. Вагнером и ставшей концептуальной основой «социальных реформ сверху» О. фон Бисмарка. Цель работы – проследить эволюцию идей, взглядов, представлений и подходов к развитию социального и пенсионного страхования от классического либерализма к государственному социализму, от радикальных (революционных) реформ к постепенному (эволюционному) реформированию в Германии и России, показать преемственность этой доктрины в современных системах социального и пенсионного страхования, аргументировать плодотворность её применения в современных дискуссиях и обсуждениях многозначных и многосмысловых понятий «базовый доход», «универсальный (безусловный) базовый доход», «базовый пенсионный доход». Теоретической и методологической базой исследования стал системный подход к историко-сравнительному и смысловому анализу первоисточников (А. Вагнер «Социальный вопрос», 1906; И.И. Чистяков «Страхование рабочих в России», 1912; Л.С. Таль «Трудовой договор», 1913). Информационную основу образуют как исторические первоисточники конца XIX – начала XX в., так и актуальные отечественные и зарубежные исследования последних лет (2021–2026) по проблематике социальных и пенсионных систем, базового дохода, базового пенсионного дохода. Основные результаты исследования показывают, что предложенная А. Вагнером целостная, многоуровневая и многоаспектная система социального реформирования (повышение оплаты труда, обязательное страхование от болезни, инвалидности и старости, фабричное законодательство, налоговая реформа) положила начало нормативному и законодательному «вписыванию» принципов солидарности, справедливости и государственной ответственности в социально-экономическую жизнь многих стран, получила теоретическое и практическое воплощение в России и вполне применима в современной концепции введения в российскую пенсионную систему базового пенсионного дохода. Сделан вывод о научной новизне рассмотрения базового пенсионного дохода как институционального продолжения вагнеровской доктрины и модели социального страхования, социального реформирования; о практической значимости такого подхода для понимания глубинного смысла базового пенсионного дохода и возможностей его применения в российской пенсионной системе.

Ключевые слова: социальное страхование, германский государственный социализм, А. Вагнер, О. фон Бисмарк, И.И. Чистяков, Л.С. Таль, история социальной политики, базовый пенсионный доход, базовая пенсия, социальная защита, свобода выбора

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта РНФ № 25-18-00228 в Институте экономики РАН.

Для цитирования: Бобков В.Н., Дегтярев Г.П., Рязанцев В.И. Социальное страхование: история вопроса в контексте базового пенсионного дохода // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 409–422. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_4_409_422 EDN QXJWPD

REV (Review Article)
JEL I38, I32
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_4_409_422

Social Insurance: The History of the Issue in the Context of Basic Pension Income

Vyacheslav N. Bobkov¹, Grigory P. Degtyarev², Vadim I. Ryazantsev³

^{1,3} Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Independent expert-researcher, Moscow, Russia

¹ (bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

² (i@dgp48-1.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-5443-6588>)

³ (vir220497@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0001-6249-0242>)

Abstract

The article examines the genesis of the social insurance doctrine developed by A. Wagner, a representative of the German school of state socialism, which became the conceptual foundation of O. von Bismarck's «social reforms from above». The aim is to trace the evolution of views on social insurance from classical liberalism to state socialism and to demonstrate the continuity of this doctrine in relation to contemporary debates on pension basic income. The methodology relies on historical-comparative analysis, content analysis of primary sources (A. Wagner «Die Sociale Frage», 1906; I.I. Chistyakov «Insurance of Workers in Russia», 1912; L.S. Tal «The Labour Contract», 1913) and a systemic approach. The empirical base includes both historical primary sources of the late 19th – early 20th centuries and current Russian and foreign studies of 2020–2026 on basic income, universal pensions and pension reforms. The paper shows that the integrated system

© Бобков В.Н., Дегтярев Г.П., Рязанцев В.И., 2026

of social reform proposed by A. Wagner (higher wages, compulsory insurance against sickness, disability and old age, factory legislation, tax reform) established the principles of solidarity and state responsibility, later developed in pre-revolutionary Russian thought and in the modern concept of pension basic income. The study concludes that pension basic income should be seen as an institutional continuation of the Wagnerian model of social insurance, which is of practical relevance for the transformation of the Russian pension system.

Keywords: social insurance, german state socialism, A. Wagner, O. Bismarck, I.I. Chistyakov, L.S. Tal, history of social policy, basic pension income, basic pension, social protection, freedom of choice

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation grant 25-18-00228 at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

For citation: Bobkov V.N., Degtyarev G.P., Ryazantsev V.I. Social Insurance: The History of the Issue in the Context of Basic Pension Income. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):409–422. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_4_409_422 (In Russ.)

Введение

В научных дискуссиях широко и активно обсуждается многослойная и многозначная конструкция понятий «базовый доход», «универсальный (безусловный) базовый доход» [1], возможность трансформации российской пенсионной системы благодаря применению концепта базовый пенсионный доход (БПД) [2; 3], в том числе в форме универсального базового пенсионного дохода [3; 4]. Ряд авторов обосновывает целесообразность интеграции в действующую систему обязательного пенсионного страхования фиксированной выплаты, гарантирующей минимальный уровень социальной защиты независимо от страхового стажа [5; 6]. Проблемы уровня и качества жизни пенсионеров, активного долголетия, межпоколенная дифференциация уровня жизни и старение населения остаются в центре внимания отечественных исследователей [4; 7], демографическая нагрузка на пенсионную систему и изменения структуры занятости усиливают актуальность поиска новых инструментов социальной политики [8; 9].

За последние годы опубликован ряд значимых работ, формирующих научный контекст исследуемой темы. В публикации В.Н. Бобкова, И.Н. Захарова, Ю.А. Шерстобитовой [10] обсуждаются теоретико-методологические основы применимости инструментария базового дохода в пенсионной системе России. В статье В.Н. Бобкова, А.Г. Пилус и Е.А. Смирновой [3] на основе обзора исследований (1990–2024 гг.) дано обоснование дополнения пенсионных систем элементами универсального базового пенсионного дохода до размера не ниже прожиточного минимума. В статье И.Н. Захарова [5] исследуются возможности введения базового дохода в пенсии и социальную защиту в Российской Федерации. Е.А. Смирнова [6] рассматривает динамику постсоветского страхования в контексте БПД. Эмпирические оценки возможного уровня жизни пенсионеров при введении БПД даны в работе В.Н. Бобкова и Е.В. Одинцовой [4].

В литературе обсуждаются как переходные (транзитивные) формы применения в России универсального (безусловного) базового дохода [11], так и выражается скептическое отношение по поводу завышенности ожиданий от его введения [12; 13], финансовых возможностей и устойчивости поддержки его полноценной модели [14].

Российская пенсионная система прошла до-революционный, советский и постсоветский периоды [6]. Для понимания перспектив её дальнейшего реформирования важно обратиться к историческим истокам социального страхования, ядром которого является пенсионное страхование, наиболее последовательно реализованное в Германии при Отто фон Бисмарке и сохраняющее свою устойчивость и в настоящее время [15; 16]. Концептуальные предпосылки создания этой системы изучены слабо: обсуждаются в основном социально-политические причины [17], тогда как сложная концептуальная конструкция остаётся вне поля зрения, за исключением отдельных работ о генезисе германской модели социального страхования [18] и теории трудового договора Л.С. Таля [19; 20].

Объектом исследования выступает система социального страхования как важный институт социальной защиты. Предметом – концептуальные основания доктрины социального страхования А. Вагнера и её возможные смысловые связи с современными концепциями универсального базового дохода и базового пенсионного дохода. Цель работы – проследить эволюцию идей, взглядов, представлений и подходов к развитию социального и пенсионного страхования от классического либерализма к германскому государственному социализму, от радикальных (революционных) реформ к постепенному (эволюционному) реформированию в Германии и России, показать преемственность этой доктрины в современных системах социального и пенсионного страхования, аргументировать плодотворность её применения в современных дискуссиях и обсуждениях мно-

гозначных и многосмысловых понятий «базовый доход», «универсальный (безусловный) базовый доход», «базовый пенсионный доход» [21; 22].

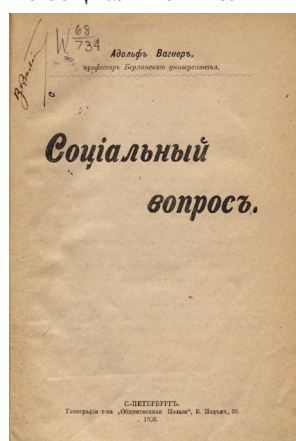
Для достижения цели поставлены задачи: (а) выявить исторические концептуальные предпосылки формирования социальной политики германского государственного социализма, введения социального, в том числе пенсионного страхования; (б) дать анализ и исторический обзор возможности введения социального страхования в российскую действительность начала XX в.; (в) раскрыть частный и публичный аспекты социального страхования через призму учения о трудовом договоре; (г) соотнести историческую доктрину социального страхования с современными дискуссиями о базовом доходе, БПД.

Гипотеза исследования: социальная доктрина А. Вагнера, с её акцентом на решение социального вопроса в процессе длительной «мирной эволюции», содержит концептуальный фундамент для формирования современного инструментария введения в России универсального и базового пенсионного дохода.

I. Теоретические и методологические основы

1.1. Концептуальные предпосылки введения социального страхования

Важное влияние на становление системы социального страхования оказали работы Адольфа Генриха Готтгельфа Вагнера (1835–1917), яркого представителя германской школы государственного социализма. Обзор проблематики государственного социализма в Германии был дан в монографии М.В. Бернацкого (1911), посвящённой «теоретической эволюции немецкого государственного социализма» и «мотивационной стороне социальной политики Бисмарка» [23, с. III].

Публичное обсуждение социального вопроса было положено выступлением А. Вагнера 12 октября 1871 г. в г. Берлине, в котором были намечены программные положения государственного социализма и социальных реформ, ставшие основой доктрины социального страхования. Речь была издана отдельной брошюрой «Социальный вопрос», переведённой на русский язык 120 лет назад, в 1906 году. В предисловии к переводу отмечено, что «проницательный ум великого экономиста верно наметил на десятки лет вперед путь социальной эволюции» [22, с. I]. А. Вагнер ставил решение социального

вопроса в зависимость от комплекса хозяйственных, правовых и этических начал, обосновывая реформы ради «мирной социальной эволюции» и призывая высшие классы содействовать ей.

А. Вагнер отмечал «тяжёлый кризис» политической экономии, неспособной решить «социальный или рабочий вопрос», который социалисты выдвигали в «беспощадной, преувеличенной и односторонней форме». Но их критика рассеяла «туман охорашивающего оптимизма», коим «влиятельная школа политической экономии долго прикрывала все недостатки» [22, с. I]. А. Вагнер указывал на незыблемость правовых принципов – «начала личной свободы человека, в связи со свободой выбора профессии, и начала абсолютного права частной собственности». Эти начала косвенно ограничивают «нравственно индифферентную» конкуренцию. Всякий волен пользоваться её выгодами, не нарушая «личной свободы и имущественных прав третьих лиц» [22, с. I].

Начала личной свободы человека стали сердцевинной ряда современных обсуждений «базового дохода» [24]. Но в работе А. Вагнера проблематика личной свободы сформулирована более чётко и касается только свободы выбора профессии: не предельно широкой, а, значит, и весьма неопределённой личной свободы вообще. Филипп Ван Парайс и Янник Вандерборхт патетически заявляют, что «идея безусловного базового дохода должна как минимум заинтересовать, а скорее, даже очаровать тех, кто хочет, чтобы мир будущего был миром свободы – реальной, а не только формальной, всеобщей, а не только для благополучного меньшинства». По их глубокому убеждению, базовый доход – «главный столп свободного общества, в котором реальная свобода процветать как благодаря работе, так и за пределами работы будет справедливо распределена», является важнейшей составляющей «радикальной альтернативы как старому социализму, так и неолиберализму», утопии, играет «огромную роль в созидаании такой картины мира, которая обращает угрозы в возможности, чувство обречённости – в решимость, а страдание – в надежду». Авторы используют в качестве нормативного критерия реальную свободу «каждого члена общества, а не только богачей» [24, с. 8, 10–11]. Проведённое в соответствии с данным критерием обширное исследование изложено в яркой публицистической форме, изобилует массой интересных, тонких и метких наблюдений, но и содержит множество весьма спорных заявлений.

Следующий глубинный аспект понимания базового дохода связан с негативными последствиями распределительных отношений, неизбежно складывающихся в процессе свободной

конкуренции, с их несправедливостью, ведущей к общественному неравенству, бедственному положению обездоленных групп и слоёв населения. А. Вагнер отмечает, что некоторые теоретики оправдывают свободу конкуренции как объективную необходимость, настаивая на её расширении, даже «если мир погибнет», а не как некую субъектность, субъективность, порождаемую определёнными, часто ничем неограниченными действиями индивидов. А. Вагнер убеждён, что при таком оправдании свободной конкуренции исчезает идея нравственной ответственности индивида, общества, государства.

А. Вагнер призывал сделать хозяйственные отношения «областью отношений человека к человеку», отношений «работодателей и работников»¹. Бесчеловечен строй, где рабочая сила – товар, а заработная плата – его цена; идею купли-продажи наёмного труда он называл «анти-экономической» и обосновывал активное вмешательство государства в «социальную распря» для ограничения «хозяйственного эгоизма» работодателей. Конечная цель – «социальный мир» [22, с. 9–10].

Своевременное исполнение справедливых требований низших классов часто было единственным средством предупредить кризисы и революционные взрывы. А. Вагнер полагал, что этические требования должны предъявляться не только к предпринимателям, но и к привилегированным классам: сокращение роскоши богатых снижает «раздражение и зависть низших классов» [22, с. 11].

В крупных организациях стороны лишены личных отношений, предприниматель и рабочие взаимно отчуждены, а классовое самосознание рабочего, сведённое «к чувству приниженности, раздражается ещё больше», нравственная ответственность за хозяйственную деятельность «никуда не исчезает», и гуманные фабриканты стремятся преодолеть отчуждение².

¹ «Работополучатель» – устаревший термин, использовавшийся в русском переводе работы А. Вагнера «Социальный вопрос» для обозначения лица, получившего работу (наёмного работника). Сам Вагнер этот термин не использовал; в немецкой правовой и экономической лексике для наёмного работника устоялся термин *Arbeitnehmer*. В современных работах о Вагнере термин иногда сохраняют ради исторического колорита, однако концептуально следует акцентировать не термин, а суть описываемых им правовых отношений: социальное страхование – не просто экономическая категория, а правовой механизм социальной защиты работника, выступающего как активный субъект, а не пассивный объект права.

² А. Вагнер не использовал в своих работах термин «отчуждение» (*Entfremdung*). К. Маркс трактовал отчуждение прежде всего как отчуждение труда: работник не владеет результатами своего труда, не контролирует процесс работы, теряет связь со своей «человеческой сущностью»; труд и капитал противостоят как социальные силы. А. Вагнер также обсуждает проблематику труда и капитала, но с акцентом

А. Вагнер, будучи представителем «социального консерватизма», по этическим соображениям отвергал и манчестерскую школу *laissez-faire* (невмешательство, свободная конкуренция) и марксизм, но разделял марксистскую критику индустриального капитализма. Немецкий экономист и социолог Ф. Оппенгеймер назвал А. Вагнера «социально-политической совестью Германии» [25, с. 208]. Отводя государству важную роль, А. Вагнер надеялся достичь устойчивого сочетания личных и общественных интересов, поскольку при крайностях манчестерства классовый антагонизм обостряется настолько, что «сумасбродные проекты социалистов» находят «сочувствие в низших слоях населения».

А. Вагнер выделял самопомощь (сторонники которой отводят государству пассивную роль, вновь выдвигая принцип свободной конкуренции), ставшую концептуальной основой англо-саксонской модели социального страхования. Но такого влияния недостаточно, что подтверждает история «фабричного законодательства». Социализм же почти во всех оттенках отвергает «самопомощь», требуя широкой «помощи со стороны государства». В социально-политических вопросах «не может существовать безусловно ни принципа пассивности, ни принципа вмешательства», нужно «настаивать на содействии высших классов» [22, с. 14].

А. Вагнер призывает беспристрастно исследовать социалистическую критику, а государству и высшим классам – признать её во многом справедливой. За преувеличениями агитаторов капиталистическая система сохраняет «громоздкое значение условий, благоприятствующих росту производительности труда», но и тенденцию к росту неравенства: труд и потребление распределяются «слишком неравномерно», а выгоды технического прогресса достаются «капиталистам и предпринимателям» в гораздо большей степени, чем рабочим [22, с. 16–17].

А. Вагнер полагает, что теоретически каждый рабочий, в силу «*принципа свободы профессий*», имеет возможность *повысить свой социальный статус*. Так о французском рядовом говорят, будто бы он носит с собой в ранце маршальский жезл. Не легче и не более часто рабочий достигает маршальского жезла в промышленной области. Печальные факты ухудшения социального положения рабочих. Необходимо положить «*предел этой тенденции или, по крайней мере, противо-*

на сглаживание конфликта через социальное страхование, регулирование рынка труда, предоставление социальных гарантий. Государство и социальные институты выступают посредниками между трудом и капиталом, чтобы снизить напряжённость и обеспечить социальную стабильность посредством мирных и эволюционных изменений.

действовать ей». Такое противодействие должно быть предпринято так, чтобы благотворное влияние системы «свободной конкуренции на производительность труда не было затронуто вовсе или в возможно меньшей степени».

Именно на такое противодействие несправедливому росту неравенства нацелены исследования проблематики введения и воплощения в обществе «базового дохода» и его разнообразных вариаций.

Социалисты выступают с разнообразными предложениями по искоренению несовершенств современного экономического строя, которые А. Вагнер классифицировал как *реакционные, радикальные и реформаторские*.

Одни видят спасение в возвращении к прежним существенным ограничениям свободной конкуренции, вплоть до возвращения к цеховой организации. Такие предложения, по мнению А. Вагнера, в большинстве случаев вытекают «из ложного консерватизма».

При расширяющейся свободе конкуренции необходимо внимательно следить за тем, чтобы под влиянием немногих априорных, мнимо абсолютных принципов не уклониться от «*эмпирического исследования вопроса*». Необходимо проведение детальных *статистических исследований*. Это один из важнейших тезисов и принципов социальной доктрины А. Вагнера, которому следуют и разнообразные современные эксперименты по введению «базового дохода».

Все рассуждения А. Вагнера приводят к выводу об ограничении «субъективно-хозяйственного интереса как необходимым условием решения социального вопроса» [22, с. 31]. Социальный вопрос сложен, комплексен и должен решаться эволюционно, а не революционно. Широкие реформы обеспечили бы «мирную социальную эволюцию».

1.2. Методология исследования

Методология исследования базируется на историко-сравнительном анализе эволюции идей социального страхования, смысловом анализе первоисточников (публичная речь А. Вагнера 1871 г., опубликованная в брошюре «Социальный вопрос» [22]; фундаментальная работа И.И. Чистякова [26]; труд Л.С. Таля [19]), на системном подходе к изучению социальных концепций. Теоретической рамкой служат положения германской школы государственного социализма, учение о трудовом договоре, включающее положения о социальных гарантиях, рассматриваемые в сопоставлении с современными институциональными исследованиями «базового дохода» и базового пенсионного дохода [3; 4; 5; 27; 28]. Современные дискуссии о БПД возвращают

к вагнеровской развернутой логике «мирной социальной эволюции» через обеспечение гарантированного минимума материальных, духовных и общественных благ. Исследования последних лет показывают, что традиционные инструменты пенсионных систем утрачивают эффективность из-за старения населения, изменения структуры занятости и важности поддержки активного долголетия, что обосновывает их дополнение элементами БПД.

В международных эмпирических исследованиях применения различных форм БПД используется определённая терминология. Так, в развитых европейских странах выплачиваются нестраховые (non-contributory) пенсии, являющиеся отдельными выплатами, которые не зависят от уплаты страховых взносов в пенсионную систему. При выплате такой пенсии проводится проверка нуждаемости (meanstest). Исследования показывают, что такие выплаты снижают риски бедности пожилых людей [29; 30].

В дискуссиях о моделях пенсионного обеспечения используется термин universal-plus, близкий к БПД и социальной пенсии. Universal означает, что выплата положена всем гражданам определённого возраста, а plus – добавку, надстройку (верхний слой, этаж) над универсальной базовой пенсией, которая может зависеть от стажа, предыдущего заработка, уплаченных взносов и степени нуждаемости. Использование данной пенсионной модели обеспечивает достаточно высокий уровень защиты от бедности [28]. Вместе с тем адекватность пенсии (pension adequacy) зависит не столько от ярлыка «универсальная», сколько от того, обеспечивает ли выплата минимальный уровень дохода и достаточное замещение утраченного заработка. Щедрые пенсии чаще снижают распространённость бедности, чем её глубину [28]. Этот вывод прямо резонирует с идеей А. Вагнера о необходимости «справедливого распределения налогов» и обеспечения гарантированного минимума дохода.

Зарубежные исследователи подчёркивают, что базовый доход может дополнять систему пенсионного страхования, но наиболее обоснованным является надстройка «этажа» [30; 31]. Д. Дюмон [31] даёт критический разбор идеи базового дохода, который, по его мнению, не решает всех проблем, но служит мощным катализатором для размышлений о эволюции социальной защиты, отвечающей вызовам XXI века (автоматизация, цифровизация труда и т.д.), видит в базовом доходе ценный источник идей об эволюционном социальном реформировании. Автор выделяет три конкретных направления, где применение идеи универсального базового дохода (universal basic

income (UBI)) может быть полезным: снижение влияния состава домохозяйства на размер социальных выплат; гибкое сочетание социальных выплат с другими источниками финансирования; ослабление требований к интеграции индивида в рынок труда в обмен на получение права свободы выбора профессий и занятий. Д. Дюмон выделяет три основных предлагаемых идеальных типа базового дохода: неолиберальный, социал-демократический, а также ориентированный на экологический и социальный переход. Его выводы и предложения вполне созвучны с положениями социальной доктрины А. Вагнера.

II. Результаты исследования и их обсуждение

2.1. Целостная система социального реформирования А. Вагнера

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть: А. Вагнером была разработана доктрина социального страхования; дано весьма детальное, всестороннее и многоаспектное экономическое обоснование необходимости законодательного введения страхования рабочих, что стало концептуальной основой подготовки и принятия в Германии пакета законов о социальном страховании. А. Вагнером была предложена целостная система социального реформирования, включающая следующие группы взаимосвязанных комплексных мер:

- 1) повышение заработной платы, сокращение рабочего дня;
- 2) обеспечение рабочих на случай болезни, инвалидности, старческой нетрудоспособности, призрение сирот, вдов и т.д.;
- 3) развитие фабричного законодательства;
- 4) организация потребительских обществ и производственных товариществ;
- 5) образовательные проекты – умственное, нравственное и религиозное развитие низших классов;
- 6) реформирование налоговой системы.

Обсуждая реализацию социального страхования, А. Вагнер указывал на необходимость строгого применения математических основ страхового дела и пробуждения у рабочих «сознания пользы» и «обязательности вступления» в страховые учреждения при содействии школы, духовенства и народной прессы. В 1872 г. при участии А. Вагнера и единомышленников (В. Лексис, Г. Шенберг, Г. Шмоллер, Л. Штейн) был образован «Союз социальной политики». На его заседаниях присутствовал и помощник О. фон Бисмарка К. фон Тидеманн [18, с. 337]. А. Вагнер провозгласил начало «социальной эпохи», ставящей во главу «человека и его труд» [18, с. 339], и обосновывал принудительное социальное страхование, ибо «широкое государственное вмешательство...

привело к осуществлению элементарнейших обязанностей человечности и христианства», назвав экономический либерализм «неумным и нечестным» [22, с. 9].

Раскрывая механизмы преодоления антагонизма между трудом и капиталом, А. Вагнер предлагал обратить в пользу рабочих выгоды промышленной революции через производительные товарищества и народные предприятия, однако замены частных предприятий такими товариществами в больших масштабах ожидать трудно [22, с. 33]. Поэтому он предлагал начать скромнее: при сохранении системы салиариата³ допустить участие рабочих в прибылях и капитале частных предприятий. К 1893 г. «более 200 промышленных фирм Англии, Франции, США, Германии» ввели такое участие [32, с. 32].

Особое значение А. Вагнер придавал государственному принуждению к социальному страхованию. Свобода лучше принуждения, но последнее необходимо пока «понимание и чувство долга не развиты в населении» и пока страховые учреждения не заслужат доверия. Помогать могут высшие классы (советом), предприниматели (взносами) и государство (законодательством), по примеру Англии стоит обсудить, не взять ли государству «на себя страхование рабочих» [22, с. 37–38].

А. Вагнер считал, что принцип *laissez-faire* и абсолютной самопомощи рабочих потерпели «постыдное поражение»; лишь «закон и принуждение со стороны государства заставили признать элементарнейшие обязанности гуманности и христианства», и государственной помощи требуют не только рабочие, но и лучшие представители капитала: «общественная совесть, наконец, снова пробудилась» [22, с. 39].

2.2. Возможности введения социального страхования в Российской империи

В конце XIX в. в Российской империи достаточно активно велась подготовительная работа по введению обязательного страхования рабочих и служащих на случай болезни, от несчастных случаев на производстве и на случай инвалидности. В фундаментальной малоизвестной работе Ивана Ивановича Чистякова (1873–1918) [26], дан глубокий обзор теоретических оснований и общественных сил, выступавших с предложениями о необходимости введения страхового обеспечения рабочих.

И.И. Чистяков отмечает, что в Германии страхование рабочих вводилось в период пролетаризации средних классов – носителей и труда, и капитала. Этот процесс, выражавшийся в коле-

³ Термин «салиариат» происходит от «salary» – регулярная заработная плата. В XIX – начале XX в. «салиариат» использовали как собирательное обозначение работников, получающих фиксированное денежное вознаграждение за труд.

бании и подрыве их самостоятельности, придал германскому типу страхования особенности: оно распространялось и на часть среднего класса, «постепенно превращавшегося в пролетариат», видоизменяясь «в народное, или социальное, страхование» при сохранении принудительности и участия в управлении [26, с. 18–19]. Вывод актуален и ныне в связи с дискуссиями о самозанятости и индивидуальном предпринимательстве [33].

По мнению И. Чистякова, в начале XX в. полноценное пенсионное страхование широких слоёв ещё не сложилось нигде. Лишь в Австрии в 1904 г. был поднят вопрос о его расширении. Под давлением предложений правительство включило в проект, наравне с наёмным трудом, мелких ремесленников, торговцев и крестьян. Закон, внесённый в 1908 г. и принятый 5 октября 1911 г., распространил страхование на «самостоятельно зарабатывающих лиц» с доходом не свыше 2400 крон в год» [26, с. 22].

И.И. Чистяков констатировал, что перенос западных общих положений на Россию начала XX в. носил характер предположений и проектов, а не факта. Страхование рабочих в России наталкивалось на трудности не по вине правительства или предпринимателей, а в силу «экономического положения рабочих», ещё не ставших пролетариатом в марксовом смысле: связь с землёй обуславливала низкую оплату и отсутствие планомерного обеспечения. «С экономической точки зрения для России и можно ждать скорее социального страхования, – почва для него богатая, – чем страхования рабочих» [26, с. 23]. В советский период тенденция страховать преимущественно рабочих усилилась, а значительные слои (мещанство) были лишены этих прав.

2.3. Частное и публичное в социальном страховании: учение о трудовом договоре и германское право

Принятие законов о социальном страховании привело к тому, что в трудовые отношения «встроился» публичный элемент: государство предоставило работнику определённые материальные гарантии в случае наступления социальных рисков (болезнь, травма, инвалидность, старость) независимо от воли и желания работодателя. У работника появилось не только договорное, но и законодательно закреплённое право на защиту, что сместило баланс сил в сторону наёмного труда и стало шагом к формированию отдельного, сложного социально ориентированного трудового права.

Основоположником учения о трудовом договоре в отечественном праве считается Лев Семенович Таль (1867–1933), долгое время работавший в Демидовском юридическом лицее в Ярославле [19].

В фундаментальной работе «Трудовой договор» он дал обоснование многим вопросам учения о трудовом договоре, анализируя западноевропейские теории, прежде всего германские, о «рабочем договоре». Данная работа стала основой теории трудового права в России [20].

Раскрывая юридическую природу трудового договора, Л.С. Таль пояснял: «Необходимость в чужом труде в практической жизни удовлетворяется путём договора двояким образом: либо работа обещается работником в виде собственной хозяйственной деятельности, обособленной от деятельности работодателя (предпринимательский труд), либо работодатель получает право на протяжении определённого времени и в определённых пределах распоряжаться чужой рабочей силой как орудием в своей хозяйственной деятельности, направляя её по своему усмотрению (служебный труд)». При служебном труде работник ограничен в хозяйственном самоопределении; выполняемое им экономически представляет «деятельность работодателя, осуществляемую через него, а не его собственную». Правовой формой для такого применения рабочей силы и служит трудовой договор [20, с. 72].

Л.С. Таль отмечал, что «науке приходится констатировать тот удивительный факт, что для одного из наиболее важных явлений хозяйственного уклада... современное гражданское право не выработало правовой формы». Он считал себя последователем Ф. Лотмара, выделявшего договор о несамостоятельном труде (работник подчиняется хозяйской власти работодателя) и договор о самостоятельном (предпринимательском) труде. Трудовым договором Л.С. Таль называл только первый вид, полагая, что лотмарский договор о труде – «не родовое понятие, а абстракция, сборное имя». Развивая концепцию, Л.С. Таль указывал, что потребность в чужом труде удовлетворяется двойственно: в порядке привлечения труда хозяйственно самостоятельного (договор подряда) либо несамостоятельного (трудовой договор, или найм рабочей силы). Наёмный работник, входя в состав персонала, выполняет не собственные задачи, а содействует достижению целей нанимателя; в процессе работы он неизбежно подчиняется хозяйской власти работодателя, «в силу социального положения, а не только как договорной стороны». Труд не одинаков, чтобы регулирование было справедливым, нужно чётко различать эту двойственность и применять к каждому свой правовой инструментарий.

Более чем через столетие после разрушения Российской империи ситуация во многом повторяется: если тогда трудового законодательства как такового не существовало, то в настоящее время

его устаревшие, лишённые гибкости нормы, поддерживающие бюрократические процедуры, не устраивают ни работников, ни работодателей. Учение Л.С. Таля не утратило актуальности. Современные цивилисты ссылаются на Л.С. Талья, формулируя задачи реформы как «преобразование договора личного найма... в чисто обязательственный договор». Уничтожить «присущий им элемент власти над личностью законодатель не в состоянии», а может лишь определить границы, за пределами которых защита подвластного лица «противоречит принципу верховенства права». Определение границ такого закона – прямая задача гражданского права; поиски мер противодействия их нарушению – «задача социальной и законодательной политики» [19, с. 253]. Отчуждать труд юридически невозможно, поскольку только работник может распоряжаться своей рабочей силой, но власть над работником принадлежит «хозяину в силу социального положения», а не только как договорной стороны. Хозяйская власть не зависит и от права собственности на средства производства: власть предпринимателя-собственника и его власть как хозяина-организатора – две различные сферы правового регулирования.

В германском праве одним из наиболее концептуально значимых является вопрос о возникновении и сущности «индивидуального трудового договора» (*Arbeitsvertrag*): «Является ли трудовое право частью нашего общего гражданского права... или о трудовом праве можно говорить как о возникшей в новое время специальной отрасли права (*Sonderrecht*), которая очень далека от гражданского права?» [34, с. 33]. Исследователей делят либо на сторонников «концепции самостоятельности трудового права» (*Selbstaendigkeitskonzept*), либо на приверженцев «интеграционной теории» (*Integrationsthese*), рассматривающей трудовое право в неразрывной связи с гражданским [34, с. 34]. Институт трудового договора «вплавлен» в систему гражданско-правовых договоров, имея единую историю; трудовое право может «обособиться» от необходимости закреплять «автономию воли», выражающуюся в «балансе интересов». Современное германское гражданское право не препятствует созданию усиленной защиты наёмного работника, а способствует этому: идея «неравенства субъектов» и поиск «справедливого баланса их интересов» не чужды частному праву.

О.Л. Лысенко показывает, что значительный вклад в становление современного института трудового договора в германском праве внесли имперские законы 1880–1890-х гг. об обязательном страховании – «революция сверху», заложившая зрелую социальную политику [34, с. 36–37]. В этом же русле А. Вагнер рассматривается сов-

ременными исследователями как один из главных теоретиков германской модели социального страхования, давший её обоснование и непосредственно участвовавший в формировании модели через «Союз социальной политики» [18; 21].

Важную роль в становлении понятия трудового договора сыграло учение О. фон Гирке о «длительном правоотношении» [34, с. 40]: объединение людей предстает как единство, где «социальное право превалирует над индивидуальным» [35], а частное право становится «социально ориентированным» [34, с. 42–43]. Трудовое право защищает не только промышленных рабочих, но и «частных служащих» (*Privatangestellte*), устанавливая императивные минимальные условия для всех наёмных работников [34, с. 52–53].

2.4. Обсуждение результатов исследования

Проведённый анализ позволяет сопоставить вагнеровскую доктрину социального страхования с современными подходами к базовому пенсионному доходу и выявить глубинную содержательную преемственность между ними. Как и А. Вагнер, сторонники базового пенсионного дохода исходят из необходимости государственной гарантии минимального дохода при наступлении риска старости и утраты трудоспособности, дополняющей (а не заменяющей) страховую и накопительную части пенсии [3; 6]. При этом если А. Вагнер обосновывал обязательное страхование как средство «мирной социальной эволюции» и предотвращения классового взрыва, то современные авторы подчёркивают утрату эффективности традиционных пенсионных инструментов в условиях старения населения и изменения структуры занятости, что делает БПД не только макроэкономически этичным, но и императивом [3; 4; 9; 36; 37].

Эмпирические исследования германской модели О. фон Бисмарка подтверждают долгосрочную устойчивость и институциональную значимость заложенного А. Вагнером подхода. Введение обязательного страхования в 1880-х гг. быстро расширило охват (до ~29% работников в медицинском, ~58% – в пенсионном страховании уже на начальном этапе) и заменило дискреционную местную помощь национально определёнными правами. Демографические эффекты (например, на брачность и рождаемость в Пруссии) оказались умеренными [38, с. 905]. Сравнительные исследования показывают, что германский поворот к протекционизму в 1879 г. облегчил принятие затратного для работодателей социального страхования, а самоорганизация (паритетное представительство труда и капитала в страховых кассах) стала институциональным каркасом корпоративного индустриального порядка [39; 40]. Заложённая О. фон Бисмарком модель социального стра-

хования получила глобальное распространение и в XX в., стала преобладающей формой социальной защиты [41]. Промышленники поддерживали пенсии и арбитражные советы, стремясь примирить труд с капиталистическим обществом и стабилизировать социальный порядок [42]. Исследования показали, что обязательное страхование защищает высокорисковые группы лучше добровольных рынков [43]. Современные эмпирические оценки подтверждают устойчивость бисмарковской модели и фиксируют готовность немецкого общества к её дальнейшему применению [44]. Таким образом подтверждается выдвинутая гипотеза: доктрина А. Вагнера содержит концептуальный фундамент для организации и преемственного введения разнообразных инструментов социальной защиты, в том числе БПД, а современные дискуссии представляют собой новый виток «мирной социальной эволюции», начатой в Германии XIX в.

Особого внимания заслуживает методологическое родство двух подходов. А. Вагнер настаивал на «строгом применении математических основ страхового дела» и на пробуждении у застрахованных «сознания пользы» страхования. Современные предложения по БПД развивают эту логику, обосновывая поэтапное доведение базового пенсионного дохода до размера не ниже национального прожиточного минимума, превышающегося над страховой и иными составляющими пенсии [5; 37]. Снижение бедности пожилых достигается, прежде всего, адекватным «этажом» (размером) выплат, а не самим фактом универсальности охвата [27; 28; 29].

Российская специфика, описанная И.И. Чистяковым, – сохранение связи работника с альтернативными источниками существования и широкий слой «самостоятельно зарабатывающих лиц» – прямо корреспондирует спорам о samozанятости [9; 33]. Отечественная литература констатирует низкую адекватность, фискальное напряжение и дисбалансы на рынке труда [13; 37; 45; 46]. Пенсионная реформа 2019 г. сохранила возможности исполнения обязательств Социальным фондом России, но не балансирует его [47], а при невозможности трудоустройства старших рискует сформировать «доходно-нуждающуюся» группу пожилых [13; 46]. Потому для России предлагается гибридный дизайн: сохранить страховую пенсию, усилить сбор взносов и накопительную составляющую, а уязвимым группам добавить ограниченный «базово-доходный» уровень [47]. Переходные формы пользуются большей поддержкой, чем введение полноценного базового дохода (БД): 49% экспертов выступают за транзитивные формы и лишь 5,9% – за полный БД [11],

часть авторов при этом скептически оценивает преувеличенные ожидания от базового дохода [12, с. 83–86].

Сопоставление учения Л.С. Таля и германской доктрины индивидуального трудового договора с идеей БПД позволяет сделать вывод о праве наёмного работника на защиту публично закреплённым, а не только договорным правом. Если трудовой договор по Л.С. Талю конструирует – «власть над работником принадлежит хозяину в силу его социального положения, а не только как договорной стороны», то базовый доход выступает коррективом этой асимметрии, гарантируя работнику минимальный жизненный стандарт независимо от рыночной конъюнктуры, – что перекликается с вагнеровским требованием «социального мира» через институциональное ограничение «субъективно-хозяйственного интереса».

Теоретическая новизна работы – в рассмотрении БПД не как заимствованного западного концепта, а как институционального продолжения традиции социального страхования, восходящей к доктрине А. Вагнера; практическая значимость – в обосновании того, что введение БПД в России опирается на устойчивую традицию социального страхования и требует комплексного подхода (базовая составляющая при гарантии достижения прожиточного минимума, страховая и накопительная). Ограничение исследования – преимущественно концептуально-исторический характер анализа; моделирование эффектов для уровня жизни пенсионеров требует продолжения.

Выводы

По результатам исследования сформулированы следующие выводы.

Во-первых, гипотеза исследования подтверждается: социальная доктрина А. Вагнера с её акцентом на решение социального вопроса в процессе длительной «мирной эволюции» содержит концептуальный фундамент для формирования современного инструментария введения в России универсального [2] и базового пенсионного дохода [10].

Во-вторых, доктрина А. Вагнера стала концептуальной основой системы социального страхования, реализованной в законах 1880–1890-х гг., и нашла отражение в российской дореволюционной мысли (И.И. Чистяков, Л.С. Таль), а идея «социального мира» через эволюционные, а не революционные реформы сохраняет значимость.

В-третьих, публичность социального страхования, закреплённая в трудовом праве (учение Л.С. Таля, германская доктрина индивидуального трудового договора, идеи О. фон Гирке, современное социальное законодательство), существенно

расширяет круг лиц (средние классы) нуждающихся в социальной защите, обосновывает право наёмного работника на такую защиту, что соответствует универсальности базового пенсионного дохода.

Теоретическая значимость работы состоит в реконструкции концептуальных оснований социального страхования и вписывании идеи БПД в эту традицию, практическая – в обосновании того, что трансформация российской пенсионной системы через БПД опирается на устойчивый институциональный фундамент и требует комплекс-

ного (базовая + страховая + накопительная части пенсии) решения при гарантии прожиточного минимума базовой частью пенсии. Перспективы исследования связаны с количественным моделированием эффектов и эффективности введения БПД для повышения уровня жизни российских пенсионеров и с оценкой институциональных условий его имплементации в действующую систему обязательного пенсионного страхования, [2], а также с учётом зарубежного опыта гибридных пенсионных реформ [28; 29; 30; 31].

Список источников

1. Квашинин Ю.Д. Базовый доход для европейских стран: от теории к практике. // Современная Европа. 2019. № 3(89). С. 171–182. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32019171181> EDN ANPRFR
2. Универсальный базовый доход: шанс для России?: [монография] / В.Н. Бобков, [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Е.В. Одинцовой. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова; Ижевск: Шелест, 2022. 360 с. ISBN 978-5-6048876-5-3 <https://doi.org/10.21686/978-5-6048876-5-3> 2022
3. Бобков В.Н., Пилюс А.Г., Смирнова Е.А. Базовый доход и пенсионные системы: обзор исследований и контуры преобразований // Российский экономический журнал. 2024. № 4. С. 87–113. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2024_4_87 EDN JYVIJH
4. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Уровень жизни российских пенсионеров и его динамика при введении базового пенсионного дохода // Социологические исследования. 2025. № 11. С. 110–122. <https://doi.org/10.7868/S3034577X25110091> EDN NIANTC
5. Захаров И.Н. Возможности введения элементов базового дохода в выплату пенсий и социальной помощи в Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 482–498. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_1_482_498 EDN JYVIJH
6. Смирнова Е.А. Динамика постсоветской системы обязательного пенсионного страхования и базовый пенсионный доход // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 385–396. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_5_385_396 EDN VEFVSD
7. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Материальное благосостояние россиян: межпоколенная дифференциация // Мир новой экономики. 2021. Том 15. № 2. С. 16–28. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28> EDN RKHAKU
8. Потапенко В.В. Старение населения и демографическая нагрузка на российскую пенсионную систему // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 5. С. 27–45. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_5_27_45 EDN ISBAMN
9. Lukyanets A., Okhrimenko I., Egorova M. Population Aging and Its Impact on the Country's Economy. *Social Science Quarterly*. 2021;102(2):722–736. <https://doi.org/10.1111/ssqu.12936>
10. Bobkov V.N., Zakharov I.N., Sherstobitova Yu.A. Issues of Introducing a Basic Income into the Russian National Pension System. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2026;19(1):157–176. <https://doi.org/10.15838/esc.2026.1.103.12> EDN AMWWCX
11. Bobkov V.N., Zolotov A.S., Odintsova E.V. Transitional Forms of Universal Basic Income as a Real Prospect for Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021;14(4):33–47. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.2> EDN RUEIMP
12. Кислицына О.А. Нужны ли нам «бесплатные деньги»? О дискуссии вокруг безусловного базового дохода // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 80–92. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4.5> EDN EYFLBD
13. Ivanov S.F. Pension Reform 2019: Determinants, Consequences, Alternatives. *Demographic Review*. 2019;6(5):8–54. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i5.11459> EDN EJTQSF
14. Андреевкова А.В. Отношение российской молодежи к идее безусловного базового дохода – понимание, мотивы, заблуждения // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 38–61 <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4.3> EDN AUUJRW
15. Сироткина Е.В. Эволюция законодательства о пенсионном страховании в Германии и Австрии в XIX–XX вв.: «болевы́е точки» и пути их преодоления // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Том 8. № 4. С. 502–509. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-502-509> EDN MADIXM
16. Дегтярев Г.П., Дегтярев А.Г. Пенсионная система Германии: параметры, структура, основные характеристики // Социально-трудовые исследования. 2020. № 1(38). С. 139–152. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-38-1-139-152> EDN AYKOBV

17. Фоломеев С.Н. Власть и социальное законодательство рабочих в Германии второй половины XIX века: намерения и результаты // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Том 20. № 3-1(83). С. 163–170. EDN XWCJBV
18. Лушников А.М. Генезис германской модели социального страхования: история и современность // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Том 17. № 3. С. 328–345. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2020-17-3-328-345> EDN NNWJFL
19. Таль Л.С. Трудовой договор: цивилистическое исследование. Часть 1: Общие учения. Ярославль: типография Губернского правления, 1913. 422 с.
20. Лушников А.М. Л. С. Таль и В. М. Гордон: двойной портрет к юбилею // Ежегодник трудового права. 2022. № 12. С. 63–75. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2022.106> EDN FDJEKG
21. Лушников А.М. А. Вагнер и генезис науки права социального обеспечения // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2020. № 14. С. 4–31. EDN FMZGOP
22. Вагнер А. Социальный вопрос. СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1906. 56 с.
23. Бернацкий М.В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб.: Типо-лит. Шредера, 1911. 492 с.
24. Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 440 с. ISBN 978-5-7598-1784-0 <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1784-0>
25. Оппенгеймер Ф. Государство: Переосмысление. М.: Проект Rustate.org, 2020. 255 с. ISBN 978-5-244-01220-0
26. Чистяков И.И. Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1912. 432 с.
27. Ebbinghaus B. Inequalities and Poverty Risks in Old Age across Europe: The Double-edged Income Effect of Pension Systems. *Social Policy and Administration*. 2021;55(3):440-455. <https://doi.org/10.1111/spol.12683>
28. Ahn S., Kwon E., Kang J., et al. Retirement Factors Driving South Korea's Highest Older Adult Poverty Rate Among OECD Nations: A Decomposition Analysis. *Innovation in Aging*. 2025;9(2):814. <https://doi.org/10.1093/geroni/igaf122.2760>
29. Kuitto K., Madia J., Podestà F. Public Pension Generosity and Old-Age Poverty in OECD Countries. *Journal of Social Policy*. 2021;52(2):256–275. <https://doi.org/10.1017/s0047279421000544>
30. Martinelli L., Vanderborght Y. Basic Income and the Social Investment State: Towards Mutual Reinforcement? *European Journal of Social Security*. 2022;24(1):40–57. <https://doi.org/10.1177/13882627221085019>
31. Dumont D. Universal Basic Income as a Source of Inspiration for the Future of Social Protection Systems? A Counter-Agenda. *European Journal of Social Security*. 2022;24(3):299–318. <https://doi.org/10.1177/13882627221138599>
32. Ключко В.Н. Участие работников в прибыли и капитале компании: история и перспективы // Менеджмент в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 33–42. EDN WKGEMF
33. Далеян В.А., Полтерович В.В. Пенсионные реформы и теневой сектор: моделирование поведения доходных групп // Экономическая наука современной России. 2022. № 1(96). С. 56–72. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-1\(96\)-56-72](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-1(96)-56-72) EDN ZAPSSS
34. Лысенко О.Л. Становление института трудового договора в германском праве в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 6. С. 32–55. EDN NCINJP
35. Лысенко О.Л. Социальная функция договора в гражданском праве Германии в конце XIX – первой трети XX века. М.: Издательский дом «Городец», 2023. 336 с. ISBN 978-5-907641-32-7
36. He C. From Utopian Socialism to Modern Welfare States: The Evolutionary Trajectory of Social Welfare Thought. *International Journal of Education and Humanities*. 2024;14(2):100-103. <https://doi.org/10.54097/m8tjtd04>
37. Дорофеев М.Л. Анализ факторов и направлений преодоления бедности российских пенсионеров в современных условиях // Сибирская финансовая школа. 2022. № 2(146). С. 209-216. <https://doi.org/10.34020/1993-4386--2022-2-209-216> EDN DBQBRI
38. Подольский В.А. Происхождение социальной политики в Германии // Via in Tempore. История. Политология. 2021. Том 48. № 4. С. 901–910. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2021-48-4-901-910> EDN YCCLYK
39. Guinnane T.W., Streb J. The Introduction of Bismarck's Social Security System and its Effects on Marriage and Fertility in Prussia. *Population and Development Review*. 2021;47(3):749-780. <https://doi.org/10.1111/padr.12426>
40. Matsunaga T. Significance of Economic Openness for the Origins of Social Insurance Policies in the Initial Stage: A Comparative Study. *New Political Economy*. 2024;29(4):678–692. <https://doi.org/10.1080/13563467.2024.2326862>
41. Manow P. Social Protection, Capitalist Production: The Bismarckian Welfare State in the German Political Economy, 1880-2015. Oxford: Oxford Academic, 2020. 180 p. ISBN 9780192580115 <https://doi.org/10.1093/oso/9780192580115>
42. Hu A., Manning P. The Global Social Insurance Movement since the 1880s. *Journal of Global History*. 2010;5(1):125–148. <https://doi.org/10.1017/S1740022809990350>
43. Reckendrees A. Why Did German Early Industrial Capitalists Suggest Workers' Pensions, Arbitration Boards and Minimum Wages? *Economic History Yearbook*. 2020;61(2):351–376. <https://doi.org/10.1515/jbwg-2020-0015>
44. Buchner F., Schut F.T. High-risk Individuals in Voluntary Health Insurance Markets: The Elephant in the Room? *Health Economics, Policy and Law*. 2025;21(1):40-53. <https://doi.org/10.1017/s1744133125000118>
45. Breyer F., Breunig C., Kapteina M., et al. Between Beveridge and Bismarck: Preferences for Redistribution through Public Pensions. *Journal of the Economics of Ageing*. 2025;31:100570. <https://doi.org/10.1016/j.jjeoa.2025.100570>

46. Земляк С.В., Крамлик О.Ю. Подходы к реформированию пенсионной системы России: возможности применения зарубежного опыта // *Фундаментальные исследования*. 2024. № 5. С. 34–39. <https://doi.org/10.17513/fr.43610> EDN VLZGUF
47. Semenova G.P. The Need for Pension Reform in Russia. 8th Innovative Technologies in Science and Education, ITSE 2020 Conference Proceedings; August 19-30, 2020; Rostov-on-Don, Russia. France: EDP Sciences. 2020:13029 <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021013029> EDN NNCGNK

Информация об авторах:

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного проекта, лаборатория исследований базового пенсионного дохода, Институт экономики Российской академии наук (SPIN-код: 5639-0410) (ResearcherID: U-6527-2019) (Scopus ID: 55960509800)

Григорий Павлович Дегтярев – доктор экономических наук, независимый эксперт-исследователь (SPIN-код: 2756-3590)

Вадим Игоревич Рязанцев – стажер-исследователь, лаборатория исследований базового пенсионного дохода, Институт экономики Российской академии наук (SPIN-код: 5026-3614)

Заявленный вклад авторов:

В.Н. Бобков – концепция исследования, научное руководство, научная редакция.

Г.П. Дегтярев – сбор и анализ источников, подготовка текста, общая редакция.

В.И. Рязанцев – анализ источников, общая редакция.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Рязанцев Вадим Игоревич.

Статья поступила в редакцию 18.07.2026; одобрена после рецензирования 07.08.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Kvashnin Yu.D. Basic Income for the European Countries: From Theory to Practice. *Sovremennaya Evropa=Contemporary Europe*. 2019;(3(89)):171–182. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32019171181> (In Russ.)
2. Bobkov V.N. (ex. ed.), Odintsova E.V. (eds.), et al. **Universal Basic Income: A Chance for Russia? Monograph**. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics; Izhevsk: Shelest; 2022. 360 p. ISBN 978-5-6048876-5-3 <https://doi.org/10.21686/978-5-6048876-5-3-2022> (In Russ.)
3. Bobkov V.N., Pilyus A.G., Smirnova E.A. Basic Income and Pension Systems: A Review of Research and Outlines of Transformation. *Rossiiskii Ehkonomicheskii Zhurnal=Russian Economic Journal*. 2024;(4):87–113. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2024_4_87 (In Russ.)
4. Bobkov V.N., Odintsova Ye.V. The Russian Pensioners Standarts of Living and it's Dynamics with the Introduction of Basic Pension Income. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2024;(11):110–122 <https://doi.org/10.7868/S3034577X25110091> (In Russ.)
5. Zakharov I.N. Possibilities of Introducing Elements of Basic Income into Pension Payments and Social Assistance in the Russian Federation. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):482–498. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_1_482_498 (In Russ.)
6. Smirnova E.A. Dynamics of the Post-Soviet Compulsory Pension Insurance System and the Basic Pension Income. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):385–396. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_5_385_396 (In Russ.)
7. Bobkov V.N., Odintsova E.V. Material Well-Being of Russians: Intergenerational Differentiation. *Mir novoi ehkonomiki=The World of New Economy*. 2021;15(2):16–28. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28> (In Russ.)
8. Potapenko V.V. Populating Aging and the Demographic Burden on the Russian Pension System. *Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2025;(5):27–45. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_5_27_45 (In Russ.)
9. Lukyanets A., Okhrimenko I., Egorova M. Population Aging and Its Impact on the Country's Economy. *Social Science Quarterly*. 2021;102(2):722–736. <https://doi.org/10.1111/ssqu.12936>
10. Bobkov V.N., Zakharov I.N., Sherstobitova Yu.A. Issues of Introducing a Basic Income into the Russian National Pension System. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2026;19(1):157–176. <https://doi.org/10.15838/esc.2026.1.103.12> EDN AMWWCX
11. Bobkov V.N., Zolotov A.S., Odintsova E.V. Transitional Forms of Universal Basic Income as a Real Prospect for Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021;14(4):33–47. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.2> (In Russ.)
12. Kislitsyna O.A. Do We Need Free Money? On the Debate about Universal Basic Income. *Vestnik Instituta Sotziologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023;14(4):80–92. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4.5> (In Russ.)
13. Ivanov S.F. Pension Reform 2019: Determinants, Consequences, Alternatives. *Demographic Review*. 2019;6(5):8–54. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i5.11459>

14. Andreenkova A.V. Attitude of Russian Youth to the Idea of Unconditional Basic Income – Understanding, Motives, Misconceptions. *Vestnik Instituta Sotziologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023;14(4)38–61. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4.3> (In Russ.)
15. Sirotkina, E.V. The Evolution of Pension Insurance Legislation in Germany and Austria in the 19th–20th Centuries: «Pain Points» and Ways to Overcome Them. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava=Current Issues of the State and Law*. 2024;8(4):502–509. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-502-509> (In Russ.)
16. Degtyarev G.P., Degtyarev A.G. Germany's Pension System: Parameters, Structure, Basic Characteristics. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labour Research*. 2020;(1(38)):139–152. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-38-1-139-152> (In Russ.)
17. Folomeev S.N. Power and Social Legislation for Workers in Germany in the Second Half of the XIX Century: Intentions and Results. *Izvestiya Samaraskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 2018;20(3-1(83)):163–170. (In Russ.)
18. Lushnikov A.M. The Genesis of the German Social Insurance Model: History and Present. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie=Siberian Law Review*. 2020;17(3):328–345. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2020-17-3-328-345> (In Russ.)
19. Tal' L.S. Trudovoi Dogovor: Tsivilisticheskoe Issledovanie. Chast' 1: Obshchie Ucheniya. Yaroslavl: Print Shop of Gubernskogo Pravleniya; 1913. 422 p. (In Russ.)
20. Lushnikov A.M. L. S. Tal and V. M. Gordon: Double Portrait for the Anniversary. *Ezhegodnik trudovogo prava=Russian Journal of Labour and Law*. 2022;(12):63–75. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2022.106> (In Russ.)
21. Lushnikov A.M. A. Wagner and the Genesis of Social Security Law Science. *Vestnik trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya*. 2020;(14):4–31. (In Russ.)
22. Wagner A. The Social Question. Saint Petersburg: Obshchestvennaya Pol'za Print Shop; 1906. 56 p. (In Russ.)
23. Bernatskii M.V. Teoretiki Gosudarstvennogo Sotsializma v Germanii i Sotsial'no-Politicheskie Vozzreniya Knyazya Bismarka. Saint Petersburg: Tipo-lit. Shredera; 1911. 492 p. (In Russ.)
24. Van Parijs F., Vanderborght Ya. Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy. Moscow: HSE University Publishing House; 2020. 440 p. ISBN 978-5-7598-1784-0 <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1784-0> (In Russ.)
25. Oppenheimer F. The State: Its History and Development Viewed Sociologically. Moscow: Proekt Rustate.org; 2020. 255 p. ISBN 978-5-244-01220-0 (In Russ.)
26. Chistyakov I.I. Strakhovanie Rabochikh v Rossii. Moscow: Pechatnya A. I. Snegirevoi; 1912. 432 p. (In Russ.)
27. Ebbinghaus B. Inequalities and Poverty Risks in Old Age across Europe: The Double-edged Income Effect of Pension Systems. *Social Policy and Administration*. 2021;55(3):440–455. <https://doi.org/10.1111/spol.12683>
28. Ahn S., Kwon E., Kang J., et al. Retirement Factors Driving South Korea's Highest Older Adult Poverty Rate Among OECD Nations: A Decomposition Analysis. *Innovation in Aging*. 2025;9(2):814. <https://doi.org/10.1093/geroni/igaf122.2760>
29. Kuitto K., Madia J., Podestà F. Public Pension Generosity and Old-Age Poverty in OECD Countries. *Journal of Social Policy*. 2021;52(2):256–275. <https://doi.org/10.1017/s0047279421000544>
30. Martinelli L., Vanderborght Y. Basic Income and the Social Investment State: Towards Mutual Reinforcement? *European Journal of Social Security*. 2022;24(1):40–57. <https://doi.org/10.1177/13882627221085019>
31. Dumont D. Universal Basic Income as a Source of Inspiration for the Future of Social Protection Systems? A Counter-Agenda. *European Journal of Social Security*. 2022;24(3):299–318. <https://doi.org/10.1177/13882627221138599>
32. Klyuchko V.N. Participation of Employees in Profits and Capital of the Company: History and Prospects. *Menedzhment v Rossii i za Zarubezhom*. 2016;(4):33–42. (In Russ.)
33. Danielyan V., Polterovich V.V. Pension Reforms and the Informal Sector: Modeling of Income Groups Behavior. *Ehkonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii=Economics of Contemporary Russia*. 2022;(1(96)):56–72. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-1\(96\)-56-72](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-1(96)-56-72) (In Russ.)
34. Lysenko O.L. Labour Contract Institute Development in German Law in the End of XIXth – Beginning of XXth Century. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo=Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2010;(6):32–55. (In Russ.)
35. Lysenko O.L. Sotsial'naya Funktsiya Dogovora v Grazhdanskom Prave Germanii v Kontse XIX – Pervoi Treti XX Veka. Moscow: Gorodec Publishing House; 2023. 336 p. ISBN 978-5-907641-32-7 (In Russ.)
36. He C. From Utopian Socialism to Modern Welfare States: The Evolutionary Trajectory of Social Welfare Thought. *International Journal of Education and Humanities*. 2024;14(2):100–103 <https://doi.org/10.54097/m8tjtd04>
37. Dorofeev M. Analysis of Factors and Directions of Overcoming the Poverty of Russian Pensioners in Modern Conditions. *Sibirskaya finansovaya shkola=Siberian Financial School*. 2022;(2(146)):209–216. <https://doi.org/10.34020/1993-4386-2022-2-209-216> (In Russ.)
38. Podolskiy V.A. Origins of the Social Policy in Germany. *Via in Tempore. Istoriya. Politologiya=Via in Tempore. History and Political Science*. 2021;48(4):901–910. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2021-48-4-901-910> (In Russ.)
39. Guinnane T.W., Streb J. The Introduction of Bismarck's Social Security System and its Effects on Marriage and Fertility in Prussia. *Population and Development Review*. 2021;47(3):749–780. <https://doi.org/10.1111/padr.12426>
40. Matsunaga T. Significance of Economic Openness for the Origins of Social Insurance Policies in the Initial Stage: A Comparative Study. *New Political Economy*. 2024;29(4):678–692. <https://doi.org/10.1080/13563467.2024.2326862>
41. Manow P. Social Protection, Capitalist Production: The Bismarckian Welfare State in the German Political Economy, 1880–2015. Oxford:OxfordAcademic;2020.180p. ISBN9780192580115 <https://doi.org/10.1093/oso/9780192580115>
42. Hu A., Manning P. The Global Social Insurance Movement since the 1880s. *Journal of Global History*. 2010;5(1):125–148. <https://doi.org/10.1017/S1740022809990350>

43. Reckendrees A. Why Did German Early Industrial Capitalists Suggest Workers' Pensions, Arbitration Boards and Minimum Wages? *Economic History Yearbook*. 2020;61(2):351–376. <https://doi.org/10.1515/jbwg-2020-0015>
44. Buchner F., Schut F.T. High-risk Individuals in Voluntary Health Insurance Markets: The Elephant in the Room? *Health Economics, Policy and Law*. 2025;21(1):40–53. <https://doi.org/10.1017/s1744133125000118>
45. Breyer F., Breunig C., Kapteina M., Et al. Between Beveridge and Bismarck: Preferences for Redistribution through Public Pensions. *Journal of the Economics of Ageing*. 2025;(31):100570. <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2025.100570>
46. Zemlyak S.V., Kramlikh O.Yu. Approaches to Reforming the Pension System of Russia: Possibilities of Applying Foreign Experience. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental Research*. 2024;(5):34–59. <https://doi.org/10.17513/fr.43610> (In Russ.)
47. Semenova G.P. The Need for Pension Reform in Russia. 8th Innovative Technologies in Science and Education, ITSE 2020 Conference Proceedings; August 19–30, 2020; Rostov-on-Don, Russia. France: EDP Sciences. 2020:13029 <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021013029> EDN NNCGNK

Information about the authors:

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Head of Scientific Project, Laboratory for Research on the Basic Pension Income, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (SPIN-code: 5639-0410) (ResearcherID: U-6527-2019) (Scopus ID: 55960509800)

Grigory P. Degtyarev – Doctor of Economics, Independent expert-researcher. (SPIN-code: 2756-3590)

Vadim I. Ryazantsev – Intern Researcher, Laboratory for Research on the Basic Pension Income, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (SPIN-code: 5026-3614)

Contribution of the authors:

Vyacheslav N. Bobkov - research concept, scientific supervision, scientific editing.

Grigory P. Degtyarev - collection and analysis of sources, text preparation, general editing.

Vadim I. Ryazantsev - analysis of sources, general editing.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Vadim I. Ryazantsev.

The article was submitted 18.07.2026; approved after reviewing 07.08.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Оригинальная статья

УДК 338.2, 364.1

JEL I38, J14

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_5_423_437

EDN SFCFLH

Концептуальная модель взаимодействия ключевых акторов системы программирования благополучной старости

Татьяна Сергеевна Соловьева¹, Андрей Васильевич Попов²

^{1,2} Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

¹ (solo_86@list.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-1770-7566>)

² (ai.popov@yahoo.com), (<https://orcid.org/0000-0002-4803-1354>)

Аннотация

Демографическое старение является одним из главных вызовов для многих стран, в т.ч. и для России, поскольку влечёт за собой возрастающую нагрузку на системы здравоохранения, пенсионного и социального обеспечения, а также создаёт риски дефицита трудовых ресурсов. С другой стороны, появляется необходимость в эффективном использовании ресурсного потенциала старшего поколения для решения социально-экономических задач. В сложившихся условиях особую значимость приобретает переход от фрагментарных мер социальной политики к формированию целостной системы, направленной на объединение усилий различных стейкхолдеров в обеспечении благополучия пожилых людей. Цель данной статьи заключается в разработке концептуальной модели взаимодействия ключевых заинтересованных сторон по вопросам программирования благополучия старшего поколения. Исследование базируется на использовании концепций социального государства и благополучного старения, модели селекция – оптимизация – компенсация, экосистемного подхода с применением методов анализа, синтеза и концептуального моделирования. Эмпирическую основу составили данные социологического опроса населения и экспертного опроса основных акторов, которые могут влиять на достижение цели благополучной старости, проведённые в Вологодской области в 2025 году. Это позволило выявить значимость различных источников и направлений поддержки, реализуемых различными стейкхолдерами, а также оценить активность и эффективность работы ключевых организаций и акторов с пожилыми людьми. Ключевым результатом работы стала разработка концептуальной модели взаимодействия акторов в системе программирования благополучной старости, включающая уточнение принципов её построения, определение выполняемых акторами функций в зависимости от этапа жизненного цикла человека. Практическая значимость исследования связана с возможностью использования предложенной модели для разработки и реализации мероприятий по совершенствованию социальной политики.

Ключевые слова: демографическое старение, благополучие, благополучная старость, социальная политика, система программирования благополучной старости, акторы, взаимодействие, концептуальная модель

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-78-10128. URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>.

Для цитирования: Соловьева Т.С., Попов А.В. Концептуальная модель взаимодействия ключевых акторов системы программирования благополучной старости // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 423–437. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_5_423_437 EDN SFCFLH

RAR (Research Article Report)

JEL I38, J14

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_5_423_437

A Conceptual Model of the Interaction between Key Actors in a Programming System for a Prosperous Old Age

Tatiana S. Soloveva¹, Andrei V. Popov²

^{1,2} Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

¹ (solo_86@list.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-1770-7566>)

² (ai.popov@yahoo.com), (<https://orcid.org/0000-0002-4803-1354>)

Abstract

Demographic aging is a major challenge for many countries, including Russia. It places an increasing demand on healthcare, pension, and social security systems. Additionally, it poses risks of labor shortages. On the other hand, there is a need to effectively utilize the resource potential of older people to solve socio-economic issues. In this context, it is particularly important to shift from fragmented social policies to the formation of an integrated system that brings together the efforts of different stakeholders to ensure the well-being of the elderly. The aim of this paper is to develop a theoretical framework of interaction between key players in promoting the well-being of older people. The study is grounded in applying the welfare state and successful aging concepts. It employs the selection–optimization–compensation model and an ecosystem approach, utilizing methods such as analysis, synthesis, and conceptual modelling. The information base consists of data from a sociological survey of the Vologda Oblast population and an expert survey of key actors in a programming system for a prosperous old age, conducted in 2025. This made it possible to identify the significance of various sources and forms of support provided by different stakeholders, as well as to evaluate the performance and effectiveness of key organizations and actors working with the elderly. The main outcome of the project was the creation of a conceptual model of interaction between various actors in a programming system for a prosperous old age. This included clarifying the principles behind its design and determining the roles played by different actors at different stages of the human life cycle. The practical significance of the study relates to the potential use of the proposed model for developing and implementing measures to improve social policies.

© Соловьева Т.С., Попов А.В., 2026

Keywords: demographic aging, well-being, prosperous old age, social policy, programming system for a prosperous old age, actors, interaction, conceptual model

Acknowledgments: the reported study was funded by RSF within the scientific project no. 23-78-10128, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10128/>.

For citation: Soloveva T.S., Popov A.V. A Conceptual Model of the Interaction between Key Actors in a Programming System for a Prosperous Old Age. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):423–437. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_5_423_437 (In Russ.)

Введение

Глобальный процесс демографического старения является одним из главных вызовов для многих стран и регионов мира. На 2024 год средний показатель ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) достиг значения в 73,3 года, только за последние тридцать лет увеличившись на 8,4 года¹. Согласно прогнозам, к 2050 году численность людей в возрасте 60 лет и старше в мире составит порядка 22% населения², в России к 2046 году – 27%³. Это влечёт за собой ряд негативных социальных и экономических последствий, затрагивающих такие аспекты как: рост расходов на здравоохранение и социальное обеспечение, а также финансовой нагрузки на работающее население [1], возможное снижение производительности труда и ВВП [2], увеличение рисков социальной изоляции и эйджизма [3]⁴, и т.д. С другой стороны, старшее поколение является носителем профессионального опыта и традиций [1], может продолжать работать и вносить вклад в экономику [4], а рост его численности стимулирует развитие «серебряной» экономики и предпринимательства в сферах разработки продуктов и услуг для пожилых людей [5]. В то же время для получения позитивных эффектов необходимо, чтобы население достигало возраста старости, находясь в состоянии благополучия. В этом отношении представляется важным реализация широкого спектра различных направлений по обеспечению выполнения данной задачи средствами государственной и корпоративной политики, а также усилиями иных субъектов (некоммерческого сектора, научных и образовательных организаций и др.).

¹ Ageing: Global population // World Health Organization: [сайт]. URL: <https://www.who.int/news-room/questions-and-answers/item/population-ageing> (дата обращения: 12.03.2026).

² Ageing and health // World Health Organization: [сайт]. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения: 12.03.2026).

³ Демография // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.03.2026).

⁴ Discrimination and negative attitudes about ageing are bad for your health // World Health Organization: [сайт]. URL: <https://www.who.int/news/item/29-09-2016-discrimination-and-negative-attitudes-about-ageing-are-bad-for-your-health#:~:text=Recently%20published%20research%20shows%20that,data%20that%20influence%20health%20policies> (дата обращения: 12.03.2026).

Анализ исследований в области взаимодействия заинтересованных сторон в сфере благополучия пожилых людей показывает, что, несмотря на расширение внимания к данной тематике, большая часть работ являются фрагментарными и охватывают отдельные тематические направления. В работе [6] показано, что повышение качества услуг и их доступности для пожилых людей может быть достигнуто за счёт создания ими комплексной системы обслуживания (с вовлечением частного сектора, местного сообщества, органов власти), что упрощает координацию ресурсов и профессионального опыта. В Каталонии было проведено крупное популяционное исследование, направленное на оценку влияния межсекторального взаимодействия и мобилизации общественных ресурсов на поддержку пожилых людей и их психологическое благополучие [7]. В результате было выявлено, что проживание в районах с наибольшим количеством таких инициатив статистически значимо связано с более высоким уровнем социальной поддержки и психического благополучия. На основе сравнительного анализа кейсов стран Западно-Тихоокеанского региона (Китай, Южная Корея, Япония, Сингапур, Австралия и др.) выявлены три модели межсекторального взаимодействия в вопросах здорового старения [8]: модель совместных усилий в рамках реализации конкретных программ, модель делегирования полномочий в процессе сотрудничества, модель расширения прав и возможностей (гибрид первых двух), обеспечивающая баланс между гибкостью и централизованным управлением. В одном из самых масштабных обзорных исследований международных рекомендаций в области активного и здорового старения на основе анализа 33 докладов ведущих мировых организаций за период 2008–2023 гг. предложено 14 межсекторальных стратегий: расширение доступа пожилых к качественным социальным услугам; повышение социальной и культурной включённости; поддержка тех, кто продолжает работать; создание условий для «старения на месте»⁵, преодоление

⁵ «Старение на месте» – концепция, связанная с возможностью для пожилых людей как можно дольше оставаться в своих собственных домах, сохраняя независимость, не переезжая в учреждения долговременного ухода [9].

социально-экономического неравенства и совершенствование законодательства и др. [10]. В ряде работ выделяются проблемы, затрудняющие процесс сотрудничества в данной сфере: нехватка человеческих ресурсов, рост рабочей нагрузки, законодательные и бюрократические ограничения, недоверие друг другу [11; 12] и т.д.

В России также делается акцент на необходимости развития межведомственного взаимодействия между поставщиками медицинских, социальных, волонтерских и иных услуг, поскольку различная ведомственная принадлежность приводит к снижению качества оказываемой помощи [13]. Однако зарубежные модели межсекторального взаимодействия, которые предполагают достаточно высокую степень вовлеченности бизнеса и некоммерческого сектора, далеко не всегда могут быть напрямую имплементированы в отечественную практику. Так, исследования показывают, что в части социальной поддержки населения в России сохраняется доминирование роли государства, патерналистские ожидания населения [14], наличие организационных и финансовых барьеров для некоммерческого сектора и социальных предпринимателей для вхождения в систему социального обслуживания [15] и др. При этом российская модель в данном контексте отличается тем, что бизнес и НКО зачастую выступают как субподрядчики при оказании государственных и муниципальных услуг, а не как равноправные партнеры [16]. Кроме того, исследования фиксируют невысокий уровень доверия населения к негосударственным акторам в социальной сфере [17]. В связи с этим при разработке подходов к повышению эффективности социальной политики в данной сфере важно учитывать обозначенные институциональные и социокультурные особенности.

При этом многие работы рассматривают ограниченное количество акторов (чаще – органы власти и некоммерческие организации) и недостаточно фокусируются именно на вопросах взаимодействия и сотрудничества. В этой связи перспективным представляется использование экосистемного подхода, который получает всё более широкое распространение в социальных исследованиях как перспективная рамка для анализа сложных многоуровневых систем [18]. В контексте настоящего исследования представляет интерес развивающаяся в зарубежной литературе концепция «экосистем, дружественных возрасту» (age-friendly ecosystems), активно формирующаяся в рамках инициатив Всемирной организации здравоохранения и предполагающая создание взаимосвязанной среды, объединяющей физическую, социальную, технологическую и политическую подсистемы для поддержки активно и здорового старения [19]. Ключевая идея за-

ключается в том, что благополучие пожилых людей не может быть обеспечено усилиями только одного сектора, поэтому необходима согласованная работа различных акторов. В отечественной науке также происходит переход к экосистемному видению социальной политики. Так, разрабатываются концептуальные основания «экосоциальной модели» социального государства и оказания социальных услуг [20], а также анализируются «серебряные экосистемы» образования для старшего поколения [21], экосистемы городских сервисов для пожилых граждан [22].

Объектом настоящего исследования является взаимодействие ключевых акторов системы программирования благополучной старости, а предметом – особенности направлений поддержки, реализуемых ими в данных целях. Цель работы заключается в разработке концептуальной модели взаимодействия основных заинтересованных сторон в вопросах программирования благополучия старшего поколения в России. Для её достижения в статье последовательно решаются следующие задачи: 1) краткий обзор базовых векторов социальной политики по обеспечению благополучной старости; 2) определение значимости различных источников и направлений поддержки, реализуемых различными акторами, оценка активности и эффективности работы ключевых организаций и акторов с людьми пожилого возраста; 3) концептуальное моделирование взаимодействия ключевых акторов системы программирования благополучной старости.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что в современной России преобладает государственно-центричный подход в вопросах обеспечения благополучной старости, что отражается на формировании патерналистского взгляда населения на источники поддержки в пожилом возрасте.

Теоретические и методологические основы

Ключевой предпосылкой для формирования методологического аппарата исследования выступает тезис о том, что благополучие в пожилом возрасте достигается путём комплексного улучшения среды, укрепления здоровья, обеспечения материального благополучия и вовлечения пожилых людей в жизнь общества. В данном контексте мы апеллируем к концепции социального государства, согласно которой обеспечение достойного уровня и качества жизни населения является основополагающей категорией, определяющей содержание социальной политики [23]. При этом в рамках своих полномочий социальное государство стимулирует деятельность государственного, частного и общественного секторов экономики в направлении достижения социальных целей, в частности, повышения качества жизни населения [24].

В качестве центральной парадигмы в настоящем исследовании используется концепция благополучного (успешного) старения, берущая начало в работах Д. Роуи и Р. Кана [25; 26], где в его модель были включены элементы профилактики здоровья, высокой когнитивной и физической работоспособности и активного участия в жизни общества. В нашем случае мы расширили спектр составляющих до пяти и, кроме физического, психического и социального благополучия, рассматриваем материальный и деятельностный компоненты [27]. Таким образом, под благополучной старостью понимается «состояние наиболее полного благополучия в старшем возрасте, которое детерминируется возможностями представителей старшего поколения оптимально реализовывать свой жизненный потенциал в экономической, социальной, социокультурной и личностной сферах жизни в соответствии с собственными интересами и с учётом наличия необходимых ресурсов и возможностей внешней среды» [27, с. 232]. При этом на микроуровне, для индивида, оно коррелируется с удовлетворённостью и реализацией в важных для него сферах жизнедеятельности, а на макроуровне (для общества в целом) – с эффективным использованием ресурсного потенциала старшего поколения для социально-экономического развития и характеризует результативность государственной политики по предоставлению условий для его реализации. Иными словами, благополучное старение анализируется не только как личный выбор человека, но и как результат воздействия институциональной среды, формирующей возможности для поддержания здоровья, занятости и адаптации к изменениям и т.д.

Значимым аспектом в этом отношении выступает положение о зависимости благополучного старения от индивидуального выбора и поведения индивида в процессе своего жизненного пути [28]. Из этого следует, что человеку заранее необходимо планировать свою старость и работать над тем, чтобы достичь её в состоянии благополучия. Программирование благополучной старости при этом основывается на эффективном использовании имеющихся ресурсов в соответствии с моделью СОК (селекция, оптимизация, компенсация), разработанной М. Балтес и П. Балтесом [29]. Согласно данной модели, благополучное старение предполагает проактивную стратегию: человек выбирает приоритетные сферы жизни, концентрирует в них ресурсы, максимизируя свои преимущества и компенсируя потери, что позволяет поддерживать оптимальное функционирование. При этом на этапе оптимизации важна мобилизация новых или неиспользуемых ресурсов, а на этапе компенсации – адаптация к изменениям.

Ключевую роль в создании условий для реализации такой стратегии играет государство, обеспечивающее доступ к необходимым ресурсам и возможностям компенсации. В то же время достижение цели благополучной старости для населения является комплексной многогранной задачей, возможности для решения которой только средствами государства ограничены, поэтому возникает необходимость вовлечения иных заинтересованных сторон. В этой связи представляется значимым применение экосистемного подхода к взаимодействию акторов в системе программирования благополучной старости. При его использовании делается акцент на взаимоотношениях акторов в определённой среде, способствующей достижению цели развития экосистемы [18], в данном случае – благополучной старости. Как уже было обозначено выше, исследования, в т.ч. и в России, преимущественно фокусируются на роли государственной системы, вследствие чего экосистемный подход не находит в них полной реализации, а роли других стейкхолдеров и характер их взаимодействия остаются недостаточно освещёнными. В настоящей работе предпринята попытка восполнить имеющиеся пробелы.

Эмпирическую базу исследования составили данные массового и экспертного опросов. Массовый опрос был реализован Вологодским научным центром РАН в январе-феврале 2025 г. на территории Вологодской области (N=1500 человек). Опрос проводился методом раздаточного анкетирования по выборке, репрезентирующей население региона по полу, возрасту и структуре расселения. В выборке было представлено 319 респондентов в возрасте 65 лет и старше, что позволило учитывать специфику оценок старшего поколения при анализе результатов. Экспертный опрос проведён в апреле 2025 г. среди представителей системы поддержки пожилых людей с использованием онлайн-сервиса Google Forms. Всего было сформировано 95 контактов потенциальных участников, по итогам опроса получено 44 анкеты, из которых 40 признаны валидными и использованы в анализе. В выборку вошли представители органов власти, социальных учреждений, частного сектора, научно-образовательных организаций и некоммерческого сектора из Москвы, Санкт-Петербурга, Республики Башкортостан, Вологодской, Томской, Пензенской и Свердловской областей. Результаты опросов (в частности, показатели значимости различных источников и отдельных мер поддержки пожилых людей, активности и эффективности различных акторов в вопросах обеспечения благополучной старости, информированности населения о мерах поддержки со стороны разных акторов) использовались для диагностики текущей ситуации и обоснования необходимости разработ-

ки авторской концептуальной модели. Обработка и анализ данных осуществлялись с использованием пакета статистических программ IBM SPSS Statistics. Основным методом анализа выступило распределение частот, в том числе в многомерных разрезах, что позволило выявить различия в оценках отдельных групп респондентов.

Результаты исследования и их обсуждение Социальная политика по обеспечению благополучной старости

В условиях демографического старения особую важность приобретает политика, направленная на повышение продолжительности и качества жизни граждан старшего поколения. Данный целевой ориентир заложен в Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года⁶, что предполагает решение следующих ключевых задач: 1) укрепление в обществе ценности многопоколенной семьи, уважительного отношения к старшему поколению; 2) охрана здоровья граждан старшего поколения, профилактика заболеваний и факторов риска их развития, повышение доступности медицинской помощи для граждан старшего поколения; 3) создание условий для реализации личностного потенциала граждан старшего поколения и расширения их участия в жизни общества; 4) развитие социальных услуг для граждан старшего поколения; 5) повышение качества жизни и финансовой обеспеченности граждан старшего поколения; 6) развитие инфраструктуры для комфортной и безопасной жизни граждан старшего поколения. Реализация такого комплекса мероприятий в период 2025–2030 годов

в основном осуществляется в рамках масштабных национальных проектов «Семья» и «Продолжительная и активная жизнь» (в период 2019–2024 годов также действовал проект «Старшее поколение»), при этом в работу вовлечены не только органы государственной власти разного уровня, но и общественные объединения, работодатели и другие акторы.

В связи с этим представляет интерес мнение населения о важности различных источников поддержки в пожилом возрасте (рисунок 1). Как показывают итоги опроса жителей Вологодской области, главенствующая роль отводится семье и родственникам вне зависимости от возраста респондента, что подчёркивает значимость ближайшего окружения в обеспечении благополучной старости. Далее идут медицинские учреждения, пенсионные и страховые фонды, от которых напрямую зависит качество жизни, особенно с возрастом. После друзей и знакомых следует государство, которое выбрали свыше половины (67%) опрошенных. Оно формирует общую институциональную рамку социальной защиты, поэтому закономерно относится к числу приоритетных источников поддержки в пожилом возрасте, хотя и не занимает лидирующих позиций, в т.ч. по сравнению с отдельными бюджетными структурами. Такое положение вещей может свидетельствовать о преобладании личной ответственности людей за собственное благополучие с поправкой на участие государства в предоставлении базовых услуг. Не случайно социальные службы – последний из источников поддержки в пожилом возрасте, отмеченных большинством респондентов.

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос о важности различных источников поддержки в пожилом возрасте, %

Figure 1. Distribution of Responses to the Question about the Importance of Various Sources of Support in Old Age, %

Источник: рассчитано на данных социологического опроса взрослого населения Вологодской области «Благополучие населения», ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2025 г.

⁶ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 07.04.2025 г. № 830-р).

Согласно результатам опроса, в старости наименее значимыми в данном отношении являются церкви и религиозные организации; местное сообщество; частные компании, специализирующиеся на поддержке пожилых людей. Все они, безусловно, оказывают существенное влияние на благополучие старшего поколения, однако их роль не так заметна при сравнении с другими источниками. В свою очередь главными аутсайдерами общественного мнения по этому вопросу стали некоммерческие и благотворительные организации, а также работодатели и коллеги. В последнем случае многое объясняется фактом выхода на пенсию и разрывом прежних связей, что отражается в ответах пожилых респондентов. При этом и в более молодом возрасте опрошенные не делают особую ставку на поддержку со стороны рабочих кругов. Исходя из этого, можно сделать вывод о недостаточном развитии корпоративных программ, направленных на обеспечение достойной старости. Что касается некоммерческих и благотворительных организаций, то здесь на первый план могут выходить не только информационные барьеры, предубеждения людей и вопросы доверия, но и ограниченные возможности самих организаций, в результате чего они редко рассматриваются как надёжный механизм решения проблем.

Во всём многообразии мероприятий по поддержке благополучной старости обращает на себя внимание созвучие мнений старшего поколения и остального населения о важности различных источников поддержки. Одним из краеугольных

камней во всей этой дискуссии остаётся проблема пенсионного обеспечения (таблица 1). Несмотря на то, что в научной литературе всё чаще встречается тезис о том, что всё больше пожилых людей не интересуются пенсионным возрастом [30], значение пенсионных выплат как базового источника дохода в пожилом возрасте сохраняется. Более того, именно уровень и устойчивость пенсионного обеспечения во многом определяют степень экономической независимости и возможности поддерживать приемлемый уровень жизни после завершения трудовой карьеры. В этом отношении Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года⁷ предусматривает достижение коэффициента замещения трудовой пенсией по старости до 40 процентов утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате. И если до 2022 года удавалось поддерживать такое соотношение⁸, то в последующие годы значение показателя снизилось до десятилетнего минимума – около 25%⁹. Подобные изменения повышают риски снижения уровня материальной обеспеченности пожилого населения и усиления зависимости его благополучия от иных источников дохода, включая продолжение трудовой деятельности и поддержку со стороны семьи. Это, в свою очередь, актуализирует необходимость дальнейшего совершенствования механизмов пенсионной системы и поиска дополнительных инструментов обеспечения финансовой устойчивости и социальной адекватности пенсионных выплат.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о важности различных мер поддержки для обеспечения благополучной старости, %

Table 1

Distribution of Responses to the Question about the Importance of Various Support Measures for Ensuring a Prosperous Old Age, %

Меры поддержки, направленные на обеспечение благополучной старости	Население	
	18–64 лет	65+ лет
Высокий уровень пенсионного обеспечения, который позволяет покрывать необходимые расходы на жизнь	53,1	48,6
Льготы для пожилых на коммунальные услуги и проезд в общественном транспорте	49,8	48,3
Программы социальной помощи для малоимущих пенсионеров, такие как бесплатные обеды или обеспечение продуктами питания	45,0	43,8
Доступная и качественная медицинская помощь, включая бесплатное лечение и реабилитацию	47,3	43,0
Программы психологической поддержки и консультирования для тех, кто столкнулся с проблемами в старости (стресс, тревоги, одиночество)	38,2	36,5

⁷ Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 25.12.2012 г. № 2524-р).

⁸ Pensions at a Glance 2021: OECD and G20 Indicators // OECD: [сайт]. URL: https://www.oecd.org/en/publications/pensions-at-a-glance-2021_ca401ebd-en.html (дата обращения: 23.03.2026).

⁹ Мануйлова А. Зарплата в четыре пенсии // Коммерсантъ: [сайт]. № 181 от 03.10.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7198661> (дата обращения: 23.03.2026).

Окончание Таблицы 1

Меры поддержки, направленные на обеспечение благополучной старости	Население	
	18–64 лет	65+ лет
Система долговременного ухода и программ поддержки семей с пожилыми родственниками, включая предоставление временного ухода и присмотра	37,0	35,4
Система социальных учреждений (например, домов престарелых), где пожилые люди могут получить необходимый уход и заботу на постоянной основе	36,7	35,1
Доступная транспортная инфраструктура, адаптированная под потребности пожилых людей	40,6	34,2
Культурные мероприятия для пожилых людей (клубы по интересам, встречи и пр.)	36,7	32,7
Льготные условия по программам кредитования для пенсионеров	37,0	30,7
Формирование в обществе положительного образа старости и пожилого человека	36,0	30,5
Система правовой помощи и защиты прав пожилых людей (юридические консультации, помощь в решении правовых вопросов)	33,2	29,5
Спортивные мероприятия и программы физической активности для пожилых людей	35,0	28,6
Программы адаптации рабочих мест под индивидуальные особенности пожилых людей; программы наставничества, а также отложенного выхода на пенсию	34,4	28,0
Проекты (государственные и волонтерские), направленные на социальную интеграцию и взаимодействие поколений	32,9	27,7
Специальные программы по обучению и переобучению для тех, кто хочет освоить новую профессию или повысить свою квалификацию	33,9	27,3
Борьба с дискриминацией по возрасту при приёме на работу и в других сферах общественной жизни	33,9	27,3
Социальные платформы и онлайн-сообщества для общения и взаимодействия людей	31,6	24,2

Источник: рассчитано на данных социологического опроса взрослого населения Вологодской области «Благополучие населения», ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2025 г.

Материальная составляющая занимает центральное место в представлениях населения о благополучной старости, при этом речь идёт не только о размере пенсионных выплат, но и о более широком комплексе мер, направленных на поддержание базовой экономической устойчивости пожилых людей. К числу таких инструментов респонденты относят различные формы льготной поддержки, среди которых компенсации расходов на коммунальные услуги и транспорт, а также программы адресной социальной помощи малообеспеченным пенсионерам. Подобные меры, по сути, выполняют компенсирующую функцию, позволяя частично сглаживать ограничения, связанные с относительно невысоким уровнем доходов в пожилом возрасте. Одновременно значимое место в структуре представлений о благополучной старости занимают факторы, связанные с доступностью ключевых социальных услуг. В первую очередь это касается медицинской помощи, включая возможности лечения, реабилитации и поддержания здоровья в старшем возрасте. В условиях, когда потребность в медицинских услугах объективно возрастает, доступность и качество системы здравоохранения становятся одним из важнейших элементов социальной защищённости пожилых людей. В более широком смысле речь идёт и о развитии инфраструктуры поддер-

жки – системе долговременного ухода, социальных учреждений, а также различных сервисов, ориентированных на помощь пожилым людям и их семьям. В конечном итоге благополучная старость в общественном восприятии формируется как результат сочетания нескольких взаимосвязанных условий: достаточного уровня материального обеспечения, наличия механизмов социальной компенсации и доступности базовых услуг, необходимых для поддержания здоровья и повседневной жизнедеятельности. В совокупности эти факторы формируют основу социальной защищённости старшего поколения и во многом определяют возможности поддержания приемлемого уровня жизни после завершения трудовой деятельности.

Участие различных акторов в обеспечении благополучной старости

Принимая во внимание значимость политики государства, важно подчеркнуть, что достижение благополучной старости главным образом зависит от комплекса индивидуальных решений человека. Это может быть реализация траекторий на поддержание здоровья, профессиональную самореализацию, межличностное взаимодействие, активную жизнедеятельность и т.д. Все они не только имеют заметную вариативность в обществе, но и в силу объективных причин сужаются с

возрастом [31], в результате чего поддержка третьих сторон приобретает особую актуальность. В данном случае речь идёт о широком спектре организаций, которые напрямую или косвенно задействованы в обеспечении благополучной старости. К их числу относятся государственные и муниципальные учреждения, некоммерческие организации, а также частный сектор, предоставляющий социальные и медицинские услуги.

Результаты экспертного опроса показывают, что наибольшую активность в деятельности по поддержке людей старшего возраста демонстрируют комплексные центры социальных услуг, функционирующие на бюджетной основе, о чём свидетельствуют ответы 75% респондентов

(рисунок 2). В противовес этому аналогичные структуры из коммерческого сектора (8%) находятся в конце списка вместе с частными домами престарелых (3%) и бизнес-структурами, реализующими социальные проекты (15%). Такое положение вещей, по всей видимости, определяется фактором платности услуг для конечного потребителя. Этим же объясняются высокие позиции государственных и муниципальных служб, а также учреждений культуры (60 и 55% соответственно). При этом казённые дома престарелых (28%) играют менее значимую роль, что обусловлено их узкой специализацией на оказании профессиональной помощи конкретным категориям пожилых граждан.

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос об активности различных типов организаций в деятельности по поддержке людей старшего возраста и обеспечению благополучной старости, %

Figure 2. Distribution of Responses to the Question about the Activity of Various Types of Organizations in Supporting Older People and Ensuring a Prosperous Old Age, %

Источник: рассчитано на данных экспертного опроса по проблематике обеспечения благополучной старости, ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2025 г.

Примерно каждый третий эксперт отметил деятельность по поддержке людей старшего возраста со стороны волонтерских объединений и социально ориентированных НКО, а каждый четвертый – благотворительных и религиозных организаций. Подобного рода структуры фокусируются на решении социальных проблем, поэтому их активность оценивается выше бизнеса, который, несмотря на участие в создании общественного блага, преследует своей целью получение прибыли. В этом плане третий сектор занимает прочное место в системе социальной поддержки населения, выступая важным дополнением

к государственным институтам и обеспечивая адресную помощь пожилым людям. В то же время примечательно, что на активность специализированных медицинских учреждений с геронтологическим уклоном обратили внимание всего 20% опрошенных. Это может свидетельствовать о недостаточной видимости их деятельности в общественном поле или ограниченном уровне взаимодействия с целевой аудиторией.

Распределение ответов на вопрос об активности различных акторов в полной мере соотносится с оценкой эффективности их работы с людьми старшего возраста (рисунок 3). На первом месте

расположилось государство (5,6 балла), занимающее главенствующее положение в реализации социальной политики. Затем следуют НКО и общественные организации (5,2 балла), чей потенциал в обеспечении достойной старости, судя по предыдущим оценкам, далёк от раскрытия. Последние строчки рейтинга с весьма существенным отставанием занимает бизнес (3,9 балла). Предлагаемые им решения, по мнению

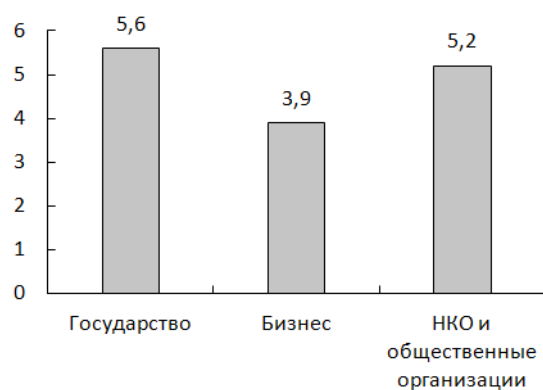

Рисунок 3. Оценка эффективности работы различных акторов с людьми старшего возраста, баллов (по 10-балльной шкале)

Figure 3. Assessment of the Effectiveness of Various Actors' Work with Older People, Score (on a 10-point Scale)

экспертов, демонстрируют сравнительно низкую эффективность на фоне крайне ограниченной вовлечённости в вопросы поддержки пожилого населения. В данном случае речь идёт не столько о формальных программах пенсионного обслуживания и сопровождения, сколько о корпоративной социальной ответственности, направленной на долгосрочное сохранение здоровья и занятости работников.

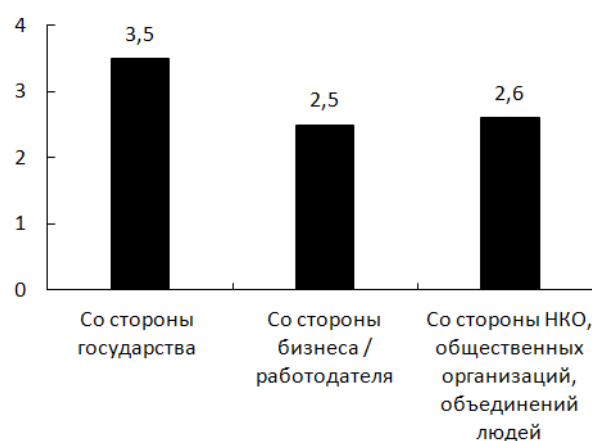

Рисунок 4. Оценка осведомленности людей старшего возраста о доступных им мерах поддержки со стороны различных акторов, баллов (по 5-балльной шкале)

Figure 4. Assessment of Older People's Awareness of Available Support Measures Provided by Various Actors, Score (on a 5-point Scale)

Источник: рассчитано на данных экспертного опроса по проблематике обеспечения благополучной старости, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2025 г.

Другим немаловажным аспектом является осведомлённость людей старшего возраста о доступных мерах поддержки со стороны различных акторов (рисунок 4). Результаты экспертного опроса свидетельствуют о том, что основная информация поступает о возможностях, которые предоставляет государство. При этом оценка в 3,5 балла из 5 не позволяет судить о высоком уровне информированности. В этом плане ещё хуже обстоят дела с осведомлённостью о мерах, реализуемых НКО, общественными организациями и объединениями (2,6 балла), а также бизнесом и работодателями (2,5 балла). Отличия в оценках между ними не являются существенными, что представляет большой интерес, поскольку третий сектор находится заметно впереди по показателю эффективности работы с пожилым населением. Исходя из этого, не теряет своей актуальности необходимость преодоления асимметрии информации и поиска перспективных каналов коммуникации с целевой аудиторией.

Результаты анализа наглядно демонстрируют преобладание государственно-центричного подхода в вопросах поддержки людей пожилого возраста и обеспечения достойной старости. Государство сохраняет ведущую роль как основной поставщик услуг и координатор системы, тогда как потенциал других акторов реализуется далеко не в полной мере. Это проявляется в их сравнительно низкой вовлечённости, ограниченной видимости и недостаточной информированности населения о доступных возможностях поддержки. Таким образом, результаты эмпирического исследования позволяют выявить несколько системных разрывов в текущей практике программирования благополучной старости:

– разрыв между активностью государства и осведомлённостью населения о мерах поддержки: низкая осведомлённость пожилых граждан даже о государственных мерах поддержки при концентрации активности в данной сфере в государственном секторе.

– разрыв между активностью государства и эффективностью работы: высокая вовлечённость государства сочетается с умеренной оценкой его эффективности.

– разрыв в вовлечённости акторов: доминирование государства при недоиспользовании потенциала других стейкхолдеров.

– разрыв в информированности и эффективности работы негосударственных акторов: эффективность работы НКО и бизнеса оценивается существенно выше уровня информированности о них со стороны пожилых людей.

Сложившаяся ситуация указывает на фрагментарность существующей системы и необходимость усиления межсекторального взаимодействия. В этой связи актуализируется переход к более сбалансированной модели, основанной на распределении функций, партнёрстве и координации усилий различных акторов.

Концептуальная модель взаимодействия ключевых акторов системы программирования благополучной старости

Целевой установкой предлагаемой модели является достижение благополучной старости как состояния наиболее полного благополучия представителей старшего поколения, которое, с одной стороны, проявляется в удовлетворённости индивида значимыми для него сферами жизнедеятельности (микроуровень), а с другой – в эффективном использовании ресурсного потенциала старшего поколения для социально-экономического развития территории (макроуровень). Достижение подобного результата предполагает рассмотрение благополучной старости как процесса, охватывающего весь жизненный цикл человека. Основанием для выделения этапов жизненного цикла программирования благополучной старости выступает смена доминирующего типа активности индивида по отношению к ресурсам, что согласуется с концепцией СОК М. и П. Балтесов [29]. На раннем этапе (до наступления трудоспособного возраста) преобладает формирование первичных ресурсов (здоровье, образование, социальные навыки) и индивид преимущественно является их получателем. В данный период происходит становление базовых установок в отношении здоровья, образования, социальной и трудовой активности, а также финансовой грамотности. При этом формирование специальной мотивации молодого поколения в плане подготовки к старости не предполагается, а развитие соответствующих компетенций осуществляется как «побочный» позитивный эффект от решения актуальных для них задач (текущее управление бюджетом, поддержание здоровья, социальная успешность, самореализация). Зрелый этап (тру-

доспособный возраст) характеризуется доминированием накопления и оптимизации ресурсов (финансовых, профессиональных, социальных), а индивид выступает их активным производителем. Т.е. этот этап связан с накоплением различных видов ресурсов и профессиональной самореализацией при одновременном поддержании здоровья. На позднем этапе (пенсионный / старший возраст) ключевое значение приобретают адаптация к возрастным изменениям, использование накопленного потенциала и компенсация возникающих ограничений. В данном случае индивид является потребителем ранее аккумулированных ресурсов и получателем поддержки.

Модель характеризует включённость различных акторов на каждом из этапов жизненного цикла и основывается на ряде базовых принципов. К их числу относятся: *принцип проактивности*, предполагающий активную роль самого индивида в формировании собственной траектории старения; *принцип непрерывности жизненного цикла*, подчёркивающий, что инвестиции в благополучную старость начинаются задолго до её наступления; *принцип экосистемности*, ориентированный на согласованность и взаимосвязанность действий заинтересованных сторон; *принцип субсидиарности*, в рамках которого государство создаёт условия и компенсирует дефицит ресурсов, не подменяя функции других участников; а также *принцип селективной оптимизации и компенсации*, обеспечивающий возможность гибкого управления ресурсами на разных этапах жизни.

Реализация названных принципов предполагает дифференцированную роль акторов в зависимости от стадии жизненного цикла (таблица 2). Например, государство в лице органов власти сохраняет универсальное присутствие, обеспечивая институциональную основу и формируя базовую инфраструктуру, а также осуществляя координацию деятельности других сторон. Частный бизнес также активен на всех этапах: на ранних – обеспечивает повышение доступности ряда социально значимых товаров и услуг; на втором этапе – реализует корпоративные программы по поддержке здоровья, благосостояния, занятости и планирования пенсии; на позднем этапе – разрабатывает товары и услуги для пожилых, специальные финансовые продукты, адаптирует рабочие места, реализует социально ответственные практики (программы лояльности, скидки). Фокус деятельности НКО постепенно смещается с просвещения к представительству интересов, социальной интеграции и расширению доступности услуг. В свою очередь социальные службы играют наиболее значимую роль на позднем этапе, обеспечивая компенсацию возникающих потерь и практики долговременного ухода.

Таблица 2

Представленность различных акторов на разных этапах жизненного цикла программирования благополучной старости

Table 2

Representation of Various Actors in Different Stages of the Programming Life Cycle for a Prosperous Old Age

Этап жизненного цикла	Содержание	Ключевые акторы
1. Формирование ресурсной базы (1 этап)	Закладка фундамента: здоровье, образование, социальные навыки, культура ответственного поведения.	Государство / органы власти (образование, здравоохранение), семья, НКО (просвещение), бизнес и социальные предприниматели (повышение доступности услуг), сам индивид.
2. Накопление и оптимизация (2 этап)	Активное накопление ресурсов (финансовых, социальных, человеческих), профессиональное развитие, поддержание здоровья, формирование долгосрочных стратегий.	Бизнес (корпоративные программы), финансовые институты, государство / органы власти (пенсионная система), сам индивид.
3. Реализация и компенсация (3 этап)	Использование накопленного потенциала, компенсация возрастных потерь, поддержание качества жизни, социальная интеграция.	Социальные службы, НКО, учреждения культуры, бизнес и социальные предприниматели (товары / услуги), государство / органы власти, сам индивид.

Источник: составлено авторами.

При этом мотивы каждого актора дифференцированы. Так, в общем виде для государства доминирующим мотивом на всех этапах жизненного цикла выступает выполнение социальных обязательств и снижение долгосрочной нагрузки на бюджет, для некоммерческого сектора – реализация социальной миссии и восполнение «провалов» государственной системы. Мотивация бизнеса более разветвленная: на раннем этапе – формирование будущего кадрового резерва, на втором этапе – повышение производительности и лояльности сотрудников, на позднем этапе – формирование позитивного социального имиджа, получение прибыли от реализации продуктов и услуг для пожилых.

Каждый из акторов реализует функции, в которых обладает наибольшей эффективностью, при одновременной компенсации «зон неуспеха» других участников. Такое взаимодействие реализуется через различные формы межсекторного партнёрства, в т.ч. контрактные механизмы (государственный и социальный заказ), проектное сотрудничество (совместные программы, гранты), информационный обмен (единые платформы, мониторинг потребностей), а также кооперацию на уровне территории (координационные советы, кластеры). Всё это осуществляется в рамках определённой среды, представляющей собой совокупность взаимосвязанных условий и ресурсов по обеспечению программирования благополучной старости. В её структуре можно выделить четыре ключевых компонента: институциональный (нормы, правила, законы, стратегии, стандарты, регулирующие деятельность всех акторов), инфра-

структурный (физическая и цифровая инфраструктура, обеспечивающая доступность услуг, мобильность и коммуникацию), экономический (ресурсная обеспеченность, финансовые потоки, рынки, доходы населения, инвестиционный климат), социокультурный (ценности, установки, стереотипы, традиции, общественное мнение, формирующие отношение к старению и пожилым людям). При этом взаимодействие акторов со средой носит двусторонний характер: с одной стороны, она создаёт ограничения и возможности для деятельности акторов, с другой – сама трансформируется под их воздействием.

Связующим элементом системы выступают ресурсные потоки, обеспечивающие её функционирование и развитие. Акторы участвуют в создании, распределении и обмене ресурсами, среда выступает их источником и каналом циркуляции, а индивид находится в центре этих процессов, накапливая и используя ресурсы на протяжении жизненного цикла. Ключевыми выступают финансовые, человеческие, инфраструктурные, информационные, социальные и личностные ресурсы, совокупность которых формирует основу благополучия в старшем возрасте.

Предложенная модель может быть представлена в виде многослойной структуры, сочетающей спираль жизненного цикла и экосистемную логику взаимодействия. В центре находится индивид как ядро системы. Вокруг него разворачивается спираль жизненного цикла, отражающая последовательность этапов программирования благополучной старости. Следующий уровень образуют ключевые акторы (государство, бизнес, не-

коммерческий сектор, социальные службы и др.), чья роль и степень вовлечённости изменяются в зависимости от этапа. Внешний слой представлен средой, задающей институциональные, экономические, инфраструктурные и социокультурные рамки функционирования системы. Связи между элементами отражают движение ресурсов, межсекторное взаимодействие и взаимовлияние акторов и среды. Таким образом, в основе модели лежит сквозной процесс непрерывного программирования благополучной старости, при котором каждый этап жизненного цикла формирует предпосылки для последующего, а эффективность системы определяется степенью согласованности действий всех вовлечённых акторов.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в общественном сознании благополучная старость представляет собой комплексный конструкт, включающий не только материальную составляющую (достойная пенсия, льготы, адресная помощь), но и доступ к качественному здравоохранению, социальным услугам и инфраструктуре. С точки зрения источников поддержки в пожилом возрасте гипотеза, поставленная в исследовании, частично подтвердилась в плане доминирования государственно-центричной модели обеспечения благополучной старости, в то время как потенциал бизнеса и некоммерческого сектора используется далеко не в полной мере. При этом выявлено, что население также осознаёт ответственность за своё благополучие и надеется прежде всего на поддержку семьи и родственников. В результате преодоление сложившихся диспропорций лежит в плоскости перехода к устойчивой системе обеспечения благополучной старости, основанной на принципах экосистемного взаимодействия.

Интеграция различных теоретических концепций и эмпирически зафиксированных системных разрывов в практике обеспечения благополучной старости позволила разработать концептуальную модель взаимодействия ключевых акторов в системе программирования благополучной старости. Предложенная модель представляет собой систему, где проактивным ядром выступает индивид, а заинтересованные стороны (государство, бизнес, НКО, социальные предприниматели, учреждения культуры, спорта, здравоохранения, социальные службы) реализуют дифференцированные функции по формированию траектории благополучного старения на разных этапах жизненного цикла. Создание соответствующих условий обеспечивается институциональной, инфраструктурной, экономической и социокультурной средой. Концептуально модель является

многослойной структурой, позволяющей отразить непрерывность процесса программирования благополучной старости и экосистемную логику взаимодействия. Вместе с тем необходимо отметить, что данная модель носит концептуальный характер, а изучение вопросов интеграции целевых установок в системы образования, здравоохранения, социальной политики и т.д. для реализации проактивной стратегии программирования благополучной старости требует отдельного эмпирического исследования и составляет перспективу продолжения работы в данном направлении.

Научная новизна работы заключается в эмпирическом обосновании основных диспропорций в текущей системе поддержки граждан пожилого возраста, в частности, гиперконцентрации активности в государственном секторе при ограниченной вовлечённости бизнеса и некоммерческого сектора, разрыва между активностью и эффективностью деятельности государства, информационной асимметрии, которая ограничивает доступ старшего поколения к услугам, предоставляемым негосударственными акторами. В отличие от многих исследований, акцентирующих внимание на конкретных направлениях поддержки или отдельных участниках, в работе предложена концептуальная модель, связывающая процесс достижения благополучной старости с этапами жизненного цикла человека, моделью селекции-оптимизации-компенсации и дифференцированной включённостью акторов, что способствует переходу от государственно-центричного её характера к экосистемному.

В качестве перспективы для дальнейших исследований можно отметить более углублённое изучение механизмов межсекторного взаимодействия и идентификацию лучших региональных/муниципальных кейсов в данной области, разработку методических рекомендаций по внедрению предложенного подхода в практику управления. Кроме того, представляется значимым рассмотрение вопроса о возможностях проактивного программирования благополучной старости в контексте распространения цифровизации в области предоставления государственных и негосударственных услуг, социальной и финансовой сферы, развитие технологий «умного» старения и т.д. Реализация данных направлений даст возможность не только углубить понимание механизмов и инструментов достижения благополучия в пожилом возрасте, но и может стать основой для разработки соответствующих мероприятий социальной политики, ориентированных на формирование экосистемы благополучной старости и эффективное использование ресурсного потенциала старшего поколения.

Список источников

1. Stoodley I., Conroy S. An Ageing Population: The Benefits and Challenges. *Medicine*. 2024;52(11):710-712. <https://doi.org/10.1016/j.mpmed.2024.08.013>
2. Lee H.-H., Shin K. Decomposing Effects of Population Aging on Economic Growth in OECD Countries. *Asian Economic Papers*. 2021;20(3):138-159. https://doi.org/10.1162/asep_a_00839
3. Paine N., Rachele J.N., Turrell G. Sociodemographic Characteristics and Social Exclusion Among the Oldest Old. *Australasian Journal on Ageing*. 2022;41(4):563-572. <https://doi.org/10.1111/ajag.13074>
4. Соловьева Т.С. Старшее поколение на российском рынке труда в зеркале официальной статистики // Управление устойчивым развитием. 2024. № 4(53). С. 61–69. https://doi.org/10.55421/2499992X_2024_4_61 EDN XWVRDK
5. Васюта Е.А., Подольская Т.В., Ушаков Д.С. Age-tech – перспективное направление развития серебряной экономики в условиях глобального старения населения // Экономика труда. 2022. Том 9. № 10. С. 1591–1604. <https://doi.org/10.18334/et.9.10.116434> EDN WVVXSS
6. Wang H., Coyte P.C., Shi W., et al. Social Governance and Sustainable Development in Elderly Services: Innovative Models, Strategies, and Stakeholder Perspectives. *Sustainability*. 2023;15(21):15414. <https://doi.org/10.3390/su152115414>
7. Galvez-Hernandez P., Shankardass K., Puts M., et al. Mobilizing Community health Assets Through Intersectoral Collaboration for Social Connection: Associations with Social Support and Well-Being in a Nationwide Population-Based Study in Catalonia. *PLoS ONE*. 2025;20(3):e0320317. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0320317>
8. Yang T., Hagedorn A., Xu W., et al. Multi-Sector Collaboration to Promote Healthy Ageing: A Comparative Case Study of National Policy Responses in the Western Pacific Region. *Health Policy*. 2026;164:105501. <http://dx.doi.org/10.1016/j.healthpol.2025.105501>
9. Григорьева И.А., Петухова И.С. Теоретический подход «Старение на месте» и возможности его популяризации в России // Успехи геронтологии. 2022. Том 35. № 5. С. 662–667. <https://doi.org/10.34922/AE.2022.35.5.001> EDN YTUIPV
10. Caristia S., Viola E., Kalem T. et al. Policies and Strategies on Active and Healthy Ageing: a Scoping Review of the Recommendations of European and International Agencies. *Frontiers in Public Health*. 2026;13:1712417. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1712417>
11. Kjellberg I., Szűcs S. Pursuing Collaborative Advantage in Swedish Care for Older People: Stakeholders' Views on Trust. *Journal of Integrated Care*. 2020;28(3):231–241. <https://doi.org/10.1108/JICA-01-2020-0001>
12. Poškutė V., Kazlauskaitė R., Matonytė I. Stakeholder Collaboration in Long-Term Care of Older People in Lithuania. *Health and Social Care in the Community*. 2022;30:193–202. <https://doi.org/10.1111/hsc.13389>
13. Актуальность межведомственного взаимодействия для формирования механизмов здорового старения / А.К. Хетагурова, О.В. Галиулина, А.П. Сиденкова, Е.С. Набойченко // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. Том 26. № 2. С. 68–71. <http://dx.doi.org/10.18821/-869-866X-2018-26-2-68-71> EDN UXAKPQ
14. Парфенова О.А., Петухова И.С. Противоречивая роль государства и агентность пожилых в продлении занятости старшего поколения: реконструкция экспертных представлений // Мир России. Социология. Этнология. 2024. Том 33. № 3. С. 51–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-51-74> EDN JPKWK
15. Григорьева И.А., Парфенова О.А. Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности. // Журнал исследований социальной политики. 2021. Том 19. № 1. С. 7–22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22> EDN UVJYKL
16. Ярская-Смирнова Е.Р., Бодрова О.А. Модели легитимации некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Том 24. № 1. С. 45–78. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.3> EDN RAEZKS
17. Романенко В., Сулимова А. Отношение жителей Санкт-Петербурга к сфере социального обслуживания населения // Журнал исследований социальной политики. 2023. Том 21. № 3. С. 433–448. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-3-433-448> EDN GYKHJN
18. Соловьева Т.С. Теоретические основы применения экосистемного подхода к развитию социальных инноваций на региональном (локальном) уровне // Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Том 17. № 3. С. 421–446. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-3-421-446> EDN PEMTGS
19. Fulmer T., Dash K., Shue J. et al. Age-Friendly Ecosystems: Expert Voices from the Field. *Geriatrics*. 2023;8(4):8040068. <https://doi.org/10.3390/geriatrics8040068>
20. Демичев И.В. Экосистема социальных услуг и жизнедеятельность семьи в условиях цифрового перехода // Власть. 2022. Том 30. № 6. С. 65–70. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i6.9346> EDN OBBLGE
21. Ярская-Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д.И. Серебряная экосистема образования в интересах старшего поколения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Том 25. № 1. С. 168–181. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181> EDN EVXDZC
22. Равчик М.И. Экосистема городских сервисов: исследование приоритетных потребностей в электронных услугах старшего поколения // Успехи геронтологии. 2022. Том 35. № 4. С. 615–627. EDN JKDEDI
23. Александрова О.А. Социальное государство: куда шло вчера, и что делать завтра // Народонаселение. 2022. Том 25. № 2. С. 6–18. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.1> EDN WPSOBF
24. Охотский Е.В., Боучарская В.А. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат // Труд и социальные отношения. 2012. № 5(95). С. 30–44. EDN OZLFNV

25. Rowe J.W., Kahn R.L. Human Aging: Usual and Successful. *Science*. 1987;237(4811):143–149. <https://doi.org/10.1126/science.3299702>
26. Rowe J.W., Kahn R.L. *Successful Aging*. New York: Random House; 1998. 265 p. ISBN 9780440508632
27. Белехова Г.В., Нацун Л.Н., Соловьева Т.С. Благополучная старость: от научных теорий к основам ее программирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Том 17. № 2. С. 220–238. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.12> EDN WTHBLB
28. Возрастной спектр субъективного благополучия: специфика положения пожилых людей / Т.С. Соловьева, Л.Н. Нацун, Ю.Е. Шматова, Г.В. Белехова // Успехи геронтологии. 2025. Том 38. № 6. С. 802–809. <https://doi.org/10.34922/AE.2025.38.6.001> EDN BQYKZA
29. Baltes P.B., Baltes M.M. Psychological Perspectives on Successful Aging: The Model of Selective Optimization with Compensation. In: Baltes P.B., Baltes M.M. (eds.). *Successful Aging: Perspectives from the Behavioural Sciences*. New York: Cambridge University Press, 1990. P. 1–34. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511665684>
30. Григорьева И.А., Колосова Г.В. Социальные взаимодействия в системе долговременного ухода за пожилыми // Успехи геронтологии. 2021. Том 34. № 6. С. 919–927. <https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.6.014> EDN GDOTKD
31. Белехова Г.В., Попов А.В. Возрастные особенности подготовки к старости: стратегии населения в контексте реализации госпрограмм для старшего поколения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Том 18. № 3. С. 203–222. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.11> EDN MLHRLA

Информация об авторах:

Татьяна Сергеевна Соловьева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук

(SPIN-код: 9101-5219) (ResearcherID: I-8418-2016)

Андрей Васильевич Попов – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук

(SPIN-код: 7650-7779) (ResearcherID: I-8785-2016)

Заявленный вклад авторов:

Т.С. Соловьева – постановка проблемы, концепция и дизайн исследования, критический анализ литературы, подготовка текста, формулирование выводов исследования.

А.В. Попов – концепция и дизайн исследования, подготовка текста, формулирование выводов исследования.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Татьяна Сергеевна Соловьева.

Статья поступила в редакцию 05.05.2026; одобрена после рецензирования 12.07.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Stoodley I., Conroy S. An Ageing Population: The Benefits and Challenges. *Medicine*. 2024;52(11):710–712. <https://doi.org/10.1016/j.mpmed.2024.08.013>
2. Lee H.-H., Shin K. Decomposing Effects of Population Aging on Economic Growth in OECD Countries. *Asian Economic Papers*. 2021;20(3):138–159. https://doi.org/10.1162/asep_a_00839
3. Paine N., Rachele J.N., Turrell G. Sociodemographic Characteristics and Social Exclusion Among the Oldest Old. *Australasian Journal on Ageing*. 2022;41(4):563–572. <https://doi.org/10.1111/ajag.13074>
4. Soloveva T.S. The Older Generation in the Russian Labor Market, as Reflected in Official Statistics. *Upravlenie ustoi-chivym razvitiem=Managing Sustainable Development*. 2024;(4(53)):61–69. https://doi.org/10.55421/2499992X_2024_4_61 (In Russ.)
5. Vasyuta E.A., Podolskaya T.V., Ushakov D.S. Age-Tech as a Promising Direction for the Silver Economy in the Context of Global Population Ageing. *Ekonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2022;9(10):1591–1604. <https://doi.org/10.18334/et.9.10.116434> (In Russ.)
6. Wang H., Coyte P.C., Shi W., et al. Social Governance and Sustainable Development in Elderly Services: Innovative Models, Strategies, and Stakeholder Perspectives. *Sustainability*. 2023;15(21):15414. <https://doi.org/10.3390/su152115414>
7. Galvez-Hernandez P., Shankardass K., Puts M., et al. Mobilizing Community health Assets Through Intersectoral Collaboration for Social Connection: Associations with Social Support and Well-Being in a Nationwide Population-Based Study in Catalonia. *PLoS ONE*. 2025;20(3):e0320317. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0320317>
8. Yang T., Hagedorn A., Xu W., et al. Multi-Sector Collaboration to Promote Healthy Ageing: A Comparative Case Study of National Policy Responses in the Western Pacific Region. *Health Policy*. 2026;164:105501. <http://dx.doi.org/10.1016/j.healthpol.2025.105501>
9. Grigoryeva I.A., Petukhova I.S. Theoretical Approach «Aging-in-Place» and the Possibility of its Popularization in Russia. *Uspekhi gerontologii=Advances in Gerontology*. 2022;35(5):662–667. <https://doi.org/10.34922/AE.2022.35.5.001> (In Russ.)
10. Caristia S., Viola E., Kalemi T. et al. Policies and Strategies on Active and Healthy Ageing: a Scoping Review of the Recommendations of European and International Agencies. *Frontiers in Public Health*. 2026;13:1712417. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1712417>
11. Kjellberg I., Szücs S. Pursuing Collaborative Advantage in Swedish Care for Older People: Stakeholders' Views on Trust. *Journal of Integrated Care*. 2020;28(3):231–241. <https://doi.org/10.1108/JICA-01-2020-0001>

12. Poškutė V, Kazlauskaitė R, Matonytė I. Stakeholder Collaboration in Long-Term Care of Older People in Lithuania. *Health and Social Care in the Community*. 2022;30:193–202. <https://doi.org/10.1111/hsc.13389>
13. Khetagurova A.K., Galiulina O.V., Sidenkova A.P. et al. The Actuality of Inter-Sectoral Interaction in Development of Mechanisms of Healthy Aging. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*= *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2018;26(2):68–71. <http://dx.doi.org/10.1016/0869-866X-2018-26-2-68-71> (In Russ.)
14. Parfenova O.A., Petukhova I.S. The Contradictory Role of the State and the Agency of the Elderly in Extending the Employment of Older Generations: Reconstructing Expert Perceptions. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Ehtnologiya*=*Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2024;33(3):51–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-51-74> (In Russ.)
15. Grigoryeva I., Parfenova O. Socially-Oriented NPOs and Social Enterprises as Drivers of Denationalization in Social Services: Barriers and Opportunities. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*=*The Journal of Social Policy Studies*. 2021;19(1):7–22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22> (In Russ.)
16. Iarskaia-Smirnova E.R., Bodrova O.A. Models of Legitimation of Non-Profit Organizations as Social Service Providers. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*=*The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021;24(1):45–78. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.3> (In Russ.)
17. Romanenko V., Sulimova A. Attitudes of St. Petersburg Residents Towards the Social Service System. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*= *The Journal of Social Policy Studies*. 2023;21(3):433–448. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-3-433-448> (In Russ.)
18. Soloveva T.S. Theoretical Foundations for Implementing the Ecosystem Approach to Social Innovation Development at Regional (Local) Level. *Ars Administrandi. (Iskusstvo upravleniya)*=*Ars Administrandi*. 2025;17(3):421–446. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-3-421-446> (In Russ.)
19. Fulmer T., Dash K., Shue J. et al. Age-Friendly Ecosystems: Expert Voices from the Field. *Geriatrics*. 2023;8(4):8040068. <https://doi.org/10.3390/geriatrics8040068>
20. Demichev I.V. The Ecosystem of Social Services and the Life of the Family in the Digital Transition Context. *Vlast'*=*The Authority*. 2022;30(6):65–70. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i6.9346> (In Russ.)
21. Iarskaia-Smirnova E.R., Prisyazhnyuk D.I. Silver Ecosystem of Education for the Benefit of the older Generation. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Sotsiologiya*=*RUDN Journal of Sociology*. 2025;25(1):168–181. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181> (In Russ.)
22. Ravchik M.I. Ecosystem of Urban Services: A Study of Priority Needs for Electronic Services among the Older Generation. *Uspekhi gerontologii*=*Advances in Gerontology*. 2022;35(4):615–627. (In Russ.)
23. Aleksandrova O.A. Welfare State: Where it Went Yesterday, and What to do Tomorrow. *Narodonaselenie*=*Population*. 2022;25(2):6–18. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.1> (In Russ.)
24. Ohotsky E.V., Bogucharskaya V.A. The Social State and Social Policy of Modern Russia: Orientation to the Result. *Trud i sotsial'nye otnosheniya*=*Labor and Social Relations*. 2012;(5(95)):30–44. (In Russ.)
25. Rowe J.W., Kahn R.L. Human Aging: Usual and Successful. *Science*. 1987;237(4811):143–149. <https://doi.org/10.1126/science.3299702>
26. Rowe J.W., Kahn R.L. Successful Aging. New York: Random House; 1998. 265 p.
27. Belekova G.V., Natsun L.N., Soloveva T.S. Prosperous Old Age: From Scientific Theories to the Fundamentals of its Programming. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(2):220–238. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.12>
28. Soloveva T.S., Natsun L.N., Shmatova Yu.E., et al. Age Spectrum of Subjective Well-Being: The Specifics of the Elderly. *Uspekhi gerontologii*=*Advances in Gerontology*. 2025;38(6):802–809. <https://doi.org/10.34922/AE.2025.38.6.001> (In Russ.)
29. Baltes P.B., Baltes M.M. Psychological Perspectives on Successful Aging: The Model of Selective Optimization with Compensation. In: Baltes P.B., Baltes M.M. (Eds.). *Successful Aging: Perspectives from the Behavioural Sciences*. New York: Cambridge University Press; 1990. P. 1–34. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511665684>
30. Grigoryeva I.A., Kolosova G.V. Social Interactions in Long-Term Care. *Uspekhi gerontologii*=*Advances in Gerontology*. 2021;34(6):919–927. <https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.6.014> (In Russ.)
31. Belekova G.V., Popov A.V. Age-Related Features of Preparing for old Age: Population Strategies in the Context of Implementation of State Programs for Older Adults. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2025;18(3):203–222. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.11> (In Russ.)

Information about the authors:

Tatiana S. Soloveva – PhD in Economics, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 9101-5219) (ResearcherID: I-8418-2016)

Andrei V. Popov – Doctor of Economics, Lead Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 9101-5219) (ResearcherID: I-8418-2016)

Authors' declared contribution:

Tatiana S. Soloveva – problem statement, research concept and design, critical analysis of literature, text preparation, formulation of research findings.

Andrei V. Popov – research concept and design, text preparation, formulation of research findings.

The authors declare no conflict of interests.

The author responsible for the correspondence is Tatiana S. Soloveva.

The article was submitted 05.05.2026; approved after reviewing 12.07.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Оригинальная статья

УДК 331.5

JEL J00

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_6_438_451

EDN WFDNIE

Фактор собственности предприятия в трудовом поведении профессионалов и квалифицированных рабочих России

Александр Лазаревич Темницкий^{1,2}

¹Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

²Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

(taleksandr@list.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5275-7457>)

Аннотация

В статье на основе вторичного анализа объединённого массива данных российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) за 1994–2024 гг. раскрываются особенности занятости и трудового поведения профессионалов и квалифицированных рабочих государственных и частных предприятий. Основной исследовательский вопрос связан с поиском ответа о потенциале государственных и частных предприятий стать более привлекательным местом занятости для современных наёмных работников. С этой целью проводилось сравнение государственных и частных предприятий по их возможностям для предоставления профессионалам и квалифицированным рабочим социальных льгот, по размеру зарплаты, соотносённого с затратами времени, а также по оценкам удовлетворённости оплатой и работой в целом. По результатам анализа показано, что работники частных предприятий по-прежнему отстают от государственных по возможностям получения основных социальных льгот за исключением оплаты питания. Большие затраты рабочего времени у рабочих частных предприятий в сравнении с их коллегами на государственных перестали, начиная с 2012 г., приносить более высокий заработок, сравнялись и оценки удовлетворённости оплатой труда. Заметное влияние частная форма собственности предприятий оказывает на результирующие показатели трудового поведения профессионалов, у которых и размер зарплаты и удовлетворённость ею всегда были выше, чем у их коллег на государственных. С помощью регрессионного анализа с фиктивными переменными показано, что роль частной формы собственности предприятия в объяснении разброса значений получаемой зарплаты последовательно снижалась, а с 2016 г. перестала быть значимой. Более весомым и устойчивым оказывается влияние принадлежности к мужскому полу и группе профессионалов.

Ключевые слова: форма собственности предприятия, трудовое поведение, профессионалы, квалифицированные рабочие, рабочее время, заработная плата, социальные льготы, ресурсный потенциал работника, вторичный анализ

Для цитирования: Темницкий А.Л. Фактор собственности предприятия в трудовом поведении профессионалов и квалифицированных рабочих России // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 438–451. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_6_438_451 EDN WFDNIE

RAR (Research Article Report)

JEL J00

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_6_438_451

The Enterprise Ownership Factor in the Labor Behavior of Professionals and Skilled Workers in Russia

Aleksandr L. Temnitskii^{1,2}

¹Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia

²Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(taleksandr@list.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5275-7457>)

Abstract

The paper, based on a secondary analysis of the Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE) combined dataset pertaining to health and economic welfare of households and individuals (1994–2024), deals with the particulars of employment and work behavior of professionals and skilled workers in the private and public enterprises. The main research objective is to determine private and public enterprises' potential to become more attractive for modern hired workers. For that purpose, we compared public and private enterprises' capabilities to provide professionals and workers with social benefits, pay rates, work hours, as well as pay satisfaction and general job satisfaction. The results show that private enterprise workers still lag behind their public sector counterparts when it comes to key social benefits, with the exception of subsidized meals. Starting from 2012, longer work hours for private enterprise workers stopped earning them higher pay compared to their counterparts in the public sector; the pay satisfaction level has also equalized between the two. The private ownership has a significant impact on the labor market outcomes among professionals who have always enjoyed higher earnings and pay satisfaction compared to their counterparts working at public enterprises. Using regression analysis with dummy variables, we demonstrated that the effect of private ownership on explaining variation in earnings have been decreasing steadily, and stopped being significant from 2016 on. Male gender and affiliation with a professional group make a stronger, more lasting impact.

Keywords: Enterprise ownership form, work behavior, professionals, skilled workers, work hours, pay, social benefits, worker's resource potential, secondary analysis

For citation: Temnitskii A.L. The Enterprise Ownership Factor in the Labor Behavior of Professionals and Skilled Workers in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossi*=Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2026;22(3):438–451. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_6_438_451 (In Russ.)

© Темницкий А.Л., 2026

Введение

Занятость на государственных предприятиях рассматривается как традиционный фактор трудового поведения, за которым скрывается ориентации на большие гарантии и стабильность занятости, обеспечение социальными льготами, устойчивый график рабочего времени, социальную защищённость в целом. Работа на государственных предприятиях в советское время воспринималась как надёжный способ обеспечения социальными гарантиями, распространявшихся на все значимые стороны жизни: от бесплатного лечения, получения мест в ведомственных детских садах, путёвок в санатории до возможности получить бесплатно земельный участок и квартиру. Не менее важным было и то, что государство на равных оценивало и культивировало значимость труда всех категорий работников [1].

Напротив, занятость на частных предприятиях ассоциируется с неустойчивой занятостью, выраженной капиталистической эксплуатацией труда, большими рисками потерять работу и вместе с тем с лучшими возможностями для хорошего заработка за счёт более интенсивной и продолжительной работы и новых форм в организации труда.

Мы далеки от того, чтобы рассматривать работников в советский период как сособственников общественных средств и хозяев производства, которые в одночасье с началом либеральных реформ утратили свой былой статус, часть из них на короткое время стала ваучерными акционерами, а к началу 2000-х более 90% – чисто наёмными работниками. Как убедительно показывают исследования историков, обращённые к советскому периоду, собственность предприятий не только воспринималась как казённая (государственная), но и являлась ею по существу. Приватизация лишь закрепила сложившееся положение с той лишь разницей, что если в советское время в роли работодателя выступало практически исключительно государство, которое владело и распоряжалось собственностью, а также практически полностью контролировало систему распределения произведённого продукта [2, с. 35], то после её завершения таковым стал преимущественно частный собственник [3, с. 32], а работник оказался почти полностью отчуждённым от средств производства [4].

Представления, что благодаря приватизации удастся приобщить работников к участию в собственности, оказались несостоятельными [5]. Не произошло и ожидаемого в связи с состоявшейся трансформацией отношений собственности становления наёмного работника либерально-рыночного типа [6, с. 55]. Но и не заметно явных признаков отторжения работающего населения

от институтов частной собственности и предпринимательства, напротив фиксируется активное привыкание к ним [7, с. 202].

Амбивалентность сложившейся ситуации корректирует исследовательскую повестку. Связывать паттерны трудового поведения на государственных предприятиях с синдромами, которые называют несовременными, такими как пассивность, патернализм, безопасность, конформизм, зависимость, а на частных – с современными: индивидуализм, активность, вера в собственные силы, инновативность и противопоставлять их [8, с. 210] не представляется актуальным. Допускается равная возможность тех и других вне зависимости от формы собственности предприятия.

Более актуальным становится определение государственных и частных предприятий как различающихся по привлекательности мест занятости, прежде всего для молодёжи. Если в 1990-е установки молодых людей на труд в частном секторе исследователи рассматривали как готовность больше трудиться, нести ответственность, проявлять предприимчивость, быть инициативным и активным [9], а в середине нулевых отмечали наличие на частных предприятиях более высокого уровня организации труда и большие возможности для высокого заработка при меньшей значимости социальных льгот [10, с. 109], то в настоящее время всё чаще говорится о вынужденном согласии молодёжи на работу с весьма ограниченным уровнем социальной защищённости и то только на старте карьеры [11]. Исследователи фиксируют, что ориентации работающей молодёжи на признанную за частными предприятиями большую интенсификацию трудовых усилий, профессиональное обучение, освоение новых специальностей, навыков активизируются только в случае ощущения нестабильности своей занятости, высокой вероятности потерять работу [12, с. 45].

Результаты западных сравнительных исследований привлекательности занятости на государственных и частных предприятиях показывают, что для европейцев госсектор привлекателен лучшими «удобствами» (защита занятости, баланс работы и личной жизни) [13]. Исследователи всё чаще обнаруживают, что вопреки ожиданиям, работа в государственном секторе оценивается более позитивно, чем в частном секторе [14], что государственные работодатели стабильно получают более высокие оценки по всем характеристикам, чем частные и их гораздо чаще рекомендуют другим, а государственные служащие, когда рекомендуют или не рекомендуют своих работодателей, придают большее значение социальным аспектам трудоустройства (коммуникация, командная работа, поддержка) [15].

В нашем предыдущем исследовании были раскрыты признаки утраты привлекательности занятости на частных предприятиях, но это было сделано применительно ко всем работникам в целом, без разделения на профессиональные группы и ограничивалось 2017 г. [16, с. 144].

В данной статье, которая является продолжением предыдущих исследований по данной теме, будет рассмотрено трудовое поведение профессионалов и квалифицированных рабочих, как самых массовых групп наёмных работников, которые на момент опроса имели оплачиваемую работу в организациях, как правило, на условиях официального найма.

Актуальными для проведения анализа являются исследовательские вопросы, по которым можно проследить, как на протяжении более чем 30 лет проводимых реформ:

- менялась занятость работающего населения на предприятиях с различными формами собственности и как это сказывалось на результирующих характеристиках трудового поведения?

- происходила либо нет концентрация наиболее ресурсно сильных работников на частных предприятиях и соответственно «вымывалась» из государственных?

- сохранялись ли социальные гарантии и льготы для работников государственных предприятий и стали ли они распространёнными и значимыми для большинства работников на частных предприятиях?

- оставалась ли стабильной и уступала ли по размерам заработная плата на государственных предприятиях в сравнении с частными?

- повышалась либо понижалась удовлетворённость оплатой труда и работой в целом в зависимости от формы собственности предприятий?

Ответы на эти вопросы будут даны на основе вторичного анализа массивов данных РМЭЗ за 1994–2024 годы¹.

Предмет исследования: сравнение профессионалов и квалифицированных рабочих по их оценкам возможностей государственных и частных предприятий для получения социальных льгот, по размеру зарплаты, соотносённого с затратами рабочего времени, а также по оценкам удовлетворённости оплатой и работой в целом.

Цель исследования: на основе сравнительного анализа занятости профессионалов и квалифицированных рабочих на государственных и

частных предприятиях раскрыть роль и влияние формы собственности на показатели трудового поведения, сохранение и укрепление ресурсного потенциала работников, способного справиться с новыми вызовами.

Гипотеза. Предполагается, что занятость на частных предприятиях так и не стала действенным аттрактором рыночного характера, способным притягивать и закреплять работников с сильным ресурсным потенциалом, а форма собственности предприятия утрачивает роль хорошей объяснительной переменной.

Теоретические и методологические основы

Актуальность обращения к профессионалам обусловлена тем, что они рассматриваются как авангардная группа работающего населения, в большей степени, чем другие заинтересованные в наращивании своего человеческого капитала и способные «повернуть» Россию в сторону постиндустриального развития [17]. Выбор квалифицированных рабочих, причисляемых по международной стандартной классификации занятий ISCO к 7-й и 8-й группам, связан с предположением об их более высокой трудовой активности, полной занятости и большей востребованности на современном рынке труда. К профессионалам были отнесены те работники, которые являются специалистами высшего уровня, имеют законченное высшее образование, не имеет подчиненных, выполняют работу, требующую высшего образования.

Трудовое поведение определяется как характеристика работника, которая в первую очередь определяется трудовыми ценностями самого работника, а не целями и ценностями организации. Предпосылкой для такого определения является предположение, что в современных условиях у работников существуют возможности для инициирования и реализации различных стратегий трудового поведения и предпочтение той или иной формы собственности предприятия зависит от её возможности обеспечивать более высокие возможности для заработка и условий труда в целом. В этой связи акцент делается на выделение и анализ результирующих показателей трудового поведения важных для работника. К последним можно отнести размер получаемой зарплаты, фактические затраты времени на работу и уточнённый размер заработка с учётом временных затрат, а также такие субъективные показатели, как удовлетворённость оплатой и работой в целом [16, с. 139].

Модель ресурсного потенциала работника разрабатывалась на основе применения деятельно-активистского подхода к исследованию экономического положения и трудового поведения различных категорий наёмных работников [18]. Ресурсный потенциал работника определяется

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.crc.unc.edu>).

как совокупность биологических и полученных на практике качеств, позволяющих ему не только адаптироваться к изменениям внешней среды, но и добиваться желаемого результата, успеха. К ним с учётом имеющихся переменных в массивах РМЭЗ были отнесены возраст (не старше 49 лет), оценки здоровья (очень хорошее и хорошее) и уверенность на рынке труда (уверенность в том, что в случае увольнения или закрытия предприятия они найдут работу не хуже имеющейся). Подтверждением обоснованности предложенных критериев является недавний вывод исследователей о том, что «рынок труда в России не достиг той степени гибкости, которая позволила бы лицам в возрасте 45 лет и старше, а также лицам с ограниченными возможностями здоровья беспрепятственно реализовать свой трудовой потенциал» [19, с. 65]².

Поскольку в вопроснике РМЭЗ форма собственности предприятия определяется через наборы нескольких отдельных переменных, то её выявление и определение типа предприятий проводилось посредством обращения к ответам респондентов на вопросы: «Кому принадлежит предприятие, на котором Вы работаете?» – отдельному лицу, группе лиц, иностранной фирме, коллективу или государству?»

На основе ранее разработанной типологии и её апробации [16, с. 140] были выделены три типа предприятий.

Первый тип предприятий, которые были названы «государственными», основан на положительных ответах об участии государства в их собственности и отрицательных – об участии

российских частных лиц, коллектива предприятия или российских частных фирм. Второй тип предприятий, названных «частными с участием государства», основан на положительных ответах об участии в собственности как государства, так и частных лиц, коллектива предприятия или российских частных фирм. Третий тип – предприятия «частные без участия государства» – базировался на положительных ответах об участии в собственности частных лиц, коллектива предприятия или российских частных фирм и отрицательных – государства. Тип предприятий, основанный на участии в собственности иностранных фирм и иностранных частных лиц из-за их незначительного количества (3–5%), в анализ не включён. По этой же причине не был включён в анализ тип предприятий, на которых совладельцами предприятий являются сами работники. Предложенная типология рассматривается как достоверная потому, что доля затруднившихся с ответами во все годы опросов не превышала 5%, а полученное распределение предприятий по форме собственности является близким к данным Росстата.

Результаты исследования

Рассмотрим вначале динамику занятости на государственных и частных предприятиях. За 30-летний период (1994–2024 гг.) доля работников, занятых на государственных предприятиях, снизилась вдвое, а на частных предприятиях без участия государства возросла почти в 4 раза и составила 60% – рисунок 1.

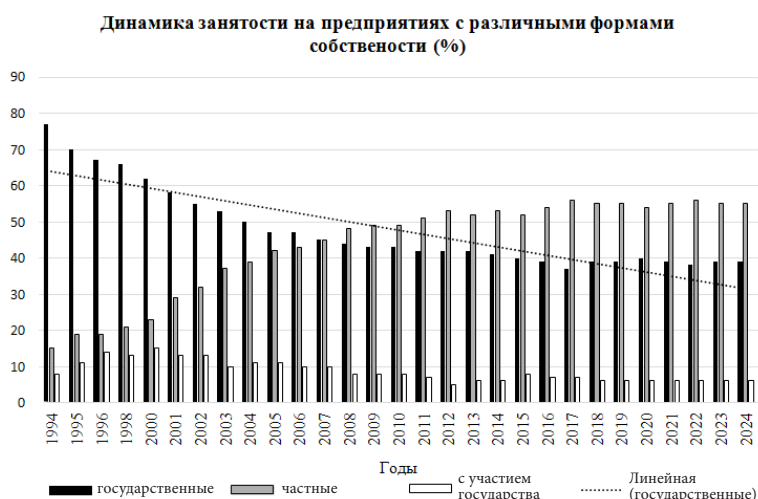

Рисунок 1. Распределение наёмных работников по занятости на государственных и частных предприятиях в динамике 1994–2024 гг. (%)

Figure 1. Distribution of Employees by Employment in State and Private Enterprises in dynamics 1994–2024 (%)

Источник: данные по объединённому массиву РМЭЗ-ВШЭ: 1994–2024.

² С учётом выбранных объектов исследования в качестве порогового возраста берётся 49 лет, так как выявлено, что после 50 лет значительно снижаются оценки здоровья и уверенности в занятости в случае увольнения. Уровень образования не включался в модель, потому как определено, что и при отсутствии высшего образования демонстрируется высокая уверенность на рынке труда, а рабочие пожилого возраста (старше 60 лет) чаще имеют высшее образование, чем более молодые.

Социальные условия занятости на государственных и частных предприятиях

Обратимся вначале к половозрастной структуре занятых на предприятиях с разной формой собственности³ и её изменениям за 30 лет наблюдений (таблица 1).

Рабочие государственных и частных предприятий не имеют существенных отличий по половой принадлежности. В абсолютном большинстве

(более 80%) это мужчины. Указанное соотношение мужчин и женщин являлось устойчивым на протяжении всех лет наблюдений вне зависимости от формы собственности предприятия. У профессионалов доля мужчин на частных предприятиях более чем в 2 раза выше в сравнении с государственными, и она увеличилась от минимальной, зафиксированной в 1996 г (17%) до 45% в 2024 г.

Таблица 1

Половозрастная структура профессионалов и квалифицированных рабочих в зависимости от формы собственности предприятий (%)

Table 1

Age and Gender Structure of Professionals and Skilled Workers depending on the Type of Ownership of Enterprises (%)

	Профессионалы		Рабочие	
	Государственные	Частные	Государственные	Частные
Пол				
Мужской	18	40	87	84
Женский	82	60	13	16
Группы по возрасту				
18–35	32	48	32	39
36–49	37	33	37	38
50–65	26	18	29	22
66 и старше	5	1	2	1
Число ответивших (чел.)	10775	4987	13335	29107

Источник: данные объединённого массива РМЭЗ-ВШЭ 1994–2024.

Возрастная структура занятых характеризуется существенно большей долей молодых работников (до 35 лет) и меньшей старших возрастных групп (50 лет и старше) на частных предприятиях как среди профессионалов, так и у рабочих. В динамике с 1994 по 2024 гг. произошло снижение численности молодёжи (18–35 лет) на всех типах предприятий, но более ощутимо среди рабочих. Так среди профессионалов доля молодёжи на государственных предприятиях в 1994 г. составила 34%, а в 2024 г. – 25%, среди рабочих, соответственно 40 и 24%. На частных предприятиях доля молодых работников среди профессионалов в 1994 г.

составила 49%, в 2024 – 37%, среди рабочих 48 и 23%, соответственно.

Следует признать, что обнаруженные различия во многом обусловлены отраслевой и региональной спецификой занятости. Модальные группы занятых на государственных предприятиях сосредоточены в отраслях образования, здравоохранения, науки и культуры, а также социального обслуживания (88%)⁴, тогда как занятые на частных – в отраслях промышленности (80%) и строительства, транспорта, связи, бытового обслуживания и ЖКХ (83%).

Не менее выразительной является и региональная специфика занятости (таблица 2).

Таблица 2

Региональная структура занятости профессионалов и квалифицированных рабочих в зависимости от формы собственности предприятий (%)

Table 2

Regional Structure of Professionals and Skilled Workers depending on the Type of Ownership of Enterprises (%)

Тип населённого пункта ⁵	Профессионалы		Рабочие	
	Государственные	Частные	Государственные	Частные
Областной центр	49	68	34	41
Город	25	25	27	35

³ С учётом незначительной численности работников частных предприятий с участием государства было проведено их объединение в одну группу – частные.

⁴ Эти отрасли были объединены в одну группу, также как и все отрасли, относящиеся к промышленности в другую, а отрасли строительства, транспорта, связи, бытового обслуживания и ЖКХ в третью. Приводятся данные по объединённому массиву 1994–2024 гг.

⁵ По данным РМЭЗ к областным центрам отнесены города с численностью не менее 220000 чел., к городам – 15000 чел., посёлкам городского типа – 2300 чел., сёлам – 30 чел.

Окончание Таблицы 2

Тип населённого пункта	Профессионалы		Рабочие	
	Государственные	Частные	Государственные	Частные
ПГТ	6	3	7	5
Село	20	4	32	19
Число ответивших (чел.)	10755	4987	13335	29107

Источник: данные объединённого массива РМЭЗ-ВШЭ 1994–2024.

Более 2/3 профессионалов частных предприятий сконцентрированы в крупных областных центрах, тогда как среди их коллег с государственных предприятий таковых менее половины, а среди квалифицированных рабочих государственных предприятий в областных центрах работает примерно одна треть. Рабочих частных предприятий отличает от других групп бóльшая концентрация в небольших городах (35%), а рабочих государственных – занятость в сёлах (32%). Ещё одним отличительным признаком профессионалов частных предприятий является их минимальная в сравнении с другими группами занятость в сёлах (4%).

Первичную характеристику социальных условий занятости сейчас принято давать через определение признаков стабильности и precariousности.

В нашем случае можно утверждать о наличии стандартной занятости у абсолютного большинства как профессионалов, так и квалифицированных рабочих вне зависимости от формы собственности предприятия. Единственным исключением выступают рабочие частных предприятий, среди которых 88% оформлены официально против 99% среди их коллег на государственных⁶.

По данным 2024 г. нет ни одного респондента, кого бы отправляли в вынужденный отпуск, уменьшали зарплату или сокращали часы работы. Лишь единицам среди рабочих частных предприятий (1%) предприятие задолжало с выплатой зарплаты

Более отчётливо картину различий государственных и частных предприятий раскрывают условия предоставления социальных гарантий и льгот.

Сложившуюся ситуацию с социальными гарантиями и льготами на предприятиях исследователи называют вялотекущей стабилизацией с симптомами ограничения набора дополнительных льгот и круга работников, которые могут ими пользоваться по месту работы [20].

Нас в данном случае интересует, могут ли государственные предприятия быть более привлекательными для профессионалов и рабочих с точки зрения предоставления на них больших социальных гарантий и льгот, как это стереотипно закрепилось в сознании работников с советского времени, или частные предприятия перестают уступать им и могут заманивать работников более современным социальным пакетом? (См. таблицу 3).

Таблица 3

Социальные гарантии и льготы для профессионалов и квалифицированных рабочих в зависимости от формы собственности предприятий (% указавших на наличие данной гарантии /льготы на предприятии)⁶

Table 3

Social Guarantees and Benefits for Professionals and Skilled Workers depending on the Type of Ownership of Enterprises (% of those who indicated the presence of this guarantee/benefit at the enterprise)

	Профессионалы		Рабочие	
	Государственные	Частные	Государственные	Частные
Социальные гарантии				
Оплата очередных отпусков	99	93	98	82
Оплата больничных листов	99	90	98	80
Оплата отпуска по беременности, родам, по уходу за ребёнком до трёх лет	94	82	87	68
Социальные льготы				
Полная или частичная оплата путёвок в санатории, дома отдыха, турбазы, детские лагеря	39	25	42	26
Обучение за счёт предприятия	37	29	28	20

⁶ Приводятся данные по объединённому массиву. В 2024 г доля квалифицированных рабочих частных предприятий с официальным оформлением на работу составила 89%.

	Профессионалы		Рабочие	
	Государственные	Частные	Государственные	Частные
Бесплатное лечение в ведомственных медицинских учреждениях, полная или частичная оплата лечения в других медицинских учреждениях	26	24	33	22
Бесплатное или льготное питание, оплата питания	10	12	13	14
Бесплатное содержание детей в ведомственных дошкольных учреждениях, полная или частичная оплата содержания детей в других дошкольных учреждениях	9	5	10	5
Дотации на транспорт, оплата проездных	8	12	20	11

Источник: данные по объединённому массиву РМЭЗ-ВШЭ 2000–2022.⁷

По законодательно установленным гарантиям абсолютное большинство профессионалов и рабочих как на государственных, так и на частных предприятиях существенно не различаются, за исключением рабочих частных предприятий, на которых только две трети их них могут рассчитывать на оплату отпуска по беременности и родам. Однако социальные льготы, которые надо теперь заслуживать у работодателя, отличают в лучшую сторону занятых на государственных предприятиях за исключением льготного питания. При этом на протяжении наблюдаемых лет происходило сужение в охвате профессионалов и рабочих всеми видами социальных льгот за исключением оплаты обучения вне зависимости от формы собственности предприятий. Так, предоставление бесплатного лечения или частичной компенсации его стоимости на государственных предприятиях в 2000 г. было замечено примерно у одной трети профессионалов и рабочих, а в 2022 только у 14% у первых и 28% среди вторых. На частных предприятиях возможности получать бесплатное лечение за указанный период снизились почти в три раза. Такая же тенденция характерна и по оплате путёвок. В 2000 г. на данный вид социальной льготы указали на государственных предприятиях 46 и 43% профессионалов и рабочих, соответственно, а в 2022 г. 19 и 25%. На частных сужение стало ещё более заметным с 45 до 9% у профессионалов и с 42 до 13% у рабочих. На этом фоне обучение за счёт предприятия выглядит приятным исключением, поскольку характеризуется положительной динамикой включённости в него как профессионалов, так и рабочих на государственных предприятиях с 26 до 42% у первых и с 21 до 32% – у вторых. На частных предприятиях возможность получать бесплатное образование за счёт предприятия оставалось стабильным (29% у профессионалов и 20% – рабочих). Феномен устойчивос-

ти данной льготы требует специального анализа, на котором мы не будем останавливаться.

Результирующие показатели трудового поведения

Позволяет ли сегодня оплата труда на частных предприятиях компенсировать невысокий уровень социальных льгот и как связаны размеры получаемых зарплат с продолжительностью рабочего времени? (См. таблицу 4).

Во все годы наблюдений средний размер зарплаты у работников частных предприятий как у профессионалов, так и у рабочих был выше, чем у их коллег на государственных предприятиях. При этом у профессионалов различия в размерах зарплаты в зависимости от формы собственности предприятия были существенно выше, чем у рабочих. Наибольший разрыв (более чем в 2 раза) наблюдался в 2004 г. В последующие годы он несколько снижался и в 2024 г. размер зарплаты профессионалов на государственных предприятиях составил 2/3 от зарплаты их коллег на частных. У рабочих различия в зарплате не являются столь существенными, они были статистически значимыми до 2016 г. и перестали быть таковыми в настоящее время. Сравнение размеров зарплат рабочих и профессионалов на государственных предприятиях показывает отсутствие значимых различий после 2004 г. и обретение таковых в пользу рабочих в 2024 г. Напротив, на частных предприятиях они, начиная с 2004 г. являются статистически значимыми, так, что средний размер зарплаты рабочих составляет примерно 80% от зарплаты профессионалов. Таким образом, занятость на частных предприятиях не только сопровождается большей величиной размера получаемой зарплаты, но и является более сильным дифференцирующим фактором по отношению к различным профессиональным группам.

⁷ Указывается диапазон лет, по которым имеются данные в массиве.

Таблица 4

Размер заработной платы⁸ и фактическая продолжительность рабочего времени⁹ у профессионалов и квалифицированных рабочих в зависимости от формы собственности предприятий в динамике 2000–2024 гг. (средние значения)

Table 4

The Size of Wages and actual working Hours of Professionals and Skilled Workers depending on the Type of Ownership of Enterprises in the Dynamics between 2000 and 2024 (average values)

Типы предприятий	Годы опроса ¹⁰						
	2000	2004	2008	2012	2016	2020	2024
Размер заработной платы (руб.) <i>Профессионалы</i>							
Государственные	1489	4242	11371	17111	24009	30546	47236
Частные	3025	9342	20096	25370	34149	40159	71486
Размер заработной платы (руб.) <i>Рабочие</i>							
Государственные	1854	4992	12079	17348	24626	31803	55055
Частные	2481	6327	14305	20520	26654	32157	58465
Фактическая продолжительность рабочего времени (час.) <i>Профессионалы</i>							
Государственные	142	142	147	150	154	155	153
Частные	160	158	162	164	161	163	165
Фактическая продолжительность рабочего времени (час.) <i>Рабочие</i>							
Государственные	177	170	178	182	178	172	176
Частные	178	178	183	184	187	185	183
Часовая оплата труда с учётом отработанного времени (руб.) <i>Профессионалы</i>							
Государственные	11	33	83	124	163	212	329
Частные	20	63	137	167	223	280	445
Часовая оплата труда с учётом отработанного времени (руб.) <i>Рабочие</i>							
Государственные	12	31	72	110	153	217	312
Частные	15	39	84	122	153	202	342

Источник: данные по объединённому массиву РМЭЗ-ВШЭ 2000–2024.

Сравнение размеров получаемой зарплаты будет некорректным без учёта отработанного времени. В целом, за период 1994–2024 гг. фактическая продолжительность рабочего времени возросла в всех типах предприятий, в среднем, на 9 часов¹¹. При этом, как у профессионалов, так и у рабочих частных предприятий продолжительность рабочего времени всегда была выше по сравнению с государственными, заметнее и стабильнее у профессионалов. Однако по отношению к установленной Кзот величине рабочего

⁸ Формулировка вопроса: «Сколько денег в течение последних 30 дней Вы получили по основному месту работы после вычета налогов?»

⁹ Формулировка вопроса: «Сколько часов Вы фактически отработали по основному месту работы в течение последних 30 дней?»

¹⁰ Для сравнения отбирались массивы данных с 4-летним периодом, начиная с 2000 г.

¹¹ Без учёта принадлежности к профессиональным группам.

времени (168 часов в месяц, или 40 часов в неделю) переработки заметны только у рабочих. Они являются стабильными на государственных предприятиях (в пределах 10 часов) и возросли с 2000 по 2024 гг., примерно на 5 часов на частных. Наибольшую долю в переработки вносит занятость рабочих в отраслях строительства, транспорта и связи, где средняя продолжительность рабочего времени составляет 189 часов в месяц, а также работа по отдельным профессиям, например водитель (194 час.)¹². Именно в этих отраслях преобладают прекарные (нестабильные) трудовые отношения, которые, как было установлено по другим исследованиям, способствуют увеличению рабочего времени работника [21, с. 100].

Вычисление размера почасовой оплаты (путём деления размера получаемого заработка за 30 дней на фактически отработанное время за 30 дней) по-

¹² Приводятся данные по объединённому массиву 1994–2024 гг.

казало, что у рабочих государственных и частных предприятий различия в часовом заработке, начиная с 2012 г., перестали быть значимыми¹³. Таким образом, можно утверждать, что большие затраты рабочего времени у рабочих частных предприятий перестали приносить более высокий заработок. У профессионалов различия по величине часовой оплаты на всём протяжении наблюдений оставались значимыми в пользу занятых на частных предприятиях. Максимальными они были в 2004 г. (F-54,3), но к 2024 г. снизились (F-27,5). На частных предприятиях различия в почасовой оплате между рабочими и профессионалами оставались значимыми во все годы наблюдений, пик

различий пришёлся на 2016 г. (F-53,1), тогда как на государственных они были значимыми только в 2008 г. (F-6,4). Это позволяет предполагать, что на частных предприятиях человеческий капитал профессионалов (их вложения в образование) получает большую отдачу, что в определённой мере корректирует пессимистические выводы о востребованности человеческого капитала в российской экономике [22].

Подтверждением большей результативности труда на частных предприятиях для профессионалов являются показатели удовлетворённости оплатой труда, которые у них всегда были выше, чем на частных (таблица 5).

Таблица 5

Удовлетворённость оплатой и работой в целом у профессионалов и квалифицированных рабочих в зависимости от формы собственности предприятий в динамике 2000–2024 гг.
(средние значения, минимум – 1, максимум – 5)

Table 5

Satisfaction with Pay and overall Work among Professionals and Skilled Workers depending on the Type of Enterprise Ownership in the Dynamics between 2000 and 2024
(average values, minimum – 1, maximum – 5)

Типы предприятий	Годы опроса						
	2002	2004	2008	2012	2016	2020	2024
Удовлетворённость оплатой Профессионалы							
Государственные	2,02	2,17	2,66	2,87	2,95	3,16	3,24
Частные	2,73	3,02	3,21	3,00	3,21	3,41	3,42
Удовлетворённость оплатой Рабочие							
Государственные	2,18	2,15	2,73	2,80	2,78	2,95	3,29
Частные	2,39	2,40	2,72	2,87	2,83	3,01	3,26
Удовлетворённость работой в целом Профессионалы							
Государственные	3,75	3,50	3,79	3,86	3,93	3,96	4,08
Частные	3,78	3,66	3,76	3,83	3,99	4,03	4,15
Удовлетворённость работой в целом Рабочие							
Государственные	3,23	3,08	3,53	3,77	3,66	3,70	4,04
Частные	3,27	3,13	3,43	3,59	3,61	3,71	3,89

Источник: данные по объединённому массиву РМЭЗ-ВШЭ, 2002–2024 гг.¹⁴

Большая удовлетворённость оплатой труда рабочих частных предприятий в сравнении с государственными сохранялась до 2008 г., а после различия перестали быть значимыми, что в целом подтверждает особенности динамики различий в размерах зарплаты. По показателям общей удовлетворённости работой на предприятии рабочие государственных предприятий никогда не

уступали своим коллегам на частных, а в 2024 г. их опередили. Тогда как у профессионалов сохраняются незначительные различия в пользу более высокой удовлетворённости работой в целом на частных предприятиях.

Как обнаруженные тенденции соотносятся с ресурсным потенциалом профессионалов и рабочих предприятий с разными формами собственности, динамикой его изменения за годы наблюдений? (См. таблицу 6).

¹³ Для определения статистической значимости различий использовалась F-статистика Фишера, используемая в однофакторном дисперсионном анализе для проверки нулевой гипотезы о равенстве средних. Как, правило, при $F \geq 4,0$ нулевая гипотеза может быть опровергнута.

¹⁴ Указывается диапазон лет опроса, по которым имеются данные в массиве.

Таблица 6

Ресурсный потенциал профессионалов и квалифицированных рабочих в зависимости от формы собственности предприятий (%)

Table 6

Resource Potential of Professionals and Skilled Workers depending on the Type of Ownership of Enterprises (%)

Показатели	Профессионалы		Рабочие	
	Государственные	Частные	Государственные	Частные
Относительно молодой возраст ¹⁵	69	81	69	77
Высокие оценки здоровья ¹⁶	35	49	38	44
Высокая уверенность в занятости ¹⁷	41	46	32	41
Доля работников с высоким ресурсом ¹⁸	16	23	12	18
Число ответивших (чел.)	10755	4987	13336	29107

Источник: данные по объединённому массиву РМЭЗ-ВШЭ 1994–2024.

По всем базовым показателям, которые образуют основы ресурсного потенциала работника, профессионалы и квалифицированные рабочие, занятые на частных предприятиях, существенно опережают своих коллег на частных. Однако в динамике наблюдений с 1994 г. заметно последовательное накопление высоко-ресурсного потенциала профессионалов и рабочих государственных предприятий (с 6 и 9% в 1994 г. до 23 и 20% в 2024 г., соответственно у профессионалов и рабочих). Ресурсный потенциал профессионалов и рабочих частных предприятий изменялся не столь заметно и большей частью времени до 2024 г. оставался стабильным (с 24 и 14% в 1994 г. до 30 и 22% в 2024 г., соответственно у профессионалов и рабочих). Таким образом, к 2024 г., по сути, произошло выравнивание долей рабочих с высоким ресурсным потенциалом на государственных и частных предприятиях и незначительное превышение такового у профессионалов частных предприятий в сравнении с их коллегами на государственных.

Заключение

Таким образом, сформированный в 1990-е годы стереотип о большей привлекательности

занятости на частных предприятиях для хорошего заработка утрачивает своё значение, но происходит это не в равной мере для всех профессиональных групп. Если у рабочих различия в размерах заработка и оценках удовлетворённости им перестали быть существенными, то у профессионалов они сохранились, а по размеру заработка к 2024 г. стали ещё более значимыми в пользу занятости на частных предприятиях. Это может свидетельствовать как о больших возможностях частных предприятий для реализации человеческого капитала профессионалов, так и концентрации на них работников с более высоким ресурсным потенциалом.

Чтобы разобраться с ролью формы собственности в сравнении с другими возможными предикторами в объяснении дисперсии размеров часового заработка был проведён множественный линейный пошаговый регрессионный анализ с использованием фиктивных переменных, подводящий итог предыдущим результатам. Для этого был создан ряд дихотомических переменных, по которым референтные значения предписывались тем группам респондентов, у которых размер зарплаты был значимо выше по сравнению с остальными¹⁹ (таблица 7).

¹⁵ Не старше 49 лет.

¹⁶ Формулировка вопроса: «Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете Ваше здоровье?»

¹⁷ Формулировка вопроса: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где Вы работаете, по каким-то причинам завтра закрывается, и все работники будут уволены. Насколько Вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?»

¹⁸ Указывается % работников, обладающих одновременным наличием трёх указанных характеристик.

¹⁹ Так, учитывая, что у мужчин средний размер часовой зарплаты существенно выше, чем у женщин, код 1 присваивался мужчинам, 0 – женщинам. По этому же принципу: 1-занятым на частных предприятиях, 0 – государственным, 1 – профессионалам, квалифицированным рабочим – 0, проживающим в областных центрах – 1, в остальных типах поселения – 0, занятым в отраслях промышленности – 1, в других отраслях – 0, оценивающим своё здоровье как хорошее и очень хорошее – 1, плохое и очень плохое – 0, моложе 50 лет – 1, старше 50 лет – 0. Различия групп работников по возрасту не были включены в анализ, т.к. они не образовали модели ни по одному из годов опроса.

Таблица 7

Предикторы размера часовой оплаты труда профессионалов и квалифицированных рабочих в динамике 2000–2024 гг., стандартизированные коэффициенты Бетта

Table 7

Predictors of hourly Wage Size of Professionals and Skilled Workers in the Dynamics between 2000 and 2024, standardized Beta coefficients

Модели	Годы опроса						
	2000	2004	2008	2012	2016	2020	2024
Принадлежность к мужскому полу	0,151	0,139	0,132	0,093	0,133	0,113	0,114
Занятость на частных предприятиях	0,142	0,137	0,117	0,071	ns	ns	ns
Принадлежность к профессионалам	0,112	0,156	0,192	0,117	0,209	0,145	0,159
Проживание в областных центрах	ns	0,116	0,103	0,134	0,107	ns	ns
Хорошее здоровье	ns	ns	ns	ns	ns	0,076	0,097
Занятость в отраслях промышленности	ns	ns	ns	ns	ns	0,075	0,077

Примечание: ns-отсутствие статистически значимых значений коэффициентов. Все остальные значимы на уровне $p \leq 0,001$.

Источник: данные по объединённому массиву РМЭЗ-ВШЭ 2000–2024.

Результаты анализа показали, что вклад основной контролируемой переменной (занятость на частных предприятиях) уступает влиянию принадлежности к профессионалам и мужскому полу. Но, что ещё является более важным с учётом поставленной цели и выдвинутой гипотезы, роль формы собственности в объяснении разброса значений получаемой зарплаты последовательно снижалась и после 2012 г. перестала быть значимой. С 2020 г. становятся заметными влияние отраслевой принадлежности и хорошего здоровья.

Проведённый анализ выявил ряд ограничений для формирования надёжных выводов (прежде всего роль отрасли занятости, региональной и половой принадлежности профессионалов во взаимосвязи с формой собственности предприятия). Вместе с тем результаты анализа могут рассматриваться как полезные для понимания предпосылок перехода на новый этап

развития экономики, на котором становится актуальной конкуренция между государственными и частными предприятиями за привлечение работников с высоким уровнем квалификации и ресурсного потенциала, обостряющейся под влиянием сокращения числа работающих. Государственные предприятия обнаруживают свои забытые, но устоявшиеся за годы реформ преимущества: стабильность занятости, социальная защищённость, сохранение социальных льгот, которые, при замеченном выравнивании размеров зарплаты по отношению к частным предприятиям у квалифицированных рабочих, привели к большей удовлетворённости работой и могут быть использованы для привлечения молодёжи при учёте известных условий, что их работа будет интересной и комфортной, позволит повышать квалификацию, чувствовать свою сопричастность общему делу.

Список источников

1. Тощенко Ж. Т. Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть II // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 371–383. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_2_371_383 EDN COKBXX

2. Водичев Е.Г. Труд, собственность и экономические свободы в концептах и советских реалиях // Исторический курьер. 2023. № 1(27). С. 33–49. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-1-3> EDN VNXXMWK
3. Гулин К.А. Трансформация отношений собственности в России на рубеже 1980–1990-х гг.: предпосылки, содержание, последствия // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 22–36. <https://doi.org/10.17223/19988613/87/3> EDN ZIJCHF
4. Андреев В.К. О праве частной собственности в России (критический очерк). М.: Волтерс Клувер, 2007. 176 с. ISBN 978-5-466-00204-1
5. Патрушев В.Д., Темницкий А.Л. Собственность и отношение к труду // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 52–59. EDN TYLVNL
6. Темницкий А.Л. Становление наемного работника в условиях трансформации отношений собственности // Социологические исследования. 2014. № 5(361). С. 47–55. EDN SEJMXD
7. Латов Ю.В. Существует ли в России запрос на социалистические перемены? // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Том 16. № 1. С. 202–218. <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.202-218> EDN SKZRCM
8. Климова С.Г. Трансформация паттернов трудового поведения в современном российском обществе // Россия трансформирующаяся. 2023. № 21. С. 204–229. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.8> EDN APMPZQ
9. Мкртчян Г.М., Чистяков И.М. Молодежь Москвы на рынке труда // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 42–49. EDN MPFANP
10. Россия и Китай. Изменения в социальной структуре общества / под ред. М.К. Горшкова, Л. Пэйлинь, З.Т. Голенковой. М.: Новый хронограф, 2012. 481 с. 2013. ISBN 978-5-94881-179-6 EDN RVDLLV
11. Попов А.В. Последствия прекаризации в ракурсе поколенных групп населения: прямые и косвенные эффекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 6. С. 167–181. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.10> EDN THLSOI
12. Балабанова Е.С., Эфендиев А.Г., Гоголева А.С. Российская работающая молодежь: стратегии достижения благополучия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Том 14. № 1. С. 33–52. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.103> EDN PGEOXL
13. Feniza A., Checchi D., Lucifora C. Public- and Private-Sector Jobs: a Cross-Country Perspective. *Oxford Economic Papers*. 2024;76(3):759–779. <https://doi.org/10.1093/oep/gpad044>
14. Cordes J., Vogel R. Comparing Employer Attractiveness of Public Sector Organizations to Nonprofit and Private Sector Organizations: An Experimental Study in Germany and the U.S. *Review of Public Personnel Administration*. 2023;43(2):260–287. <https://doi.org/10.1177/0734371X211065349>
15. Vogel R., Satzger M. What Drives the Attractiveness of Public and Private Employers? Comparative Evidence from an Online Employer Review Platform. *The American Review of Public Administration*. 2024;54(2):180–197. <https://doi.org/10.1177/02750740231206805>
16. Темницкий А.Л. Результативность трудового поведения домохозяйств в условиях трансформации отношений собственности и условий занятости // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Том 29. № 2. С. 134–155. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-134-155> EDN JIGVBI
17. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы: [монография] / Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов, Н.В. Латова [и др.]; отв. ред. Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН, 2023. 488 с. ISBN 978-5-89697-420-8 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023> EDN XFSFHH
18. Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса: Материалы Восьмого международного симпозиума, 19–20 января 2001 года, Москва, Россия / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2001. С. 310–318. EDN PDORVF
19. Синявская О.В., Червякова А.А., Горват Е.С. Анализ факторов выхода с рынка труда в возрасте 45 лет и старше в России: роль характеристик занятости, смены работы и получения образования // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 2. С. 50–72. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.2.8986> EDN MCMSEM
20. Козырева П.М., Смирнов А.И. Социальные гарантии и льготы на предприятиях: вялотекущая стабилизация (по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 2000–2022 гг.) // Россия реформирующаяся. 2024. № 22. С. 29–51. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2024.2> EDN JYQRBS
21. Анисимов Р.И. Рабочее время и социальные гарантии прекариев (опыт сравнительного анализа) // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 100–111. <https://doi.org/10.31857/S013216250021071-1> EDN WBJRTP
22. Гимпельсон В.Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143> EDN WQSXEV

Информация об авторе:

Александр Лазаревич Темницкий – доктор социологических наук, доцент, кафедра социологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; ведущий научный

сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (SPIN-код: 5717-0857) (ResearcherID: I-4615-2018) (Scopus Author ID: 25936831100)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 19.06.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Toshchenko Zh.T. Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part II. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):371–383. <https://doi.org/10.52180/1999-9836> (In Russ.)
2. Vodichev E.G. Labor, Property and Economic Freedoms in Concepts and Soviet Realities *Istoricheskiy kur'yer=Historical Courier*. 2023;(1(27)):33–49. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-1-3> (In Russ.)
3. Gulin K.A. Transformation of Property Relations in Russia at the Turn of the 1980s–1990s: Prerequisites, Content, Consequences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya=Tomsk State University Journal of History*. 2024;(87):22–36. <https://doi.org/10.17223/19988613/87/3> (In Russ.)
4. Andreev V. K. On the Right to Private Property in Russia (Critical Essay). Moscow: Publishing House Volters Kluver; 2007. 176 p. ISBN 978-5-466-00204-1 (In Russ.)
5. Patrushev V.D., Temnitskii A.L. Sobstvennost' i Otnoshenie k Trudu. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 1994;(4):52–59. (In Russ.)
6. Temnitskii A.L. The Development of the Hired Worker in the Context of the Transformation of Property Relations *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2014;(5(361)):47–55. (In Russ.)
7. Latov Yu. V. Does an Enquiry for Socialistic Changes Exist in Russia? *Russian Journal of Economics and Law*. 2022;16(1):202–218. <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.202-218> (In Russ.)
8. Klimova S.G. Transformation of Labor Behavior Patterns in Modern Russian Society. *Rossiya transformiruyushchayasya=Russia in Transformation*. 2023;(21):204–229. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.8> (In Russ.)
9. Mkrtchyan G.M., Chistyakov I.M. Moscow Youth in the Labor Market *Sotsiologicheskie issledovaniya =Sociological Studies*. 2000;(12):42–49. (In Russ.)
10. Gorshkov M.K., Peilin L., Golenkova Z.T. (eds.) Russia and China. Changes in the Social Structure of Society. Moscow: Publishing House Novyi Khronograf; 2012. 481 p. ISBN 978-5-94881-179-6 (In Russ.)
11. Popov A.V. Implications of Precarization in the Context of Generational Groups: Direct and Indirect Effects *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022(6):167–181. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.10> (In Russ.)
12. Balabanova E. S., Efendiev A.G., Gogoleva A. S. Russian Working Youth: Strategies to Achieve Wellbeing *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya=Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2021;14(1):33–52. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.103> (In Russ.)
13. Feniza A., Checchi D., Lucifora C. Public- and Private-Sector Jobs: a Cross-Country Perspective. *Oxford Economic Papers*. 2024;76(3):759–779. <https://doi.org/10.1093/oep/gpad044>
14. Cordes J., Vogel R. Comparing Employer Attractiveness of Public Sector Organizations to Nonprofit and Private Sector Organizations: An Experimental Study in Germany and the U.S. *Review of Public Personnel Administration*. 2023;43(2):260–287. <https://doi.org/10.1177/0734371X211065349>
15. Vogel R., Satzger M. What Drives the Attractiveness of Public and Private Employers? Comparative Evidence from an Online Employer Review Platform. *The American Review of Public Administration*. 2024;54(2):180–197. <https://doi.org/10.1177/02750740231206805>
16. Temnitskii A. The Labor Productivity of Household Members in the Context of Transforming Property Relations and Employment Conditions. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Ehtnologiya=Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2020;29(2):134–155. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-134-155> (in Russ.)
17. Tikhonova N.E., Latov Yu.V. (eds.), Latova N.V., et al. Chelovecheskii Kapital Rossiiskikh Professionalov: Sostoyanie, Dinamika, Faktory. Monograph. FCTAS RAS. Moscow: FCTAS RAS; 2023. 488 p. ISBN 978-5-89697-420-8 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023> (In Russ.)
18. Yadov V.A. Sotsial'nyi Resurs Individov i Grupp kak Ikh Kapital: Vozmozhnost' Primeneniya Universal'noi Metodologii Issledovaniya Real'nogo Rassloeniya v Rossiiskom Obshchestve. In: Zaslavskaya T.I. (ed.) Kto i Kuda Stremitsya Vesti Rossiyu? Aktory Makro-, Mezo- i Mikrourovnei Sovremennogo Transformatsionnogo Protsessa. The Eighth International Symposium Proceedings; January 19–20, 2001; Moscow, Russia. Moscow: Moscow School of Social and Economic Sciences. 2001:310–318. (In Russ.)
19. Sinyavskaya O.V., Chervyakova A.A., Gorvat, E.S. Factors that Lead to Leaving the Labor Market at the Age of 45 and up in Russia: Role of Job Characteristics, Labor Mobility and Life-Long Learning. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 2022;28(2):50–72. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.2.8986> (In Russ.)

20. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Social Guarantees and Benefits at Enterprises: Slugged Stabilization (based on RLMS-HSE data, 2000–2022). *Rossiia Reformiruyushchayasya*. 2024;(22):29-51. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2024.2> (In Russ.)
21. Anisimov R.I. Working Hours and Social Guarantees of the Precarious Workers (an Attempt at Comparative Analysis). *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2022;(11):100-111. <https://doi.org/10.31857/S013216250021071-1> (In Russ.)
22. Gimpelson V.E. Does the Russian Economy Need Human Capital? Ten Doubts *Voprosy Ekonomiki*. 2016;(10):129-143. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143> (In Russ.)

Information about the author:

Aleksandr L. Temnitskii – Doctor of Sociology, Associate Professor, Sociological Department, Moscow State Institute of International Relations (University); Leading Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 5717-0857) (ResearcherID: I-4615-2018) (Scopus Author ID: 25936831100)

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Оригинальная статья

УДК 369.03

JEL J26, J32

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_7_452_466

EDN SJBIAR

Добровольное пенсионное страхование в системе формирования длинных денег россиян: социальные механизмы формирования доверия и вовлеченности

Екатерина Владимировна Воеводина¹, Елена Леонидовна Круглова², Александра Сергеевна Проскурина³

^{1,2,3} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹(evvovodina@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6131-8301>)

²(elkruglova@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2714-3864>)

³(asproskurina@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-2108-1415>)

Аннотация

Статья посвящена анализу социальных механизмов формирования доверия и вовлеченности населения в практики долгосрочного пенсионного страхования. Методологической основой исследования послужили: социологические концепции, объясняющие экономическое поведение, поведенческий подход Р.Талера, раскрывающий иррациональные факторы в принятии индивидуальных решений об участии в пенсионных программах; теория естественного доверия К.Э. Легструпа, позволяющая выдвинуть предположение о том, что перманентные изменения законодательства и неправомерные действия негосударственных пенсионных фондов (несанкционированные переводы накопительной части пенсии) формируют негативные ожидания в отношении пенсионной системы. В качестве теоретических оснований работы авторы также обращались к систематизации социальных аспектов пенсионной реформы. На основе поведенческого подхода участие граждан в программе Добровольного пенсионного страхования (далее – ДПС) сделан вывод о необходимости выполнения анализа с опорой на неизбежность логики выгоды «здесь и сейчас» и сильный фактор доверия как способа избежать сложных аналитических действий. Возникает противоречие между усилиями государств по вовлечению граждан в программы «длинных денег», долгосрочных сбережений с дополнительными гарантиями, и реакцией граждан. Авторами использованы методы эмпирического социологического исследования: анкетирование (две волны, 1689 опрошенных, 2024 год; 1600 опрошенных, 2025 год; репрезентативная выборка РФ; исследования ВЦИОМ и Финансового университета), полуструктурированный экспертный опрос представителей сферы добровольного пенсионного страхования (40 экспертов, 2025 год). В результате исследования сделан вывод о сохранении необходимости повышения доверия населения к системе дополнительного пенсионного страхования. Доверие выше к государственному Социальному фонду и значительно ниже к негосударственным пенсионным фондам. Выявлены барьеры участия граждан в формировании долгосрочных пенсионных накоплений, наиболее существенные из них обусловлены структурными особенностями текущей экономической ситуации. На основе данных сформулированы практические рекомендации, наибольший потенциал заключается в мерах, акцентирующих управляемость накоплений, их антикризисную устойчивость и возможность использования для создания комфортного будущего. Обозначена необходимость пересмотра некоторых принципов государственного стимулирования вовлеченности населения в программы долгосрочных (в том числе, пенсионных) сбережений, в частности – необходимости привязки величины государственного софинансирования к величине прожиточного минимума региона регистрации участников таких программ.

Ключевые слова: длинные деньги, добровольное пенсионное обеспечение, доверие, пенсионные накопления, программа долгосрочных сбережений, экономическая социология, социология финансового поведения

Благодарности: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Воеводина Е.В., Круглова Е.Л., Проскурина А.С. Добровольное пенсионное страхование в системе формирования длинных денег россиян: социальные механизмы формирования доверия и вовлеченности // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 452–466. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_7_452_466 EDN SJBIAR

RAR (Research Article Report)

JEL J26, J32

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_7_452_466

Voluntary Pension Insurance in the System of Long-Term Wealth Generation for Russians: Social Mechanisms for Building Trust and Engagement

Ekaterina V. Voevodina¹, Elena L. Kruglova², Aleksandra S. Proskurina³

^{1,2,3} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹(evvovodina@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6131-8301>)

²(elkruglova@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2714-3864>)

³(asproskurina@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-2108-1415>)

Abstract

The article analyses the social mechanisms for building trust and involvement of the population in long-term pension insurance practices. The methodological basis of the study included sociological concepts explaining economic behavior, Richard Thaler's behavioral approach,

© Воеводина Е.В., Круглова Е.Л., Проскурина А.С., 2026

which reveals irrational factors in individual decisions about participating in pension programs, and Knud Ejler Logstrup's theory of natural trust, which suggests that permanent legislative changes and unauthorized actions by non-government pension funds (NPFs) shape negative expectations regarding the pension system. The authors also drew on a systematization of the social aspects of pension reform to provide a theoretical foundation for the study. From a behavioural perspective, participation in voluntary pension insurance should be analysed in light of individuals' preference for immediate benefits and the role of trust in reducing the need for complex analytical decision-making. There is a contradiction between the efforts of states to involve citizens in so-called «long-term savings programmes», forms of long-term savings with additional guarantees, and the reaction of citizens. The authors used empirical sociological research methods: questionnaires (two waves, 1,689 respondents in 2024; 1,600 respondents in 2025; representative sample of the Russian Federation; research by VTsIOM and the Financial University), and a semi-structured expert interviews of representatives of the voluntary pension insurance sector (40 experts, 2025). The study concluded that there is still a need to increase public confidence in the supplementary pension insurance system. Respondents expressed greater trust in the state Social Fund and significantly lower for non-government pension funds (NPFs). Barriers to citizens' participation in the accumulating long-term pension savings have been identified, the most significant of which are due to the structural features of the current economic situation. Based on the data, the article suggests policy recommendations, with the greatest potential lying in measures that emphasize the greater control over pension savings, their crisis resistance, and the possibility of using them to create a secure financial future. The need to revise some of the principles of state incentives for public participation in long-term (including pension) savings programs has been identified, in particular, the need to link the amount of state co-financing to the subsistence minimum in the region where participants in such programs are registered.

Keywords: long-term savings, voluntary pension provision, trust, pension savings, long-term savings program, economic sociology, sociology of financial behavior

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Voevodina E.V., Kruglova E.L., Proskurina A.S. Voluntary Pension Insurance in the System of Long-Term Wealth Generation for Russians: Social Mechanisms for Building Trust and Engagement. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):452–466. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_7_452_466 (In Russ.)

Введение

Современные демографические тенденции приводят к необходимости анализа доверия и способов вовлечённости россиян в сферу добровольного (негосударственного) пенсионного страхования. Согласно прогнозу Росстата до 2046 года численность населения будет сокращаться, и достигнет 138,8 млн человек через двадцать лет¹. При этом постоянно увеличивается показатель нагрузки на трудоспособное население, что создаёт давление на пенсионную систему. Такой тренд способствует трансформации потоков финансовых ресурсов и обязательств между поколениями в условиях распределительной пенсионной системы [1, с. 55].

С целью обеспечения баланса в распределении финансовых ресурсов государством предлагаются решения, направленные на формирование «длинных денег». Внедряются программы добровольного пенсионного страхования (далее – ДПС), долгосрочного сбережения (ПДС), инвестиционного и накопительного страхования жизни. Однако, спрос населения на участие в них остаётся относительно невысоким. Такой подход адаптируется из западных практик (включая инициативы Международного валютного фонда) и является частью неолиберальной парадигмы; признавая это, необходимо учитывать ограниченное количество альтернативных моделей, вследствие чего российский опыт строится с учё-

том мирового, постепенно приходя к независимым моделям. Так, согласно докладу Национальной ассоциации негосударственных пенсионных фондов (НАПФ), Россия характеризуется низким объёмом пенсионных накоплений относительно других стран (для сравнения: объём рынка пенсионных активов в долларах США составляет у США 37 992 млрд, Китая – 480 млрд, России – 80 млрд)². Согласно данным Социального фонда России на 1 января 2026 года средний размер назначенных пенсий по старости по стране составляет 25 254,53 рубля, различия по регионам указывают на колебание от 20 576,49 (Северо-Кавказский федеральный округ) до 28 255,56 рублей (Дальневосточный федеральный округ); ниже всего пенсия по старости в Республике Дагестан (18 605,91 рублей), выше всего – в Чукотском автономном округе (41 932,06 рублей)³. Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» устанавливает прожиточный минимум для пенсионеров на уровне 16 288 рублей на текущий 2026 год⁴. Объём участия населения в программах НПФ остаётся недостаточным

² Пенсионная система в России и рынок НПФ. Ключевые вызовы и возможности. НАПФ, 2025. 14 с. URL: https://napf.ru/upload/iblock/183/eugldkghqhv7k7m0uz0qamvqvjb0vq/Cbonds_доклад_2105++.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

³ Основные показатели пенсионного обеспечения в Российской Федерации // Социальный фонд России: [сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/info/statistics/pension_provision_sfr?ysclid=mo8n1torws975634856 (дата обращения: 12.03.2026).

⁴ Федеральный закон от 28.11.2025 г. № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов».

¹ Росстат: Демографический прогноз России 2046 // МосПерДата: [сайт]. URL: <https://mosregdata.ru/article/rosstat-russia-demographic-forecast-2046> (дата обращения: 01.12.2025).

с точки зрения обеспечения устойчивости долгосрочных финансовых ресурсов.

Интерес к длинным деньгам может быть ослаблен на фоне высоких инфляционных ожиданий, недоверия к существующим инструментам, отсутствия заинтересованности. По данным Банка России за третий квартал 2025 г. количество застрахованных в НПФ снизилось на 74 тыс. человек до 35,2 млн. На этом фоне заметен рост числа участников программы долгосрочного сбережения (на 2,8 млн человек за период март-сентябрь 2025 г.)⁵, что, однако, в соотношении с общим размером населения России старше 18 лет представляет собой крайне малочисленную группу. Наибольшее количество участников из крупных регионов: Москва, Московская область, Краснодарский край, Татарстан, Самарская область, наименьшее – в Ненецком и Чукотском АО⁶. С другой стороны, анализ современных тенденций свидетельствует о снижении экономического благополучия населения по достижении пенсионного возраста. По оценкам экспертов ИНИОН РАН, резко усугубилась ситуация с замещением утраченного заработка: коэффициент замещения (показатель соотношения пенсии к утраченному заработку) в 2024 снизился до 29% – средний размер пенсии (25 тысяч рублей) почти в три раза меньше, чем средний размер заработной платы (86 тысяч рублей).⁷

Уровень удовлетворённости качеством жизни пожилых людей коррелирует с их экономическим статусом [2, с. 909]. В исследовании А.К. Соловьева, посвящённом анализу индексационной политики пенсионной системы отмечается, что существующие государственные меры недостаточны для обеспечения достойного уровня жизни пенсионеров [3, с. 70], что приводит к существенным потерям в процессе достижения национальных целей. А.А. Цыганов отмечает негативные ожидания россиян в отношении государственной пенсии – «её ждут, но не рассчитывают, что её будет хватать» [4, с. 40]. Современная пенсионная система получает критику в научном дискурсе [5, с. 32] в силу неоднозначности социальных пос-

ледствий введённых изменений для нынешних и будущих пенсионеров. В то же время, присутствует точка зрения о том, что в современной ситуации финансового кризиса необходимо принимать новые решения, даже если они связаны с повышенным риском или требуют реформирования устоявшейся системы [6, с. 69].

Теоретическим объектом исследования является доверие населения к длинным деньгам. *Предмет исследования*: готовность населения использовать предлагаемые институциональные инструменты формирования длинных денег с целью пенсионного обеспечения. К таким инструментам можно отнести: программы негосударственных пенсий, корпоративное пенсионное страхование, программу долгосрочных сбережений, долгосрочные страховые продукты (инвестиционное и накопительное страхование жизни). Авторами предлагается более широкое понимание добровольного пенсионного страхования с точки зрения *социальных практик*, используемых индивидом для обеспечения потребностей по достижении пенсионного возраста. С социологической точки зрения такая практика может быть реализована через использование альтернативных источников самообеспечения, в т.ч. долгосрочные инвестиционные продукты (программа долгосрочных сбережений, накопительное страхование жизни). Такой подход позволяет расширить понятие системы добровольного пенсионного страхования, которой индивид (не)доверяет формирование капитала пенсионного обеспечения. К субъектам ДПС можно отнести: государственный и негосударственные пенсионные фонды (НПФ); страховые компании; работодателей, реализующих пенсионные программы.

Цель исследования заключается в анализе роли социальных механизмов формирования доверия и вовлечённости населения в практики ДПС в поведенческой вовлечённости россиян в эти практики в условиях текущих трансформаций. Для достижения цели выделены следующие *задачи*: оценка информированности населения в сфере добровольного пенсионного страхования (ДПС), в том числе относительно программы долгосрочных сбережений; определение социальных представлений о ДПС и барьерах доверия к нему; формулировка выводов о результативности существующих социальных механизмов повышения доверия к ДПС. Методологической рамкой исследования выступил поведенческий реализм [7, с. 44] и социологические теории, раскрывающие отдельные закономерности экономических действий индивидов (М. Вебер, Н. Смелзер, Дж. Коулман, Г. Беккер, Т. Парсонс), механизмов формирования доверия (К.Э. Легструп).

⁵ Обзор ключевых показателей негосударственных пенсионных фондов за III квартал 2025 года // Банк России: [сайт]. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/59442/review_npf_25Q3.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

⁶ Пенсионные фонды и коллективные инвестиции. Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов в разрезе субъектов Российской Федерации и иностранных государств. 3 квартал. 2025 г. // Банк России: [сайт]. URL: https://cbr.ru/statistics/RSCI/#a_131301 (дата обращения: 10.02.2026).

⁷ Боков И. Названы причины, по которым растёт разрыв между зарплатами и пенсиями // Московский комсомолец: [сайт]. 13.03.2025 г. URL: <https://www.mk.ru/economics/2025/03/13/nazvany-prichiny-po-kotorym-rastet-razryv-mezhdu-zarplatami-i-pensiyami.html> (дата обращения: 11.02.2026).

Основная гипотеза исследования заключается в следующем: низкий уровень вовлечённости населения в использование инструментов длинных денег вызван слабым доверием населения к системе ДПС и предлагаемым институциональным инструментам.

Теоретические и методологические основы

Социологической основой выполненного исследования и анализа данных стала идея о том, что фактически наблюдаемое, констатируемое поведение человека принимается «как есть» (М. Вебер), но преследует субъективно-рациональные цели (Дж. Коулман), определяемые пределами структур, которые одновременно могут трансформироваться под влиянием реализуемого поведения (Т. Парсонс). При этом разделять поведение и область экономики всё меньше представляется возможным, экономическое поведение и другие области его реализации тесно связаны между собой (Н. Смелзер). Авторы исследования придерживаются именно поведенческого подхода к пониманию системы добровольного пенсионного страхования, согласно которому поведение граждан относительно системы ДПС связывается с общими принципами поведения, например, склонностью соглашаться с предложенным вариантом «по умолчанию» вследствие нежелания дополнительных «сложных» действий [8, с. 864]. Согласно поведенческой экономике, финансовое поведение индивидов рассматривается через иррациональные факторы, такие как эмоциональность и когнитивные искажения [9, с. 26]. Согласно Р. Талеру, индивиды не проявляют активный интерес к «длинным деньгам», предпочитая ощутимую выгоду «здесь и сейчас» [10]. Данный подход хорошо согласуется с теорией естественного доверия К.Э. Легструпа [11]. Подразумевается, что доверие – это качество «по умолчанию», нарушаемое в результате неприемлемых действий и договоренностей (например, незаконного перевода средств в НПФ) [12, с. 24]. Исходя из выбранной теоретической рамки, пенсионное поведение может быть интерпретировано как область экономического, которое, в свою очередь, анализируется как данность, реализуемая в индивидуально-определяемых целях в условиях существующих систем и структур, наделённых базовым уровнем доверия, которое может упасть, но может быть и восстановлено.

Категория длинных денег в научном дискурсе представлена преимущественно в сфере экономики. В.И. Филатовым обосновывается задача популяризации «длинных денег» и повышения доверия к ним в контексте современной российской экономики. Учитывая сохраняющуюся со времён

пандемии динамику, необходимы альтернативные взгляды на структуру длинных денег [13, с. 99]. По мнению К.В. Кричанского, необходимо учитывать многокомпонентность длинных денег как финансового инструмента (сами сбережения домохозяйств, механизмы трансформации в инвестиции, трансграничный и правовой аспекты) [14, с. 114]. На основе анализа существующих подходов предлагается следующее *определение длинных денег в контексте предмета исследования*: длинные деньги – это финансовые ресурсы, доверяемые страхователем субъекту системы ДПС на длительный срок, характеризующиеся относительно стабильной процентной ставкой в условиях повышенной социально-экономической неопределённости.

Зарубежные авторы отмечают, что роль негосударственного страхования в формировании финансового благополучия будущих пенсионеров неоднозначна, и зависит от многих факторов, в том числе «финансовой близорукости» [15]. Некоторые прогнозируют рост бедности среди населения пенсионного возраста (особенно, в Европе), [16], другие доказывают необходимость введения и поддержания диверсифицированной пенсионной системы в зависимости от новых появившихся форм занятости [17], а третьи акцентируют внимание на важности государственной социальной политики с целью продления трудовой жизни населения и снижения нагрузки на экономику [18]. Тема пенсионных реформ и страховых пенсионных выплат активно обсуждается в научном мировом сообществе, и превалирует достаточно пессимистичный взгляд на возможности добровольного страхования в целях облегчения экономического бремени государства. Тем не менее, развитие частных пенсионных фондов и привлечение длинных денег населения в экономику особо значимо в условиях неспособности государства полностью обеспечить потребности пенсионеров [19].

Российские исследования последних лет посвящены социальным аспектам пенсионной реформы наравне с экономическими: установкам на подготовку к выходу на пенсию [20; 21]; сохранению негативного отношения к повышению пенсионного возраста [22]; региональным особенностям по наращиванию человеческого капитала за счёт предпенсионеров [23]. Отдельно стоит выделить работы, посвящённые пенсионному страхованию в целом и системе ДПС в частности: в рамках данной группы исследований даётся прогноз возможного разочарования размером начисленных страховых выплат [24], формированию доверия россиян системе ДПС [25], перехода молодёжи на более индивидуалистский характер

пенсионных накоплений и ответственности за них [26].

В рамках поведенческого подхода особый интерес представляет идея социальных механизмов как способов организации коллективной практики. На основе коллективного исследовательского проекта был сформулирован список механизмов, имеющих потенциал формирования доверия (подробнее в коллективной монографии [27]), и в представленном исследовании работа с данными операционализирует их компоненты, ранжируя по степени эффективности для вовлечения населения в сберегательное поведение. Операционализирован конструктивный компонент (принятие решений), теоретический (система знаний, умений и навыков акторов), личностный (предрасположенность акторов к взаимодействию с целью повышения доверия), практический (способность продуктивного применения и анализа этапов формирования доверия). Подход к исследованию социальных механизмов в контексте финансового поведения основан на деятельностно-феноменологическом взгляде на роль и природу доверия – в авторской интерпретации объединены компоненты подходов учёных Института социологии РАН (Тихонова Н.Е., Горшков М.К., Шкаратан О.И.), экспертов АЦ ВЦИОМ, теоретиков социологии доверия (Ф. Фукуяма, П. Штомпка, Э. Гидденс, В. Зелизер), результатов мониторингов финансового поведения ВШЭ, Министерства финансов России, Банка России, Финансового университета при Правительстве РФ. Опора на отечественный опыт исследований даёт возможность использовать в работе поведенческий подход с учётом страновых различий. Исторический опыт объясняет осторожность россиян, их склонность к коллективизму и низкому базовому доверию рыночным и государственным институтам, сложности в долгосрочном планировании, различия между поколениями. Это актуализирует вопрос о том, какие именно формы воздействия будут эффективными в таком исходном контексте.

Исследование выполнено с применением методов анкетирования и экспертного опроса, проведённых в 2024–2025 гг. Эмпирические данные обработаны в программе SPSS с применением статистического анализа (корреляционный анализ, коэффициент Крамера), для анализа отдельных переменных использован индексный метод⁸. Первая волна анкетирования реализована совместно

с ВЦИОМ с помощью панели «ВЦИОМ-Онлайн» (1689 респондентов). Опрос фокусировался на участии населения в программе долгосрочных сбережений, включая показатели информированности, готовности и барьеры участия. Вторая волна анкетирования проведена с помощью онлайн-панели «Анкетолог» (1600 респондентов). Опрос фокусировался на инструментах добровольного пенсионного страхования, уровне и структуре доверия данному институту. В обеих волнах опроса принимало участие взрослое население РФ – представлены как действующие, так и потенциальные пенсионеры, что позволяет проводить сравнения между этими группами. Структура и содержание анкет обусловлены теоретической рамкой исследования: включены вопросы об оценке легитимности различных институциональных форм долгосрочного сбережения (М. Вебер, Дж. Коулман, Т. Парсонс), о степени и причинах интереса и доверия (или его отсутствия) к такого рода программам (Р. Талер, К.Э. Легструп), о восприятии временной перспективы в отношении к пенсионным накоплениям (Г. Беккер, Р. Талер), об соотношении различных форм сбережений и их мотивации (Н. Смеллзер, Дж. Коулман, Г. Беккер, Т. Парсонс, Р. Талер).

Для оценки актуального состояния механизмов формирования доверия к ДПС и разработки практических рекомендаций по их усовершенствованию проведён экспертный опрос методом полуструктурированного интервью. Выборку составили 40 экспертов, отобранных методом снежного кома; рекрутировались представители системы ДПС: специалисты негосударственных пенсионных фондов и банков, реализующих программы ПДС и ДПС; работодатели, реализующие программы корпоративного страхования, специалисты страховых компаний, государственного управления (в т.ч. представители Социального фонда РФ), аналитики финансовых продуктов, финансового образования. География исследования включает регионы с различным опытом: Москва, Санкт-Петербург, Челябинская область, Саратовская область, Вологодская область, Чувашская Республика. Опрос проводился в два этапа. На первом этапе обсуждались возможности и риски программы долгосрочных сбережений в формате неформализованного интервью. На втором этапе эксперты дали оценку существующим механизмам формирования доверия к субъектам системы ДПС⁹ по 5-балльной шкале (где 5 – край-

⁸ Индекс от -100 до 100 применялся для шкал социальных установок и рассчитывался следующим образом: из суммы положительных ответов вычитались отрицательные. При этом положительным ответам (варианты: «да» или «согласен») присваивался коэффициент 1; частично положительным (варианты: «скорее да», «скорее согласен») – 0,5. Отрицательным (варианты: «нет» или «не согласен») присваивался коэффициент равный 1, частично отрицательным (варианты: «скорее нет» или «скорее не согласен») – 0,5.

⁹ Основные тематические блоки интервью включали в себя оценку эффективности механизмов формирования доверия и вовлечённости, используемые следующими субъектами системы ДПС: 1) государством; 2) негосударственными пенсионными фондами; 3) работодателями; 4) страховыми организациями.

не высокая эффективность функционирования механизма, 1 – крайне низкая), а также в свободной форме выразили мнение о недостатках механизмов и способах их оптимизации.

Результаты исследования и их обсуждение

Первым пунктом анализа является блок, посвящённый информированию населения о программах ПДС (как одной из базовых возможностей формирования длинных денег) и ДПС (как конкретного типа длинных денег), а также интересу к каналам информации относительно данных программ. Россияне осведомлены о программе долгосрочных сбережений, однако, их знания, скорее, поверхностны. Только 10% уверенно заявили, что знакомы с ПДС, в то время как 62% знают о ней в общих чертах или слышали только название. При обращении к опросу о ДПС наблюдается аналогичная картина: средний балл, присвоенный ответам, составил 2,5 (вопрос «Знаете ли Вы, как в России устроена система добровольного пенсионного страхования», метки 1 – «Да»,

2 – «Скорее да, чем нет», 3 – «Скорее нет, чем да», 4 – «Нет»), самым популярным ответом стал «скорее нет, чем да». Опрошенные оценили свой интерес к добровольному и государственному пенсионному страхованию примерно одинаково – по шкале от 1 до 4 степень указания на интерес составила 2,8 для ДПС и 2,6 для государственного пенсионного страхования, что свидетельствует об указании на низкий интерес для почти половины ответивших на этот вопрос.

На рисунке 1 представлены ответы на вопрос об интересе к программе долгосрочных сбережений в разрезе наличия (отсутствия) сбережений. Наибольший разрыв в ответах наблюдается в группе опрошенных, не имеющих накоплений: среди них наибольшее количество вообще не заинтересовано в ПДС, в группе наиболее заинтересованных отличие составляет 1%, что несущественно и даже может быть отнесено к ошибке выборки. Промежуточные варианты ответов чаще выбирали люди, уже имеющие накопления.

Рисунок 1. Интерес населения к программе долгосрочных сбережений, %

Figure 1. Interest of the Population in the Long-term Savings Program, %

Источник: составлено авторами на основе результатов исследования.

Дополнительно выполнен корреляционный анализ связи между переменными интереса к ПДС и наличием собственных накоплений. Значение V Крамера составило 0,089 (значимость 0,001), направленные меры также не показали наличия влияния. Можно заключить, что наличие собственных сбережений скорее становится способом самостоятельно обеспечить будущее, чем шагом к вступлению в экономику долгих денег. Это подтверждают данные по фактической вовлечённости в программы ДПС: среди опрошенных (1600 человек) только 9,5% (152 человека) указали, что участвуют в программах добровольного пенсионного страхования. Основной мотивацией к участию опрошенные указали желание обеспечить комфортный уровень жизни на пен-

сии, также часто говорили об уверенности в том, что это безопасный и надёжный способ накопления, аналогично часто упоминали возможность воспользоваться налоговыми вычетами. Чаще всего о необходимости самостоятельно позаботиться о комфортном будущем на пенсии говорят те, кто работает по найму (в том числе госслужащие), находящиеся в отпуске (в т.ч. декретном); налоговые вычеты привлекают внимание учащихся и студентов, предпринимателей и самозанятых. Такой интерес подтверждается и данными статистики: по сообщению Министерства труда и социальной защиты РФ, в систему ДПС на 2026 год вошло более 500 тысяч самозанятых¹⁰.

¹⁰ Более 500 тыс. самозанятых вошли в обязательное пенсионное страхование // ТАСС: [сайт]. 11.02.2026 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/26415395> (дата обращения: 12.02.2026).

Полученные данные свидетельствуют о необходимости расширения информационного поля в целом в вопросах пенсионных накоплений и выплат, определении их различий и предоставлении населению возможности выбора в части добровольного страхования на основании конкретных знаний, а не интуитивно. Россияне, скорее, склонны считать, что тема пенсионных накоплений им знакома, в то же время, не вникая в подробности. Таким образом, осведомлённость и знания о системе ДПС, побуждающие к участию, должны, скорее, нести личную информацию для выгодоприобретателя, а не пытаться убедить его в совершенности внешних факторов. Это предположение проверено через оценку связи между переменными интереса к участию в ДПС и возможных целей такого участия. Данные свидетельствуют о следующем: наиболее сильным информирующим «аргументом» может являться указание на антикризисный потенциал длинных денег в целом и ДПС в частности, возможность управления своим будущим, особенно в критических случаях (потеря кормильца, потеря работы). Информационная работа в этом направлении может быть результативной за счёт

возвращения системе ДПС статуса легитимной (М. Вебер), позволяющей вернуть разрушенное кризисами доверие (К.Э. Легструп), преодолеть образ «ненадёжного посредника транзакции», препятствующего формированию микродоверия (Дж. Коулман).

При этом анализируя различия между реально используемыми и потенциально используемыми инструментами для сбережений можно отметить, что банковские вклады и накопительные счёта, являясь лидерами по использованию, теряют свои позиции при построении финансовых планов (см. Рисунок 2). Максимальный потенциал – у ПДС и паевых инвестиционных фондов (ПИФ) (желание в 2,5 раза выше текущего использования) и ценных бумаг (в 1,5 раза). Очевиден тренд на ожидаемый переход от накопительства к инвестиционной модели сбережения. Также обращает на себя внимание ответ «ничего из перечисленного» – более популярный при оценке желаемых инструментов, говорящий об отсутствии подходящих вариантов, по мнению респондентов, что, однако, может также косвенно свидетельствовать о недостаточном уровне знаний об использовании уже имеющихся вариантов.

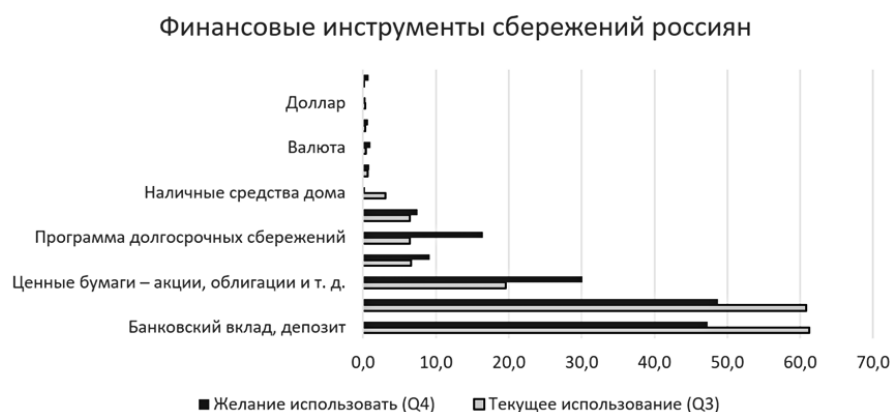

Рисунок 2. Текущие и желаемые финансовые инструменты для сбережений у россиян, %
Figure 2. Current and desired financial instruments for savings among Russians, %

Источник: составлено авторами на основе результатов исследования.

При анализе групп опрошенных на будущих и настоящих пенсионеров результаты более однозначные: те, кому ещё предстоит выход на пенсию более заинтересованы в изучении добровольного пенсионного страхования (55% из не пенсионеров), чем те, кто пенсию уже получает (44% от общего количества пенсионеров). Учитывая, тот факт, что в Программе есть условия участия для действующих пенсионеров, мы можем условно подтвердить вывод о недостаточной информированности населения относительно ДПС и выдвинуть предположение: в случае

углубления знаний и информированности населения относительно всех вариантов участия в ПДС, процент заинтересованных участников будет расти, в том числе за счёт уже действующих пенсионеров. Акцент при этом необходимо делать на объяснении функции участия и его преимуществ относительно других инструментов, так как опрошенные о вариативности обеспечения себя на пенсии хорошо информированы: так, в качестве основной стратегии респонденты старше 60 лет осознанно отмечают работу с «белой» зарплатой (38,8%), 16,5% использует

отложенные деньги, 15,6% получают помощь от детей, только на пенсию живёт 23,3% опрошенных в этой группе. Только 1,5% указали, что получают выплаты по программе долгосрочных сбережений. Конкуренция ПДС и альтернативных форм сбережений, в частности, опора на семью, стали ожидаемым результатом анализа, так как доверие к семье как способу самообеспечения возникает в ситуации кризиса доверия (Дж. Коулман), а на фоне кризисов и изменений системы семья становится и более надёжным источником воспроизводства образца, чем иные институты сбережений (Т. Парсонс).

Анализируя вопросы восприятия системы ДПС населением, можно сделать вывод о том, что

оно носит скорее отрицательный характер (рисунок 3). При этом подавляющее большинство респондентов считает, что ответственность за пенсионное обеспечение в старости лежит на государстве (79%). Основной способ обеспечить своё будущее на пенсии, по мнению россиян трудоспособного возраста, – это «белая зарплата» (69%), и заметно реже – «подушка безопасности» (откладывают «на старость» 20% опрошенных). Инвестиции (ценные бумаги, драгоценные металлы, криптовалюта и т.п.) рассматривают значительно реже (13%), равно как и получение арендного дохода (12%), прибыли от бизнеса (12%). Ещё 16% надеются на финансовую помощь от детей, «вкладываясь» в них.

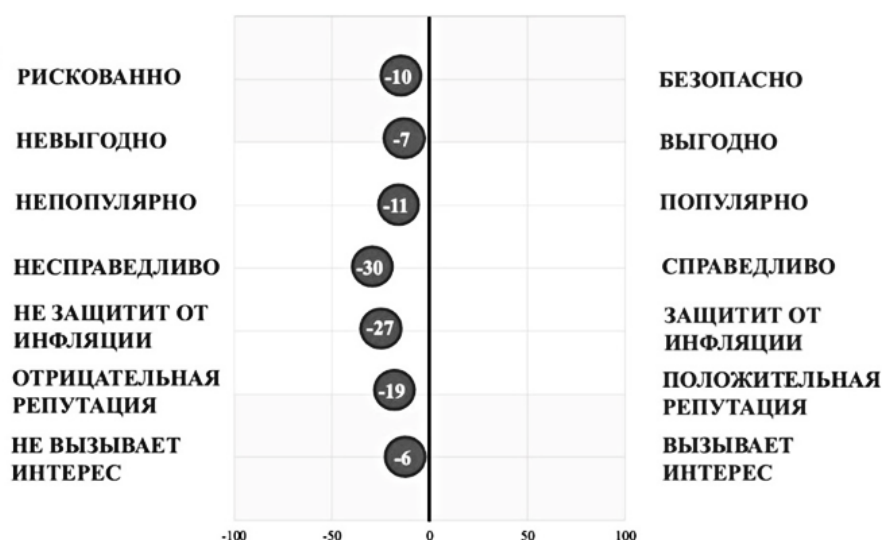

Рисунок 3. Оценка системы ДПС респондентами по шкале семантического дифференциала (индексный метод)

Figure 3. Assessment of the Voluntary Pension Insurance System by Respondents on the Semantic Differential Scale (Index Method)

Источник: составлено авторами на основе результатов исследования.

При этом доверие выше к Социальному фонду (индекс доверия – 50) и работодателям (49,1), и значительно ниже – к страховым компаниям (38,83) и НПФ (36,1) [25, с. 24]. Приведённые данные подтверждают выявленный ранее интерес к собственной агентности в части финансового планирования. Оценка системы как «несправедливой» и не защищающей от инфляции может трактоваться как запрос на повышение управляемости накапливаемых денег. Такой запрос совпадает с позицией Р. Талера и Г. Беккера о сложности «ментального учёта» ценности «денег будущего»: результаты исследования указывают на понимание своей агентности в настоящем, но на сомнения в сохранении аналогичной агентности в будущем.

Среди тех опрошенных, кто ещё не принимает участия в добровольном страховании, только 10,8% уверены в своей готовности воспользоваться им. Более четверти – 31,4% скорее готовы к участию в ДПС, а почти половина (41,5%) скорее не готовы. К выраженным скептикам, которые не готовы к участию в ДПС относятся 16,3% опрошенных. Такие результаты говорят о весьма большой прослойке «колеблющихся» – тех, чьё восприятие может быть изменено за счёт информационно-просветительской работы по вовлечённости в программы длинных денег в целом. Причины отказа от участия в программах добровольного страхования можно разделить на четыре группы (таблица 1). Первую группу образуют информационно-коммуникационные барьеры, обуслов-

ленные отсутствием знаний или желания вникать в особенности организации системы ДПС. Последнее может рассматриваться не только как результат «лени» в прямом значении этого слова, но и как следствие «запутанности» и сложности пенсионной системы для «обывателя», о которой также упоминается в ранее проведенных исследованиях [12, с. 27]. Инструментальные барьеры можно связать с отсутствием интереса к долгосрочному финансовому планированию – это может быть обусловлено, как молодым возрастом («рано делать взносы на пенсию»), так и жизненным пессимизмом («боюсь не дожить до пенсионного возраста»). Доля тех, кто в целом отрицает важность долгосрочных накоплений не велика (менее 5%). Ценностно-идеологические барьеры обусловлены недоверием институту ДПС, в том числе негативным опытом взаимодействия с системой. В частности, пессимистичный взгляд на систему пенсионного страхования и долгосрочных сбережений

демонстрирует старшее поколение, что приводит к снижению репутации этих инструментов на уровне семьи (например: каждый второй пенсионер не доверяет программе долгосрочных сбережений). Среди тех, кто не участвует в ДПС, данная группа респондентов составляет чуть более 5%. Низкий уровень фактического использования инструментов с повышенной доходностью, но и повышенной волатильностью, может отражать как недостаточную финансовую грамотность, так и персистентное влияние кризисного опыта, эродировавшего доверие к способности финансовых институтов обеспечить выполнение долгосрочных обязательств¹¹. Структура и содержание типологии соединяют идеи об ограниченном горизонте осознания ценности и доступности денег (Дж. Коулман, Г. Беккер, Р. Талер), об ограничении сигналов о стабильности институтов (Н. Смелзер, М. Вебер, Т. Парсонс), о возникающей аномии и кризисе доверия (Т. Парсонс, К.Э. Легструп).

Таблица 1

Причины отказа от участия в добровольном пенсионном страховании, %

Table 1

Reasons for Refusing to Participate in Voluntary Pension Insurance, %

Причины отказа	% респондентов
Информационно-коммуникационные барьеры	
Неизвестны условия участия	15,9
Не хочется (лень) разбираться с условиями ДПС	4,1
Инструментальные барьеры	
Боюсь не дожить до пенсионного возраста	4,6
Мне ещё рано делать взносы на пенсию	4,4
Не считаю важным формировать долгосрочные накопления	0,5
Ценностно-идеологические барьеры	
Не доверяю существующей в стране системе ДПС	3,1
Негативный опыт участия в ДПС	2,3
Структурные барьеры	
Трудно планировать в современной социально-экономической ситуации	5,6
Будущее не предсказуемо, боюсь не получить свои деньги	4,4
Ожидаю, что прибавка к пенсии будет незначительной	4,2
Не привлекают условия ДПС	2,9
Нет финансовой возможности	8,7

Источник: составлено авторами на основе результатов исследования.

Наиболее актуальной представляется группа барьеров, обусловленная структурными особенностями текущей экономической ситуации. В первую очередь, речь идёт об отсутствии стабильности и повышенных рисках – на это указывают в совокупности 10% опрошенных. С дру-

гой стороны, респондентов отталкивает низкая ликвидность, при которой прибавка к пенсии воспринимается как незначительная, отсутствие привлекательных условий. Этот вывод подкрепляется индексными оценками ДПС: «защита от инфляции» и «справедливость» – её наиболее уязвимые характеристики (рис. 3). Можно предположить, что «скептики», не доверяющие ДПС игно-

¹¹ OECD Business and Finance Outlook 2019: Strengthening Trust in Business // OECD: [сайт] URL: <https://doi.org/10.1787/af784794-en> (дата обращения 17.03.2026).

рируют существующие инструменты в силу их нецелесообразности в условиях неопределённости, предпочитая альтернативы в виде финансовых инвестиций, покупки недвижимости, собственного бизнеса. Однако, как было показано выше, доля респондентов, использующих такие способы накоплений «на старость», в целом невелика.

Таким образом, доверие к системе ДПС не является высоким, и зачастую не формирует интереса у населения. Около четверти опрошенных (19%) в целом рассчитывают только на государственную пенсию по старости и не демонстрируют интереса к дополнительным финансовым инстру-

ментам. Выявленные барьеры отражают ожидания россиян от системы, которой они могли бы доверять: это должна быть прозрачная система под контролем «пользователя» услуги, когда он имеет прямое влияние на то, насколько комфортной будет его будущее после выхода на пенсию.

По результатам работы с данными можно сделать вывод о необходимости повышения доверия населения к длинным деньгам с целью пенсионного капитала. В то же время, эффективность существующих механизмов формирования доверия была оценена экспертами довольно слабо (2,64 балла из 5,00 возможных, таблица 2).¹²

Таблица 2

Экспертная оценка механизмов доверия к системе ДПС, 5-балльная шкала

Table 2

Expert Assessment of Mechanisms Trust in the Voluntary Pension Insurance System, 5-Score Rating

Механизмы формирования доверия граждан к системе ДПС	Средняя оценка эффективности механизма
Государство	
Регулирование отношений субъектов ДПС на законодательном уровне (изменение текущей нормативной базы)	3,14
Контроль за системными участниками ДПС (усиление исполнительной/ контролирующей функции со стороны органов власти)	3,14
Информирование о принципах добровольного пенсионного страхования посредством массовых коммуникаций	2,88
Негосударственные пенсионные фонды	
Публикация отчётности НПФ	3,25
Использование цифровых инструментов формирования пенсионных накоплений	3,00
Адаптация под возможности разных категорий населения	2,50
Работодатель	
Корпоративные программы пенсионного страхования	3,25
Социальная ответственность (выплата налогов, «белой зарплаты»), программы устойчивого развития	2,75
Привлечение профсоюзных организаций	1,75

Источник: составлено авторами на основе результатов исследования.

Эксперты отметили, что профсоюзы и работодатели могли бы внести значительный вклад в популяризацию программ ДПС, однако с этой целью необходимо развивать механизмы партнёрства не только с отраслевыми работодателями, но и банковскими организациями, опираясь на принципы корпоративной ответственности.

Привлечение работодателей в качестве активных «проводников» программ ДПС и ПДС может рассматриваться как один из способов «смягчения» негативных ожиданий в условиях социаль-

но-экономической неопределённости. Доверие к ним имеет относительно высокий потенциал: его выразили 64% опрошенных (совокупность вариантов ответов «скорее доверяю» и «безусловно доверяю»), по этому показателю работодатели опережают НПФ (49% соответственно). При этом декларируемое доверие к корпоративным пенсионным программам значимо ниже (23%), что подтверждает ранее обозначенный вывод о необходимости внедрения более прозрачных и управляемых механизмов пенсионных накоплений. Прозрачность отвечает запросу на восстановление утраченного доверия, компенсируемого через создание ощущения управляемости накоплений на основе опоры на инвестиции в иных формах

¹² Формулировка вопроса: «Как бы Вы оценили следующие механизмы формирования доверия и их эффективность?». Оценка проводилась по 5-балльной шкале, согласно которой 5 – крайне высокая эффективность функционирования механизма, а 1 – крайне низкая эффективность функционирования механизма

и семейного партнёрства (Дж. Коулман, К.Э. Легструп). Работодатель в данном случае имеет потенциал становления частью такого «близкого круга».

Анализируя результаты ранее проведённых исследований, можно отметить *потенциал индустрии финтеха* в повышении доверия к ДПС: технологии в этой области могут оказывать положительное влияние на имидж продуктов, представляя их как доступные и в ресурсном, и в юридическом смысле [28, с. 34]. Информационная работа с населением должна охватывать не только будущих, но и нынешних пенсионеров, поскольку у людей старшего возраста преобладают негативные ожидания в отношении длинных денег и пенсионного обеспечения. В то же время, старшее поколение выступает носителем традиций сберегательного поведения в семье [29, с. 204], и может транслировать недоверие младшим поколениям. Кроме того, необходимо рассмотреть вопрос о дополнительном финансовом стимулировании жителей регионов с более высоким прожиточным минимумом.

Заключение

Гипотеза исследования о низком уровне вовлечённости населения в использование инструментов длинных денег как проявлении низкого уровня доверия к системе ДПС подтвердилась. В рамках «современной денежной теории» предполагается, что изменение отношения к инструментам и практикам связано с коллективной готовностью к такому изменению. Результаты одного из анализируемых исследований показывают, что на данный момент приходится говорить скорее о возможности наметить пути развития, чем об открытом запросе на изменения [30, с. 15]. В то же время, наблюдается довольно большая доля потенциальных участников ДПС – от 25% до 43%. В основном это молодая аудитория, открытая к финансовым продуктам в условиях рынка [31, с. 87]. Для участия ей требуется информированность и субсидирование, поскольку сдерживающим барьером в данной группе становится низкий доход.

В условиях демографических и экономических вызовов развитие системы добровольного пенсионного страхования как источника длинных денег становится необходимым элементом стабильности государства. Гипотеза о слабом доверии и относительно невысокой вовлечённости населения в систему ДПС подтверждается результатами проведённого исследования. Из всех опрошенных менее 10% прямо указали, что участвуют в системе по той или иной причине. Предполагаемая теоретически значимость институциональной нестабильности, отсутствия воспроизводимости

образца (латентная функция по Т. Парсонсу) и попытка «ухватить убегающий горизонт» в работе с собственными сбережениями, стремясь избежать потерь и сохранить управляемость действительно наблюдается в результатах анкетирования и экспертных интервью.

Принятие решений об участии или отказе в программах долгосрочных сбережений может объясняться укоренённостью такого рода решений в коллективных установках. Это решение может быть представлено через иерархически-организованные связанные практики, затрагивающие отношения, в которых находится индивид, ресурсы, которыми он обладает, сделанные им выборы и формирующийся в результате опыт [32, с. 160]. Анализ результатов демонстрирует потенциально результативную последовательность действий: *информирование о возможностях управления и накопления (в том числе в условиях низкого дохода и отсутствия текущих накоплений), демонстрация антикризисного потенциала длинных денег, конкретные и понятные государственные гарантии негосударственных форм пенсионного обеспечения*. Среди стимулирующих факторов, отмеченных респондентами, следует выделить (ТОП-5 позиций, множественный вариант ответа): формирование уверенности в устойчивости пенсионной системы (42%), повышение прозрачности условий участия (36%), наличие свободных денежных средств (33%), уверенность в надёжности и безопасности своих накоплений (32%), возможность наследования пенсионных накоплений (28%). Становится очевидным, что для обеспечения доверия и вовлечённости населения в программы ДПС необходимо достижение социально-политической стабильности, или, по крайней мере, формирование понятной системы государственных гарантий в сфере ДПС.

С учётом выводов исследования, могут быть обозначены следующие рекомендации для управленческих субъектов системы добровольного пенсионного страхования.

1. Совершенствование механизмов контроля за субъектами. Эффективность информационной работы Банка России по вовлечённости населения в существующие программы может быть ослаблена за счёт отрицательной репутации ДПС. Банку России и профильным общественным организациям потребителей на основе принципов ответственного и этичного поведения организаций, оказывающих финансовые услуги, необходимо рассмотреть дополнительные инструменты санкционирования в отношении субъектов, использующих агрессивную политику в отношении населения (мисселинг) с учётом репутационного капитала (антирейтинги, черные списки ЦБ).

Кроме того, необходимо повышение прозрачности системы ДПС, совершенствование кадровой политики и внутреннего аудита. Национальной ассоциации НПФ целесообразно рассмотреть вопрос о разработке единых корпоративных стандартов для специалистов ДПС.

2. Стимулирование работодателей к внедрению корпоративного пенсионного страхования (КПП) и масштабирование лучших корпоративных практик. Такие инструменты целесообразно разрабатывать на системном уровне, в том числе: разработать технологии оказания консультационной помощи работодателям, готовым использовать КПП, предусмотреть меры государственного софинансирования лучших программ КПП, увеличения налоговых льгот.

3. Развитие финансовой субъектности населения в части планирования «длинных денег» через привлечение профсоюзных организаций в качестве соисполнителя реализации Стратегии повыше-

ния финансовой грамотности и формирования финансовой культуры.

4. Внедрение принципов инклюзивности (учёт демографических особенностей реальных и потенциальных участников ДПС) продуктов ДПС. Целесообразным видится актуализация размеров государственного софинансирования с учётом прожиточного минимума региона постоянной регистрации граждан и возраста (стимулирование участия молодых специалистов).

5. Совершенствование программ финансовой грамотности населения с учётом возможностей цифровых платформ. Целесообразно выделить разработку цифровых инструментов (в том числе, платформ и приложений), обеспечивающих персонализированное взаимодействие по вопросам ДПС, прямые коммуникации власти с населением по вопросам пенсионного обеспечения и ДПС, внедрение единого стандарта цифровых таких коммуникаций.

Список источников

1. Кудрин А.Л., Гурвич Е.А. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52–79. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-52-79> EDN OQBUZN
2. Дифференциация удовлетворенности качеством жизни у пожилых людей в России / И.П. Шибалков, О.П. Недоспасова, И.А. Павлова, В.А. Бойков // Успехи геронтологии. 2022. Том 35. № 6. С. 900–910. <https://doi.org/10.34922/AE.2022.35.6.012> EDN YAMXJY
3. Соловьев А.К. Анализ методов индексации пенсий с целью достижения благополучия старших поколений // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 1. С. 59–71. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_4_59_71 EDN OJJCLY
4. Цыганов А.А. Пенсионные ожидания жителей России // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 36–42. <https://doi.org/10.31857/S013216250017479-9> EDN AKIYKM
5. Бобков В.Н. Пенсионная реформа: простота тактических решений чревата стратегическим провалом // Российский экономический журнал. 2019. № 1. С. 31–40. EDN VUNMFS
6. Кузнецова В.В., Ларина О.И. Эволюция роли национальных центральных банков // Финансы: теория и практика. 2022. Том 26. № 2. С. 62–73. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-2-62-73> EDN OIWDFFD
7. Проскурина А.С. Динамический ресурс доверия в экономических отношениях – российский краудфандинг в социальной сфере // Теория и практика общественного развития. 2022. № 8(174). С. 42–48. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.8.5> EDN JJAUGU
8. Проскурина А.С. Управление на основе доверия в системе добровольного пенсионного страхования // Вестник Академии знаний. 2025. № 4. С. 863–867. EDN JTNBWX
9. Jain A., Goyal N. Behavioural Finance: A Bibliometric Analysis Using Scopus Database. *Sachetas*. 2024;3(1):26–33. <https://doi.org/10.55955/310004>
10. Thaler R.H., Benartzi S. Save More Tomorrow: Using Behavioral Economics to Increase Employee Saving. *Journal of Political Economy*. 2004;112(1):164–187. <https://doi.org/10.1086/380085>
11. Logstrup K.E. The Ethical Demand. Notre Dame. USA: University of Notre Dame Press; 2022. 208 p. ISBN 139780268205799
12. Воеводина Е.В. Система негосударственного (добровольного) пенсионного страхования: анализ структуры и барьеров доверия граждан // Теория и практика общественного развития. 2025. № 6. С. 23–28. <https://doi.org/10.24158/tipor.2025.6.2> EDN YFZCYW
13. Филатов В. И. Финансовые ресурсы роста российской экономики // Мир новой экономики. 2021. Том 15. № 2. С. 97–106. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-2-97-106> EDN UPTTDL
14. Криничанский К.В. Теоретические основы и проблемные области современной теории «длинных денег» // Финансы: теория и практика. 2025. Том 29. № 5. С. 112–125. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-5-112-125>
15. Andersen T.M., Bhattacharya J., Liu Q. Can Optimal Unfunded Public Pensions Co-Exist with Voluntary Private Retirement Savings? *Indian Economic Review*. 2023;58(3):237–251. <https://doi.org/10.1007/s41775-023-00174-z>

16. Hinrichs K. Recent Pension Reforms in Europe: More Challenges, New Directions. An Overview. *Social Policy and Administration*. 2021;55(3):409-422. <https://doi.org/10.1111/spol.12712>
17. Poškutė V., Gudaitis T., Medaškis T., et al. Search for Sustainable Pension System and State Support for Funded Pensions in CEE Countries. *Business Theory and Practice*. 2022;23(2):313-322. <https://doi.org/10.3846/btp.2022.16250>
18. Kuitto K., Helmdag J. Extending Working Lives: How Policies Shape Retirement and Labour Market Participation of Older Workers. *Social Policy and Administration*. 2021;55:423-439. <https://doi.org/10.1111/spol.12717>
19. Eğrican A.T., Kayhan F. Voluntary Private Pension Funds and Capital Market Development. *Asian Academy of Management Journal of Accounting and Finance*. 2022;18(2):195-240. <https://doi.org/10.21315/aamjaf2022.18.2.9>
20. Киселев И.Ю., Михайлова Е.В., Смирнова А.Г. Установки россиян на подготовку к выходу на пенсию: содержание и факторы формирования // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 24–35. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010031> EDN AWOBXA
21. Киселев И.Ю., Михайлова Е.В., Смирнова А.Г. Изучение страхов выхода на пенсию и старения у пожилых (на примере исследования в Ярославской области) // Социологические исследования. 2025. № 4. С. 46–60. <https://doi.org/10.31857/S0132162525040049> EDN LAQGSK
22. Янгирова Е.И., Адылгареев В.И. Реформирование пенсионной системы в РФ // Экономические науки. 2023. № 228. С. 131–137. <https://doi.org/10.14451/1.228.131> EDN PRXWUA
23. Моисеев В.В., Игнатов М.А., Колесникова Ю.С. Актуальные проблемы использования человеческого капитала старших возрастов в экономике современной России // Человеческий капитал. 2024. № 10(190). С. 162–168. <https://doi.org/10.25629/HC.2024.10.18> EDN AWIHMK
24. Рассадин Б.И. Пенсионная реформа: методика, исследования и результаты // Управленческий учет. 2022. № 2. С. 153–165. <https://doi.org/10.25806/uu2-12022153-165> EDN QFGTOO
25. Кунижева Д.А., Марков Д.И. Доверие россиян системе добровольного пенсионного страхования // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 8. С. 20–26. <https://doi.org/10.24158/spp.2025.8.2> EDN UOQWDI
26. Хмелевская С.А., Найденова А.А. Российская пенсионная система в восприятии студенческой молодежи // Журнал исследований социальной политики. 2025. Том 23. № 3. С. 533–546. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2025-23-3-533-546> EDN IUFYER
27. Социальные механизмы формирования доверия в трансформирующихся экономических отношениях / В.П. Антонок, Е.И. Боричевская, Е.В. Воеводина [и др.]. М.: ИНФРА-М, 2025. 396 с. ISBN 978-5-16-021170-1 <https://doi.org/10.12737/2216484> EDN TLKPI
28. Сильвестров С.Н., Лопухин А.В., Плаксенков Е.А. Финтех как фактор ускорения инклюзивного устойчивого / Мир новой экономики. 2022. Том 16. № 1. С. 28–44. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-1-28-44> EDN IERAWD
29. Фролова Е.В., Тюриков А.Г. Институт семьи как фактор формирования доверия в современных экономических отношениях // Народонаселение. 2025. Том 28. № 1. С. 204–214. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-204-214> EDN OQVLD
30. Государственные расходы и общественные цели: реалистичны ли решения «современной денежной теории»? / Ю.А. Ковальчук, И.М. Степнов, М.В. Мельник, Т. Петрович // Финансы: теория и практика. 2022. Том 26. № 3. С. 6–18. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-3-6-18> EDN OBWATC
31. Кунижева Д. А., Марков Д. И. Стили финансовой подготовки россиян к старости: перспективы популяризации добровольного пенсионного страхования // Caucasian Science Bridge. 2025. Том 8. №. 3(29). С. 83–96. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.7> EDN TJILZW
32. Макаров С.В., Ярашева А.В., Марков Д.И. Финансовое поведение как результат взаимодействия людей в социально-экономическом пространстве // Финансы: теория и практика. 2022. Том 26. № 3. С. 157–168. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-3-157-168> EDN DOFGQL

Информация об авторах:

Екатерина Владимировна Воеводина – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (SPIN-код: 3567-6090) (ResearcherID: N-5650-2019) (Scopus Author ID: 57219160346)

Круглова Елена Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (SPIN-код: 506-9723) (ResearcherID: ABB-7071-2020)

Проскурина Александра Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (SPIN-код: 3551-1169) (Researcher ID: AAO-9503-2020) (Scopus Author ID: 57213195604)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Екатерина Владимировна Воеводина.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 03.05.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Kudrin A.L., Gurvich E.T. Population Aging and Risks of Budget Crisis. *Voprosy Ekonomiki*. 2012;(3):52-79. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-52-79> (In Russ.)
2. Shibalkov I.P., Nedospasova O.P., Pavlova I.A., et al. Differentiation of Satisfaction with the Quality of Life of the Older Generation in Russia. *Uspekhi gerontologii=Advances in Gerontology*. 2022;35(6):900-910. <https://doi.org/10.34922/AE.2022.35.6.012> (In Russ.)
3. Solovyov A.K. Analysis of Pension Indexation Methods in Order to Achieve the Well-Being of Older Generations. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(1):59-71. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_4_59_71 (In Russ.)
4. Tsyganov A.A. Pension Expectations and Strategies of Russian Residents. *Sociologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2022;(6):36-42. <https://doi.org/10.31857/S013216250017479-9> (In Russ.)
5. Bobkov V.N. Pension Reform: Simplicity of Tactical Decisions Is Fraught with Strategic Failure. *Rossiiskij ekonomicheskij zhurnal=Russian Economic Journal*. 2019;(1):31-40. (In Russ.)
6. Kuznetsova V.V., Larina O.I. The Evolving Role of National Central Banks. *Finansy: Teoriya i Praktika=Finance: Theory and Practice*. 2022;26(2):62-73. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-2-62-73> (In Russ.)
7. Proskurina A.S. Dynamic Resource of Trust in Economic Relations - Russian Crowdfunding in the Social Sphere. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*. 2022;(8(174)):42-48. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.8.5> (In Russ.)
8. Proskurina A.S. Trust-Based Management in the Voluntary Pension Insurance System. *Vestnik akademii znaniy*. 2025;(4):863-867. (In Russ.)
9. Jain A., Goyal N. Behavioural Finance: A Bibliometric Analysis Using Scopus Database. *Sachetas*. 2024;3(1):26-33. <https://doi.org/10.55955/310004>
10. Thaler R.H., Benartzi S. Save More Tomorrow: Using Behavioral Economics to Increase Employee Saving. *Journal of Political Economy*. 2004;112(1):164-187. <https://doi.org/10.1086/380085>
11. Logstrup K.E. The Ethical Demand. Notre Dame, USA: University of Notre Dame Press; 2022. 208 p. ISBN 139780268205799
12. Voevodina E.V. The System of Non-State (Voluntary) Pension Insurance: Analysis of the Structure and Barriers to Citizens' Trust. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*. 2025;(6):23-28. <https://doi.org/10.24158/tipor.2025.6.2> (In Russ.)
13. Filatov V.I. Financial Resources for the Growth of the Russian Economy. *Mir novoi ehkonomiki=The World of the New Economy*. 2021;15(2):97-106. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-2-97-106> (In Russ.)
14. Krinichansky K.V. The Theoretical Foundations and Problematic Areas of the Contemporary Long-Term Financing Theory. *Finansy: Teoriya i Praktika=Finance: Theory and Practice*. 2025;29(5):112-125. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-5-112-125> (In Russ.)
15. Andersen T.M., Bhattacharya J., Liu Q. Can Optimal Unfunded Public Pensions Co-Exist with Voluntary Private Retirement Savings? *Indian Economic Review*. 2023;58(3):237-251. <https://doi.org/10.1007/s41775-023-00174-z>
16. Hinrichs K. Recent Pension Reforms in Europe: More Challenges, New Directions. An Overview. *Social Policy and Administration*. 2021;55(3):409-422. <https://doi.org/10.1111/spol.12712>
17. Poškutė V., Gudaitis T., Medaškis T., et al. Search for Sustainable Pension System and State Support for Funded Pensions in CEE Countries. *Business Theory and Practice*. 2022;23(2):313-322. <https://doi.org/10.3846/btp.2022.16250>
18. Kuitto K., Helmdag J. Extending Working Lives: How Policies Shape Retirement and Labour Market Participation of Older Workers. *Social Policy and Administration*. 2021;55:423-439. <https://doi.org/10.1111/spol.12717>
19. Eğrican A.T., Kayhan F. Voluntary Private Pension Funds and Capital Market Development. *Asian Academy of Management Journal of Accounting and Finance*. 2022;18(2):195-240. <https://doi.org/10.21315/aamjaf.2022.18.2.9>
20. Kiselev I.Yu., Mikhailova E.V., Smirnova A.G. Russians' Attitudes Regarding Preparation for Retirement: its Content and Formation Factors. *Sociologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2024;2:24-35. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010031> (In Russ.)
21. Kiselev I.Yu., Mikhailova E.V., Smirnova A.G. Study of Retirement and Aging Fears (Based on Research in the Yaroslavl Region). *Sociologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2025(4):46-60. <https://doi.org/10.31857/S0132162525040049> (In Russ.)
22. Yangirova E.I., Adylgareev V.V. Reforming the Pension System in the Russian Federation. *Ekonomicheskie nauki=Economic Sciences*. 2023;(228):131-137. <https://doi.org/10.14451/1.228.131> (In Russ.)
23. Moiseev V.V., Ignatov M.A., Kolesnikova Yu.S. Transformation of the Labor Market in the Conditions of Sanctions. *Chelovecheskij kapital=Human Capital*. 2024;(10(190)):162-168. <https://doi.org/10.25629/HC.2024.10.18> (In Russ.)
24. Rassadin B.I. Pension Reform: Methodology, Research and Results. *Upravlencheskij uchët=Management Accounting*. 2022;(2):153-165. <https://doi.org/10.25806/uu2-12022153-165> (In Russ.)
25. Kunizheva D.A., Markov D.I. Russians' Trust in the Voluntary Pension Insurance System. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika=Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2025;(8):20-26. <https://doi.org/10.24158/spp.2025.8.2> (In Russ.)

26. Khmelevskaya S., Naydenova A. Youth and the Russian Pension System: Between Trust and Responsibility. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki=The Journal of Social Policy Studies*. 2025;23(3):533-546. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2025-23-3-533-546> (In Russ.)
27. Antonyuk V.P., Borichevskaya E.I., Voevodina E.V., et al. Sotsial'nye Mekhanizmy Formirovaniya Doveriya v Transformiruyushchikhsya Ekonomicheskikh Otnosheniyakh. Moscow: Publishing House INFRA-M; 2025. 396 p. ISBN 978-5-16-021170-1 <https://doi.org/10.12737/2216484> (In Russ.)
28. Silvestrov S.N., Lopukhin A.V., Plaksenkov E.A. Fintech as an Accelerating Factor of Inclusive, Sustainable Development. *Mir novoi ekonomiki=The World of the New Economy*. 2022;16(1):28-44. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-1-28-44> (In Russ.)
29. Frolova E.V., Tyurikov A.G. Institute of Family as a Factor of Forming Trust in Modern Economic Relations. *Narodonaselenie=Population*. 2025;28(1):204-214. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-204-214> (in Russ.)
30. Stepnov I.M., Kovalchuk J.A., Melnik M.V., et al. Public Goals and Government Expenditures: Are the Solutions of the Modern Monetary Theory Realistic? *Finansy: Teoriya i Praktika=Finance: Theory and Practice*. 2022;26(3):6-18. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-3-6-18> (In Russ.)
31. Kunizheva D.A., Markov D.I. Russians' Financial Preparation Styles for Old Age: Prospects for Popularizing Voluntary Pension Insurance. *Caucasian Science Bridge*. 2025;3(29):83-96. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.7> (In Russ.)
32. Makar S.V., Yarasheva A.V., Markov D.I. Financial Behavior as a Result of People's Interaction in the Socio-Economic Space. *Finansy: Teoriya i Praktika=Finance: Theory and Practice*. 2022;26(3):157-168. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-3-157-168> (In Russ.)

Information about the authors:

Ekaterina V. Voevodina – PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation

(SPIN-code: 3567-6090) (ResearcherID: N-5650-2019) (Scopus Author ID: 57219160346)

Elena L. Kruglova – PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation

(SPIN-code: 506-9723) (ResearcherID: ABB-7071-2020)

Alexandra S. Proskurina – PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation

(SPIN-код: 3551-1169) (Researcher ID: AAO-9503-2020) (Scopus Author ID: 57213195604)

Authors' declared contribution: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Ekaterina V.Voevodina

The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 03.05.2026; accepted for publication 31.08.2026.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 314.4

JEL J11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_8_467_481

EDN ZFAIMC

Социально-экономические факторы смертности мужчин и женщин в возрасте до 35 лет в Дальневосточном федеральном округе

Евгения Хасановна Тухтарова¹, Елена Львовна Ли²

^{1,2} Восточный центр государственного планирования, Хабаровск, Россия

¹ (e.tukhtarova@vostokgosplan.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3999-7376>)

² (e.lee@vostokgosplan.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2068-721X>)

Аннотация

Целью статьи является оценка социально-экономических факторов, влияющих на смертность мужчин и женщин от 20 до 35 лет в Дальневосточном федеральном округе (ДФО). Исследование выполнено с учётом положений экономической демографии, теории человеческого капитала и социологии молодёжи. В работе применён эконометрический метод анализа панельных данных по регионам ДФО за 2017–2022 гг. Информационную базу исследования составили данные Росстата, центра демографических исследований российской экономической школы (ЦДИ РЭШ) Центрального банка РФ. Результаты исследования показали, что на смертность молодых мужчин значительное воздействие оказывают социально-экономические факторы начиная с 20-летнего возраста. Выявлено, что главными факторами смертности молодых мужчин являются инфляционное давление и высокий уровень преступности. При этом развитие предпринимательства, рост доходов, повышение доступности медицинских услуг, занятость и наличие профессионального образования позволяют существенно снизить риски смертности молодых мужчин в трудоспособном возрасте. В отличие от мужчин социально-экономические факторы оказывают влияние на смертность женщин с более старших возрастов (25 лет), так как они позднее выходят в самостоятельную жизнь. Риски смерти женщин повышаются при более низком уровне образования. Более высокий уровень образования снижает риск смерти у женщин, у мужчин данная связь не прослеживается. Женщины со среднеспециальным образованием имеют более высокие риски смерти по сравнению с мужчинами, имеющими аналогичное образование. Для молодых мужчин значимым фактором смертности является потеря работы. Результаты исследования позволяют повысить точность демографических прогнозов и действенность стратегических документов социально-экономического развития регионов ДФО.

Ключевые слова: смертность мужчин, смертность женщин, молодёжь, социально-экономические факторы, поведенческие факторы, риски смерти, половозрастные особенности

Благодарность: публикация выполнена при поддержке Федерального автономного научного учреждения «Восточный центр государственного планирования» №ГЗ-2023-2 на 2023–2026 гг.

Для цитирования: Тухтарова Е.Х., Ли Е.Л. Социально-экономические факторы смертности мужчин и женщин в возрасте до 35 лет в Дальневосточном федеральном округе // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 467–481. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_8_467_481 EDN ZFAIMC

RAR (Research Article Report)

JEL J11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_8_467_481

Features of the Impact of Socio-Economic Factors on the Mortality of Working Men and Women Under the Age of 35 in the Far Eastern Federal District of Russia

Evgeniya Kh. Tukhtarova¹, Elena L. Li²

^{1,2} Eastern State Planning Center, Khabarovsk, Russia

¹ (e.tukhtarova@vostokgosplan.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3999-7376>)

² (e.lee@vostokgosplan.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2068-721X>)

Abstract

The aim of this article is to assess the socioeconomic factors influencing mortality among men and women aged 20 to 35 in the Far Eastern Federal District (FEFD). The study is based on principles of economic demography, human capital theory, and the sociology of youth. An econometric analysis of panel data across FEFD regions for 2017–2022 was used. The study's data base included data from Rosstat and the Center for Demographic Research of the Russian School of Economics (CDR NES) of the Central Bank of the Russian Federation. The study's results showed that socioeconomic factors significantly impact the mortality rate of young men starting at age 20. Inflationary pressure and high crime rates were identified as the main factors driving mortality in young men. Furthermore, the development of entrepreneurship, rising incomes, increased access to healthcare, employment, and vocational education significantly reduce the risk of mortality among young men of working age. Unlike men, socioeconomic factors influence women's mortality from an older age (25 years), as they begin living independently later. Women's mortality risk increases with lower levels of education. While higher levels of education reduce the risk of death in women, no such association is observed for men. Women with secondary vocational education have a higher mortality

© Тухтарова Е.Х., Ли Е.Л., 2026

risk than men with the same level of education. Job loss, however, is a significant determinant of mortality among young men. The study's results will improve the accuracy of demographic forecasts and the effectiveness of strategic documents for the socioeconomic development of the Far Eastern Federal District.

Keywords: male mortality, female mortality, young people, socioeconomic factors, behavioral factors, death risks, sex and age characteristics

Acknowledgments: the publication was supported by the Federal Autonomous Scientific Institution «Eastern State Planning Center» No.2023-2 for 2023–2026.

For citation: Tukhtarova E.K., Li E.L. Features of the Impact of Socio-Economic Factors on the Mortality of Working Men and Women Under the Age of 35 in the Far Eastern Federal District of Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):467–481. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_8_467_481 (In Russ.)

Введение

Смертность населения в трудоспособном возрасте снижает уровень человеческого капитала и оказывает негативное влияние на экономическое развитие страны. Так, из-за преждевременной смертности населения потери потенциально возможной жизни в России составляют около 11 лет (СНГ – 9,5 лет, ЕС – 4 года) [1]. С экономической точки зрения по расчётам А. Проворовой и её соавторов максимальный прирост упущенной выгоды в производстве ВРП пришёлся на период 2010–2018 гг. из-за роста смертности в 2,4 раза от болезней новообразований [2].

Оценка социально-экономических факторов, оказывающих влияние на смертность молодых людей, особенно в наиболее активных трудоспособных возрастах (20–35 лет), является актуальной задачей в условиях нарастающего дефицита кадров.

Молодые люди более чувствительны к влиянию социально-экономических факторов – низким доходам в начале своей карьеры, трудностям выхода на рынок труда, безработице, уровень образования и др. Чувствительность молодых людей к прямому и косвенному влиянию этих факторов связана с необходимостью определить своё место в социально-экономической системе. При этом мужчины подвержены большему стрессу по сравнению с женщинами, так как они выходят на рынок труда в более ранних возрастах, чем женщины, что повышает риски смерти для них.

В исследовании В. Gavurova и соавторов выполнены прямые и косвенные оценки влияния социально-экономических факторов на смертность мужчин и женщин в странах ЕС [3]. К примеру, рост ВВП на душу населения способствовал снижению смертности женщин, но не мужчин, при этом рост безработицы снижал смертность у мужчин, а у женщин – нет. Это означает, что в периоды экономического роста и спада наибольший удар по здоровью приходится на мужчин, которые испытывают большие нагрузки в первом случае и имеют большие трудности в адаптации во втором.

Доступ к медицине является важнейшим фактором снижения смертности населения. В исследовании С. Quercioli и соавторов на примере Италии за 1993–2003 гг. показано, что увеличение государственных расходов в систему здравоохранения обеспечивало расширение доступа населения к медицинской помощи, что давало существенный положительный эффект в снижении смертности [4]. Так, каждое дополнительное увеличение госрасходов в отрасль в 100 евро на душу населения уменьшало смертность населения регионов на 1,5%. При этом частные расходы не оказывали никакого влияния, т. к. увеличивали дифференциацию по уровню доступности услуг здравоохранения для граждан.

Многие исследователи задавались вопросами оценки уровня образования на смертность населения. Так, американскими учёными Cosby A. James с соавторами, получено: для жителей сельской местности фактор «низкий уровень образования» оказывает большее влияние на смертность трудоспособного населения, чем раса, генетическая предрасположенность [5].

В российских условиях взаимосвязь между образованием и смертностью также прослеживается. А.Е. Иванова и соавторы фиксируют существенный разрыв значений показателей смертности населения в трудоспособном возрасте с высоким и низким уровнями образования [6].

Уровень образования в России также оказывает и косвенное влияние на смертность. Согласно исследованию Ж.В. Аскаровой и соавторов, склонность к потреблению психоактивных веществ (алкоголь, наркотики, никотин и т. д.) и распространённость девиантного поведения среди мужчин выше у тех, кто имеет более низкий уровень образования [7]. Так, мужчины, работающие в офисе и имеющие, как правило, высшее или среднеспециальное образование, вели более здоровый образ жизни, отказывались от курения и употребления алкоголя.

Иной перечень факторов смертности населения в трудоспособном возрасте (без дальней-

шей детализации по возрастным группам и полу) представлен в работе А.Б. Берендеевой и О.В. Силовой [8]. На примере западных регионов России в допандемийный период эти авторы показали, что на смертность населения в трудоспособном возрасте оказывала влияние прежде всего неблагоприятная socioэкономическая ситуация, способствующая росту девиаций в обществе (преступность, потребление алкоголя, курение, убийства, самоубийства).

По мнению Н.В. Горощко и С.В. Пацала, вредные привычки у населения в России определяют сложившимся за многие годы культурным фоном [9]. Так, среднестатистический российский мужчина находится под влиянием визуального контента, связанного с представлениями о маскулинности, где главную роль отводят героям, которые употребляют алкоголь, курят и пренебрегают собственным здоровьем, связаны с преступностью. Ориентированность на здоровый образ жизни стала прослеживаться только в последние годы. Но статистика по данным тенденциям в России ещё недостаточна для анализа.

Другим важнейшим фактором смертности населения в трудоспособном возрасте является бедность. Это подтверждают многочисленные российские и зарубежные исследования [10; 11; 12; 13]. Однако её воздействие имеет не прямой, а косвенный характер (злоупотребление алкоголем, табаком, девиации), является не первопричиной, а следствием влияния совокупности социально-экономических факторов.

Таким образом, работы, посвящённые анализу влияния факторов на смертность населения в трудоспособном возрасте, сфокусированы преимущественно на оценке прямых и косвенных эффектов. Как первопричины высокого уровня смертности населения в трудоспособном возрасте рассматриваются недостаточный уровень образования и доходов (бедность), обуславливающие повышенную склонность к девиациям и низкую доступность к качественной медицинской помощи. Однако такая картина взаимосвязей не отображает многообразия и взаимного влияния различных факторов, в частности в молодых возрастных группах трудоспособного населения.

Слабо изучены различия воздействия факторов смертности населения по половозрастным группам. Недостаточно внимания уделено оценке влияния таких социально-экономических факторов, как инфраструктура предпринимательства, занятость, уровень образования, финансовое благополучие, обеспеченность социально-культурными и спортивными услугами и т. д.

В связи с чем целью исследования является комплексная оценка социально-экономических

факторов, влияющих на смертность молодёжи в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), в детализации по полу и возрасту. Для достижения поставленной цели сформулированы задачи исследования: 1) анализ существующих подходов и результатов оценки факторов смертности молодёжи в разрезе пола и возраста в России и за рубежом; 2) разработка методологии проведения исследования; 3) оценка социально-экономических факторов смертности молодёжи в ДФО за 2018–2022 гг. Гипотеза исследования: влияние факторов смертности молодёжи различается по половозрастным группам.

Объектом исследования является смертность мужчин и женщин в возрасте до 35 лет в ДФО. Предмет исследования – социально-экономические факторы, оказывающие влияние на рост или снижение смертности молодёжи в ДФО.

Методологические основы

Как показал анализ научных работ большинство авторов, исследовавших причины смерти населения в трудоспособном возрасте, используют преимущественно медико-биологический [14; 15; 16] и социально-экономический подходы [17; 18; 19; 20]. Отсутствие свободного доступа к микроданным о состоянии здоровья граждан России затрудняет оценку влияния медико-биологических факторов на смертность населения.

Тогда как ограниченность статистических данных сокращает возможности эконометрического моделирования временных рядов. В этом случае альтернативой является анализ панельных данных, который позволяет учитывать пространство и время, увеличивая количество наблюдений.

Теория и практика анализа панельных данных используются со второй половины XX века, но более широкое распространение они получили с началом нулевых годов текущего столетия, сопровождающихся бурным развитием цифровых технологий.

Одним из важнейших преимуществ использования пространственно-временных рядов является учёт влияния эффекта масштаба разных по объёму экономик. Так, В. Gavurova и соавторы в своем эконометрическом анализе влияния факторов на смертность в странах ЕС из-за отсутствия длинных временных и сопоставимых данных, а также необходимости снижения эффекта масштаба экономик стран ЕС на смертность населения использовали этот подход [3]. По этим же причинам пространственно-временные ряды при построении эконометрических моделей использовали и другие зарубежные исследователи [4, 17].

Анализ пространственно-временных рядов по оценке влияния социально-экономических

факторов на смертность населения. получил распространение и в российских исследованиях. Так, А.Д. Бартылова и др. использовали панельные данные при анализе влияния экономических факторов на смертность подростков до 18 лет по регионам ДФО в целях устранения недостаточности количества наблюдений [20].

Для учёта масштаба и структуры экономики России и Казахстана В.С. Осипов и А.П. Цыпин оценили влияние макроэкономических параметров на уровень смертности в этих странах [21]. Учёт дифференциации социально-экономических характеристик различных районов г. Москвы и их влияние на смертности детей и подростков до 18 лет представлен в работе Е.Д. Ветровой [22].

Интересный подход, учитывающий кросс-секционное соответствие между уровнем смертности от болезней системы кровообращения и уровнем среднедушевого дохода в муниципальных образованиях Республики Башкортостан представлен в работе В.П. Чащина и др. [23]. При этом сгруппированные социально-экономические показатели были рассчитаны в интегральные, что позволило не только учесть влияние различных факторов, но и не перегрузить эконометрические уравнения.

Альтернативой интегральной оценке на базе анализа панельных данных представлено в работе М.М. Кручек и Е.В. Молчановой, где показатели были сгруппированы в две группы по следующим признакам: социально-экономические показатели и факторы социального стресса. Далее эти группы анализировались при помощи корреляционно-регрессионного анализа плеяд, что позволило авторам предотвратить смещение агрегированности, которое неизбежно возникает при анализе временных рядов, где рассматривается временная эволюция усреднённого «репрезентативного» объекта, так и при анализе cross-section данных, где не учитываются ненаблюдаемые индивидуальные характеристики объектов [24].

Таким образом, благодаря специальной структуре панельных данных, а также возможностям использования различных инструментов не только решается проблема коротких рядов, но и расширяется анализ статистических данных. Это позволяет построить более гибкие и содержательные модели.

Именно поэтому в условиях ограниченности статистических наблюдений временных рядов, представленных в Росстате и важности учёта масштабов региональных экономик ДФО, а также для построения содержательных моделей авторы выбрали инструмент анализа панельных данных.

В качестве зависимых (эндогенных) переменных анализировались показатели смертности мужчин и женщин в возрасте 20–35 лет (коэффициент смертности населения на 1 млн человек в разрезе пола и возраста). Данные возрастные группы определены как «рабочее ядро»: мужчины – 20–24 года, 25–29 лет и 30–34 года; женщины – 25–29 лет, 30–34 года. Авторы исследовали все половозрастные группы населения ДФО от 0 до 100 лет, результаты показали, что максимальное количество социально-экономических факторов воздействовало только на население в возрасте 20–34 года. Поэтому в статье представлена эконометрическая оценка по этим группам. Анализ проведён за максимально доступный временной интервал (2017–2022 гг.).

Независимые (экзогенные) переменные – факторы, влияющие на смертность населения определены на основе анализа научных публикаций (40 показателей) и статистической информации (90 независимых переменных).

Эконометрическое моделирование включало в себя 3 этапа работ.

На первом этапе производился отбор социально-экономических показателей, которые сформированы по блокам, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Система показателей для анализа факторов смертности мужчин и женщин

Table 1

System of Indicators for Analyzing the Mortality Factors of Men and Women

Обозначение	Наименование показателя	Единица измерения	Источник
<i>Эндогенные переменные</i>			
20-24_m	Коэффициент смертности мужчин в возрасте 20–24 года	на 1 млн чел.	ЦДИ РЭШ
25-29_m	Коэффициент смертности мужчин в возрасте 25–29 лет	на 1 млн чел.	ЦДИ РЭШ
30-34_m	Коэффициент смертности мужчин в возрасте 30–34 года	на 1 млн чел.	ЦДИ РЭШ
25-29_w	Коэффициент смертности женщин в возрасте 25–29 лет	на 1 млн чел.	ЦДИ РЭШ
30-34_w	Коэффициент смертности женщин в возрасте 30–34 года	на 1 млн чел.	ЦДИ РЭШ
<i>Макроэкономический блок</i>			
GRP	Индексы физического объёма валового регионального продукта (ОКВЭД 2), ВРП	%	ЕМИСС

Окончание Таблицы 1

Обозначение	Наименование показателя	Единица измерения	Источник
CPI	ИПЦ	%	ЕМИСС
Unemp	Уровень безработицы	%	ЕМИСС
Inv	Индекс физического объёма инвестиций в основной капитал (по полному кругу организаций с учётом сокрытого производства)	%	ЕМИСС
<i>Рынок труда</i>			
un_ed	Безработные с высшим образованием	тыс. чел.	Росстат
un_cpo	Безработные с средне-профессиональным образованием (СПО) по программе подготовки квалифицированных рабочих	тыс. чел.	Росстат
un_aver	Безработные с средним общим образованием (11 классов)	тыс. чел.	Росстат
em_ed	Занятые с высшим образованием	тыс. чел.	Росстат
em_cpo	Занятые с СПО по программе подготовки квалифицированных рабочих	тыс. чел.	Росстат
em_nobase	Занятые не имеющие основного общего образования	тыс. чел.	Росстат
<i>Доходы</i>			
inc_business	Доходы от предпринимательства	доля в денежных доходах, %	Росстат
inc_min	Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума	%	Росстат
<i>Потребление</i>			
Veget	Потребление овощей на душу населения	кг	Росстат
Meat	Потребление мяса и мясопродуктов на душу населения	кг	Росстат
Egg	Потребление яиц на душу населения	кг	Росстат
Milk	Потребление молока на душу населения	кг	Росстат
Fructs	Потребление фруктов на душу населения	кг	Росстат
Water	Использование свежей воды	млн м3	Росстат
<i>Здравоохранение</i>			
ambulance	Обеспеченность медсотрудниками скорой помощи	человек на 10 тыс. населения	ЕМИСС
doc_pub	Численность врачей всех специальностей в государственных организациях, оказывающих медицинские услуги населению	чел.	
koik_u	Количество коек в учреждениях здравоохранения в городской местности	шт.	ЕМИСС
<i>Доступность жилья</i>			
Ipoteka	Объём выданных ипотечных кредитов	млн руб.	ЦБ
Credit	Просроченная задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам.		ЦБ
<i>Транспортная инфраструктура</i>			
Auto	Количество собственных автомобилей	на тыс. чел.	Росстат
pass_bus	Перевозка пассажиров автобусами	тыс. чел.	ЕМИСС
Trassa	Протяжённость автомобильных дорог общего пользования федерального, регионального или межмуниципального и местного значения с твёрдым покрытием	км	Росстат
<i>Предпринимательство</i>			
IE	Число фактически действующих индивидуальных предпринимателей по субъектам Российской Федерации	тыс. чел.	Росстат
<i>Преступность</i>			
Crime	Количество преступлений, зарегистрированных в отчётном периоде	ед.	ЕМИСС

Источник: составлено авторами.

На втором этапе выполнено изучение взаимосвязей между показателями смертности и объясняющими переменными на основе анализа матрицы парных коэффициентов корреляции. Пороговое значение для отбора наиболее значимых факторов смертности составило свыше 50% (теснота связи между зависимой и независимыми переменными).

Для определения мультиколлинеарности пороговое значение показателя в матрице парных коэффициентов корреляции составило свыше 0,7, превышение которого определило исключение показателей из дальнейшего анализа. Проанализирован вектор влияния (прямой или обратный) основных факторов в разрезе половозрастных групп.

На третьем этапе построены многофакторные эконометрические уравнения для зависимых переменных для ДФО. Включение факторов в эконометрические модели произведено на основе последовательных вычислительных итераций по оценке значимости влияния отдельных комбинаций социально-экономических показателей на зависимую переменную. В целях обеспечения сопоставимости все показатели приведены к натуральному логарифму.

В эконометрических уравнениях помимо основных (коэффициент корреляции более 0,5) использовались дополнительные показатели (менее 0,5), но теоретически способные оказывать влия-

ние на смертность населения. К ним относятся макроэкономические показатели: ВРП, инвестиции и инфляция.

Многофакторные эконометрические модели для ДФО имели следующий вид:

$$\ln kiast = const + \alpha \times \ln N1iast + \beta \times \ln N2iast + \gamma \times \ln N3iast + \varepsilon iast, (1)$$

где k – коэффициент смертности по пятилетним группам; α , β , γ – коэффициенты регрессии (чувствительности) факторов; i – субъект ДФО; a – возрастная группа; s – пол; t – год; $const$ – свободный член; N – экзогенная переменная; 1, 2, 3, ε – ошибка.

Оценка эконометрических моделей производилась методом NLS and ARMA (нелинейный метод наименьших квадратов и авторегрессия средне-скользящих), что позволило авторам не только не игнорировать автокорреляцию и получить несмещённые оценки, но и учесть структуру региональных экономик, их взаимовлиянии в социально-экономическом развитии и последующем воздействии на смертность молодых людей.

Далее авторы произвели выбор спецификации модели. Для этого произведена оценка моделей на основе теста Хаусмана. Результаты анализа не выявили существенной разницы между моделями с фиксированными (FE) и случайными (RE) эффектами. Пример отбора спецификации моделей приведён в таблице 2.

Таблица 2

Результаты анализа выбора спецификации модели с фиктивными и случайными эффектами

Table 2

Results of the Analysis of the Choice of Model Specification with Dummy and Random Effects

	Мужчины 20–24 года		Женщины 25–29 лет	
	FE	RE	FE	RE
R2	0.74	0.72	0.75	0.72
GRP			1.86(**)	1.75(**)
CPI	8.94 (***)	7.10(***)	-2.86(*)	-2.74(*)
em_nobase	0.00	0.10		
em_cpo			0.73(***)	0.75(***)
inc_business	-0.43(*)	-0.39(**)		
ambulance	0.43	0.25(**)		
credit	-0.93 (***)	-0.84(***)		
auto	-0.42 (**)	-0.37(**)	-0.89(***)	-0.85(***)
egg			-0.70(***)	-0.73(***)

Примечание: в скобках даны робастные стандартные отклонения. *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$.

Источник: составлено авторами.

Авторы сделали выбор в пользу модели с фиксированными эффектами, так как объясняющая способность была чуть выше. Также это позволило учесть уникальные, не меняющиеся со временем особенности каждого объекта исследования

(например, половозрастные характеристики мужчин и женщин, поведенческие факторы, специфические условия региона, оказывающие влияние на смертность). Такая модель позволяет более точно оценить влияние других факторов на смер-

ность в половозрастных группах, что и было задачей авторов.

Дополнительно эконометрические уравнения тестировались на устойчивость значений коэффициентов регрессий для ДФО путём удаления массива данных по одному региону. В случае незначительных изменений коэффициентов регрессий модель использовалась для последующего анализа. Тестируемыми регионами, по которым удалялся массив данных, были субъекты ДФО, имеющие региональную специфику Забайкальский, Приморский, Хабаровский края и Чукотский автономный округ.

Количество и качество эконометрических уравнений определялись по принципу дополне-

ния и максимального охвата совокупности анализируемых факторов в различной их комбинации, учитывающих наилучшие статистические характеристики показателей.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ смертности мужчин и женщин в ДФО

По данным Росстата в 2024 г. в ДФО умерло 102,9 тыс. чел. (5,7 % от общего числа в стране)¹. По сравнению с 2018 г. численность умерших увеличилась на 4,2 % (в РФ – снижение на 0,6 %). Относительно исторического максимума в 2005 г. достигнутые значения смертности в макрорегионе в 2024 г. снизились на 24 % (рисунок 1).

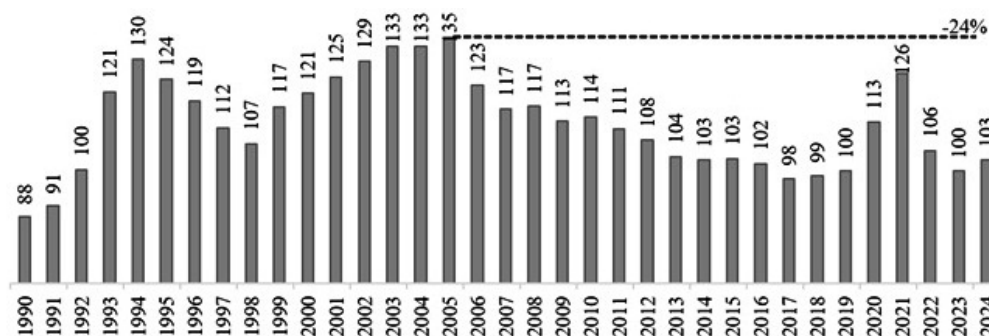

Рисунок 1. Число умерших в ДФО (в современных границах), тыс. чел.

Figure 1. Number of Deaths in the Far Eastern Federal District (within modern borders), in thousands

Источник: ЕМИСС².

Повышенный (по сравнению с РФ) уровень смертности в ДФО объясняется высоким вкладом населения в трудоспособном возрасте, максимально у мужчин в возрасте 15–29 лет – 48%, у женщин 30–59 лет – 36% (рисунок 2). В целом

значение смертности по показателю «стандартизованный коэффициент смертности» (СКС) у мужчин опережает общероссийское значение на 22%, женщин – 11%.

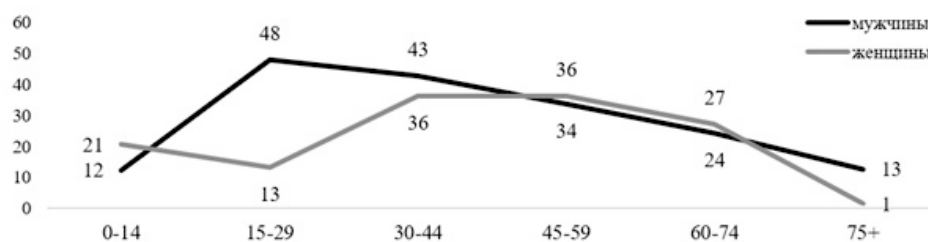

Рисунок 2. Превышение СКС мужчин и женщин по возрастным группам в ДФО от среднего по РФ в 2023 г., %

Figure 2. Excess of male and female Standardized of the Total Mortality Rate by age group in the Far Eastern Federal District over the average for the Russian Federation in 2023, %

Источник: расчёты авторов с учётом ВПН – 2020 на основе данных ЕМИСС³.

¹ РФ без учёта новых субъектов, вошедших в состав с 01.01.2023

² Число зарегистрированных умерших // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33556> (дата обращения 12.12.2025)

³ Число умерших по полу и 5-летним возрастным группам // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58775> (дата обращения 12.12.2025); Численность постоянного населения – мужчин по возрасту на 1 января // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31548> (дата обращения 12.12.2025); Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения 12.12.2025).

На смертность трудоспособного населения значительное влияние оказывают социально-экономические шоки. Так, пандемия COVID-19, повлекшая за собой экономический шок, способствовала и социальным потрясениям, что сказалось на росте смертности населения ДФО (рисунок 3). Рост инфляции в 2022 г. ухудшил психоэмоциональное состояние трудоспособно-

го населения с последующим ростом смертности в 2023 г. даже в условиях снижения инфляционного давления. Это объясняется не только длительным и инерционным характером воздействия социально-экономических шоков, но и наложением внешних факторов, что повлияло на рост смертности трудоспособного населения в 2023 г.

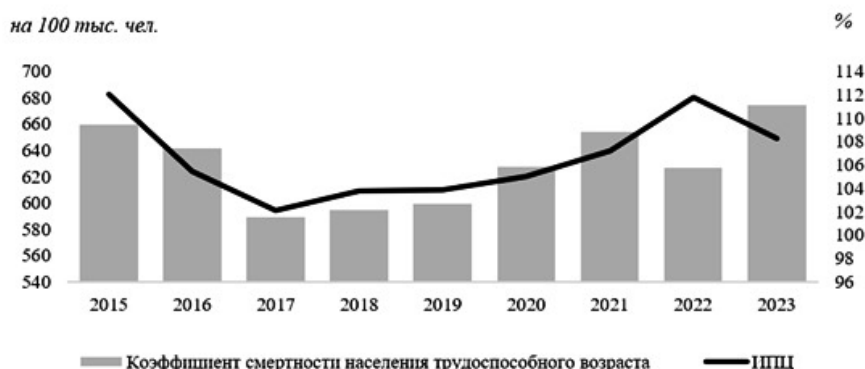

Рисунок 3. Динамика смертности трудоспособного населения и индекса потребительских цен (ИПЦ) в ДФО за 2015–2023 гг., на 100 тыс. человек, %

Figure 3. Dynamics of the working-age population mortality and CPI of the Far Eastern Federal District for 2015–2023, per 100,000 people, %

Источник: составлено авторами на основе данных ЕМИСС⁴.

Помимо этого, в ДФО традиционно мужская смертность превышает женскую в трудоспособном возрасте, что объясняется половозрастными особенностями влияния социально-экономических факторов, оценка которых представлена ниже.

Эконометрический анализ коэффициентов смертности мужчин по пятилетним группам в возрасте 20–34 года.

Наиболее сильным фактором смертности для группы мужчин в возрасте 20–24 года является показатель инфляции (модель 1, таблица 3). Однако развитие предпринимательской среды в сочетании (*IE*, *inc_business*) с занятостью молодых людей с высшим образованием (*em_ed*) снижает инфляционное давление и риски смерти.

Труднообъяснимой является обратная связь между задолженностью по кредитам (*credit*) и смертностью. При увеличении задолженности по кредитам смертность молодых людей снижается. Дальнейшее исследование показало, что одновременно со снижением смертности в этой возрастной группе прослеживается её рост среди мужчин и женщин в возрасте от 60 лет и старше, что мо-

жет объясняться переложением финансовых обязательств на родителей, бабушек и дедушек.

Наблюдается обратная взаимосвязь между смертностью и объёмом выданных ипотечных кредитов (*ipoteka*). Возможно, это связано с тем, что наличие ипотеки мотивирует молодых людей подходить более осознанно к своему здоровью, финансовым ресурсам, занятости, потреблению, образованию и др. Другим объяснением может быть рост доступности жилья в связи с повышением доходов и качества жизни.

Уровень безработицы (*unemp*) оказывает обратное воздействие на смертность мужчин (модель 3), то есть чем выше уровень безработицы, тем ниже смертность. Фактором стресса является занятость по найму. Обратное влияние прослеживается при занятости в сфере предпринимательства (*IE*, модель 3), которая способствует повышению доходов и созданию больших возможностей для самореализации.

Коэффициент регрессии при показателях уровня преступности (*crime*) составил 0,67, обеспеченности автомобилями (*auto*) – 0,27 (модель 2). В случае возникновения опасных ситуаций, связанных с преступностью и травмами на дорогах, доступ к системе здравоохранения является определяющим для снижения рисков смерти молодых людей в возрасте 20–24 года (обеспеченность медработниками скорой помощи (*ambulance*) – 0,75).

⁴ Смертность населения трудоспособного возраста (на 100 тыс. населения) // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59267> (дата обращения: 12.12.2025); Индексы потребительских цен на товары и услуги // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31074> (дата обращения: 12.12.2025).

Влияние сбалансированного потребления овощей (*veget*) на снижение смертности мужчин связано с соотношением среднедушевых денежных доходов населения и величины прожиточного минимума (*inc_min*). Чем выше уровень бедности, тем ниже доходы и тем менее сбалансированный рацион, не способствующий снижению рисков смерти.

Показатели системы здравоохранения (*ambulance*) перестают оказывать влияние на смертность мужчин в возрасте 25–29 лет, что может свидетельствовать о существенном влиянии на эту группу сложившиеся в российском обществе представления о маскулинности мужчин: нездоровые привычки и пренебрежительное отношение к собственному здоровью.

Таблица 3

Результаты эконометрического моделирования факторов смертности мужчин в возрасте 20–34 года

Table 3

Results of Econometric Modeling of the Mortality Factors for Men Aged 20–34

Показатель	Мужчины в возрасте 20–24 года				Мужчины в возрасте 25–29 лет				Мужчины в возрасте 30–34 года		
	модель 1	модель 2	модель 3	модель 4	модель 1	модель 2	модель 3	модель 4	модель 1	модель 2	модель 3
R2	0.74	0.60	0.52	0.57	0.59	0.54	0.56	0.55	0.61	0.86	0.52
Константа	-32.8(**)	-4.11	-7.75		11.4(***)	13.01(***)	12.2(***)	11.4(***)	3.94		12.10(***)
GRP									1.54(***)		
CPI	8.94 (***)		3.2(**)								
unemp			-0.28(*)			0.66(**)					0.16(**)
un_ed				-0.09(***)							
un_cpo									0.16(*)		
un_aver										0.14(**)	
em_ed			-0.50(**)								
em_cpo					-0.33(**)					-0.41(***)	
em_nobase	0.00							-0.04			
inc_business	-0.43(*)		-0.28(**)		-0.17(**)	-0.60(***)	-0.14(*)		-0.10(*)		
inc_min				-0.42(***)		-0.56(**)				-0.34(**)	
veget				-0.64(***)							
meat							-0.50(*)		-0.33(*)		
egg								-0.38(**)			
milk											-0.35(**)
fructs											-0.23(***)
water							-0.09				
ambulance	0.43	-0.75(*)									
koik_u											-0.07(***)
ipoteka		-0.269(***)					-0.05(*)		-0.08(**)		
credit	-0.93 (***)										
auto	-0.42 (**)	-0.27(***)			-0.39(***)	-0.39(**)					
IE			-0.27(***)					-0.17(**)			
crime			0.67(***)		0.33(**)						

Примечание: в скобках даны робастные стандартные отклонения. *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$.

Источник: составлено авторами.

Молодые люди в возрасте 25–29 лет со среднеспециальным образованием (*em_cpo*) вполне комфортно чувствуют себя на рынке труда (модель 1). Однако в случае потери работы (*unemp*) риски смерти значительно возрастают (модель 2), что может объясняется большей интенсивностью физической нагрузки по сравнению с мужчинами, имеющими высшее образование и

работающими в офисе. Авторы сопоставили две модели, так как статистически значимой связи между смертностью и безработными мужчинами с высшим образованием не было получено, сделан вывод о рисках смерти для мужчин со среднеспециальным.

Трудовое поведение возрастной группы 25–29 лет имеет сильные отличия от трудового поведе-

ния предыдущей возрастной группы (20–24 года). Сравнительный анализ двух возрастных групп свидетельствует о снижении интереса к предпринимательству, по показателям развития предпринимательства (*IE*) на 0,10 (с -0,27 до -0,17) и доходов, полученным от предпринимательской деятельности (*inc_business*), в сравнении с возрастной группой 20–24 года, что повышает риски смерти у этой возрастной группы.

Снижение доходов от предпринимательства способствует сокращению возможностей получения ипотеки (*ipoteka*). А это, в свою очередь, снижает чувствительность по этому показателю (с -0,27 до -0,05 и -0,08) повышает риски смерти для мужчин этой возрастной группы.

У мужчин в данной возрастной группе чувствительность к показателю уровня преступности (*crime*) 0,33 ниже, чем у мужчин в возрасте 20–24 лет (0,67), что, соответственно, снижает риски смерти. Это может объясняться большей социализацией и вовлечённостью мужчин в возрасте 25–29 лет в социально-экономические процессы.

Различие в чувствительности по показателю потребления овощей (*veget*) снижается, но появляется чувствительность к потреблению яиц (*egg*). Наличие собственных автомобилей (*auto*) в среднем сохранилась почти без изменений для двух возрастных групп.

У мужчин в возрасте 30–34 года усиливается зависимость между уровнем занятых со средне-специальным образованием (*em_ed*) и показателем смертности с сохранением риска смерти в случае потери работы (*un_cro*). Также возрастают риски смерти в случае потери работы у мужчин, имеющих полное среднее образование (*un_aver*).

Изменилась чувствительность к показателям системы здравоохранения. Так, если в предыдущей возрастной группе (25–29 лет) не было обнаружено статистически значимой связи между показателями здравоохранения и смертностью, то в этой возрастной группе прослеживается обратная по показателю, в частности, количества коек в медицинских городских учреждениях (*koik_u*). Это может объясняться ростом доходов (*inc_min*), переосмыслением отношения к собственному здоровью, широким охватом диспансеризации и выявлением необходимости обследования в возрасте от 30 лет.

ВВП (*GRP*) в регионах ДФО не способствует снижению смертности молодых мужчин в возрасте 30–34 года (как покажет дальнейший анализ, и смертности женщин тоже), что, по мнению авторов, является отражением сложившейся экономической модели, в которой наблюдается

недоинвестирование социальной и предпринимательской инфраструктуры. А это, в свою очередь, повышает риски смерти трудоспособного населения. Для данной возрастной группы статистически значимым оказался показатель потребления молока (*milk*), что свидетельствует о росте потребности в белках.

Таким образом, смертность мужчин в возрасте 20–34 года зависит от экономических (инфляция, безработица, доходы, предпринимательство, потребление), социально-инфраструктурных (образование, медицина, транспорт) и поведенческих факторов (преступность, вредные привычки, социокультурные паттерны, трудовое и финансовое поведение).

Молодые мужчины в возрасте 20–24 года имеют наиболее сильные различия в поведенческих установках (трудоустройство, экономического, самосохранительного). Показатели смертности этой возрастной группы чувствительны к инфраструктуре предпринимательства, которая начинает ослабевать в следующих возрастных группах. А в старших возрастных группах снижение чувствительности вызвано другим типом трудового поведения (наёмным).

Высокий уровень образования способствует снижению рисков смерти у мужчин. Сложившийся дефицит рабочих специальностей на рынке труда повышает спрос на СПО, что позволяет молодым мужчинам чувствовать себя комфортно. Однако в случае её потери безработные с высшим образованием имеют меньшие риски преждевременной смерти, чем мужчины, получившие среднеспециальное образование, в возрастных группах 25–34 года.

Показатели системы здравоохранения значимы для мужчин в возрасте 20–24 года и 30–34 года, что объясняется более подвижным образом жизни и высоким спросом на медицинские услуги у первой группы и более частым обращением у второй. Потребление продуктов питания, наличие собственных автомобилей, а также финансовое поведение (приобретение собственного жилья) в различных возрастных группах не имеет серьёзных отличий.

Эконометрический анализ коэффициентов смертности женщин по пятилетним группам в возрасте 25–34 года

Влияние социально-экономических факторов на смертность женщин проявляется в более старших возрастах (25 лет) и в меньших, чем у мужчин, масштабах, так как женщины позднее выходят в самостоятельную жизнь (замужество, аренда жилья, планирование расходов и доходов и многое другое).

Таблица 4

Результаты эконометрического моделирования факторов смертности женщин в возрасте 25–34 года
Table 4

Results of Econometric Modeling of Mortality Factors Among Women Aged 25–34

Наименование показателя	Женщины в возрасте 25–29 лет			Женщины в возрасте 30–34 года		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 1	Модель 2	Модель 3
R2	0.75	0.59	0.73	0.50	0.51	0.64
Константа	20.5(**)	10.1(***)		17.1(***)	50.31(*)	22.9(***)
CPI	-2.86(*)			-2.64(**)	-8.13	
GRP	1.86(**)					
un_ed				-0.07(***)		
em_cpo	0.73(***)					
em_ed		-0.06				
inc_min					-0.19	
inc_business		-0.46(***)				
koik_u			-0.11(***)			
doc_pub			0.30(***)		0.66(***)	-0.21(***)
ambulance						-2.61(***)
egg	-0.70(***)					
milk			-1.17(***)			
fructs			-0.46(***)			
ipoteka		-0.17				
credit	-0.89(***)					
auto					-0.43(***)	
pass_bus						-0.46(***)
trassa						-0.71(**)
IE				-0.77(***)		

Примечание: в скобках даны робастные стандартные отклонения. *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$.

Источник: составлено авторами.

Инфляция (CPI) оказывает на смертность женщин влияние, противоположное её воздействию на смертность мужчин. Это свидетельствует о более высокой социальной адаптивности и психоэмоциональной защищённости женщин. Усиление инфляционных процессов влияет преимущественно на смертность мужчин.

ВРП (GRP) в регионах ДФО не способствует снижению смертности молодых женщин, что может объясняться экспортоориентированной экономической моделью в экономике, направленностью инвестиций преимущественно в экспортоориентированные сегменты экономики и их недостаточностью в социально значимых сферах, например, в системе здравоохранения.

Об этом свидетельствует отсутствие логической связи между показателями системы здравоохранения – численности врачей всех специальностей в государственных организациях, оказывающих медицинские услуги населению (*doc_pub*) и коэффи-

циентами смертности для обоих полов в возрасте 25–29 лет (таблица 3 и таблица 4; чем выше обеспеченность врачами, тем выше смертность).

Фактор образования у женщин является не устойчивым. В отличие от мужчин этой же возрастной группы, среднеспециальное образование для занятых женщин (*em_cpo*) оказывает прямое влияние на смертность, то есть повышает риски смерти (модель 1). Это может определяться разрывом в уровне заработной платы мужчин и женщин, их неудовлетворённостью жизнью и более низким её качеством.

Дефицит рабочих специальностей распространяется преимущественно на сфере занятости мужчин (токари, фрезеровщики, начинающие ИТ-специалисты и др.). Уровень оплаты таких специалистов на порядки выше среднего по региону. Женщины практически не задействованы в таких специальностях, что сужает их выбор на рынке труда специалистов со среднеспециальным

образованием и повышает риски смерти этой группы. Тогда как рост доходов от предпринимательства (*inc_business*) снижает риски смерти у молодых женщин.

Потребление социально значимых продуктов питания, таких как молоко (*milk*) и яйца (*egg*), является важным показателем, снижающим смертность молодых женщин в возрасте 25–29 лет, что может объясняться возрастными особенностями группы. К примеру, в периоды беременности и послеродового вскармливания, а также восстановления женского организма употребление данных продуктов является важным с медицинской и биологической точки зрения.

Финансовое поведение по показателям объёма жилищных кредитов, предоставленных физическим лицам-резидентам (*ipoteka*), и просроченной задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам (*credit*), у мужчин и женщин не имеет отличий.

Показатель уровня безработицы для женщины в возрасте 30–34 года с высшим образованием (*un_ed*) имеет низкую чувствительность $-0,07$ (модель 1) по отношению к коэффициенту смертности. Это свидетельствует о меньшем влиянии экономического статуса на смертность молодых женщин в сравнении с мужчинами.

Фактор предпринимательства (*IE*) для женщин этой возрастной группы более чувствителен к смертности ($-0,77$), чем у молодых мужчин в возрасте 20–25 лет ($-0,30$; таблица 3). Это может свидетельствовать о росте деловой активности у женщин в более зрелом возрасте, когда они реализовали себя как матери, или может объясняться необходимостью роста доходов и приобретения жилья, повышением спроса к услугам социальной сферы для подрастающих детей.

Рост предпринимательских доходов (*inc_business*), наличие собственного автомобиля (*auto*), а также перевозки пассажиров автобусами (*pass_bus*) снижает уровень смертности у женщин в возрасте 30–34 года.

Показатели системы здравоохранения (*doc_pub*, *ambulance*) играют важную роль в здоровьесбережении женщин, что свидетельствует об институциональной поддержке женщин, в отличие от отсутствия таковой для мужчин.

Таким образом, смертность женщин зависит от экономических (ВВП, инфляция, безработица, доходы, предпринимательство) и социальных (образование, медицина, транспорт) факторов. Социально-экономические факторы начинают воздействовать на смертность женщин позже, чем у мужчин в 25 лет, что объясняется более поздним выходом в самостоятельную жизнь, чем у мужчин.

Макроэкономические показатели ВВП и инфляции оказывают разнонаправленное влияние на смертность женщин. Рост ВВП региона повышает риски смерти для женщин в возрасте 25–29 лет, что объясняется смещением распределения средств в сторону развития экономического роста в ущерб развитию социальной сферы, которая особенно важна для продолжительности жизни женщин. Инфляция не оказывает негативного влияния на смертность женщин в возрасте 25–34 года, в отличие от мужчин этой же возрастной группы, что может объясняться большей адаптивностью женщин, сокращением избыточного потребления и переходом к самосохранительному поведению.

Уровень образования для женщин играет ключевую роль в самосохранительном поведении: чем он выше, тем ниже риски смерти. Среднеспециальное образование у женщин повышает риски смерти в возрасте 25–29 лет, в отличие от мужчин, что свидетельствует о спросе на рынке труда с уровнем образования СПО на мужчин, но не женщин.

Влияние показателей доходов, транспортной инфраструктуры, потребления и доступности жилья на смертность молодых мужчин и женщин практически не различается.

Заклучение

Проведённый эконометрический анализ подтвердил гипотезу исследования предполагающую, что факторы смертности молодёжи имеют различия по половозрастным группам.

Поведенческие факторы отличаются по воздействию на смертность молодёжи. Для мужчин в трудовом поведении важна реализация предпринимательского и профессионального потенциала. Женщины начинают испытывать интерес к предпринимательству только после создания семьи и рождения детей к 30 годам.

Институциональная поддержка женщин в системе здравоохранения способствует самосохранительному поведению. Отсутствие такой поддержки для мужчин затрудняет формирование самосохранительной стратегии у мужчин в возрастной группе 25–29 лет. В совокупности с действующими негативными социокультурными паттернами это повышает риски смерти в молодом и активном трудоспособном возрасте.

Уровень образования также имеет различия в воздействии на смертность мужчин и женщин. Мужчины, получившие среднеспециальное образование, имеют меньшие риски смерти в возрасте 25–29 лет по сравнению с женщинами этой же возрастной группы. Это может объясняться не только большей востребованностью на рын-

ке труда молодых мужчин с среднеспециальным уровнем образования, но и возможностью избежания специалистов к получению травм и увечий от внешних причин. Большие риски для женщин с таким же уровнем образования могут объясняться сложностями выхода на рынок труда, раскрытию профессионального потенциала, что может приводить к нестабильному психоэмоциональному состоянию, сокращать возможности в доступе к качественным медицинским услугам.

Однако в случае потери работы женщины с таким же уровнем образования более адаптивны, сокращают уровень потребления, отказываются от вредных привычек, и поэтому имеют меньшие риски смерти по сравнению с мужчинами, у ко-

торых усиливается влияние разрушительных и вредных привычек.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что учёт только прямого влияния отдельных факторов сильно сужает возможности регулирования негативных тенденций смертности трудоспособного населения. Тогда как учёт большего количества факторов в их совокупном воздействии позволяет расширить меры регулирования и существенно нивелировать негативное влияние социально-экономических эффектов. Применение результатов исследования повысит точность демографических прогнозов и действенность стратегических документов социально-экономического развития регионов ДФО.

Список источников

1. Рост продолжительности жизни в России 2000-х годов / В.М. Школьников, Е.М. Андреев, М. Макки, Д.А. Леон // Демографическое обозрение. 2014. Том 1. № 2. С. 5–37. EDN TLMJFN
2. Проворова А.А., Смиренникова Е.В., Уханова А.В. Здоровье населения российской Арктики: проблемы, вызовы и пути их решения // Арктика и Север. 2024. № 55. С. 161–181. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.161> EDN QLIZNN
3. Gavurova B., Khouri S., Kovac V., et al. Exploration of Influence of Socioeconomic Determinants on Mortality in the European Union. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;17(13):1-21. <https://doi.org/10.3390/ijerph17134699>
4. Quercioli C., Messina G., Basu S., et al. The Effect of Healthcare Delivery Privatisation on Avoidable Mortality: Longitudinal Cross-Regional Results from Italy, 1993–2003. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2012;67(2):132–138. <https://doi.org/10.1136/jech-2011-200640>
5. Cosby A.J., McDoom-Echebiri M.M., James W., et al. Growth and Persistence of Place-Based Mortality in the United States: The Rural Mortality Penalty. *American Journal of Public Health*. 2019;109(1):155–162. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2018.304787>
6. Различия смертности взрослого населения России по уровню образования / А.Е. Иванова, Е.В. Землянова, А.Ю. Михайлов, С.Е. Головенкин // Здравоохранение Российской Федерации. 2014. Том 58. № 2. С. 4–8. EDN SCLJQD
7. Аскарова Ж.В., Попова Е.К., Синамбела В.Я. Курение и уровень образования у мужчин трудоспособного возраста города Якутска Республики Саха (Якутия) // Дальневосточный медицинский журнал. 2020. № 4. С. 29–32. <https://doi.org/10.35177/1994-5191-2020-4-29-32> EDN LSLUZK
8. Берендеева А.Б., Сизова О.В. Анализ факторов смертности населения в трудоспособном возрасте в регионах Российской Федерации методом моделирования // Теоретическая экономика. 2020. № 4(64). С. 11–24. EDN QMIYSN
9. Горошко Н.В., Пацала С.В. Социальные факторы смертности мужского населения: Россия на мировом фоне // Социально-трудовые исследования. 2023. № 53(4). С. 81–96. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-81-96> EDN XWDBTG
10. Михайлова С.С., Ринчино А.Л., Будажанова М.Ц. Методика классификации субъектов Российской Федерации по причинам смерти населения в трудоспособном возрасте // Экономика и предпринимательство. 2022. № 2(139). С. 675–680. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.139.2.127> EDN NUQTUS
11. Факторы риска социально значимых инфекций среди населения трудоспособного и старшего трудоспособного возраста (на примере туберкулеза) / З.М. Загдын, Н.В. Кобесов, С.М. Смбатян, М.Д. Васильев, А.С. Галоян // Медицина и организация здравоохранения. 2024. Том 9. № 3. С. 80–89. <https://doi.org/10.56871/MHCO.2024.10.49.009> EDN UVJMVG
12. Saar I, Trasberg V. Association Between Self-Reported Binge Drinking and Absenteeism in the Baltic Countries. *Nordic Studies on Alcohol and Drugs*. 2021;38(5):517-533. <https://doi.org/10.1177/14550725211029085>
13. Okui T. Socioeconomic Predictors of Diabetes Mortality in Japan: An Ecological Study Using Municipality-Specific Data. *Journal of Preventive Medicine and Public Health*. 2021;54(5):352–359. <https://doi.org/10.3961/jpmph.21.215>
14. Новоселов В.П., Шеишук Ю.Е. Ненасильственная причина смерти как показатель здоровья населения в крупном промышленном городе (по материалам Бюро судебно-медицинской экспертизы). Томск: СТТ, 2022. 128 с. ISBN 978-5-93629-682-6 EDN LINNMN
15. Christensen S.F., Scherber R.M., Mazza G.L., et al. Tobacco Use in the Myeloproliferative Neoplasms: Symptom Burden, Patient Opinions, and Care. *BMC Cancer*. 2021;21(1):691. <https://doi.org/10.1186/s12885-021-08439-7>

16. Wang N., Pan D., Zhu X., et al. Selenium May Be Involved in Esophageal Squamous Cancer Prevention by Affecting GPx3 and FABP1 Expression: A Case-Control Study Based on Bioinformatic Analysis. *Nutrients*. 2024;16(9):1322. <https://doi.org/10.3390/nu16091322>
17. Shimony-Kanat S., Orr D., Falk A. Social and Economic Factors Associated with Child Unintentional Injury Mortality in High-Income Countries. *Injury Prevention*. 2024;30(3):194–199. <https://doi.org/10.1136/ip-2023-045016>
18. Kontodimopoulos N. The Association Between Social Development and Population Health: A Cross-Sectional Study Across Countries of Different Economic Growth. *Research in Health Services and Regions*. 2022;1:2. <https://doi.org/10.1007/s43999-022-00003-5>
19. Коссова Т. Экономические факторы смертности от инфекционных болезней в регионах России // Экономическая политика. 2020. Том 15. № 6. С. 90–109. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-6-90-109> EDN XMMPNL
20. Бартылова А.Д., Бершадская А.Д., Пучко Я.А. Пространственно-эконометрический анализ показателя смертности детей до 18 лет в регионах РФ // Новая экономика, бизнес и общество: материалы X Апрельской научно-практической конференции молодых учёных, 23 марта – 16 мая 2023, Владивосток, Россия / отв. ред. А.А. Волков, Е.А. Тюрина, М.В. Усова. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2023. С. 98–103. <https://doi.org/10.24866/7444-5516-3> EDN MXYXNT
21. Осипов В.С., Цыпин А.П. Эконометрическое моделирование влияния макроэкономических индикаторов на уровень смертности в России и Казахстане. *Экономические науки*. 2023. № 220. С. 246–254. <https://doi.org/10.14451/1.220.246> EDN SRAEUR
22. Ветрова Е.Д. Социально-экономические детерминанты детской и подростковой смертности от внешних причин в Москве // Демографическое обозрение. 2021. Том 8. № 3. С. 124–148. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13269> EDN WBXISY
23. Интегральная оценка влияния социально-экономических, экологических факторов на общую смертность населения / В.П. Чащин, Р.А. Аскаров, И.А. Лакман, З.Ф. Аскарова // Экология человека. 2020. Том 27. № 4. С. 4–11. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2020-4-4-11> EDN PDDPBU
24. Кручек М.М., Молчанова Е.В. Исследование медико-демографических процессов в регионах России методом регрессионного анализа по панельным данным // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 18. С. 41–50. EDN QAMKZB

Информация об авторе:

Евгения Хасановна Тухтарова – кандидат экономических наук, руководитель направления «Моделирование социально-демографических процессов», Восточный центр государственного планирования (SPIN-код: 1352-8626) (ResearcherID: V-6661-2018) (Scopus Author ID: 57201061665)

Елена Львовна Ли – кандидат экономических наук, руководитель сектора «Качество жизни и демографический потенциал», Восточный центр государственного планирования (SPIN-код: 5587-3480)

Заявленный вклад авторов:

Е.Х. Тухтарова – сбор и анализ статистических данных и теоретических работ, разработка методологии, интерпретация полученных результатов, заключение.

Е.Л. Ли – введение, редакция, общее руководство.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Тухтарова Евгения Хасановна.

Статья поступила в редакцию 18.03.2026; одобрена после рецензирования 15.07.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Shkolnikov, V.M., Andreev, E.M., McKee, M. et al. Rising Life Expectancy in Russia of the 2000s. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2014;1(2):5–37. (In Russ.)
2. Provorova A.A., Smirennikova E.V., Ukhanova A.V. Population Health in the Russian Arctic: Problems, Challenges, Solutions. *Arktika i Sever=Arctic and North*. 2024;(55):161–181. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.161> (In Russ.)
3. Gavurova B., Khouri S., Kovac V. et al. Exploration of Influence of Socioeconomic Determinants on Mortality in the European Union. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;17(13):1–21. <https://doi.org/10.3390/ijerph17134699>
4. Quercioli C., Messina G., Basu S., et al. The Effect of Healthcare Delivery Privatisation on Avoidable Mortality: Longitudinal Cross-Regional Results from Italy, 1993–2003. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2012;67(2):132–138. <https://doi.org/10.1136/jech-2011-200640>
5. Cosby A.J., McDoom-Echebiri M.M., James W., et al. Growth and Persistence of Place-Based Mortality in the United States: The Rural Mortality Penalty. *American Journal of Public Health*. 2019;109(1):155–162. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2018.304787>
6. Ivanova A.E., Zemlyanova E.V., Mikhaylov A.Yu., et al. The Differences in Mortality of the Adult Population of Russia According to Level of Education. *Zdravooxranenie Rossijskoj Federacii=Health Care of the Russian Federation*. 2014;58(2):4–8. (In Russ.)

7. Askarova Zh.V., Popova E.K., Sinambela V.Ya. Smoking and the Education Level in Men of Working Age in the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk. *Dal'nevostochny'j Medicinskij Zhurnal*. 2020;(4):29-32. <https://doi.org/10.35177/1994-5191-2020-4-29-32> (In Russ.)
8. Berendeveva A.B., Sizova O.V. Analysis of Mortality Factors of the Working-Age Population in the Regions of the Russian Federation by Modeling. *Teoreticheskaya e'konomika=Theoretical Economics*. 2020;(4(64)):11-24. (In Russ.)
9. Goroshko N.V., Patsala S.V. Social Factors of Male Mortality: Russia at the World Background. *Social'no-trudovy'e issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;(53(4)):81-96. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-81-96> (In Russ.)
10. Mikhailova S.S., Rinchino A.L., Budazhanaeva M.C. Methodology for Classifying the Subjects of the Russian Federation by Causes of Death of the Working-Age Population. *E'konomika i predprinimatel'stvo*. 2022;(2(139)):675-680. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.139.2.127> (In Russ.)
11. Zagdyn Z.M., Kobesov N.V., Smbatyan S.M., Vasiliev M.D., Galoyan A.S. Risk Factors for Socially Significant Infections Among Working and Older Working-Age Population (on the Tuberculosis Example). *Medicina i organizatsiya zdorooxraneniya=Medicine and Health Care Organization*. 2024;9(3):80-89. <https://doi.org/10.56871/MHCO.2024.10.49.009>
12. Saar I., Trasberg V. Association Between Self-Reported Binge Drinking and Absenteeism in the Baltic Countries. *Nordic Studies on Alcohol and Drugs*. 2021;38(5):517-533. <https://doi.org/10.1177/14550725211029085>
13. Okui T. Socioeconomic Predictors of Diabetes Mortality in Japan: An Ecological Study Using Municipality-Specific Data. *Journal of Preventive Medicine and Public Health*. 2021;54(5):352-359. <https://doi.org/10.3961/jpmph.21.215>
14. Novoselov V.P., Sheshukova Yu.E. Non-Violent Cause of Death as an Indicator of Public Health in a Large Industrial City (Based on Materials from the Bureau of Forensic Medical Examination). Tomsk: Publishing House STT; 2022. 128 p. ISBN 978-5-93629-682-6.128 (In Russ.)
15. Christensen S.F., Scherber R.M., Mazza G.L., et al. Tobacco Use in the Myeloproliferative Neoplasms: Symptom Burden, Patient Opinions, and Care. *BMC Cancer*. 2021;21(1):691. <https://doi.org/10.1186/s12885-021-08439-7>
16. Wang N., Pan D., Zhu X., et al. Selenium May Be Involved in Esophageal Squamous Cancer Prevention by Affecting GPx3 and FABP1 Expression: A Case-Control Study Based on Bioinformatic Analysis. *Nutrients*. 2024;16(9):1322. <https://doi.org/10.3390/nu16091322>
17. Shimony-Kanat S., Orr D., Falk A. Social and Economic Factors Associated with Child Unintentional Injury Mortality in High-Income Countries. *Injury Prevention*. 2024;30(3):194-199. <https://doi.org/10.1136/ip-2023-045016>
18. Kontodimopoulos N. The Association Between Social Development and Population Health: A Cross-Sectional Study Across Countries of Different Economic Growth. *Research in Health Services and Regions*. 2022;1:2. <https://doi.org/10.1007/s43999-022-00003-5>
19. Kossova T. Economic Factors of Mortality from Infectious Diseases in Russian Regions. *E'konomicheskaya politika=Economic Policy*. 2020;15(6):90-109. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-6-90-109> (In Russ.)
20. Bartylova A.D., Bershadskaya A.D., Puchko Ya.A. Prostranstvenno-ehkonometricheskii Analiz Pokazatelya Smertnosti Detei do 18 Let v Regionakh RF. In: Volkov A.A., Tyurina E.A., Usova M.V. (ex. eds.) Novaya Ehkonomika, Biznes i Obshchestvo. X April Scientific and Practical Conference of Young Scientists Conference Proceedings; March 23 – May 16, 2023; Vladivostok, Russia. Vladivostok: Far Eastern Federal University. 2023: 98-103. <https://doi.org/10.24866/7444-5516-3> (In Russ.)
21. Osipov V.S., Tsylin A.P. Econometric Modeling of the Influence of Macroeconomic Indicators on Mortality Rates in Russia and Kazakhstan. *Ehkonomichekie nauki=Economic Sciences*. 2023;(220):246-254. <https://doi.org/10.14451/1.220.246> (In Russ.)
22. Vetrova E. Socio-Economic Determinants of Child and Adolescent Mortality from External Causes in Moscow. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2021;8(3):124-148. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13269> (In Russ.)
23. Chashchin V.P., Askarov R.A., Askarova Z.F., et al. Integrated Assessment of the Effects of Socio-Economic and Ecological Factors on Mortality. *Ehkologiya cheloveka=Human Ecology*. 2020;27(4):4-11. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2020-4-4-11> (In Russ.)
24. Kruchek M.M., Molchanova E.V. Issledovanie Mediko-Demograficheskikh Protseessov v Regionakh Rossii Metodod Regressionnogo Analiza po Panel'nykh Dannym. *Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*. 2013;(18):41-50. (In Russ.)

Information about the authors:

Evgeniya Kh. Tukhtarova – PhD in Economics, Head of the Social and Demographic Modeling Sector, Eastern State Planning Center (SPIN-code: 1352-8626) (ResearcherID: V-6661-2018) (Scopus Author ID: 57201061665)

Elena L. Li – PhD in Economics, Head of the Quality of Life and Demographic Potential Department, Eastern State Planning Center (SPIN-code: 5587-3480)

Declared contribution of the authors:

Evgeniya Kh. Tukhtarova – collection and analysis of statistical data and theoretical works, development of methodology, interpretation of the obtained results, conclusion.

Elena L. Li – introduction, editing, general management.

The authors declare that there is no conflict of interest.

The author responsible for correspondence is Tukhtarova Evgeniya Khasanovna.

The article was submitted 18.03.2026; approved after reviewing 15.07.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Оригинальная статья

УДК 314.48

JEL J19

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_9_482_497

EDN AXFCNW

Потери потенциальных лет жизни от предотвратимой смертности трудоспособного населения Амурской области: внутрирегиональные и половозрастные особенности

Елена Викторовна Полянская

Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания, Благовещенск, Россия
(polanska2011@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6260-8693>)

Аннотация

Цель исследования – выявить половозрастные и внутрирегиональные различия потерянных потенциальных лет жизни (ПГПЖ) от предотвратимых причин смерти у трудоспособного населения Амурской области. Теоретико-методологическую основу составили подходы к оценке предотвратимой смертности и ПГПЖ, используемые в демографических исследованиях. Информационной базой послужили данные о смертности и численности населения Амурской области за 2017–2019 гг. с детализацией по полу, пятилетним возрастным группам 15–64 лет, муниципальным образованиям и основным группам предотвратимых причин смерти. Впервые для данного региона выполнена декомпозиция ПГПЖ по узким пятилетним возрастным группам для населения трудоспособного возраста (15–64 года) с дифференциацией по полу, муниципальному образованию и группам предотвратимых причин смерти. Установлено, что значения ПГПЖ у мужчин и женщин возрастают как по причинам смерти, связанным с мерами первичной профилактики, так и по причинам, зависящим от своевременного выявления заболеваний и качества лечения. Выявлено, что структура возрастного вклада в ПГПЖ характеризуется выраженными гендерными и территориальными различиями. В 2017–2019 гг. ПГПЖ от причин, связанных с мерами первичной профилактики, увеличился на 3,1% у мужчин и на 8,8% у женщин; наиболее выраженный рост отмечен у мужчин в возрасте 25–29 лет и у женщин в возрасте 35–39 лет. Вместе с тем в возрастах 15–29 лет у обоих полов зафиксировано снижение ПГПЖ. Для причин, предотвратимых своевременным выявлением заболеваний и улучшением лечения, рост ПГПЖ был минимальным и составил 1,7% у мужчин и 2,7% у женщин. Наиболее благоприятная ситуация выявлена в Благовещенске и ЗАТО Циолковский, наиболее неблагоприятная – в пгт Прогресс и Завитинском муниципальном округе. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования региональной политики в сфере охраны здоровья трудоспособного населения

Ключевые слова: предотвратимая смертность, потери потенциальных лет жизни, возрастная структура смертности, трудоспособное население, муниципальные образования, Амурская область, человеческий капитал

Для цитирования: Полянская Е.В. Потери потенциальных лет жизни от предотвратимой смертности трудоспособного населения Амурской области: внутрирегиональные и половозрастные особенности // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 482–497. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_9_482_497 EDN AXFCNW

RAR (Research Article Report)

JEL J19

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_9_482_497

Features of Potential Years of Life Lost from Preventable Mortality in Municipalities of the Amur Region

Elena V. Polyanskaya

Far Eastern Scientific Center for Physiology and Pathology of Respiration, Blagoveshensk, Russia
(polanska2011@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6260-8693>)

Abstract

The study aims to identify sex-, age-, and intra-regional differences in potential years of life lost (PYLL) from preventable causes of death among the working-age population of the Amur Region. The theoretical and methodological framework of the study is based on approaches to the assessment of preventable mortality and PYLL used in demographic research. The empirical basis includes mortality and population data for the Amur Region for 2017–2019, disaggregated by sex, five-year age groups of 15–64 years, municipalities, and major groups of preventable causes of death. For the first time in this region, PYLL was decomposed by narrow five-year age groups for the working-age population (15–64 years), with differentiation by sex, municipality, and groups of preventable causes of death. The findings show that PYLL increased in both men and women due to causes of death associated with primary prevention measures, as well as due to causes dependent on timely disease detection and the quality of treatment. The age-specific contribution to PYLL was found to be characterized by pronounced gender and territorial differences. In 2017–2019, PYLL from causes associated with primary prevention increased by 3.1% in men and 8.8% in women; the most pronounced increase was observed among men aged 25–29 years and women aged 35–39 years. At the same time, a decline in PYLL was recorded for both sexes in the 15–29 age group. For causes preventable through timely disease detection and improved treatment, the increase in PYLL was minimal, amounting to 1.7% in men and 2.7% in women. The most favorable situation was identified in Blagoveshchensk and the closed administrative-territorial entity of Tsiolkovsky, while the most unfavorable situation was observed in the urban-type settlement of Progress and the Zavitsinsky Municipal District. The findings may be used as an evidence base for improving regional health policy in the field of protecting the health of the working-age population.

© Полянская Е.В., 2026

Keywords: preventable mortality, potential years of life loss, age structure of mortality, working-age population, municipalities, Amur Region, human capital

For citation: Polyanskaya E.V. Features of Potential Years of Life Lost from Preventable Mortality in Municipalities of the Amur Region. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):482–497. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_9_482_497 (In Russ.)

Введение

Концепция предотвратимой смертности формировалась на протяжении последних пяти десятилетий и к настоящему времени превратилась в один из ключевых аналитических инструментов оценки эффективности системы здравоохранения и определения резервов снижения преждевременной смертности населения. Исторически данный подход восходит к работам американского исследователя Д. Рутштейна и его коллег, которые в 1976 г. впервые предложили систематизированный перечень причин смерти, рассматриваемых в качестве индикаторов качества медицинской помощи [1]. Центральная идея концепции состоит в том, что определённые случаи смерти в трудоспособных возрастах могли бы быть предотвращены при условии своевременного и адекватного функционирования медицинских и профилактических служб.

Проблема предотвратимой смертности населения трудоспособного возраста остаётся одной из ключевых для демографического развития России, особенно в контексте регионов Дальнего Востока, испытывающих устойчивый отток населения и дефицит трудовых ресурсов.

Интегральным показателем демографических потерь от предотвратимой смертности служит показатель потерянных лет потенциальной жизни (ПППЖ), позволяющий учесть не только факт смерти, но и возраст её наступления. В отличие от традиционных показателей смертности, ПППЖ взвешивает каждый случай смерти по числу недожитых лет до условного стандарта и позволяет выделить возрастные когорты и заболевания, где снижение смертности даст наибольший прирост ожидаемой продолжительности жизни и наибольшее сокращение экономических и демографических потерь.

Расчёты потерянных лет потенциальной жизни производились как для отдельных федеральных округов [2], регионов России [3; 4], так и для отдельных классов причин смерти – сердечно-сосудистых заболеваний [5], онкологических заболеваний [6], внешних причин [7] и т.д. Исследования по расчётам значений ПППЖ на муниципальном уровне встречаются крайне редко. В частности, в исследовании Т.П. Сабгайда и соавторов, анализ предотвратимой смертности в муниципальных образованиях Москвы выявил зна-

чительную дифференциацию показателей внутри крупного мегаполиса, что обусловлено различиями в доступности и качестве медицинской помощи, уровне доходов населения, а также распространённости поведенческих факторов риска [8].

Зарубежными исследователями также проводятся исследования потерь потенциальных лет жизни на муниципальном уровне от предотвратимой смертности. Так, в работе D.M. Rahotā и соавторов показано, что в Румынии в 2020 г. межтерриториальные различия стандартизованного показателя ПППЖ от COVID-19 по административно-территориальным единицам достигали 5,6 раза. По мнению авторов, эти различия были связаны с разной доступностью ресурсов здравоохранения, особенностями противоэпидемических мер и демографическими характеристиками отдельных округов [9]. В исследовании [10] была проанализирована зависимость между муниципальной депривацией по уровню образования и медианному доходу и величиной ПППЖ в муниципалитетах Норвегии. Показано, что в муниципалитетах с меньшей депривацией по образованию и доходу значения ПППЖ на 100 000 населения ниже, чем в более депривированных муниципалитетах.

Возрастно-половые и территориальные различия в уровне ПППЖ от предотвратимых причин смертности изучались многими отечественными учёными. Так, например, в статье В.Г. Семенов и соавторов в период с 1989–2007 гг. выявлена тенденция снижения ПППЖ у трудоспособного населения на 17,4% в мужской и 14,7% в женской популяции для всех ведущих причин смерти [11].

В целом по России наблюдается устойчивый тренд снижения смертности от предотвратимых причин. В работе З. Николоски в соавторстве осуществлена оценка вклада отдельных причин смерти в формирование показателя потерянных лет потенциальной жизни мужчин и женщин в России с 2000–2018 гг. Доказан северо-восточный градиент предотвратимой смертности (в Дальневосточном и Сибирском федеральном округе), снижение смертности от рака, сердечно-сосудистых заболеваний и болезней, связанных с употреблением алкоголя, как среди мужчин, так и среди женщин при одновременном росте смертности от осложнений диабета и инфекции, вызванной вирусом иммунодефицита [12].

По данным исследования С.Н. Киселева, масштабы ПППЖ в Амурской области являются одним из самых высоких в Дальневосточном Федеральном округе [2]. Амурская область характеризуется сложными медико-демографическими условиями, связанными с пространственными особенностями проживания населения, низкой транспортной доступностью медицинской помощи в ряде муниципалитетов. В этой связи, анализ ПППЖ от предотвратимой смертности в регионе на уровне муниципальных образований имеет значение для выявления внутрирегионального неравенства в потерях человеческого потенциала. Цель исследования – выявление половозрастных и внутрирегиональных особенностей потерь потенциальных лет жизни от предотвратимых причин смерти в Амурской области. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: определить возрастные группы, вносящие наибольший вклад в ПППЖ у мужчин и женщин; выявить муниципальные образования с наиболее высокими и наиболее низкими значениями ПППЖ; оценить динамику ПППЖ по причинам, предотвратимым мерами первичной профилактики, а также по причинам, предотвратимым своевременным выявлением заболеваний и улучшением лечения. Гипотеза исследования состояла в том, что значения и возрастная структура ПППЖ от предотвратимых причин смерти существенно различаются между муниципальными образованиями Амурской области, а также дифференцированы по полу и возрасту умерших. Объект исследования – ПППЖ от предотвратимых причин смерти у трудоспособного населения муниципальных образований Амурской области. Предмет исследования – территориальная, возрастная и половая структура ПППЖ по укрупненным группам предотвратимых причин смерти.

Теоретические и методологические основы

Согласно концепции предотвратимой смертности, все предотвратимые причины смерти подразделяются на три основные группы [13]. Первая группа – причины, потери от которых могут быть предотвращены мерами первичной профилактики. К таким причинам, относят: травмы и отравления; злокачественные новообразования губы, полости рта и глотки, пищевода, печени и внутрипечёночных желчных протоков, гортани, трахеи, бронхов, легких, других органов дыхания и грудной клетки, мочевого пузыря, других неуточнённых мочевых органов; субарахноидальные кровоизлияния; внутримозговые и другие внутричерепные кровоизлияния; инфаркт мозга; инсульт, не уточнённый как инфаркт или кровоизлияние; другие цереброваскулярные болезни;

алкогольная болезнь печени; фиброз и цирроз печени (кроме алкогольного); другие болезни печени. Эта группа предотвратимых причин смерти детерминирована не только профилактическими усилиями системы здравоохранения, но также и поведением, образом жизни и социально-экономическими факторами. Для этих причин ключевое значение имеют профилактика факторов риска, формирование здорового поведения и контроль алкогольной и табачной политики. Вторая группа причин смертности отражает способность системы здравоохранения обеспечивать раннее выявление заболеваний (злокачественные новообразования шейки матки, других неуточнённых частей матки, молочных желёз, кожи, злокачественная меланома кожи, другие злокачественные новообразования кожи). К третьей группе относятся причины, предотвратимые улучшением лечения и медицинской помощи (болезни органов дыхания, инфекционные болезни, осложнения беременности родов и послеродового периода, гипертоническая болезнь, холецистит, злокачественные новообразования предстательной железы и других мужских половых органов, болезнь Ходжкина, неходжкинская лимфома, лейкемия, гипертоническая болезнь, язва желудка, язва двенадцатиперстной кишки, болезни червеобразного отростка (аппендикса), грыжи, холелитиаз, холецистит).

С 1990 г. ВОЗ, ОЭСР, Всемирным банком, другими международными организациями и регулирующими органами отдельных стран наряду с показателем смертности для оценки потерь здоровья населения используется показатель ПППЖ [14].

Данный индикатор интегрирует две существенные характеристики смертности: число случаев смерти и возраст их наступления, что позволяет акцентировать внимание на потерях в молодых и средних трудоспособных возрастах. В отличие от традиционных коэффициентов смертности, ПППЖ присваивает больший вес смертям в младших возрастах, поскольку каждый такой случай сопряжён с утратой большего числа «потенциально продуктивных» лет жизни. Следует отметить, что исследователи устанавливают разные возрастные границы для расчёта этого показателя, что влияет на сопоставимость результатов. Это обусловлено отсутствием единого стандарта. Случаи смерти в возрастах, превышающих установленный нормативный предел, при расчёте ПППЖ не учитываются. В исследовании А.Е. Ивановой и соавторов использовался нормативный верхний предел 65 лет для расчёта недожитых лет [15]. В работе З. Николоски в соавторстве верхний предел при анализе предотвратимой смертности был установлен на уровне 75 лет [12]. О.С. Кобя-

кова и соавторы в российской методике предотвратимой смертности 2025 года устанавливают 78 лет как верхнюю границу, что соответствует национальным целям развития Российской Федерации [16]. Согласно отчёту «Глобальное бремя болезней» в качестве точки отсчёта для ППЖ принят показатель 86 лет – это ожидаемая продолжительность жизни женщин в Японии, что соответствует самой высокой национальной продолжительности жизни, наблюдавшейся в мире на 2010 г. [17]. Оценка ППЖ, обусловленных предотвратимой смертностью от разных классов причин смерти, осуществлялась в ряде отечественных и зарубежных исследований. Так, например, в статье Mühlichen и соавторов проанализирована динамика предотвратимой смертности на материалах германоязычных регионов Центральной Европы (Австрия, Германия, Швейцария, Южный Тироль), продемонстрированы выраженные пространственные градиенты в уровнях профилируемой смертности и смертности, поддающейся лечению, с преимуществом юго-западных территорий [18]. В исследовании М.Е. Kruk в соавторстве на примере 137 стран проанализирован уровень предотвратимой смертности, определяемый качеством медицинской помощи. Сделан вывод о том, что 8,6 миллионов смертей в год связано с низким качеством медицинского обслуживания [19].

Исследование основано на официальных данных о смертности населения Амурской области за 2017–2019 гг., полученных из территориального органа Росстата по Амурской области и формы № 51 «Сведения о распределении умерших по полу, возрастным группам и причинам смерти на административных территориях». Для повышения статистической устойчивости показателей при малой численности населения отдельных территорий использовалось усреднение данных за трёхлетний период (2017–2019 гг.). В качестве базового периода исследования выбраны 2017–2019 гг., поскольку данный временной интервал предшествует началу пандемии COVID-19 и не учитывает изменение уровня и структуры смертности населения вследствие COVID-19.

На основе данных о причинах смерти за 2017–2019 гг. проведена оценка вклада причин смерти в зависимости от способа её возможного предотвращения: мерами первичной профилактики (1 группа), предотвратимых своевременным выявлением заболевания (2 группа), предотвратимых улучшением лечения и медицинской помощи (3 группа). Разделение причин смерти на 3 группы проведено с помощью методики, используемой в работе А.Е. Ивановой, В.Г. Семенов, Е.П. Сабгайда [15]. В настоящем исследовании

2 и 3 группа предотвратимых причин смерти была объединена, что связано с малой численностью случаев от некоторых причин смерти и, соответственно, нестабильностью коэффициента ППЖ в расчёте на 100 000 населения. Кроме того, многие исследователи отмечают именно суммарные показатели смертности от причин, зависящих от диагностики и лечения (т.е. объединённые группы 2 и 3), наиболее наглядно отражают эффективность медицинской помощи [5; 6; 7]. Коэффициент ППЖ рассчитывался путём поэтапного агрегирования значений для возрастных групп 15–64 лет по предотвратимым причинам смерти. Расчёт коэффициента ППЖ на 100 000 населения производился на основе Методических рекомендаций по использованию показателя «Потерянные годы потенциальной жизни» (ППЖ) для обоснования приоритетных проблем здоровья населения России на федеральном, региональном и муниципальном уровнях¹. Для каждой территории рассчитана структура ППЖ по возрастным группам – доля (в процентах) вклада каждой пятилетней группы в суммарные ППЖ. Период дожития рассчитывался до возраста, равного 65 годам.

Недожитые годы для каждого возрастного интервала рассчитываются по формуле:

$$A_i = T - x_i \quad (1)$$

где A_i – число недожитых лет в возрастном интервале i ; T – нормативный верхний возрастной предел; x_i – значение середины соответствующего возрастного интервала.

Сводный показатель ППЖ (PYLL) вычисляется как сумма произведений числа умерших в каждом возрастном интервале на соответствующее количество недожитых лет:

$$PYLL = \sum_i D_i * A_i \quad (2)$$

где PYLL – потерянные годы потенциальной жизни (Potential Years of Life Lost)

D_i – число умерших в возрастном интервале i ; A_i – число лет недожития в возрастном интервале i .

Коэффициент ППЖ на 100 000 населения рассчитывался по формуле:

$$RATE_{pyll} = PYLL / P_u \times 100\,000 \quad (3)$$

где $RATE_{pyll}$ – коэффициент ППЖ на 100 000 населения

$PYLL$ – потерянные годы потенциальной жизни
 P_u – численность населения в возрастной группе u .

Стандартизованные коэффициенты ППЖ рассчитывались прямым методом; в качестве

¹ Методические рекомендации по использованию показателя «Потерянные годы потенциальной жизни» (ППЖ) для обоснования приоритетных проблем здоровья населения России на федеральном, региональном и муниципальном уровнях / И.А. Красильников, А.Е. Иванова, В.Г. Семенова. М.: ЦНИИОИЗ Минздрава России, 2014. 32 с. URL: https://mednet.ru/images/stories/files/materialy_konferencii_i_seminarov/2010/kadry2014/sessiya/metod.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

стандарта использовалась возрастная структура среднегодового населения Амурской области за 2017–2019 гг. К числу основных ограничений исследования следует отнести агрегированный характер анализа ПППЖ по укрупнённым группам предотвратимых причин смерти без отдельной оценки ведущих нозологических классов внутри каждой группы. Кроме того, объединение второй и третьей групп предотвратимых причин смерти, обусловленное малой численностью случаев по отдельным причинам, снижает аналитическую детализацию полученных результатов. Наконец, усреднение данных за три года по пятилетним возрастным группам и муниципальным образованиям не устраняет полностью статистическую неустойчивость показателей в территориях с малой численностью населения.

Результаты исследования

Как и в целом для России, так и для Амурской области установлено, что доля мужских смертей существенно превышает женские в рамках смертности, обусловленной мерами первичной профилактики (1 группа), однако темп роста показателя в женской популяции был выше. За период с 2017–2019 гг. в регионе отмечается рост ПППЖ от профилактируемых причин смертности на 3,1% для мужчин и 8,8% для женщин.

В мужской популяции нарастание интенсивности потерь ПППЖ отмечается в более ранних возрастах с 25–29 лет, тогда как у женщин значения ПППЖ нарастают, начиная с 35–39 лет. Позитивной тенденцией выступает сокращение ПППЖ как в мужской, так и в женской популяциях в ранних трудоспособных возрастах 15–29 лет (на 27% у мужчин и 26,9% у женщин), а также в диапазоне 35–39 лет (на 5,2% у мужчин и 22,2% у женщин). В остальных возрастных группах отмечается рост ПППЖ как для мужчин, так и для женщин.

Анализ возрастной структуры ПППЖ от причин смерти, предотвратимых мерами первичной профилактики, для обоих полов показывает выраженную концентрацию потерь в средних возрастах трудоспособного периода (35–49 лет) – 35% в женской и 30% в мужской популяции. Пик вклада и у мужчин, и у женщин приходится на возраст 40–44 года – в среднем 16 % от всех ПППЖ у мужчин и 17,6% у женщин. Молодые трудоспособные возраста в мужской и женской популяции (15–19 лет) вносят относительно небольшой вклад (4,9% и 2,7% соответственно), несмотря на высокие значения ПППЖ на один случай смерти. Для возрастов 55–64 лет также характерен незначительный вклад и у мужчин, и у женщин (в среднем 13,2% и 12,5% соответственно), что объясняется уменьшением «веса» каждого случая смерти в данных возрастах (таблица 1).

Таблица 1

Вклад возрастных групп в ПППЖ от причин смерти, потери от которых могут быть предотвращены мерами первичной профилактики (первая группа) в Амурской области в 2017–2019 гг. (в человеко-годах)

Table 1

Contribution of Age Groups to the Potential Years of Life Lost (PYLL) From Causes of Death, Losses From Which Can be Avoided by Primary Prevention Measures (First Group) in Amur Region in 2017–2019 (in Person-Years)

Возрастные группы	2017		2018		2019		Средние значения	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
15–19	45,2	5,0	36,8	8,4	40,1	10,0	40,7	7,8
20–24	45,0	10,5	49,5	18,0	39,0	9,0	44,5	12,5
25–29	90,3	30,5	91,6	29,2	62,4	17,3	81,4	25,7
30–34	102,8	28,9	116,7	39,3	104,0	35,8	107,8	34,7
35–39	119,9	54,1	124,8	53,1	114,0	44,2	119,6	50,4
40–44	113,4	35,7	141,8	60,8	141,8	58,3	132,4	51,6
45–49	105,9	33,8	109,1	50,4	118,0	40,8	111,0	41,7
50–54	77,3	31,2	88,4	27,0	76,8	34,0	80,8	30,7
55–59	68,0	23,4	68,6	20,8	84,7	27,3	73,8	23,8
60–64	33,8	12,8	33,9	11,1	37,9	13,9	35,2	12,6
ПППЖ	801,6	265,9	861,2	318,0	818,7	290,6	827,2	291,5

Источник: составлено автором по результатам расчётов Амурстата.²

² Здесь и далее: Таблица С51 «Распределение умерших по полу, возрастным группам и причинам смерти» по Амурской области за 2017, 2018 и 2019 гг. Источник: данные, предоставленные Амурстатом по запросу.

Для региона характерен незначительный рост ПППЖ от причин смерти, потери от которых связаны с организацией медицинской помощи – на 1,7 % у мужчин, на 2,7% у женщин. Такие тенденции связаны с ростом потерь в возрастных группах 30–34 года, 40–44 года, 60–64 года. Также для женщин в возрастных группах 20–24 года и для мужчин в возрасте 50–54 года отмечается рост ПППЖ на 1,5 человеко-лет и 6,1 человеко-лет соответственно. В то же время следует отметить позитивные тренды в значении ПППЖ, связанные

с заметным сокращением смертности в младших трудоспособных возрастах 15–29 лет, как для мужчин, так и для женщин – на 48,4% и 74,2% соответственно (таблица 2).

Потери, обусловленные медицинским компонентом, демонстрируют такое же распределение вклада возрастных групп, как потери, связанные со смертностью, предотвратимой мерами первичной профилактики. Максимальный вклад приходится на возраст 40–44 года – 11,1% всех ПППЖ у мужчин и 7,85 % у женщин.

Таблица 2

Вклад возрастных групп в ПППЖ от причин смерти, потери от которых могут быть предотвращены своевременным лечением и выявлением заболеваний (вторая+ третья группы) в Амурской области в 2017–2019 гг. (человеко-лет)

Table 2

Contribution of Age Groups to the Potential Years of Life Lost From Causes of Death, Losses from Which Can be Avoided by Timely Treatment and Detection of Diseases (Second + Third Groups) in Amur Region in 2017–2019 (in Person-Years)

Возрастные группы	2017		2018		2019		Средние значения	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
15–19	5,0	5,0	0,0	1,7	3,3	0,0	2,8	2,2
20–24	6,0	1,5	1,5	4,5	1,5	3,0	3,0	3,0
25–29	11,9	8,0	17,2	11,9	10,6	5,3	13,3	8,4
30–34	19,6	8,1	20,7	17,3	26,6	21,9	22,3	15,8
35–39	33,4	14,7	28,5	26,5	28,5	19,7	30,1	20,3
40–44	28,4	16,2	34,8	34,8	34,0	19,4	32,4	23,5
45–49	26,2	17,2	26,7	15,3	24,9	15,9	25,9	16,2
50–54	14,9	18,2	20,0	11,6	20,9	9,8	18,6	13,2
55–59	19,6	16,7	19,6	11,1	16,1	12,9	18,5	13,6
60–64	7,2	7,4	10,4	7,0	8,7	8,1	8,8	7,5
ПППЖ	172,3	113,0	179,7	141,9	175,1	116,1	175,7	123,6

Источник: составлено автором по результатам расчётов Амурстата.

Анализ среднего значения стандартизированных коэффициентов ПППЖ от предотвратимых причин смерти в разрезе муниципальных образований Амурской области за период 2017–2019 гг. выявил критический уровень территориального неравенства в масштабах потерянных лет потен-

циальной жизни (таблица 3). В среднем, дифференциация в значении данного показателя достигает 5 раз, как для мужского, так и для женского населения. Особенно выражен гендерный разрыв в 1-й группе причин, где потери мужчин превышают женские в 2,31 раза.

Таблица 3

Средние значения стандартизированного коэффициента ПППЖ за 2017–2019 гг. от предотвратимых причин смерти в муниципальных образованиях Амурской области в расчёте на 100 000 населения

Table 3

Average Values of Standardized Potential Years of Life Lost for 2017–2019 From Preventable Causes of Death in Municipalities in Amur Region per 100,000 Population

Наименование муниципального образования	Причины, потери от которых могут быть предотвращены мерами первичной профилактики (1-я группа)				Причины, потери от которых могут быть предотвращены своевременным выявлением заболеваний и улучшением лечения (2+3 группа)			
	женщины		мужчины		женщины		мужчины	
	ПППЖ	Ранг	ПППЖ	Ранг	ПППЖ	Ранг	ПППЖ	Ранг
Архаринский	5719,07	11	17061,86	4	2657,33	9	1936,91	22
Белогорский	4502,59	20	7675,85	26	2303,30	16	2809,96	11

Наименование муниципального образования	Причины, потери от которых могут быть предотвращены мерами первичной профилактики (1-я группа)				Причины, потери от которых могут быть предотвращены своевременным выявлением заболеваний и улучшением лечения (2+3 группа)			
	женщины		мужчины		женщины		мужчины	
	ПГПЖ	Ранг	ПГПЖ	Ранг	ПГПЖ	Ранг	ПГПЖ	Ранг
Благовещенский	2888,61	27	7998,18	24	4960,62	1	2092,56	20
Бурейский	5394,15	14	18590,45	2	2747,82	8	4529,03	2
Завитинский	7891,02	3	14543,99	8	3294,60	3	3126,30	8
Зейский	4724,42	19	9941,32	19	2485,16	12	2097,92	18
Ивановский	4795,46	17	8183,75	23	2593,71	10	1956,50	21
Константиновский	4994,72	16	13875,53	11	2230,62	18	3207,94	6
Магдагачинский	7001,75	5	15092,98	7	2431,45	13	2885,62	10
Мазановский	6102,55	9	13149,36	14	1429,10	23	2323,01	17
Михайловский	3853,44	23	10842,2	18	3011,77	6	2665,95	14
Октябрьский	3839,44	24	7943,32	25	2126,71	19	1363,52	26
Ромненский	5815,56	10	15752,04	6	2525,56	11	3668,17	3
Свободненский	6551,26	7	14245,96	10	3051,72	5	2712,84	12
Селемджинский	3606,75	26	9120,07	21	1134,41	26	2459,02	15
Серышевский	5603,83	12	13060,25	15	2754,42	7	3223,24	5
Сковородинский	7980,66	2	14524,35	9	2250,98	17	1726,07	23
Тамбовский	3832,67	25	13393,70	13	2307,61	15	3109,01	9
Тындинский	6712,79	6	6875,29	27	1383,76	24	1297,87	27
Шимановский	8558,71	1	20054,23	1	1934,32	21	3262,41	4
г. Благовещенск	1799,05	28	5769,39	28	904,85	27	1589,83	25
г. Белогорск	4068,66	22	9230,26	20	1430,34	22	2096,73	19
г. Зeya	6482,00	8	11775,13	16	3086,23	4	2706,80	13
г. Райчихинск	5119,40	15	16488,46	5	2393,74	14	3174,74	7
г. Свободный	4757,01	18	13712,73	12	2094,85	20	2394,51	16
г. Тyнда	4350,64	21	8888,68	22	883,07	28	1084,63	28
г. Шимановск	5566,40	13	11682,57	17	1254,02	25	1675,57	24
ЗАТО Циолковский	1534,13	29	4225,11	29	843,89	29	264,10	29
пгт Прогресс	7837,37	4	17202,02	3	4163,26	2	4727,72	1

Источник: составлено автором по результатам расчётов Амурската.

По результатам проведённого анализа выделены территории, демонстрирующие повышенный и пониженный уровни в значениях показателя ПГПЖ.

Минимальные ПГПЖ от причин смерти, предотвратимых мерами первичной профилактики, и у мужчин, и у женщин отмечаются в ЗАТО Циолковском, г. Благовещенске. Эти территории формируют «нижний предел» потерь от причин, предотвратимых первичной профилактикой, и могут рассматриваться как ориентир для других муниципальных образований. Наибольшие значения ПГПЖ от предотвратимых причин смерти первой группы для мужчин и женщин фиксируются в Шимановском муниципальном округе (8558,71 и 20054,23 человеко-лет на 100000 насе-

ления соответственно). Также, в женской популяции высоки значения ПГПЖ в Сковородинском муниципальном округе (7980,66 человеко-лет на 100 000 населения), Завитинском муниципальном округе (7891,02 человеко-лет на 100 000 населения). Для мужчин высокие ПГПЖ от причин 1-й группы характерны в Бурейском муниципальном округе – (18590,45 на 100 000 населения), пгт. Прогресс (17202,02 на 100 000 населения).

Самые низкие значения ПГПЖ, обусловленные своевременным оказанием медицинской помощи, в мужской и женской популяции отмечаются в ЗАТО Циолковском (264,1 человеко-лет на 100 000 и 843,89 человеко-лет на 100 000 населения соответственно), который является закрытым административно-территориальным образова-

нием с развитой инфраструктурой космодрома «Восточный», высокой обеспеченностью медицинскими услугами, в том числе Медико-санитарной частью космодрома «Восточный» ФГБУЗ ДВОМЦ ФМБА России. Низкие значения ПГПЖ характерны для г. Тынды (883,07 человеко-лет на 100 000 населения для женщин и 1084,63 человеко-лет на 100 000 для мужчин). Максимальные потери от причин 2 и 3 группы для мужчин характерны для пгт. Прогресс (4 728 человеко-лет на 100 000 населения), Бурейского и Ромненского муниципальных округов (4529 человеко-лет и

3668 человеко-лет на 100 000 населения соответственно). Максимальные потери для женщин – в пгт. Прогресс (4 163 человеко-лет на 100 000), Завитинском муниципальном округе (3 295 человеко-лет на 100 000), а также Благовещенском муниципальном округе (4960,62 человеко-лет на 100 000).

Сравнительный анализ вклада возрастных групп в ПГПЖ от предотвратимой смертности в Амурской области выявил различия в возрастном профиле ПГПЖ в зависимости от пола и места проживания (таблицы 4 и 5).

Таблица 4

Средние значения вклада возрастных групп в значения ПГПЖ из-за преждевременной смертности от причин, потери от которых предотвратимы мерами первичной профилактики в Амурской области в 2017–2019 гг. (в %)

Table 4

Average Values of Contribution of Age Groups to the Values of the Potential Years of Life Lost from Avoidable Mortality From Causes whose Losses are Preventable by Primary Prevention Measures in Amur Region in 2017–2019 years (in %)

Наименование муниципального образования	Пол	Возрастные группы (лет)									
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64
Архаринский муниципальный округ	женщины	-	7,7	6,8	11,8	15,1	12,5	16,4	14,3	13,5	1,9
	мужчины	2,7	3,6	10,1	13,8	7,6	20,7	13,5	11,0	10,5	6,6
Белогорский муниципальный округ	женщины	-	7,8	13,8	12,0	10,2	21,1	16,6	9,7	3,1	5,7
	мужчины	4,7	8,8	17,5	8,4	10,5	18,9	11,3	6,1	9,6	4,0
Благовещенский муниципальный округ	женщины	-	13,6	12,0	10,4	31,1	11,0	5,8	8,4	4,0	3,8
	мужчины	6,7	9,4	3,7	19,0	11,7	16,1	11,3	13,3	4,9	4,0
Бурейский муниципальный округ	женщины	12,0	-	4,8	8,3	24,6	23,2	6,8	8,3	9,4	2,6
	мужчины	1,6	2,7	12,5	8,0	20,2	20,4	9,3	12,5	9,2	3,7
Завитинский муниципальный округ	женщины	6,1	5,5	9,7	21,1	14,3	17,7	4,7	13,6	4,3	3,1
	мужчины	5,4	6,2	6,6	10,5	15,8	20,3	14,5	10,6	5,2	4,9
Зейский муниципальный округ	женщины	10,1	9,1	-	-	11,9	29,4	7,7	19,7	7,1	5,1
	мужчины	2,3	-	14,1	12,2	12,3	10,1	7,4	10,6	18,5	12,5
Ивановский муниципальный округ	женщины	-	5,8	15,3	22,3	15,1	6,2	9,8	7,2	13,6	4,7
	мужчины	3,0	13,5	7,7	14,1	9,9	16,5	11,5	9,7	8,7	5,5
Константиновский муниципальный округ	женщины	-	-	9,0	15,7	13,4	16,5	17,4	15,8	8,0	4,1
	мужчины	2,7	14,4	20,4	8,7	8,2	8,2	10,7	9,9	10,7	6,1
Магдагачинский муниципальный округ	женщины	-	8,6	7,6	6,6	22,5	27,8	9,1	9,3	5,9	2,8
	мужчины	-	5,6	9,2	13,5	16,1	19,0	13,3	8,9	9,6	4,9
Мазановский муниципальный округ	женщины	-	-	19,3	-	9,5	15,7	27,8	4,5	15,6	7,6
	мужчины	9,6	2,5	18,0	21,0	8,4	2,5	14,0	10,3	9,5	4,2
Михайловский муниципальный округ	женщины	-	11,5	10,2	17,7	7,5	-	24,5	10,7	11,3	6,5
	мужчины	11,1	11,0	2,8	8,6	11,4	9,7	18,3	10,3	10,2	6,6
Октябрьский муниципальный округ	женщины	-	-	8,3	-	24,5	10,1	27,8	8,7	14,6	6,0
	мужчины	9,3	11,4	9,9	6,6	9,3	12,2	17,0	9,7	11,1	3,6
Ромненский муниципальный округ	женщины	17,1	-	13,6	-	20,1	8,3	26,1	-	6,0	8,7
	мужчины	5,1	-	10,7	15,4	13,3	22,2	12,4	4,0	11,6	5,4
Свободненский муниципальный район	женщины	7,9	-	-	10,9	37,1	11,5	15,1	8,8	4,2	4,6
	мужчины	5,5	4,4	10,7	13,1	22,5	17,5	10,3	4,8	7,7	3,4

Наименование муниципального образования	Пол	Возрастные группы (лет)									
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64
Селемджинский муниципальный район	женщины	-	16,1	-	12,4	31,7	17,4	-	10,0	3,2	9,1
	мужчины	10,4	4,2	-	19,1	21,7	6,3	8,1	17,3	9,0	3,8
Серышевский муниципальный округ	женщины	-	-	-	14,1	12,0	24,8	13,7	19,9	9,9	5,5
	мужчины	11,8	3,7	9,4	9,5	19,8	16,8	12,0	8,1	6,0	2,8
Сковородинский муниципальный округ	женщины	3,1	5,5	14,6	19,0	14,4	19,3	8,2	7,7	4,3	4,2
	мужчины	5,6	9,7	16,0	15,0	9,7	14,5	12,2	9,6	5,5	2,4
Тамбовский муниципальный округ	женщины	-	-	19,6	11,4	9,7	12,0	18,8	16,0	7,2	5,3
	мужчины	6,1	6,7	9,4	14,0	14,3	19,7	10,4	7,1	7,1	5,2
Тындинский муниципальный округ	женщины	-	6,5	17,3	-	25,5	21,1	5,5	14,1	6,3	3,7
	мужчины	-	7,2	8,1	15,8	20,8	6,9	10,9	6,9	15,2	8,2
Шимановский муниципальный округ	женщины	-	15,0	13,3	-	19,7	16,2	12,8	9,3	8,8	4,8
	мужчины	6,2	5,5	13,0	7,8	27,0	14,0	13,6	3,1	6,5	3,3
г. Благовещенск	женщины	-	2,2	9,9	15,4	16,8	16,9	15,6	9,7	9,6	3,9
	мужчины	4,0	3,4	7,1	12,2	13,5	17,2	16,6	11,9	9,3	4,8
г. Белогорск	женщины	4,5	8,1	5,4	10,9	18,6	17,5	14,6	9,4	7,1	3,9
	мужчины	7,9	3,0	9,2	16,3	14,8	12,7	13,9	8,6	9,7	4,0
г. Зея	женщины	8,4	3,7	6,6	11,5	27,0	14,2	14,3	7,0	3,7	3,6
	мужчины	5,8	6,1	8,5	11,4	18,8	12,6	7,0	12,7	13,0	4,1
г. Райчихинск	женщины	6,2	-	9,9	4,3	7,3	24,1	26,0	10,4	6,5	5,4
	мужчины	1,5	3,3	7,8	15,1	15,9	15,6	20,1	8,4	8,0	4,3
г. Свободный	женщины	-	4,4	11,7	6,8	14,4	20,2	15,9	11,6	10,8	4,1
	мужчины	2,4	6,0	12,5	13,1	14,0	17,0	14,0	10,9	7,8	2,3
г. Тында	женщины	-	-	6,7	26,4	15,0	14,4	12,9	11,8	8,2	4,6
	мужчины	5,3	1,5	5,6	10,9	21,8	13,8	13,6	8,7	12,7	6,0
г. Шимановск	женщины	6,1	-	-	12,7	18,0	20,7	18,7	6,8	11,8	5,3
	мужчины	6,2	5,5	13	7,8	27,0	14,0	13,6	3,1	6,5	3,3
ЗАТО Циолковский	женщины	-	-	-	-	-	29,0	22,8	33,3	10,5	4,3
	мужчины	-	7,9	7,0	26,5	-	47,7	-	-	8,8	2,1
Пгт. Прогресс	женщины	7,6	6,8	-	10,5	9,0	22,2	17,5	14,9	9,4	2,2
	мужчины	5,6	5,0	2,3	13,0	12,8	19,8	15,3	12,5	9,6	4,1

Источник: составлено автором по результатам расчётов Амурстата.

В значительной части муниципалитетов вклад возрастов 15–19 лет и 20–24 года у женщин либо равен 0, либо не превышает 5–8% при анализе ПППЖ от предотвратимой смертности, тогда как у мужчин часто фиксируются значения вклада в раннем трудоспособном возрасте в диапазоне 4–13%. Это указывает на то, что профилактика травматизма и рискованного поведения в молодёжной среде критичнее для мужского населения. Территориями-лидерами по вкладу раннего трудоспособного возраста 15–24 года в ПППЖ у мужчин, где суммарная доля превышает 10–17%, являются северные муниципальные округа Амурской области (Сковородинский (15,3%), Селем-

джинский (14,6%), а также Константиновский (17,1%) и Ивановский муниципальные округа (16,5%). Наибольший суммарный вклад возрастов 15–24 года в структуру ПППЖ у женщин отмечается в Ромненском (17,1%), Селемджинском (16,1%) и Шимановском (15,0%) районах. Эти территории требуют приоритетных мер первичной профилактики среди молодых мужчин и женщин – прежде всего профилактики травматизма, ДТП и девиантного поведения.

В ряде муниципальных образований отмечается существенный вклад возрастной группы 25–29 лет в ПППЖ, что означает потерю 38,5 лет потенциальной жизни при условии дожития до

65 лет. Это значительно снижает среднюю ожидаемую продолжительность жизни и уровень человеческого капитала для этих территорий. В частности, для мужской популяции это характерно для Белогорского (17,5%) Константиновского (20,4%) и Зейского округов (14,1%). В женской популяции тревожным является высокая доля данного возрастного диапазона для женщин в Мазановском (19,3%), Тамбовском (19,6%) и Тындинском (17,3%) округах. В остальных территориях вклад возрастной группы 25–29 у мужчин выше, чем у женщин.

Вклад возрастной группы 30–34 года в ПГПЖ от смертности, предотвратимой мерами первичной профилактики, в Амурской области характеризуется значительной вариабельностью по территориям и полу, с пиковыми значениями до 26–27% в отдельных муниципалитетах. Наибольший вклад в этой группе у женщин демонстрируют преимущественно городские и прилегающие сельские районы – г. Тында (26,4%), Константиновский муниципальный округ (15,7%), город Благовещенск (15,4%), Серышевский муниципальный округ (14,1%), город Шимановск (12,7%). У мужчин максимальные значения приходятся на ЗАТО Циолковский (26,5%), Селемджинский муниципальный район (19,1%), город Белогорск (16,3%), Тамбовский муниципальный округ (14%) и Ромненский муниципальный округ (15,4%).

Возрастные группы 35–39, 40–44 и 45–49 лет для большинства муниципалитетов дают макси-

мальную долю ПГПЖ как среди мужчин, так и среди женщин. При этом, интересной является тенденция более значительного веса возрастной группы 35–39 лет у женщин, чем у мужчин, для 19 муниципальных образований региона. У женщин в ряде территорий вклад 35–39 лет достигает свыше 30% – в Свободненском (37,1%), Селемджинском (31,7%), Благовещенском округах (31,1%).

В большинстве муниципалитетов вклад возрастов 50–54, 55–59 и 60–64 лет у женщин и мужчин сохраняется значимым, но уже уступает вкладу 35–49 лет. Среди муниципалитетов заметное преобладание вклада возрастной группы 50–64 лет у женщин наблюдается в ЗАТО Циолковский (48,1%), Серышевском (35,3%) и Зейском муниципальных округах (31,9%). Эти территории характеризуются более «поздним» пиком ПГПЖ, что благоприятно для значения ожидаемой продолжительности жизни, поскольку снижает потери в наиболее продуктивных возрастах. У мужчин смещение выражено слабее из-за общего высокого вклада возрастов 35–49 лет, но относительно заметно в Селемджинском (30,1%), Архаринском (28,1%), Тындинском округах (30,3%).

Анализ возрастного профиля ПГПЖ от смертности, связанной с медицинской помощью, подтвердил тот факт, что основная масса смертей сосредоточена в средних трудоспособных возрастах 30–49 лет с максимумами, как правило, в интервале 35–49 лет (таблица 5).

Таблица 5

Средние значения вклада возрастных групп в значения ПГПЖ из-за преждевременной смертности от причин, потери от которых предотвратимы своевременным выявлением заболевания и улучшением лечения в Амурской области в 2017–2019 гг. (в %)

Table 5

Average Values of Contribution of Age Groups to the PYLL From Avoidable Mortality From Causes Preventable Through Timely Detection and Improved Treatment in Amur Region in 2017–2019 years (in %)

Наименование муниципального образования	Пол	Возрастные группы (лет)									
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64
Архаринский муниципальный округ	женщины	-	-	-	25,6	10,9	9,0	14,1	10,3	19,5	10,7
	мужчины	-	-	-	14,3	-	-	47,8	4,7	14,3	18,9
Белогорский муниципальный округ	женщины	-	-	-	22,5	19,1	15,8	12,4	13,6	14,3	2,3
	мужчины	-	-	-	11,1	13,7	15,5	31,9	14,7	6,9	6,3
Благовещенский муниципальный округ	женщины	-	-	-	23,5	10,0	16,5	13,0	18,9	11,9	6,1
	мужчины	-	7,0	6,4	24,2	-	22,9	3,1	17,3	12,3	6,8
Бурейский муниципальный округ	женщины	-	10,5	9,3	8,1	27,5	11,3	4,5	3,3	16,4	9,3
	мужчины	-	-	4,5	17,0	24,1	25,3	9,7	7,8	9,4	2,1
Завитинский муниципальный округ	женщины	14,5	-	11,5	-	-	35,1	16,6	4,0	15,2	3,1
	мужчины	-	-	20,4	9,6	8,5	7,0	10,2	27,3	11,9	5,1

Продолжение Таблицы 5

Наименование муниципального образования	Пол	Возрастные группы (лет)									
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64
Зейский муниципальный округ	женщины	19,0	-	-	13,1	33,5	9,2	7,2	5,3	10,0	2,7
	мужчины	10,7	-	-	18,8	27,3	-	8,2	7,0	11,0	17,0
Ивановский муниципальный округ	женщины	-	10,6	18,8	8,2	20,9	17,2	-	9,9	8,3	6,0
	мужчины	20,9	-	7,2	5,8	10,3	21,3	3,2	7,0	17,1	7,3
Константиновский муниципальный округ	женщины	-	-	-	-	-	36,6	19,2	21,0	17,7	5,5
	мужчины	-	-	11,6	13,0	15,7	13,5	17,8	17,1	8,9	2,4
Магдагачинский муниципальный округ	женщины	-	-	11,0	19,2	24,5	13,5	-	15,5	12,2	4,0
	мужчины	-	-	5,8	-	45,2	7,1	20,2	9,0	8,1	4,5
Мазановский муниципальный округ	женщины	-	-	-	-	20,3	33,4	13,1	19,2	6,4	7,4
	мужчины	-	-	-	-	11,0	55,6	6,8	14,8	9,7	2,1
Михайловский муниципальный округ	женщины	-	-	13,1	11,4	29,2	16,0	-	18,4	5,8	6,1
	мужчины	7,4	-	5,9	27,9	-	7,2	2,8	15,5	19,4	13,9
Октябрьский муниципальный округ	женщины	-	-	30,0	26,1	11,1	9,1	7,2	5,3	9,8	1,4
	мужчины	-	-	12,7	11,1	7,3	6,0	9,5	7,9	33,3	12,2
Ромненский муниципальный округ	женщины	-	-	-	-	45,6	18,8	14,8	-	6,8	14,0
	мужчины	-	-	10,3	14,0	7,6	-	25,1	26,0	10,6	6,3
Свободненский муниципальный район	женщины	-	15,3	13,6	11,8	-	41,4	13,1	4,8	-	-
	мужчины	7,9	-	9,1	-	11,3	7,6	10,4	12,9	6,0	34,7
Селемджинский муниципальный район	женщины	-	-	-	-	-	54,7	21,5	15,7	-	8,1
	мужчины	-	-	-	19,4	8,5	26,6	11,1	11,9	12,4	10,2
Серышевский муниципальный округ	женщины	10,4	-	8,3	-	18,4	10,1	15,9	14,5	16,4	6,0
	мужчины	-	4,4	3,9	14,7	11,9	17,8	15,8	15,3	12,0	4,2
Сковородинский муниципальный округ	женщины	-	-	8,6	29,8	19,0	10,5	8,2	9,0	9,5	5,5
	мужчины	-	-	7,9	23,5	28,1	14,6	3,8	9,5	9,5	3,2
Тамбовский муниципальный округ	женщины	-	-	-	18,7	39,7	6,6	10,3	11,3	9,5	3,9
	мужчины	-	-	15,7	3,6	17,1	9,1	28,2	6,7	13,7	5,9
Тындинский муниципальный округ	женщины	-	-	28,2	-	-	17,2	40,7	-	6,2	7,7
	мужчины	-	-	-	-	7,5	38,1	4,9	3,6	20,5	25,5
Шимановский муниципальный округ	женщины	-	-	-	-	44,5	-	28,9	21,1	-	5,5
	мужчины	-	-	-	13,9	14,8	31,7	-	-	37,8	1,8
г. Благовещенск	женщины	2,5	4,4	3,9	11,9	17,4	19,1	12,2	9,6	10,8	8,0
	мужчины	1,2	2,9	7,1	10,5	19,0	22,3	13,7	10,7	7,8	4,9
г. Белогорск	женщины	-	5,8	10,2	8,9	15,1	9,3	17,1	8,9	16,9	7,9
	мужчины	-	-	8,0	17,2	20,3	14,4	19,8	8,1	8,7	3,5
г. Зея	женщины	-	-	13,9	12,1	10,3	17,0	23,5	9,8	10,8	2,5
	мужчины	-	5,8	11,6	38,1	3,8	-	16,1	10,2	10,6	3,8
г. Райчихинск	женщины	-	-	-	-	15,6	32,2	20,3	14,8	9,3	7,7
	мужчины	-	8,3	6,9	6,0	10,5	25,4	16,7	6,2	14,0	6,1
г. Свободный	женщины	-	-	4,4	15,4	6,6	32,5	14,9	12,4	9,8	4,0
	мужчины	-	-	3	12,3	14,6	24,7	15,7	9,3	16,9	3,5

Окончание Таблицы 5

Наименование муниципального образования	Пол	Возрастные группы (лет)									
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64
г. Тында	женщины	-	-	-	14,5	12,3	20,3	24	5,8	11	12,1
	мужчины	-	-	10,6	-	34,2	22,6	9,5	3,2	10,2	9,7
г. Шимановск	женщины	-	-	-	18,8	31,9	26,3	-	7,6	9,5	5,9
	мужчины	-	-	10,4	-	16,1	6,9	5,0	15,6	24,5	21,4
ЗАТО Циолковский	женщины	-	-	-	-	-	-	84,1	-	-	15,9
	мужчины	-	-	-	-	-	-	100,0	-	-	-
пгт Прогресс	женщины	-	-	-	29,7	8,4	20,8	10,9	19,9	5,0	5,2
	мужчины	-	-	-	24,4	17,9	21,2	13,5	6,1	12,4	4,5

Источник: составлено автором по результатам расчётов Амурстата.

При этом в некоторых муниципальных образованиях вклад в ПГПЖ заметно смещён в более молодые или, наоборот, более старшие трудоспособные группы, что отличает их от общего тренда. Например, в ЗАТО Циолковском 84,1% женского вклада и 100% мужского сосредоточены в одной возрастной группе 45–49 лет, что уникально для области. В ряде территорий вклад мужчин смещён в более старшие трудоспособные возрастные группы: в Свободненском районе максимальный вклад у мужчин приходится на 60–64 года (34,7%), в Селемджинском районе высоки доли 55–64 лет (22,6%), в г. Зея значим вклад 55–59 лет (10,6%) после крупного пика вклада в ПГПЖ возрастов 30–34 года (38,1%). У женщин, в Архаринском (30,2%), Бурейском (25,7%) и Серышевском (22,4%) округах вклад возрастов 55–64 года в ПГПЖ также значительно выражен.

Во многих муниципалитетах младшие возрастные группы (15–19 и 20–24 года) вносят нулевой вклад в ПГПЖ, что может быть связано с отсутствием зарегистрированных случаев смерти от данных причин либо с малым числом наблюдений. Отдельную группу составляют муниципалитеты со сдвигом пиков ПГПЖ к более молодым возрастам. Зейский муниципальный округ демонстрирует значительный вклад возрастов 15–29 лет в ПГПЖ как у мужчин (10,7%), так и у женщин (19%). В женской популяции к таким территориям также относится Октябрьский округ и пгт. Прогресс (максимум вклада на 25–34 года – 56,1% и 29,7%). В мужской популяции в Ивановском муниципальном округе у мужчин существенен вклад в ПГПЖ в 15–19 лет 20,9% всех потерянных лет потенциальной жизни.

В ряде территорий ПГПЖ из-за смертности, связанной с медицинским компонентом, у женщин в большей степени наблюдаются в группе 35–39 лет. Так, около трети и более ПГПЖ прихо-

дится на возраст 35–39 лет в Тамбовском (39,7%), Ромненском (45,6%), Шимановском муниципальном округе (44,5%), в г. Шимановске (31,9%). В г. Шимановске высокий вклад сохраняется и в 40–44 года (26,3%).

В ряде муниципальных округов у женщин наблюдаются два выраженных «пика» смертности. Например, в Константиновском муниципальном округе вклад в ПГПЖ наибольший в возрастном интервале 40–49 лет (36,6% в 40–44 и 19,2% в 45–49), а в Шимановском – в 35–49 лет (44,5% в 35–39, 28,9% в 45–49). Аналогичный двухпиковый рисунок отмечается в ряде городов (г. Тында – 40–49 лет, г. Свободный – 40–49 лет, пгт Прогресс – 30–34 и 45–49 лет).

У мужчин ярко выражен вклад в среднем трудоспособном возрасте – 40–49 лет: в Белогорском муниципальном округе 31,9% всех ПГПЖ приходится на 45–49 лет, в Мазановском округе – более половины на 40–44 года (55,6%), в Ромненском – 25,1–26,0% в 45–54 года, в Тамбовском – максимум в 45–49 лет (28,2%), а в Шимановском округе – в 40–44 года (34,2%).

Обсуждение

Анализ показал, что в 2017–2019 гг. в регионе сохранялся рост ПГПЖ как по причинам, предотвратимым мерами первичной профилактики, так и по причинам, связанным с выявлением и лечением заболеваний, причём уровень потерь у мужчин оставался выше, чем у женщин.

Детальная декомпозиция ПГПЖ по пятилетним возрастным интервалам позволила выявить скрытую поляризацию трендов. Позитивным является существенное сокращение потерь от предотвратимых причин смертности в молодых возрастных группах (15–29 лет). Это согласуется с общероссийской тенденцией снижения смертности от внешних причин (ДТП, травматизм) среди

молодёжи, отмеченной в ряде демографических работ [20; 21]. Тем не менее, ряд муниципальных образований (Зейский, Ромненский, Завитинский, Серышевский, Селемджинский муниципальные округа) характеризуется значительным вкладом смертности в молодых трудоспособных возрастах от причин смерти, предотвратимых мерами первичной профилактики. Это может быть обусловлено не только различиями в самосохранительном поведении, но и сочетанием социально-экономических, средовых, инфраструктурных и организационных факторов, включая транспортную доступность медицинской помощи, особенности занятости, условия труда.

Одним из факторов стагнации снижения ПППЖ является сохраняющаяся высокая смертность трудоспособного населения 35–49 лет, на которое приходится 30–35% всех потерь ПППЖ в регионе. При этом пик ПППЖ от предотвратимых причин смерти смещён на более молодые возраста 40–44 года по сравнению со среднероссийскими значениями 45–49 лет [22].

Особого внимания заслуживает выявленный опережающий рост ПППЖ среди женского населения (8,8% против 3,1% у мужчин в 1-й группе причин смертности). Традиционно в отечественных исследованиях акцент делается на мужской сверхсмертности в трудоспособных возрастах. Гендерный анализ ПППЖ от предотвратимых причин смертности в Амурской области показывает, что разрыв в темпах прироста ПППЖ сокращается не за счёт снижения предотвратимой смертности у мужчин, а за счёт её роста у женщин. Эта тенденция может быть связана с накоплением поведенческих факторов риска, высокого вклада внешних причин смерти, а также недостаточного охвата профилактическими и скрининговыми программами по отдельным нозологиям, значимым для женского населения трудоспособного возраста.

Анализ выявил колоссальную внутрирегиональную дифференциацию как в стандартизированных значениях ПППЖ, так и в возрастной структуре, что свидетельствует о сохраняющемся территориальном неравенстве в доступности медицинской помощи и качестве жизни населения. Разрыв в стандартизированных значениях ПППЖ между муниципалитетами с лучшими (ЗАТО Циолковский, г. Благовещенск) и худшими (Шимановский, Бурейский округа) показателями достигает 5 раз.

Потери от смертности, управляемой медицинской помощью, в трудоспособном возрасте в целом демонстрирует тенденцию к нарастанию в регионе, начиная примерно с 30-летнего возраста. Однако, в ряде муниципалитетов смертность

наступает в более молодых трудоспособных возрастных группах (Зейский, Октябрьский, Ивановский муниципальные округа, пгт. Прогресс), где суммарные ПППЖ в возрасте 15–29 лет достигают 20%. Это может указывать на несвоевременную диагностику и выявление онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний, а также низкий уровень медицинской активности молодого трудоспособного населения. Для таких муниципальных образований практическое значение имеет развитие ранней диагностики, совершенствование маршрутизации пациентов, повышение доступности первичной помощи и своевременного оказания специализированной медицинской помощи.

Смертность от причин, связанных с поведенческими факторами риска (злокачественные новообразования, инфаркт мозга, инсульт, алкогольная болезнь печени, травмы и т.д.), распределена по возрастным группам более равномерно. Наибольшее внимание к снижению предотвратимой смертности от причин, связанных с поведенческими факторами риска, должно быть отдано наименее благополучным территориям – Шимановскому, Сковородинскому, Завитинскому и Бурейскому муниципальным округам, а также пгт. Прогресс. Эти территории обладают наибольшими резервами сокращения смертности от профилируемых предотвратимых причин. Для муниципальных образований с высокими значениями ПППЖ от причин, предотвратимых мерами первичной профилактики, приоритетными направлениями представляются снижение травматизма, профилактика алкоголь-ассоциированных и табак-ассоциированных рисков, а также меры по формированию здорового образа жизни.

Выявлены территории с наиболее благополучной ситуацией в ПППЖ по обоим полам – областной центр Амурской области г. Благовещенск и ЗАТО Циолковский, город, созданный для обслуживания космодрома «Восточный», крупнейшего инфраструктурного проекта современной России. Позитивный социально-экономический профиль и развитость системы здравоохранения этих городов способствует низкой смертности от предотвратимых причин.

К территориям с критической ситуацией по потерям у женщин относятся Завитинский, Шимановский муниципальные округа и пгт. Прогресс. У мужчин критическая ситуация наблюдается в Бурейском, Ромненском, Шимановском, Завитинском муниципальных округах и г. Райчихинск. Территории с критической смертностью образуют специфический пространственный паттерн вдоль транспортных коридоров и в зонах старопромышленного освоения. Это Завитин-

ский район на Транссибе, Шимановский – база БАМа, Бурейский и г. Райчихинск – угледобывающая периферия. Ромненский район, выпадающий из транспортного паттерна, подтверждает правило другим способом. Это юго-восточная периферия области, приграничная с Китаем территория с преобладанием сельского населения. Противоположный полюс – Благовещенск как областной центр с концентрацией медицинских, образовательных, экономических ресурсов и ЗАТО Циолковский как территория нового освоения с селективной молодой популяцией.

Заключение

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о наличии выраженной половой, возрастной и внутрирегиональной дифференциации ПППЖ от предотвратимых причин смерти в Амурской области. Ситуация в Амурской области характеризуется специфическим профилем предотвратимой смертности, который не полностью укладывается в усреднённую российскую картину. Главным отличием является рост ПППЖ от предотвратимых причин смерти с опережающим темпом роста ПППЖ от смертности, которая может быть предотвращена с мерами первичной профилактики, в женской популяции. Результаты исследования доказывают, что резервы снижения смертности за счёт «легких

решений» (борьба с ДТП, контроль инфекций в молодёжной среде) в регионе практически исчерпаны. Дальнейшее снижение ПППЖ возможно только через системную работу с населением 35–59 лет и уменьшением территориального неравенства в уровне доступности и качестве первичной медицинской помощи.

Проведённое исследование демонстрирует значительный потенциал детальной возрастной декомпозиции ПППЖ как инструмента для повышения адресности и эффективности региональной политики в сфере охраны здоровья населения. Идентификация «зон максимальной уязвимости» – возрастных групп, формирующих наибольший вклад в ПППЖ от преждевременной смертности, позволяет рационально распределять ограниченные ресурсы профилактических программ и добиваться максимального демографического эффекта.

В Амурской области рост ПППЖ в трудоспособных возрастах определяется как объективными факторами (качество и доступность медицинской помощи), так и субъективными (неблагоприятные условия среды, самосохранительное и рискованное поведение). Реализация сформулированных рекомендаций способна внести существенный вклад в достижение национальных целей по увеличению ожидаемой продолжительности жизни и сохранению человеческого капитала.

Список источников

1. Martinez R., Soliz P., Caixeta R., et al. Reflection on Modern Methods: Years of Life Lost Due to Premature Mortality – a Versatile and Comprehensive Measure for Monitoring Non-Communicable Disease Mortality. *International Journal of Epidemiology*. 2019;48(4):1367–1376 <https://doi.org/10.1093/ije/dyy254>
2. Киселев С.Н. Оценка потерянных лет потенциальной жизни в Дальневосточном федеральном округе за 2015–2020 годы // Дальневосточный медицинский журнал. 2022. № 3. С. 81–86. <https://doi.org/10.35177/1994-5191-2022-3-13> EDN JRUFNN
3. Варакина Ж.Л. Потери населения Архангельской области, обусловленные внешними причинами смертности: структура, динамика и особенности кодировки // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 4(56). С. 2. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2017-56-4-2> EDN ZCNCYN
4. Короленко А.В. Нозологический и половозрастной профиль смертности населения Вологодской области и обусловленных ей демографических потерь // Статистика и Экономика. 2021. Том 18. № 3. С. 27–45. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2021-3-27-45> EDN HWFTLT
5. Григоров А.А., Сабгайда Т.П., Зубко А.В. Региональные различия величин потерянных лет потенциальной жизни в контексте предотвратимых причин сердечно-сосудистой смертности // Здоровье мегаполиса. 2024. Том 5. № 4–2. С. 220–233. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i4p2;220-233> EDN IERFVL
6. Потерянные годы потенциальной жизни при раке шейки матки в Кыргызской Республике / Д.Д. Ибраимова, Э.А. Тилеков, Б.О. Шаимбетов [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. № 32(3). С. 462–466. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2024-32-3-462-466> EDN BERFMB
7. Потерянные годы потенциальной жизни от отравлений алкоголем и наркоманией в Самарской области / С.А. Суслин, С.А. Царев, А.В. Щербань [и др.] // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2023. № 4. С. 1049–1061. <https://doi.org/10.24412/2312-2935-2023-4-1049-1061> EDN SETLFH
8. Сабгайда, Т.П., Зубко А.В., Фейгинова С.И. Предотвратимая смертность в муниципальных образованиях и административных округах г. Москвы // Здоровье мегаполиса. 2024. Том 5. № 4–2. С. 282–293. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i4p2;282-293> EDN FTELHZ

9. Rahotă D.M., Țîrț D.P., Daina L.G., et al. Using Potential Years of Life Lost (PYLL) to Compare Premature Mortality between Romanian Counties to Confirmed COVID-19 Cases in 2020 and 2021. *Healthcare*. 2024;12(12):1189. <https://doi.org/10.3390/healthcare12121189>
10. Baravelli C., Breivik H., Forthun I., et al. All-cause Years of Life Lost Due to Death at Municipality Level in Norway. Association to Educational Attainment and Median Income. *European Journal of Public Health*. 2024;34(3):ckae144.827. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckae144.827>
11. Социально-демографические потери, обусловленные смертностью населения России в период реформ (1989–2007 гг.) / В.Г.Семенова, Г.Н. Евдокушкина, Л.А.Гаврилов [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. 2009. № 1(9). EDN JYALPF
12. Nikoloski Z., Shkolnikov V. M., Mossialos E. Preventable Mortality in the Russian Federation: a Retrospective Study at the Regional Level. *The Lancet Regional Health – Europe*. 2023;29:100631. <https://doi.org/10.1016/j.lanepe.2023.100631>
13. Сабгайда Т.П. Предотвратимые причины смерти в России и странах Евросоюза // Здоровоохранение Российской Федерации. 2017. № 3. С. 116–122. <https://doi.org/10.18821/0044-197X-2017-61-3-116-122> EDN YSLAVF
14. Murray C.J.L., Lopez A.D. Measuring the Global Burden of Disease. *The New England Journal of Medicine*. 2013;369(5):448–57. <https://doi.org/10.1056/NEJMr1201534>
15. Ivanova A.E., Semyonova V.G., Sabgaida T.P. Disparities in Health: Equity Aspects of Avoidable Mortality. *Population and Economics*. 2025;9(2):66–85. <https://doi.org/10.3897/popecon.9.e160866>
16. Российская методика по оценке предотвратимой смертности населения / О.С. Кобякова, В.И. Стародубов, С.Н. Авдеев [и др.] // Вестник РАМН. 2025. Том 80. № 4. С. 298–311. <https://doi.org/10.15690/vramn18106T> EDN MQGUTZ
17. Иванова А.Е., Михайлова А.Ю. Методология оценки экономических потерь от нездоровья // Менеджер здравоохранения. 2012. № 2. С. 33–37. EDN OWYIIX
18. Mühlichen M., Lerch M., Sauerberg P. et al. Different Health Systems – Different Mortality Outcomes? Regional Disparities in Avoidable Mortality Across German-Speaking Europe, 1992–2019. *Social Science and Medicine*. 2023;329(4):115976. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2023.115976>
19. Kruk M.E., Gage A.D., Joseph N.T. et al. Mortality Due to Low-Quality Health Systems in the Universal Health Coverage Era: a Systematic Analysis of Amenable Deaths in 137 Countries. *Lancet*. 2018;392(10160):2203–2212. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)31668-4](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)31668-4)
20. Семенова В.Г., Иванова А.Е. Риски девиантного поведения российской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Том 15. № 4. С. 192–203. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-192-203> EDN BPDZNU
21. Рамонов А.В. Интегральные показатели демографических потерь от смертности и травматизма в результате дорожно-транспортных происшествий в России // Демографическое обозрение. 2015. Том 2. № 4. С. 136–149. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i4.1771> EDN VSBERN
22. Иванова А.Е., Сабгайда Т.П., Семенова В.Г. Резервы сокращения смертности в России в контексте ее возрастных и нозологических особенностей // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Том 3. № 4. С. 92–125. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.6> EDN PZYBQE

Информация об авторе:

Елена Викторовна Полянская – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, директор, Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания
(SPIN-код: 9921-6511) (Researcher ID: AFY-9622-2022)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 29.04.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Martinez R., Soliz P., Caixeta R., et al. Reflection on Modern Methods: Years of Life Lost Due to Premature Mortality – a Versatile and Comprehensive Measure for Monitoring Non-Communicable Disease Mortality. *International Journal of Epidemiology*. 2019;48(4):1367–1376. <https://doi.org/10.1093/ije/dyy254>
2. Kiselev S.N. Estimation of Years of Potential Life Lost in the Far Eastern Federal District for 2015–2020. *Dal'nevostochny'j medicinskij zhurnal=Far Eastern Medical Journal*. 2022;(3):81–86. <https://doi.org/10.35177/1994-5191-2022-3-13> (In Russ.)
3. Varakina Zh.L. Population Losses in the Arkhangelsk Region Due to External Causes of Mortality: Structure, Dynamics, and Coding Features. *Social'ny'e aspekty' zdorov'ya naseleniya=Social Aspects of Population Health*. 2017;(4(56)):2. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2017-56-4-2> (In Russ.)
4. Korolenko A.V. Nosological and Age-Sex Profile of Population Mortality in the Vologda Region and Demographic Losses Caused by It. *Statistika i e'konomika=Statistics and Economics*. 2021;18(3):27–45. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2021-3-27-45> (In Russ.)
5. Grigorov A.A., Sabgaida T.P., Zubko A.V. Regional Differences in the Years of Potential Life Lost in the Context of Avoidable Mortality from Cardiovascular Diseases. *Zdorov'e megapolis=City Healthcare*. 2024;5(4-2):220–233. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i4p2;220-233> (In Russ.)

6. Ibraimova D.D., Tilekov E.A., Shaimbetov B.O., et al. Lost years of potential life with cervical cancer in the Kyrgyz Republic. *Problemy` social`noj gigieny`, zdravooxraneniya i istorii mediciny=Problems of social hygiene, health care and history of medicine*. 2024;(3(23)):462-466. <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2024-32-3-462-466> (In Russ.)
7. Suslin S.A., Tsarev S.A., Shcherban A.V., et al. Lost Years of Potential Life from Alcohol and Drug Poisoning in the Samara Region. *Sovremennyy`e problemy` zdravooxraneniya i medicinskoj statistiki=Modern Problems of Health Care and Medical Statistics*. 2023;(4):1049-1061. <https://doi.org/10.24412/2312-2935-2023-4-1049-1061> (In Russ.)
8. Sabgaida T.P., Zubko A.V., Feiginova S.I. Preventable Mortality in Municipalities and Administrative Districts of Moscow. *Zdorov`e megapolisa=Health of the Megapolis*. 2024;5(4-2):282-293. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i4p2;282-293> (In Russ.)
9. Rahoță D.M., Țiță D.P., Daina L.G., et al. Using Potential Years of Life Lost (PYLL) to Compare Premature Mortality between Romanian Counties to Confirmed COVID-19 Cases in 2020 and 2021. *Healthcare*. 2024;12(12):1189. <https://doi.org/10.3390/healthcare12121189>
10. Baravelli C., Breivik H., Forthun I. et al. All-cause Years of Life Lost Due to Death at Municipality Level in Norway. Association to Educational Attainment and Median Income. *Eur J Public Health*. 2024;34(3):ckae144.827. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckae144.827>
11. Semenova V.G., Evdokushkina G.N., Gavrilov L.A. et al. Socio-Demographic Losses Caused by the Mortality Rate of the Russian Population During the Period of Reforms (1989–2007). *Social`ny`e aspekty` zdorov`ya naseleniya=Social Aspects of Population Health*. 2009;(1(9)). (In Russ.)
12. Nikoloski Z., Shkolnikov V. M., Mossialos E. Preventable Mortality in the Russian Federation: a Retrospective Study at the Regional Level. *The Lancet Regional Health – Europe*. 2023;29:100631. <https://doi.org/10.1016/j.lanepe.2023.100631>
13. Sabgaida T.P. Preventable Causes of Death in Russia and the EU. *Zdravooxranenie Rossijskoj Federacii=Healthcare of the Russian Federation*. 2017;(3):116–122. <https://doi.org/10.18821/0044-197X-2017-61-3-116-122> (In Russ.)
14. Murray C.J.L., Lopez A.D. Measuring the Global Burden of Disease. *The New England Journal of Medicine*. 2013;369(5):448–57. <https://doi.org/10.1056/NEJMr1201534>
15. Ivanova A.E., Semyonova V.G., Sabgaida T.P. Disparities in Health: Equity Aspects of Avoidable Mortality. *Population and Economics*. 2025;9(2):66–85. <https://doi.org/10.3897/popecon.9.e160866>
16. Kobayakova O.S., Starodubov V.I., Avdeev S.N., et al. Russian Methodology for Assessing Preventable Mortality of the Population. *Vestnik RAMN=Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences*. 2025;80(4):298–311. <https://doi.org/10.15690/vramn18106T> (In Russ.)
17. Ivanova A.E., Mikhailova A.Yu. Methodology for Assessing Economic Losses from Ill Health. *Menedzher zdravooxraneniya=Health Manager*. 2012;(2):33–37. (In Russ.)
18. Mühlhchen M., Lerch M., Sauerberg P. et al. Different Health Systems – Different Mortality Outcomes? Regional Disparities in Avoidable Mortality Across German-Speaking Europe, 1992–2019. *Social Science and Medicine*. 2023;329(4):115976. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2023.115976>
19. Kruk M.E., Gage A.D., Joseph N.T. et al. Mortality Due to Low-Quality Health Systems in the Universal Health Coverage Era: a Systematic Analysis of Amenable Deaths in 137 Countries. *Lancet*. 2018;392(10160):2203–2212. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)31668-4](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)31668-4)
20. Semenova V.G., Ivanova A.E. Risks of Deviant Behavior of Russian Youth. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya:Socio`no-e`konomicheskie nauki=Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. 2022;15(4):192–203. <http://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-192-203> (In Russ.)
21. Ramonov A. V. Integral Indicators of Demographic Losses from Mortality and Injuries as a Result of Road Accidents in Russia. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2015;2(4):136–149. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i4.1771> (In Russ.)
22. Ivanova A. E., Sabgaida T. P., Semenova V. G. Reserves for Reducing Mortality in Russia in the Context of Its Age and Nosological Characteristics. *Demis: Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*. 2023;3(4):92–125. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.6> (In Russ.)

Information about the author:

Elena V. Polyanskaya – PhD in Economics, Leading Researcher, Director, Far Eastern Scientific Center for Physiology and Pathology of Respiration

(SPIN-code: 9921-6511), (Researcher ID: AFY-9622-2022).

Author declares no conflict of interest.

The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 29.04.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Оригинальная статья

УДК 331.101.6, 338.467.6

JEL Z11, J24

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_10_498_509

EDN DCRXHB

Особенности измерения производительности труда в сфере культуры

Игорь Алексеевич Николаев

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

(Nikolaev1806@mail.ru), (<https://orcid.org/0009-0004-1403-1593>)

Аннотация

В статье проанализирована возможность и целесообразность расчёта показателя производительности труда для отрасли культуры и в целом для отраслей социальной сферы. Проведена аналитическая оценка практики расчёта показателей производительности труда как на уровне Росстата, так и на уровне Минкультуры России. Отмечено, что методологически данный вопрос остаётся недостаточно определённым, формируемые статистические показатели не дают необходимого представления о состоянии дел с производительностью труда как на уровне всей экономики, так на уровне отраслей социальной сферы, в том числе культуры. На основе произведённого анализа обоснован вывод о том, что для расчёта уровня производительности труда в сфере культуры допустимо использовать показатель валовой добавленной стоимости (ВДС), несмотря на нерыночный характер отрасли. При этом важно учитывать специфику генерируемой в отрасли культуры НДС, источником которой, являются прежде всего, бюджеты всех уровней. Напрашивающийся вывод о том, что уровень производительности труда в отрасли культуры зависит в определяющей степени от бюджетных возможностей, не должен ставить под сомнение возможность использования НДС для расчёта показателя уровня производительности труда. Также обоснован вывод о том, что появляющаяся с использованием НДС для расчёта уровня производительности труда в отрасли культуры возможность сравнивать её по данному показателю с другими отраслями должна использоваться очень осторожно ввиду высокой вероятности некорректности соответствующих сравнений.

Ключевые слова: производительность труда, валовая добавленная стоимость (ВДС), статистика Росстата, измерение уровня производительности труда, затраты труда, отрасли социальной сферы, сфера культуры

Для цитирования: Николаев И.А. Особенности измерения производительности труда в сфере культуры // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 498–509. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_10_498_509 EDN DCRXHB

RAR (Research Article Report)

JEL Z11, J24

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_10_498_509

Features of Measuring Labour Productivity in the Cultural Sphere

Igor A. Nikolaev

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(Nikolaev1806@mail.ru), (<https://orcid.org/0009-0004-1403-1593>)

Abstract

This article analyzes the feasibility and appropriateness of calculating labour productivity indicators for the cultural sector and for social sectors in general. An analytical assessment of the practice of calculating labour productivity indicators is provided by both Rosstat and the Russian Ministry of Culture. It is noted that this issue remains methodologically insufficiently defined, and the statistical indicators generated do not provide the necessary insight into the state of labour productivity both at the level of the entire economy and at the level of social sectors, including culture. Based on the analysis, it is concluded that the gross value added (GVA) indicator can be used to calculate labour productivity in the cultural sector, despite the non-market nature of the industry. It is also important to consider the specific nature of the GVA generated in the cultural sector, the source of which is primarily budgets at all levels. The obvious conclusion that labour productivity in the cultural sector depends largely on budgetary capabilities should not call into question the feasibility of using GVA to calculate labour productivity indicators. It is also justified to conclude that the opportunity to compare the cultural sector with other sectors using GVA for calculating the level of labour productivity in this indicator should be used very carefully due to the high probability of incorrectness of the corresponding comparisons.

Keywords: labor productivity, gross value added (GVA), Rosstat statistics, measurement of labor productivity, labor costs, social sectors, cultural sphere

For citation: Nikolaev I.A. Features of Measuring Labour Productivity in the Cultural Sphere. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):498–509. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_10_498_509 (In Russ.)

© Николаев И.А., 2026

Введение

Повышение производительности труда в последнее время всё чаще называется в числе мер поддержания, а то и ускорения темпов экономического роста. Объясняется это тем, что резервы для роста производительности труда в российской экономике действительно имеются. Существуют, по-видимому, резервы и для повышения производительности труда в отраслях социальной сферы, в том числе в сфере культуры.

Однако здесь необходимо отметить, что сама постановка вопроса об уровне производительности труда в сфере культуры, об инструментах её повышения и пр. является дискуссионной. Недаром именно в рубрике «Дискуссионная трибуна» журнала «Уровень жизни населения регионов России» была опубликована в 2025 году статья В.Ю. Муzychук «Повышение производительности труда или новая волна оптимизации в сфере культуры?». В статье обосновывается, что в сфере культуры не работают оценки производительности труда, принятые для промпроизводства и коммерческого сегмента сферы услуг [1].

Обсуждение темы производительности труда в сфере культуры действительно актуально и своевременно. Если не удастся сформировать более или менее консенсусное представление о том, можно ли вообще оценивать уровень производительности труда в сфере культуры, а если можно, то каковы должны быть соответствующие методологические подходы, можно ли сравнивать показатели производительности труда в сфере культуры и в других отраслях и т.д., то вполне вероятно «неожиданно» столкнуться с проблемой оптимизации в сфере культуры, которая заканчивается, как правило, сокращением численности работников культуры.

К сожалению, данная тема пока остаётся без должного внимания исследователей. В.Ю. Муzychук, отметим, не в первый раз обратилась к теме производительности труда в сфере культуры [2; 3]. Но всё-таки работ по данной тематике сегодня явно не хватает.

По-видимому, это тоже показательный факт, что теме производительности труда в широком плане посвящено множество интересных работ отечественных авторов от С.Г. Струмилина [4] и раньше до С.Ю. Глазьева и О.С. Сухарева [5], что в отраслевом разрезе тема также не обделена вниманием учёных (в строительстве – А.А. Лапидус [6], в промышленном секторе – Д.М. Журавлев и др. [7], в сельском хозяйстве – Е.А. Смирнова [8] и так далее по другим авторам и отраслям). Следует заметить, что «почему-то», оценочно, наибольшее число отраслевых публикаций по теме производительности труда относится к сельскому хозяйству.

Что касается зарубежных учёных, то родоначальником исследований, в которых затрагивается тема производительности труда в сфере культуры, по праву считается экономист из США У.Дж. Баумоль [9], у которого сегодня есть немало последователей [10].

«Болезнь издержек» Баумоля (Baumol's cost disease) – эффект роста оплаты труда без соответствующего повышения его производительности в ответ на увеличение зарплаты на других рабочих местах, описанный для сектора исполнительских искусств, стал классикой мировой исследовательской мысли в этом направлении.

В этой связи нельзя не отметить учебник фундаментального характера А.Я. Рубинштейна и Н.А. Буракова, в одной из лекций которого авторы предлагают эффективный способ «вылечить» «Болезнь издержек» Баумоля за счёт увеличения нормативов субсидирования культуры [11, с. 290–305].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы обосновать возможность, необходимость и практические подходы к расчёту уровня производительности труда в сфере культуры.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать ситуацию с измерением производительности труда в сфере культуры «как есть», предложить возможные подходы к измерению производительности труда в сфере культуры.

Для достижения поставленной цели и решения соответствующих задач автор предлагает следующую гипотезу: для расчёта уровня производительности труда в сфере культуры на макроуровне допустимо использовать, несмотря на нерыночный характер отрасли, показатель ВДС.

Культура до последнего времени всё-таки не была приоритетом для исследователей производительности труда. Поэтому научная дискуссия будет полезной. Даже если не удастся договориться по проблемным вопросам, важно, чтобы разные мнения прозвучали. Вероятность не договориться, на самом деле, достаточно велика. Во-первых, потому что на сегодняшний день в целом, то есть не только касательно сферы культуры, вопрос оценки производительности труда остаётся в российской практике методологически недостаточно определённым. Во-вторых, тема производительности труда в отраслях социальной сферы остаётся неудобной темой. На уровне официальной российской статистики данная тема не присутствует. Это, в общем-то, не так уж и удивительно. Недаром в советской плановой экономике отрасли социальной сферы, и культура в том числе, относились к так называемой непроектной сфере. Если «непроектная», то причём здесь производительность труда?

Тем не менее, пусть пока не в статистике Росстата, но на высоком государственном уровне тема производительности труда в отраслях социальной сферы актуализируется.

Задача повышения производительности труда в отраслях социальной сферы как новый приоритет государственной политики

С 2025 года в Российской Федерации реализуется федеральный проект «Производительность труда». Данный проект, в свою очередь, входит в состав одного из национальных проектов – «Эффективная и конкурентная экономика». Ранее, с 2018 года по 2024 год, реализовывался отдельный национальный проект «Производительность труда», продолжением которого стал с 2025 года одноименный федеральный проект. В рамках реализации проекта к 2030 году должны быть достигнуты следующие показатели:

- прирост производительности труда в экономике Российской Федерации к 2030 году должен составить по отношению к 2023 году 20,7%;
- доля средних и крупных предприятий базовых несырьевых отраслей экономики, вовлечённых в реализацию проектов, направленных на повышение производительности труда, должна составить нарастающим итогом 40%;
- доля государственных и муниципальных организаций социальной сферы, вовлечённых в реализацию проектов, направленных на повышение производительности труда, должна составить нарастающим итогом 100%¹.

На последний показатель из тех, которые касаются задачи повышения производительности труда, хотелось бы обратить особое внимание. Впервые среди подобного рода показателей был зафиксирован тот, который касается социальной сферы. Значит, существует понимание, что проблема производительности труда актуальна и для данной сферы тоже. Это действительно заслуживает внимания, потому что официальная статистика от Росстата, как будет показано ниже, не содержит никаких показателей, характеризующих производительность труда в отраслях социальной сферы. То есть получается, что все без исключения (123 тыс.) государственные и муниципальные организации должны заниматься реализацией проектов по повышению производительности труда, но какова производительность труда в соответствующих отраслях – остаётся неясным. Вряд ли подобную ситуацию можно признать нормальной.

¹ Национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика» // Правительство России: [сайт]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/921/about/> (дата обращения: 27.05.2026).

Обращает на себя внимание и тот факт, что в отличие от государственных и муниципальных организаций социальной сферы, которые к 2030 году все без исключения должны реализовывать проекты по повышению производительности труда, средние и крупные предприятия базовых несырьевых отраслей экономики должны быть охвачены данным процессом только на 40%. Именно такая доля этих предприятий должна повышать производительность труда. Встаёт закономерный вопрос о причинах такого различия показателей, тем более что никакого соответствующего обоснования не приводится.

Возможно, 100%-ный охват реализацией проектов по повышению производительности труда государственных и муниципальных организаций социальной сферы связан с тем, что нынешний уровень производительности труда в этих организациях нельзя признать удовлетворительным. Однако подобные выводы можно делать только тогда, когда есть понимание, каков сегодня уровень производительности труда в организациях соцсферы и какова динамика соответствующих показателей. Однако пока необходимая удовлетворительная статистика отсутствует, признание уровня производительности труда в организациях соцсферы недостаточным будет не более чем предположением. Организации сферы культур не являются в этом плане исключением. Данный факт лишний раз свидетельствует об актуальности темы производительности труда в организациях социальной сферы в целом и в отрасли культуры в отдельности.

В целях повышения производительности труда созданы 6 отраслевых центров компетенции (ОЦК) министерств соцсферы: Минздрава, Минкультуры, Минобрнауки, Минпросвещения, Минспорта и Минтруда России. Уже реализуются лучшие практики по повышению производительности труда, изыскиваются резервы для этого.

Встроено в этот процесс и Министерство культуры Российской Федерации. В отрасли создан свой ОЦК, внедряются элементы бережливого производства, используются современные цифровые технологии и пр. Всё это работает на повышение производительности труда в отрасли.

Однако вопросы методологического характера касательно темы производительности труда остаются не до конца прояснёнными. Не стоит недооценивать это. В противном случае можно, конечно, добиться каких-то успехов в деле повышения производительности труда, но если все эти результаты работы не находятся на прочном методологическом фундаменте, то не стоит удивляться, если вдруг возобладает точка зрения, что сфера культуры в России отличается низкой

производительностью труда, а поэтому надо её немедленно ещё больше повышать, оптимизируя численность работников культуры.

Статистика Росстата

Анализ состояния дел с официальной статистикой по теме производительности труда в сфере культуры делает необходимым сделать хотя бы краткий обзор того, что в принципе характеризует нынешнюю ситуацию.

«Труд и занятость в России» – статистический сборник Росстата, выпускаемый один раз в два года по нечётным годам. Это – официальное издание главного статистического ведомства страны, в котором представлены показатели по производительности труда. Соответственно, последний на сегодняшний день изданный сборник – за 2025 год. В сборник 2025 года включена всего лишь одна таблица по теме производительность труда – таблица «Индекс производительности труда по видам экономической² деятельности».

Принципиально важно отметить следующее. Во-первых, статистика даётся именно по индексу производительности труда по видам экономической деятельности. То есть по уровню производительности труда Росстатом официальной статистики не представляется. Во-вторых, представлена статистика далеко не по всем видам экономической деятельности. Статистические данные даются только по так называемому реальному сектору экономики, хотя и здесь есть исключения. Ни культура, ни образование, ни здравоохранение и пр. официальной статистикой, даже по показателю индекса производительности труда, не охватываются.

Согласно представленным данным, индекс производительности труда в 2024 году (ещё раз следует отметить, что это последние статистические данные) в той же добыче полезных ископаемых, к примеру, составил 97,0%, то есть производительность труда здесь снизилась. Зато в обрабатывающих производствах был зафиксирован рост – 104,3%. Всего же индекс производительности труда составил 103,4%³. Но это «Всего», как было отмечено выше, не включило ни культуру, ни целый ряд других важных видов экономической деятельности. Таким образом, официальная статистика Росстата в настоящее время не включает какие-либо показатели производительности труда, относящиеся к сфере культуры.

Альтернативные расчёты

В условиях, когда в официальной статистике Росстата не представлены какие-либо данные

² Труд и занятость в России // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 26.05.2026).

³ Там же.

по производительности труда в сфере культуры, вполне можно было ожидать, что исследователи обратят на это внимание и предпримут попытки провести собственные соответствующие расчёты. Заслуживающий в этом плане внимания опыт практических расчётов представил Р. Долженко с коллегами [11]. Ими были подготовлены оценки отраслей по уровню производительности труда (именно по уровню производительности труда, а не по индексам её роста). Производительность труда считалась по валовой добавленной стоимости (ВДС) соответствующих отраслей в млн рублей на человека (исходя из числа занятых в отрасли).

По результатам расчётов отрасли были поделены на лидеров и аутсайдеров. Среди отраслей-лидеров на первом месте оказалась добыча полезных ископаемых с показателем производительности труда в 19,8 млн рублей на человека (2024 год). А вот культура, объединённая со спортом, с результатами 1,2 млн рублей на человека, заняла прочное место среди отраслей-аутсайдеров. Среди этой же группы отраслей оказалось и образование – 0,8 млн рублей на человека, и здравоохранение вместе с социальными услугами – 0,5 млн рублей на человека.

Такая попытка авторов рассчитать уровень производительности труда, в том числе в отраслях социальной сферы, заслуживает одобрения. Другое дело, насколько правильно делить отрасли на лидеров и аутсайдеров. Точнее, делить-то можно, это же формальное разделение по счётным показателям. Но можно ли на основании данных расчётов делать вывод о том, что социальная сфера, где производительность труда ниже, чем в среднем по отраслям, является «отдельным вызовом», а также о том, что ускорить рост производительности труда нужно за счёт работы с низкопроизводительными отраслями экономики? Авторы предлагают добиться опережающих темпов роста производительности труда по отношению к отраслям-лидерам в организациях социальной сферы, отличающихся устойчиво низкой производительностью [11, с. 37].

Если попытка рассчитать уровень производительности труда в отраслях социальной сферы, в том числе в сфере культуры, представляется вполне оправданной, то поиск резервов повышения производительности труда в целом в экономике России за счёт отраслей социальной сферы вызывает вопросы.

Однако прежде возникает вопрос о корректности сравнения той же отрасли добычи полезных ископаемых и отрасли культуры, даже если она объединена со спортом.

При соответствующем анализе будет не обойтись без учёта особенности генерируемой валовой

добавленной стоимости в разных отраслях. Отрасли с преимущественно нерыночным характером, где генерируемая валовая добавленная стоимость обязана своим происхождением бюджетным источникам, будут всегда значительно «проигрывать» той же добыче полезных ископаемых по уровню производительности труда, если в основе расчёта последней берётся ВДС.

Отсюда, как минимум, преждевременно делать вывод о том, что отрасли социальной сферы отличаются низким уровнем производительности труда, а потому они являются резервом для повышения производительности труда в экономике в целом.

Однако нам всё-таки важнее другое: можно ли вообще рассчитать уровень производительности труда в отраслях социальной сферы, том числе в сфере культуры? Ответ: можно, и соответствующие попытки существуют, в том числе и за рубежом. В 2017 году Национальная статистическая службы Великобритании (Office for National Statistics – ONS) провела исследование, которое представляло собой сравнительный анализ показателей производительности труда по ряду стран ЕС. Производительность труда была рассчитана в

евро/час как соотношение валовой добавленной стоимости (ВДС) и количества отработанных часов всего в экономике и по отраслям. В расчётах использовались данные за 2014 год⁴.

Отрасли рассматривались укрупнённо, было выделено 9 секторов экономики (латинские буквы – коды классификатора видов экономической деятельности ЕС). В том числе были выделены сектора R-U – Искусство, телевидение, прочие услуги, деятельность домашних хозяйств и деятельность экстерриториальных организаций и O-Q – Госуправление, социальная политика, образование, здравоохранение.

После обнародования результатов упомянутой работы автор (совместно с Т.Е. Марченко) «по свежим следам» рассчитал данные по производительности труда для России, чтобы сравнить их со странами ЕС. Так как результаты данных расчётов тогда не были опубликованы, приведём их в настоящей статье (таблица 1).

Чтобы корректно сравнить уровень производительности труда в России и в странах ЕС, пришлось пересчитать данные в международные доллары по ППС в час.

Таблица 1

Производительность труда в России и странах ЕС в 2014 году, международные доллары* по ППС в час

Table 1

Labor Productivity in Russia and the EU in 2014, International Dollars at PPP per Hour

Страна/сектор	A	B-E	F	G-I	J	K	M-N	O-Q	R-U
	Сельское хозяйство и рыболовство	Промышленность	Строительство	Торговля, ремонт, транспорт, гостиничный и ресторанный бизнес	ИТ и связь	Финансовая и страховая деятельность	НИР и другие профессиональные услуги	Госуправление, социальная политика, образование, здравоохранение	Искусство, телевидение, прочие услуги, деятельность домашних хозяйств и экстерриториальных организаций
Россия	4,5	35,2	20,5	21,3	32,3	61,6	29,4	19,5	15,1
Среднее по ЕС	11,4	46,6	26,8	29,4	56,9	66,7	29,9	29,6	20,3
Соотношение ЕС/Россия (раз)	2,5	1,3	1,3	1,4	1,8	1,1	1,0	1,5	1,3

*Международный доллар (обозначается как Int'L\$, IntL\$, Int\$) – условная расчётная единица для сравнения макроэкономических показателей разных стран. За один Int\$ можно купить сопоставимое количество товаров и услуг, которые можно купить в США за один доллар США.

Источник: расчёты автора и Т.Е. Марченко, по данным Росстата и Национальной статистической службы Великобритании.

Сравнение показателей производительности труда, измеряемой в международных долларах по ППС, показало, что Россия в целом отставала по данному показателю от стран ЕС в среднем в 1,4 раза. Максимальное различие по производитель-

ности труда в отраслевом разрезе фиксировалось в сельском хозяйстве – в 2,5 раза, минимальное (различия нет) – в секторе НИР и профессиональных услуг.

Что касается отрасли культуры, входящей в сектор «Искусство, телевидение, прочие услуги, деятельность домашних хозяйств и деятельность

⁴ Office for National Statistics: [сайт]. URL: <https://www.ons.gov.uk/> (дата обращения: 31.05.2026).

экстерриториальных организаций», то производительность труда по данному сектору в России составила 15,1 международных долларов по ППС в час, в то время как среднее значение по ЕС составило тогда 20,3 международных долларов по ППС. Как видим, показатель ЕС был ненамного выше российского, всего лишь в 1,3 раза. Так что производительность труда в секторе «Искусство, телевидение, прочие услуги, деятельность домашних хозяйств и деятельность экстерриториальных организаций» в России вполне сопоставима с показателями стран ЕС.

Показатели федерального проекта «Производительность труда» в сфере культуры

Приказом Минкультуры России от 14 мая 2026 года № 901 «Об утверждении методик расчёта показателей федерального проекта "Производительность труда", входящего в состав национального проекта "Эффективная и конкурентная экономика"», было определено, как должны рассчитываться показатели, которые будут применяться в сфере культуры для оценки работы по федеральному проекту «Производительность труда» и как они будут рассчитываться⁵.

Первый показатель – «Доля государственных и муниципальных организаций культуры, вовлечённых в реализацию проектов, направленных на повышение производительности труда». К государственным и муниципальным организациям культуры относятся, согласно утверждённой Методике: общедоступные (публичные) библиотеки, культурно-досуговые учреждения, музеи, театры, парки культуры и отдыха (городские сады), концертные организации и пр.

Таким образом, показатель характеризует охват организаций культуры мероприятиями по повышению производительности труда. Однако он никоим образом не характеризует уровень производительности труда организаций сферы культуры. Данный показатель, что называется, по определению не может дать ответ на вопрос о том, высокий или низкий уровень производительности труда наблюдается в организациях сферы культуры. Это не сущностный, а чисто административный показатель. Необходим он для характеристики того, как реализуется федеральный проект «Производительность труда», не более того.

Что касается второго утверждённого показателя – «Увеличение количества посещений организации культуры в расчёте на одного работника

организации», то он уже с большим основанием может претендовать на статус показателя, характеризующего уровень производительности труда в сфере культуры. Этот показатель характеризует, как указано в Методике его расчёта, изменение производительности труда организаций сферы культуры и отражает динамику количества посещений государственных и муниципальных организаций культуры в расчёте на одного работника организации в течение отчётного периода в сравнении со значением базового периода.

В Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утверждённым Правительством Российской Федерации 9 января 2025 года⁶, этот показатель фигурирует в числе тех статистических показателей, которые должны быть достигнуты в целях обеспечения роста производительности труда по основным отраслям социальной сферы к 2030 году. В 2030 году количество посещений организаций культуры в расчёте на одного работника организации должно быть почти на 35,5% выше по сравнению с уровнем 2024 года⁷.

Ответ на вопрос, почему показатель количества посещений организации культуры в расчёте на одного работника организации не может характеризовать уровень производительности труда, заключается прежде всего в том, что количество посещений – это не то, что можно считать продуктом, выпускаемым организацией культуры. Посещение – это не товар, и не услуга. Оно не может быть мерилем объёма выпуска. Показатель количества посещения организации культуры в расчёте на одного работника организации не может быть показателем производительности труда, потому что работники организации культуры не производят посещения организации культуры, а значит, количество таких посещений в расчёте на одного работника организации культуры не может использоваться для оценки производительности их труда.

Помимо показателей федерального проекта «Производительность труда», входящего в состав национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика», Минкультуры России Приказом от 5 июня 2025 года № 1014 утвердила форму мониторинга 1-ПТ⁸. Также были утверждены соответствующие Указания по заполнению

⁶ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. (утв. Правительством РФ 09.01.2025 г.).

⁷ Там же.

⁸ Приказ Министерства культуры РФ от 05.06.2025 г. № 1014 «Об утверждении методик расчёта показателей федерального проекта "Производительность труда", входящего в состав национального проекта "Эффективная и конкурентная экономика"».

⁵ Приказ Министерства культуры РФ от 14.05.2026 г. № 901 «Об утверждении методик расчёта показателей федерального проекта "Производительность труда", входящего в состав национального проекта "Эффективная и конкурентная экономика"».

данной формы. Сделано это было в целях подготовки официальных статистических данных по показателям федерального проекта «Производительность труда».

Форма мониторинга 1-ПТ содержит следующие показатели:

- количество заключённых договоров по закупке работ и услуг по аутсорсингу хозяйственных и вспомогательных процессов в организации культуры (юридическом лице);
- процессы, переданные из организации культуры (юридического лица) в организацию, в которой осуществляется ведение того или иного процесса по нескольким организациям культуры, несколькими филиалами организации культуры;
- внедрены и применяются инструменты бережливого производства в организации культуры (юридическом лице).

Все утверждённые для мониторинга показатели, как показывает анализ, безусловно, имеют в большей или меньшей степени отношение к теме производительности труда. Логика появления и утверждения данных показателей понятна. Так, предполагается, что закупка работ и услуг по аутсорсингу хозяйственных и вспомогательных производств должна способствовать концентрации деятельности организации культуры на своей основной деятельности. Бухгалтерия, HR-услуги, IT-сопровождение, охрана, клининг, транспорт, питание – всё это могут делать сторонние организации и предприниматели.

Это правильный и современный подход к организации подобных процессов, доказавший свою эффективность. Однако одно дело производить работу, которая должна повышать производительность труда, и другое дело, что будет в принципе с уровнем производительности труда, как отразится на нём аутсорсинг.

Анализ показателей федерального проекта «Производительность труда», используемых для формирования официальной статистики, свидетельствует, что все они характеризуют в той или иной степени работу, проводимую в целях реализации данного федерального проекта, и поэтому они необходимы. Однако ни один из данных показателей, включая показатель «Увеличение количества посещений организаций культуры в расчёте на одного работника организации», не характеризует непосредственно уровень производительности труда. Это по-прежнему остаётся задачей, не решив которую, невозможно понять, что происходит с уровнем производительности труда в сфере культуры, растёт она или снижается, как данная отрасль выглядит в сравнении с другими (и корректно ли вообще проводить какие-либо сравнения) и пр.

Методология Росстата

Как уже было отмечено ранее, официальная статистика Росстата, которая сама по себе представляется весьма ограниченной, не содержит каких-либо данных по производительности труда, касающихся сферы культуры. Тем не менее, анализ используемой методологии необходим хотя бы для того, чтобы понять, во-первых, почему сфера культуры остаётся вне поля зрения Росстата и, во-вторых, можно ли используемые методологические подходы всё-таки задействовать для измерения уровня производительности труда в культуре.

Показатель «Индекс производительности труда» – основной показатель, с помощью которого ведётся статистический учёт происходящих изменений в этой важной области.

Расчёт используемого сегодня Росстатом показателя «Индекс производительности труда» производится на основе Методики, утверждённой Приказом Росстата № 274 от 28 апреля 2018 года⁹. Документ подготовлен на основе «Руководства ОЭСР по измерению роста производительности на уровне отрасли и на агрегированном уровне»¹⁰. Таким образом, Росстат рассматривает документ ОЭСР в качестве международного стандарта, на основе которого сам работает.

Показатель – Индекс производительности труда – рассчитывается на годовой основе в целом по экономике и по видам экономической деятельности на уровне разделов ОКВЭД-2. Расчёты производятся не для всех отраслей согласно разделам ОКВЭД-2, а только для тех, где преобладают рыночные услуги. То есть по отраслям социальной сферы, включая культуру, расчёты не производятся. В результате расчёт производится по следующим отраслям (согласно разделам ОКВЭД-2): от А (Сельское хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство) до N (Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги), за исключением раздела K (Финансовая и страховая деятельность).

Для уровня отрасли определён индексный показатель, который соответствует соотношению количественных индексов добавленной стоимости и затрат труда в отрасли:

Индекс производительности труда по отраслям = $\frac{\text{Индекс физического объёма ДС (год } t \text{ к году } t-1)}{\text{Индекс совокупных затрат труда (год } t \text{ к году } t-1)}$

Также Росстатом Приказом от 24 февраля 2026 года № 80 была утверждена Официальная статистическая методология по формированию

⁹ Приказ Росстата № 274 от 28.04.2018 г. «Об утверждении Методики расчёта показателя "Индекс производительности труда"».

¹⁰ Measuring Productivity OECD Manual // OECD: [сайт]. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2001/07/measuring-productivity-oecd-manual_g1gh2484/9789264194519-en.pdf (дата обращения: 02.06.2026).

оперативного индикатора «Индекс производительности труда» по Российской Федерации¹¹. Это было сделано в целях более оперативного формирования и предоставления данных по индексу производительности труда.

Встаёт естественный вопрос: почему же всё-таки расчёт индексов производительности труда производится только для отраслей, в которых преобладают рыночные услуги? Напрашивается предположение, что в случае преобладания нерыночных услуг показатель, казалось бы, теряет экономический смысл. Сфера культуры как раз и относится к виду деятельности, где преобладают нерыночные услуги. В таких сферах финансирует соответствующую деятельность, прежде всего, государство. Получается, что объём добавленной стоимости в той же культуре напрямую зависит от объёма финансирования со стороны государства. Больше профинансирует, больше будет индекс производительности труда. Меньше профинансирует – показатель производительности труда будет ниже. Следует согласиться, что вопрос действительно есть, и опасения, что в случае преобладания нерыночных услуг расчёт показателя индекса производительности труда теряет экономический смысл, не беспочвенный.

Возвращаясь к показателю Росстата «Индекс производительности труда», следует отметить, что для определения затрат на труд из двух имеющихся в международном опыте показателей – на основе числа работников и на основе числа отработанных часов, используется наиболее точный вариант – на основе отработанных часов.

Важнейший документ, определяющий методологию национального статистического счетоводства – Система Национальных Счетов (СНС-2008)¹², изданный под эгидой Европейской комиссии, Международного валютного фонда, Организации международного сотрудничества и развития (ОЭСР), ООН и Всемирного банка, – содержит отдельный раздел – «Исчисление производительности труда». Согласно СНС-2008, производительность труда рассчитывается не в динамике, как индекс, а именно как физический показатель – соотношение объёма выпуска к отработанным часам. Кроме того, в том же документе рекомендуется, в целях улучшения интерпретации получаемых расчётов, рассчитывать многофакторную производительность (МФП), а не просто производительность труда¹³.

¹¹ Приказ Росстата от 24.02.2026 г. № 80 «Об утверждении Официальной статистической методологии по формированию оперативного индикатора "Индекс производительности труда" по Российской Федерации».

¹² Система Национальных Счетов (СНС-2008). URL: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/sna2008/russianwc.pdf> (дата обращения: 25.05.2026).

¹³ Там же.

Информации, почему не публикуется (не рассчитывается) непосредственно показатель уровня производительности труда (сколько добавленной стоимости или выпуска производителя в расчёте на одного работника, или на отработанный час), – Росстатом не предоставляется.

Это касается всех без исключения видов экономической деятельности. Причём понятно же, что, если рассчитывается индекс производительности труда (и по отраслям, и по экономике в целом), расчёт именно уровня производительности труда не представляется проблемой.

Возможные подходы к измерению уровня производительности труда в сфере культуры

Как следует из изложенного выше, единого мнения о необходимости расчёта показателей производительности труда в отраслях социальной сферы, в том числе в отрасли культуры, не существует. Более того, можно сказать, что есть две крайние точки зрения. Одна из них состоит в том, что в отраслях с преимущественно нерыночного характера услугами рассчитывать показатели производительности труда не следует, так как такие расчёты лишены экономического смысла. Другая точка зрения фактически состоит в том, что рассчитывать показатели производительности для отраслей социальной сферы можно и нужно. Более того, можно даже сравнивать результаты сделанных расчётов с показателями других отраслей.

Автор придерживается, скорее, второй точки зрения, но с существенной оговоркой по поводу корректности сравнений в отраслевом разрезе. Важно учитывать особенности отрасли культуры, отраслей социальной сферы в целом.

Безусловно, сфера культуры, как преимущественно некоммерческий сектор, имеет свою специфику. Однако важно то, что несмотря на всю эту специфичность, валовая добавленная стоимость в сфере культуры также создаётся. И точно также, как и в рыночных отраслях, ВДС = Выпуск – Промежуточное потребление. Другое дело, что Выпуск в бюджетной сфере специфичен (это – затраты). Но главное, что он вообще есть. Но если есть ВДС, значит, мы можем рассчитать показатель производительности труда, или в расчёте на одного занятого или в расчёт на затраченный человеко/час. Выпуск в сфере культуры – это, в преобладающем объёме, затраты на оплату труда. И участие государства в большей части этих расходов здесь ничего принципиально не меняет.

Такой подход полностью укладывается в общепринятое в международной практике определение того, что в целом понимается под производительностью. Производительность – это соотношение объёма выпуска к объёму затрат ресурсов.

Объём выпуска – это валовая добавленная стоимость, а объём затрат ресурсов, если имеется в виду производительность труда, это затраты труда, выраженные либо в числе занятых, либо в человеко/часах.

О возможности использовать показатель ВДС для расчёта показателя производительности труда говорит и тот факт, что на агрегированном уровне показатель ВДС рассчитывается – по ВЭД «Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений».

Показатели затрат труда тоже рассчитываются. Следовательно, ничего не мешает рассчитать и показатель производительности труда по данному виду экономической деятельности. Изложенный выше зарубежный опыт (Великобритания) подтверждает реальность такого подхода.

Производительность труда в различных отраслях необходимо считать методологически единообразно: ВДС/затраты труда. Однако сравнивать отрасли по получаемым показателям необходимо с учётом специфики этих отраслей.

Производительность труда предопределяется прежде всего числителем – объёмом ВДС (хотя формально в равной степени и числителем, и знаменателем). В той же добыче полезных ископаемых ввиду явного конкурентного преимущества этой отрасли (природный фактор – высокая стоимость природных ресурсов) ВДС на одного работника будет очень большой. Это и предопределяет высокий расчётный уровень производительности труда в добыче полезных ископаемых.

Дополнительным доказательством явно выигрышного положения отрасли добычи полезных ископаемых является тот факт, что государство, понимая эту особенность, даже увеличивает налоговую нагрузку на данную отрасль, взимая налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), экспортные пошлины, налог на дополнительный доход (НДД) и пр.

Считать производительность труда в отраслях с использованием показателей ВДС можно, сравнивать – очень осторожно.

Использование показателей ВДС для расчёта производительности труда требует учёта специфики, получаемой ВДС в различных отраслях. В бюджетных отраслях, в том числе отраслях социальной сферы, где преобладают услуги нерыночного характера, объём ВДС зависит не столько от производителя услуг, сколько от государства, выступающего в качестве заказчика, покупателя и плательщика. То есть объём ВДС предопределяется тем, сколько государство готово платить. Но тогда получается, что и показатель произво-

дительности труда зависит не только от поставщика услуг, но и от их заказчика с определённым статусом.

На сколько государство готово профинансировать ту же отрасль культуры, на столько и будет ВДС и, соответственно, уровень производительности труда.

В пользу возможности использования ВДС, имеющей в своём значительном объёме бюджетное происхождение, для расчёта производительности труда в отраслях социальной сферы, в том числе в отрасли культуры, говорит тот факт, что ведь и в рыночных отраслях ВДС может иметь бюджетное происхождение. Никто не будет отрицать тот факт, что госзаказ на промышленную продукцию, оплачиваемый за счёт бюджета, точно также формирует ВДС. Значит, принципиальной разницы в этом плане между отраслями социальной сферы, включая культуру, и рыночными отраслями не существует. И показатель ВДС можно и нужно использовать для расчёта уровня производительности труда, в том числе в отраслях социальной сферы.

Влияние культуры на производительность труда

Исследование темы производительности труда в сфере культуры выводит на более широкую тему: как влияет культура на производительность труда в экономике. Это отдельная большая тема, в отечественной практике явно недостаточно исследованная, и автор посчитал важным в данной статье её, скорее, только обозначить. Триггером к этому послужило упоминавшееся выше мнение, что отрасли социальной сферы – это отрасли с невысокой производительностью труда, и если мы хотим повысить общий уровень производительности труда в экономике, то делать это необходимо как раз за счёт отраслей-аутсайдеров [12].

Однако объективности ради следует проанализировать, влияет ли на производительность труда в целом в экономике, и в том числе в соответствующих отраслях-лидерах, общий уровень культуры в обществе, его культурные особенности. Если ответ положительный, а так, скорее всего, и есть, то игнорировать данное обстоятельство было бы неправильно.

И в международной исследовательской практике [13; 14; 15], и в отечественной [16] ряд работ посвящён зависимости производительности от характеристик национальной культуры на примере различных стран, конфессий. Результаты этих работ доказывают, что культура имеет значение для производительности труда в целом, и тема эта нуждается в глубокой разработке.

Заключение

К решению задачи повышения производительности труда в отраслях социальной сферы, том числе в отрасли культуры, необходимо подходить очень взвешенно в виду специфики этих отраслей. Эта специфика предопределяется целым рядом обстоятельств.

Во-первых, в настоящее время существует методологическая неопределённость того, что вообще следует понимать под производительностью труда в сфере культуры и в целом в отраслях социальной сферы.

Во-вторых, и это тест связано с первым обстоятельством, пока отсутствует официальная статистика производительности труда в сфере культуры и в отраслях социальной сферы в целом.

В-третьих, тема производительности труда в социальной сфере очень чувствительна ещё и потому, что речь идёт именно о социальной сфере, и любое непродуманное решение в этой области практически одновременно затронет всё население, которое теснейшим образом зависит от эффективности социальных отраслей.

В-четвёртых, недостаточный учёт названных выше и других обстоятельств при принятии решений по повышению производительности труда может иметь следствием реализацию спорного характера инициатив, типа оптимизации (сокращения численности работников) сферы культуры.

Тем не менее, важно признать, что рассчитывать показатель уровня производительности труда в сфере культуры и в других отраслях социальной сферы необходимо. Рассчитывать необходимо именно уровень производительности труда, не ограничиваясь расчётом только индексов производительности труда, как это есть в государственной статистической практике сегодня применительно к отраслям рыночного характера.

При проведении подобного рода статистических расчётов важно обеспечение методологического единообразия применительно по всем отраслям, как преимущественно рыночного характера, так и преимущественно нерыночного характера. Валовая добавленная стоимость (ВДС) создаётся во всех видах экономической деятельности. Затраты труда, измеряемые будь то в числе занятых, будь то в затраченных человеко/часах, также есть во всех отраслях. Значит, единая основа для расчёта уровня производительности труда существует, а сама производительность труда считается, как ВДС, делённая на затраты труда.

Природа происхождения ВДС в рыночных отраслях и отраслях преимущественно нерыночного характера различаются. ВДС в отраслях социальной сферы создаётся преимущественно за счёт бюджетных источников и именно это обстоятельство вносит определённые сомнения в возможность расчёта производительности труда для таких отраслей. Однако преимущественно бюджетное происхождение ВДС сферы культуры и социальных отраслей в целом принципиально не может являться основой для «отмены» показателей производительности труда в этих отраслях.

В пользу использования ВДС в расчёте показателей производительности труда в социальных отраслях говорит и тот факт, что в этих отраслях выпуск не может измеряться в штуках продукции (столько-то спектаклей на работника, или такое-то количество выставок). Государство, муниципальные органы власти фактически покупают услуги организаций культуры и социальной сферы в целом, финансируя их деятельность на основе сформированных заказов. Значит, необходим стоимостной показатель выпуска – ВДС.

Единообразный подход к расчёту уровня производительности труда во всех отраслях естественным путём приводит к их сравнению по данному показателю. Однако делать это можно только с существенными оговорками, раскрывающими объективно обусловленные преимущества или недостатки тех или иных отраслей с точки зрения формирования ВДС.

Расчёт производительности труда для сферы культуры и социальных отраслей имеет смысл ещё и потому, что эти отрасли по праву представляют в таком случае не как отрасли – «нахлебники», а как отрасли, в которых также создаётся ВДС, внося свой вклад в формирование ВВП страны.

Учитывая бюджетное происхождение ВДС социальных отраслей и сферы культуры в том числе, результаты расчёта уровня производительности труда в таких отраслях покажут, скорее, не столько сравнительно невысокий уровень производительности труда в них, сколько их недофинансирование.

Превратить отрасли социальной сферы в «настоящие» виды экономической деятельности поможет и развитие доказательности тезиса о том, что общая культура общества оказывает важное влияние на производительность труда в других отраслях, в экономике в целом.

Список источников

1. Музычук В.Ю. Повышение производительности труда или новая волна оптимизации в сфере культуры? // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 502–517. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_1_502_517 EDN OYLCDT
2. Музычук В.Ю. Занятость и оплата труда в сфере культуры: итоги бюджетной реформы и реализации «майских указов» // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 501–514. https://doi.org/10.52180/19999836_2023_19_4_3_501_514 EDN JDQMBF
3. Музычук В.Ю. Культура в логике рынка: факты VS мифы. СПб.: Алетея, 2025. 424 с. ISBN 978-5-00165-931-0 EDN IPVSAT
4. Струмилин С.Г. Об измерении производительности труда // Социалистический труд. 1956. № 4. С. 32–45.
5. Глазьев С.Ю., Сухарев О.С. Производительность труда: измерение и возможности повышения // Журнал новой экономики. 2026. Выпуск 27. № 1. С. 6–27. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2026-27-1-1> EDN YTJXI
6. Лапидус А.А. Метод повышения производительности труда в строительстве // Вестник МГСУ. 2024. Том 19. № 8. С. 1365–1372. <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2024.8.1365-1372> EDN FANXKA
7. Журавлев Д.М., Чаадаев В.К., Михеев Е.Б. Факторы роста производительности труда промышленного сектора в условиях структурной перестройки экономики // Экономика промышленности. 2025. Том 18. № 1. С. 49–62. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-1-1425> EDN QVAPOE
8. Смирнова Е. А. Особенности и проблемы оценки производительности труда в сельском хозяйстве // Экономика труда. 2019. Том 6. № 4. С. 1317–1326. <https://doi.org/10.18334/et.6.4.41343> EDN SXARZZ
9. Baumol W., Bowen W. Performing Arts: the Economic Dilemma. A Study of Problems Common to Theater, Opera, Music and Dance. New York: the Twentieth Century Fund; 1966. 582 p.
10. Hartwig J., Krämer H.M. Revisiting Baumol's Disease: Structural Change, Productivity Slowdown and Income Inequality. *Intereconomics. Review of European Economic Policy*. 2023;58(6):320–325. <https://doi.org/10.2478/ie-2023-0066>
11. Рубинштейн А.А., Бураков Н.А. Экономика культуры: 24 лекции. М.: Школа-студия МХАТ, Государственный институт искусствознания. 2024. 412 с. EDN GHRTJJ
12. Долженко Р.А., Долженко С.Б., Назаров А.В. Национальная система управления производительностью труда в Российской Федерации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2026. № 1. С. 25–48. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2026_1_25_48 EDN RQAAJK
13. Grimshaw D., Miozzo M. Human Capital and Productivity: a Call for New Interdisciplinary Research. UK: The Productivity Institute; 2021. 41 p.
14. Sacco P.L., Bialowolski P., Weziak-Bialowolska D. Culture and Creativity, Skills Building, and Growth: What Have We Missed? *Humanities and Social Sciences Communications*. 2025;12(1):1–15. <https://doi.org/10.1057/s41599-024-04200-0>
15. Boix Domenech R., De Miguel Molina B., Rausell Köster P. The Impact of Cultural and Creative Industries on the Wealth of Countries, Regions and Municipalities. *European Planning Studies*. 2022;30(9):1777–1797. <https://doi.org/10.1080/09654313.2021.1909540>
16. Латова Н.В. Производственная культура рабочих современной России как элемент их человеческого капитала (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Том 26. № 3. С. 36–63. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-3-36-63> EDN YZIDDV

Информация об авторе:

Игорь Алексеевич Николаев – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Центр инновационной экономики и промышленной политики, Институт экономики Российской академии наук (SPIN-код: 2777-8167) (ResearcherID: QKZ-3428-2026)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.06.2026; одобрена после рецензирования 14.07.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Muzychuk V.Yu. Increasing Labour Productivity or a New Wave of Optimization in the Cultural Sphere? *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):502–517. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_1_502_517 (In Russ.)
2. Muzychuk V.Yu. Employment and Labour Payment in the Cultural Sector: Outcomes of the Budget Reform and the May Decrees. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):501–514. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_3_501_514 (In Russ.)
3. Muzychuk V.Yu. Culture in the Logic of the Market: Facts vs. Myths. St. Petersburg: Publishing House Alethea; 2025. 424 p. ISBN 978-5-00165-931-0 (In Russ.)
4. Strumilin S.G. *Ob Izmerenii Proizvoditel'nosti Truda. Sotsialisticheskii Trud*. 1956;(4):32–45. (In Russ.)

5. Glazyev S. Yu., Sukharev O. S. Labour Productivity: Measurement and Opportunities for Improvement. *Zhurnal novoi ehkonomiki=Journal of New Economy*. 2026;27(1):6–27. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2026-27-1-1> (In Russ.)
6. Lapidus A.A. Method for Increasing Labor Productivity in Construction. *Vestnik MGSU*. 2024;19(8):1365–1372. <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2024.8.1365-1372> (In Russ.)
7. Zhuravlyov D.M., Chaadaev V.K., Mikheyev E.B. Factors Influencing Labor Productivity Growth in the Industrial Sector amid Economic Restructuring. *Ehkonomika Promyshlennosti=Russian Journal of Industrial Economics*. 2025;18(1):49–62. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-1-1425> (In Russ.)
8. Smirnova E.A. Features and Problems of Assessing Labor Productivity in Agriculture. *Ehkonomika truda=Labor Economics*. 2019;6(4):1317–1326. <https://doi.org/10.18334/et.6.4.41343> (In Russ.)
9. Baumol W., Bowen W. Performing Arts: the Economic Dilemma. A Study of Problems Common to Theater, Opera, Music and Dance. New York: the Twentieth Century Fund; 1966. 582 p.
10. Hartwig J., Krämer H.M. Revisiting Baumol's Disease: Structural Change, Productivity Slowdown and Income Inequality. *Intereconomics. Review of European Economic Policy*. 2023;58(6):320–325. <https://doi.org/10.2478/ie-2023-0066>
11. Rubinstein A. Ya., Burakov N.A. Economics of Culture: 24 Lectures. Moscow: Studio School Moscow Art Academic Theater; State Institute of Art Studies; 2024. 412 p. (In Russ.)
12. Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B., Nazarov A.V. National System of Labor Productivity Management in the Russian Federation. *Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk=Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2026;(1):25–48. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2026_1_25_48 (In Russ.)
13. Grimshaw D., Miozzo M. Human Capital and Productivity: a Call for New Interdisciplinary Research. UK: The Productivity Institute; 2021. 41 p.
14. Sacco P.L., Bialowolski P., Weziak-Bialowolska D. Culture and Creativity, Skills Building, and Growth: What Have We Missed? Humanities and Social Sciences Communications. 2025;12(1):1–15. <https://doi.org/10.1057/s41599-024-04200-0>
15. Boix Domenech R., De Miguel Molina B., Rausell Köster P. The Impact of Cultural and Creative Industries on the Wealth of Countries, Regions and Municipalities. *European Planning Studies*. 2022;30(9):1777–1797. <https://doi.org/10.1080/09654313.2021.1909540>
16. Latova N.V. Industrial Culture of Workers in Modern Russia as an Element of their Human Capital (Ethnometric Analysis Based on the Concept of G. Hofstede). *Mir Rossii. Sotsiologiya. Ehtnologiya=Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2017;26(3):36–63. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-3-36-63> (In Russ.)

Information about the author:

Igor A. Nikolaev – Doctor of Economics, Chief Researcher, Center for Innovative Economics and Industrial Policy, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
(SPIN-code: 2777-8167) (ResearcherID: QKZ-3428-2026)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 10.06.2026; approved after reviewing 14.07.2026; accepted for publication 31.08.2026.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Письмо в редакцию

УДК 101.1:316

JEL Z00, Z10

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_11_510_515

EDN EQDMBK

К какому труду в сфере культуры можно применять категорию «производительность труда», а к какому нельзя в логике ее измерения?

Александр Иванович Субетто

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
(subal1937@yandex.ru)

Для цитирования: Субетто А.И. К какому труду в сфере культуры можно применять категорию «производительность труда», а к какому нельзя в логике ее измерения? // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 510–515. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_11_510_515 EDN EQDMBK

COR (Correspondence)

JEL Z00, Z10

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_11_510_515

To Which Types of Work in the Cultural Sector Can the Concept of «Labour Productivity» Be Applied, and to Which Cannot, in Terms of How it is Measured?

Alexander Ivanovich Subetto

North-West Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia
(subal1937@yandex.ru)

For citation: Subetto A.I. To Which Types of Work in the Cultural Sector Can the Concept of «Labour Productivity» Be Applied, and to Which Cannot, in Terms of How it is Measured? *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):510–515. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_11_510_515 (In Russ.)

Статью «Особенности измерения производительности труда в сфере культуры» как статью дискуссионную, поднимающую важную проблему эффективности работы культуры в логике исторического развития общества и возвышения качества человека до уровня адекватности и общества, и культуры соответственно, и человека тем необходимым для развития жизни «ответам», которых требуют «вызовы» XXI века, в том числе и диктуемые процессами первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, породившей Эпоху Великого Эволюционного Перелома, – поддерживаю именно с целью развертывания серьёзной научной дискуссии на страницах журнала «Уровень жизни населения регионов России» – дискуссии не только вокруг вопроса «Возможно ли применение экономической категории "производительность труда" к сфере культуры, образования, науки, в целом к социальной сфере, или на "языке" политэкономии – к "сфере духовного производства"», но и вокруг вопроса: «На фоне развития глобальных экологических угроз для будущего человечества может ли и дальше куль-

тура подчиняться рынку как механизму развития экономики, и в целом – все материальное и духовное воспроизводство общества?».

В 1991 году под редакцией пользующихся мировой известностью экономистов-экологов Р. Гудленда, Г. Дейли и С. Эль-Серафи был написан Доклад по Заказу Мирового Банка в Нью-Йорке¹, в котором было сформулирован вывод-предупреждение, о том, что в условиях уже заполненной земной экологической ниши рыночный механизм развития экономики исчерпал себя.

С этим предупреждением в Докладе Мировому Банку 1991 года совпадают оценки Бригитты Даль (исполнявшую должность спикера парламента Швеции) и Франсуа Миттерана (находившегося на посту президента Франции), высказанные ими в 1995 году на одной из международных встреч по устойчивому развитию.

¹ Goodland R., Daly Y., El Serafy S. (eds.) Environmental Sustainable Economic Development. Building on Brundtland (English). Environment Department Working Paper. No. ENV 46. Washington: World Bank; 1991. 85 p. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/332821467989482335> (дата обращения: 18.06.2026).

© Субетто А.И., 2026

Бригитта Даль заметила: «Мы ясно видим, рыночная экономика с её безудержной эксплуатацией человека и природы и жёсткие санкции... не могут решить проблемы [устойчивого развития и проблемы бедности] в мире... Нельзя основывать стратегию выживания человечества на сегодняшних технологиях и неолиберальной рыночной экономике»².

Я разовью последнюю мысль Бригитты Даль более чем 30-летней давности: тем более – нельзя основывать развитие и воспроизводство культуры на рыночной экономике.

Франсуа Миттеран сделал жёстко-прогностическое и одновременно предупреждающее политические элиты и мыслящих людей в мире заявление:

«Я задаю себе вопрос, сумеем ли мы предотвратить превращение мира во всеохватывающий рынок, где господствует закон сильного, где главной целью является получение максимальной прибыли в кратчайшие сроки, где спекуляция за несколько часов сводит на нет плоды миллионов людей...? Я спрашиваю себя – не отдаём ли мы будущие поколения игре этих слепых сил? Сумеем ли мы создать международный порядок, основанный на прогрессе и, прежде всего, социальном прогрессе?»³.

Эти предупреждения стали стимулом для написания мной в 2026 году книги «Рынок как механизм гибели человека и природы на Земле в XXI веке» [1], которая является своеобразным манифестом-предупреждением, обращённым к учёным и ко всем мыслящим людям.

Россия на протяжении всей истории своего цивилизационного становления и развития находилась и находится под воздействием необходимости самых высоких энергозатрат (самой высокой энергетической стоимости воспроизводства) на производство жизни населения на её территории, в мире (приблизительно единица валового продукта в России требует энергозатрат в 3–5 раз больше, чем в Европе, и в 5–7 раз больше, чем в США и Китае). И поэтому можно, как следствие из-за высокой энергостойкой характеристики воспроизводства жизни общества и экономики в целом в России, утверждать, что она (Россия) всегда развивалась в условиях заполненной экологической ниши, и рынок не имел такого распространения как в экономике Запада, и, по оценкам известного российского учёного-экономиста В.Т. Рязанова, на протяжении всего XIX века и до появления СССР был

ограничен, и появление плановой экономики в СССР соответствовало цивилизационным законам развития России [2].

Известный политэконом и специалист в области финансов В.Ю. Катасонов в 2014 году в книге «Экономика Сталина» вынес такой вердикт [3, с. 45]: «Не следует себя обманывать: рыночная экономика обрекает Россию на гибель».

Отмечу также, что за период рыночных реформ в России вследствие отрицательного естественного прироста ее население недосчиталось более 16 млн чел.⁴

Я привёл эти данные, чтобы подчеркнуть, что для современной России, её выживания, исходя из того, что она самая холодная, и самая высокоэнергостойкая, цивилизация, и поэтому всегда развивавшаяся при доминирующей роли Закона Кооперации и соответственно планирования развития, действует императив перехода к планово-рыночной экономике, к развитию с доминированием планирования над стихийно-рыночными регуляторами, в том числе и над рыночной формой оценки производительности труда.

В логике анализа предмета, которому посвящена статья, важным становится ещё один вопрос: «А как соотносится "экономика" и "культура" между собой, можно ли рассматривать "культуру" частью "экономики", тем более частью "рыночной экономики"?».

От «ответа» на этот «вопрос» зависит и «ответ» на «вопрос» – «Насколько корректно ставить вопрос об измерении производительности труда в сфере культуры, и тем более о "рыночном измерении" через создание "валовой добавочной стоимости (ВДС)" этой производительности труда в сфере культуры?».

И вообще – можно ли производство «культурных услуг», потребляемых населением через «спрос» на «рынке этих культурных услуг» называть культурой?

Эти поднятые мною вопросы объедают те вопросы, которые ставит автор статьи, и глубоко связаны с тем, что в «Статистике Росстата» в данных по теме производительности труда «ни культура, ни образование, ни здравоохранение и пр.» сведения отсутствуют.

Как же соотносятся экономика и культура?

Культура – очень ёмкая категория. Она раскрывается через огромную и сложную науку, как часть гуманитарного комплекса, получившую во второй половине XX-го века название «культурология». По ряду гуманитарных специальностей в системе высшего образования читается «филосо-

² Коптюг В.А. Возможна ли разработка стратегии устойчивого развития России в настоящее время? // Наука спасет человечество. Новосибирск: Издательство СО РАН НИЦ ОИГТМ, 1997. С. 273–280. URL: <https://prometeus.nsc.ru/koptuyug/ideas/scisahum/273-280.ssi> (дата обращения 20.08.2026).

³ Там же.

⁴ Оценка с 1990 г. по 2023 г. на основе данных Росстата. См.: Демография // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 23.06.2026).

фия культуры». Культура проходила своё становление вместе со становлением человека, и поэтому она появилась намного раньше экономики, если под экономикой понимать ту часть хозяйства, которая охватывается «денежными отношениями», находится под воздействием «монетарно-рыночного регулирования».

Не экономика, а тем более рынок, «объемлет» культуру, а культура «объемлет» экономику и рынок. Разнообразие культур мира, а категория «цивилизация» несёт в своем содержании «социокультурный код», и цивилизации в мире отличаются «социокультурными архетипами» (на это указывал ещё Н.Я. Данилевский), – определяет разнообразие экономик. Культуры, определяя различия цивилизаций, определяют различия и экономик, по крайней мере по культурно-детерминированным формам экономического поведения. Действует принцип: что эволюционно или исторически раньше появилось в развитии человека и общества, то является более фундаментальным в системно-иерархической системе организации социального бытия, и, соответственно, в логике его воспроизводства.

Культура, если перечислять сферы, охватываемых ею, это: (1) система ценностей, (2) духовно-нравственная система; (3) язык, на котором общается тот или иной народ, этнос, племя, страна, цивилизация, (4) система образования и воспитания, (5) наука, (6) философия, (7) социокультурная память, (8) искусство (литература, театр, кино); (9) средства массовой коммуникации, информационная среда. Перечень этих составляющих огромен. Мы говорим о национальной культуре земледелия, о культуре организации семейных отношений у того или иного народа, о духовности как важнейшему компоненту культуры, в том числе о духовной культуре.

Скрытая форма самоуничтожения народа, его национальной идентичности, которая является частью стратегии мировых «хозяев денег» или «верхов» мировой финансовой (а теперь – и цифровой) капиталократии во главе с США, нацеленных на ликвидацию национальных государств, что открыто было провозглашено ещё в 90-х годах (по Жаку Аттали, президенту Европейского банка реконструкции и развития (1991–1993 гг.) – через создание «Строя Денег» или «Цивилизации Рынка», и превращение людей в «неокочевников», потерявших национально-культурные корни, составляет одну из главных опасностей наряду с процессами первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы для будущего всего человечества, поскольку цивилизационное, этническое, страновое, культурное разнообразие, порождённое развитием человечества и детерминированное

разнообразием природных условий проживания тех или иных народов, является базовым условием прогрессивного, и устойчивого, во взаимодействии с Природой Земли, развития человечества в Будущем.

В этом контексте подмена ёмкого понятия «культура» рыночно-измерительным понятием культуры через постановку рыночного измерения производительности труда в сфере культуры как производства культурных услуг, пользующихся спросом на рынке и дающим «добавленную стоимость» в «карман государства», является очень опасным, более того с точки зрения науки о культуре – ложным, редуционизмом.

Можно только сожалеть, что Министерство культуры Российской Федерации создало свой отраслевой центр компетенции (ОЦК), который занимается, как это показано в статье, внедрением «элементов бережливого производства» с «использованием цифровых технологий». И, как указывается в статье, «всё это работает на повышение производительности труда в отрасли».

Кстати, повод для размышлений: по структуре системной организации Правительства Российской Федерации и сложившейся форме «квазирационализации» все министерства – это «органы государственного управления отраслью». Вот и получают культура, образование, здравоохранение, наука название «отраслей».

Но культура, как я показал, – это не «отрасль», также как и её составляющие наука и образование, а базис бытия общества, выражающий особенность этого бытия как бытия (по определению Президента Российской Федерации) «государства-цивилизации».⁵ И это понимание очень важно для России, как евразийской, самой холодной и с самыми большими поэтому общественно-необходимыми энергозатратами на воспроизводство жизни населения страны.

Труд – главная категория, которая определяет проблему измерения производительности труда в культуре.

В политэкономическом смысле мы называем трудом такую работу, которая создаёт прибавочную стоимость, и, главное, позволяет вложенному капиталу получить прибыль.

Но воспроизводство общества и человека на Земле кроме материального воспроизводства включает в себя ещё и «духовное воспроизводство», которое можно определить как воспроизводство культуры в широком смысле. Здесь труд не создаёт прибавочную стоимость, поэтому не

⁵ Полный текст выступления Владимира Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 // Комсомольская правда: [сайт]. 05.10.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27564/4833298/> (дата обращения 20.08.2026).

является «трудом в узком, политэкономическом смысле», который обязан приносить прибыль тому, кто совершает в расширенное воспроизводство капиталовложения. Это особый труд, выходящий за пределы политэкономии, и экономики как таковой, воспроизводящий человека, его ценности, социально-духовные приоритеты, т.е. воспроизводящий в человеке личность, как системно-социальное качество человека.

Происходит раздвоение категории труда вместе с раздвоением восходящего воспроизводства на материальное и духовное воспроизводства. Культура, наука, образование дают эффект в получении дохода на уровне общества в целом (в приросте ВВП, национального дохода) с «лагом запаздывания», почти на уровне воспроизводства поколений людей, в 15–25 лет.

Труд в области большинства сфер в культуре: науке, образовании, искусстве, в том числе литературе, театре, кино, живописи, в своём базисе (если абстрагироваться от работников обслуживающей сферы, поддерживающей сохранение, развитие системы обслуживания и инфраструктуры) не нормируем, поэтому в «метрологическом смысле» неизмерим!

Мною ещё в СССР, потом в 90-х – 2000-х годах, уже в постсоветское время, разработана **синтетическая квалиметрия**, как сложная наука об измерении и оценке качества труда, объектов и процессов в сфере общественной жизни и производства, включая и деятельность человека в сфере образования, науки и культуры [4].

В «Квалиметрии», как научной методологии измерения и оценки качества любых объектов и процессов, сформулирован принцип: **«уровень формализуемости оценки (измерения) должен соответствовать уровню возможной формализуемости объекта оценки (измерения)».**

Нарушение этого принципа в процессе управления приводит вместо прогрессивного развития объекта управления к его деградации. Нарушение этого принципа квалиметрии в системе государственного управления такими важными сферами в системе «духовного воспроизводства» как культура, образование и наука (исходя из принципа, что востребовано на «рынке услуг», то и эффективно), привело их к широкомасштабной деградации, что отозвалось «эхом» в росте преступности, агрессивности в поведении, а также в росте суицида (от потери смысла жизни, ориентиров на будущее) среди детей и молодёжи России, а также – в кадровой катастрофе (в огромной нехватке учителей, инженеров, профессоров, учёных).

Государственное управление должно сочетаться с механизмами общественного самоуправ-

ления, которые включают в себя различные экспертные советы, аттестационные службы, которые пользуются «мягкими формами» измерений (безденежных), на основе методологии экспертной квалиметрии, включая конкурсы, общественные оценки, научные конференции и т.д., и т.п.

Культура – это не производство, а духовно-творческое созидание уникальных художественных произведений, духовно-нравственной среды, воспроизводство и развитие ценностей, преодоление разобщённости, эгоизма, «жизни-для-себя», установок на наслаждения, на потребительство и возвышение человека к высоким, освящённым «любовью» к Родине, к Людям, к Природе, идеалам и целям.

Ещё раз подчеркну: главная миссия культуры – производство не товара, не «человеческого капитала» (т.е. того от профессионализма в человеке, что востребовано рынком), а человека во всём его богатстве, как «человека культуры» или «корневого человека» по П.А. Флоренскому, «человека-патриота», готового к самопожертвованию и на подвиг, когда встаёт вопрос о судьбе Родины, или когда он находится на войне, защищая её от врагов, устремляющихся к её порабощению.

Есть ещё одна дискуссионная проблема, затронутая в статье. Это постановка проведения сравнительного межстранового анализа показателей производительности труда, примером которой является исследование, проведённое Национальной статистической службой Великобритании в 2017 году. При этом, как указывается в статье, «производительность труда была рассчитана в «евро/час» (моё замечание: через денежные измерители-«евро», отнесённые к единице времени – «час») как соотношение валовой добавленной стоимости (ВДС) и количества отработанных часов всего в экономике и по отраслям» (на основе данных за 2014 год).

Обращаю внимание, что за этим стоит использование как измерителя – «европейского рынка», и соответственно – «всемирного рынка». При этом полностью проигнорирован географический детерминизм, вклад природной ренты, или наоборот – действие «отрицательной ренты» (понятие условное), если географические условия, в которых воспроизводится жизнь общества, суровые.

В ряде работ мною указано, что **по отношению к мировой экономике действует закон её гетерогенности**, частным источником действия которого служат и разные климатические условия воспроизводства страновых экономик, в том числе действие **«Закона энергетической стоимости»**, основы теории которого не раз публиковались, в том числе были опубликованы в жур-

нале «Энергия: экономика, техника, экология» в 2025 году [5].

В основном за этими проблемами измерения производительности труда и в сфере культуры, и в социальной сфере лежит продолжающееся, под лозунгом «оптимизации расходов», сокращение бюджетирования сфер культуры, образования и науки в России, которое диктуется ложным принципом неоллиберализма и неорыночной политики, что рынок является «движителем» развития «сам-по-себе», что было развенчано «отцом кибернетики» Норбертом Винером ещё в 60-х годах XX-го века.

Переход к плано-рыночной экономике России – это императив её выживания и прогрессивного развития, тем более этого требует гибридная война, которую ведёт Запад против России, этого требует императив резкого повышения мобилизационного потенциала российской экономики.

России нужна большая национальная идея, причём – большая идея, обращённая ко всему миру, предлагающая стратегию выхода человечества из «пропасти» уже идущих с ускоряющимися темпами процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы. При этом надо осознать, что в мире за последние 50 лет произошёл, под воздействием научно-технического прогресса, рост наукоёмкости, интеллектоёмкости, образованиеёмкости социальных, экономических, производственных, управленческих процессов. Это изменило циклическую структуру развития экономики, произошёл сдвиг в сторону «длинных» циклов воспроизводства, что не понимают те, кто гоняется за прибылью, с её получением за очень короткое время.

В «двери» стратегии развития России «стучится» научно-образовательное общество как основа её воспроизводства. Научно-образовательное общество – это такое общество, в котором наука становится не только производительной силой, но и «силой» управления его развитием в единстве с природными основами общественного воспроизводства, а образование (уже давно!!!) де-факто является «базисом» базиса духовного и материального воспроизводства.

Последняя характеристика научно-образовательного общества означает, что рассматривать «образование» как «сферу услуг» в условиях функционирования наукоёмкой, интеллектоёмкой, образованиеёмкой экономической системы – есть невежество, несоответствие реалиям современной экономики, – и что необходим переход к научно-образовательному обществу, и соответственно – к адекватной экономической политике. И что пе-

реход к научно-образовательному обществу есть переход – и к адекватной политике развития России, особенно в экстремальных условиях, в соответствии требованиям Победы в гибридной войне.

Не будем забывать, что в годы Великой Отечественной войны на воспроизводство образования советское государство выделяло 8–10% от общего национального дохода, что поддерживалась плотная и широкомасштабная сеть школ и вузов, что именно в 1943 году была открыта Академия педагогических наук, и «Учитель» стоял на высоком престижном уровне в шкале приоритетов в советском государстве и в советском обществе.

В заключение: я поддерживаю издание в журнале «Уровень жизни населения регионов России» статьи «Особенности измерения производительности труда в сфере культуры». В науке, в том числе и в экономической науке, в «регионоведении», очень часто важна постановка вопроса, а не ответ на поставленный вопрос, потому что она возбуждает поиск, вначале направленный на генезис возникновения такого вопроса, а потом на поиск адекватного ответа на него, претендующего на «истину».

Я специально расширил «поле рефлексии», вытекающее из самой постановки проблемы в статье – проблемы измерения производительности труда в сфере культуры в условиях рыночной экономики в России в наше время.

Предлагаю на страницах такого известного журнала как «Уровень жизни населения регионов России» развернуть широкую дискуссию по представленной статье – и как её развитие по проблеме измерения производительности труда в сфере культуры, в том числе и по проблеме, которую можно сформулировать в форме вопроса «К какому труду в сфере культуры можно применять категорию "производительность труда", а к какому нельзя, поскольку этот труд принципиально, по своей "природе", не нормируем и "не измерим" (в логике измерения его производительности)?».

*Профессор Кафедры общественных наук
Северо-Западного института управления
РАНХиГС при Президенте РФ,
доктор экономических наук,
доктор философских наук,
кандидат технических наук, профессор,
полковник Космических войск СССР (в отставке),
Заслуженный деятель науки РФ,
Лауреат Премии Правительства РФ (2011),
Лауреат Премии и Серебряной медали
Н.Д. Кондратьева (1995)
Александр Иванович Субетто*

Список источников

1. Субетто А.И. Рынок как механизм гибели человека и природы на земле в XXI веке. Санкт-Петербург: Астерион, 2026. 100 с. ISBN 978-5-00188-716-4 EDN JYGZSB
2. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. Санкт-Петербург: Наука, 1998. 796 с. ISBN 5-02-028352-5 EDN TJQFVJ
3. Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 416 с. ISBN 978-5-4261-0106-7
4. Субетто А.И. Сочинения. Ноосферизм: в 13 томах. Санкт-Петербург: Астерион; Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006–2014.
5. Субетто А.И. Закон энергетической стоимости как основание системы энергетической безопасности России // Энергия: экономика, техника, экология. 2025. № 5(485). С. 36–48. <https://doi.org/10.7868/S0233361925050052> EDN UAMAIZ

Информация об авторе:

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры общественных наук, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (SPIN-код: 6437-0603) (Scopus Author ID: 6506658615)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Subetto A. I. Rynok kak Mekhanizm Gibeli Cheloveka i Prirody na Zemle v XXI veke. Sankt-Peterburg: Publishing House Asterion; 2026. 100 p. ISBN 978-5-00188-716-4 (In Russ.)
2. Ryazanov V.T. Ehkonomicheskoe Razvitie Rossii. Reformy i Rossiiskoe Khozyaistvo v XIX–XX vv. Sankt-Peterburg: Publishing House Nauka; 1998. 796 p. ISBN 5-02-028352-5 (In Russ.)
3. Katasonov V.Yu. Ehkonomika Stalina. Moscow: Publishing House of Institute of Russian Civilization; 2014. 416 p. ISBN 978-5-4261-0106-7 (In Russ.)
4. Subetto A.I. Collected Works. Noosferizm. In 13 Vol. Sankt-Peterburg: Publishing House Asterion; Kostroma: Kostroma State University Publishing House; 2006–2014. (In Russ.)
5. Subetto A.I. Zakon Ehnergeticheskoi Stoimosti kak Osnovanie Sistemy Ehnergeticheskoi Bezopasnosti Rossii. *Ehnergiya: Ehkonomika, Tekhnika, Ehkologiya*. 2025;(5(485)):36-48. <https://doi.org/10.7868/S0233361925050052> (In Russ.)

Information about the author:

Alexander I. Subetto – Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, PhD in Technical Sciences, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Sciences, North-West Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SPIN-код: 6437-0603) (Scopus Author ID: 6506658615)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 22.06.2026; accepted for publication 31.08.2026.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Материалы конференции

УДК 331

JEL 01

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_12_516_528

EDN FEVXRT

Дестандартизация занятости: тенденции и новые контуры научного дискурса экономистов по труду¹

Вячеслав Николаевич Бобков¹, Олеся Васильевна Вередюк²

¹ Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

(o.veredyuk@spbu.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>)

Аннотация

Статья посвящена обзору актуального научного дискурса экономистов по труду о дестандартизации занятости. Цель исследования – выявить актуальное представление отечественной экономической науки о тенденциях в области дестандартизации занятости. В качестве данных послужили тезисы докладов спикеров круглого стола «Дестандартизация занятости: тенденции и перспективы» X Санкт-Петербургского международного форума труда. Уникальность проведенного исследования определяется, главным образом, используемой базой данных, которую сформировали тезисы выступлений – концентрированная форма научного дискурса – академических экономистов по труду из ведущих научных и научно-образовательных организаций России, представивших свои доклады на регулярной авторитетной дискуссионной площадке страны по вопросам труда. Исследование выявило актуальное видение экономической наукой тенденций и новых контуров дестандартизации занятости, в фокусе которого в 2026 году находятся качество трудовой жизни, благополучие и достойный труд, влияние искусственного интеллекта, дилемма «человекоцентричность – прекаризация», новые формы занятости (в том числе самозанятость), а также государственное регулирование социально-профессиональной структуры населения. Анализ докладов академических экспертов данного мероприятия Форума труда за последние пять лет показал, что их тематика чутко отражает сложную и динамичную картину развития научного понимания дестандартизации занятости, раскрывая тесную взаимосвязь между внешней средой и внутренней логикой исследовательского процесса. Доклады в рамках данного мероприятия, ставшего одним из флагманских мероприятий программы Форума труда, дают возможность обобщить тенденции и увидеть новые контуры феномена дестандартизации занятости в России.

Ключевые слова: занятость, дестандартизация занятости, качество занятости, неустойчивая занятость, форум труда, экономическая теория, экономика труда

Для цитирования: Бобков В.Н., Вередюк О.В. Дестандартизация занятости: тенденции и новые контуры научного дискурса экономистов по труду // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 516–528. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_12_516_528 EDN FEVXRT

CNF (Conference Proceedings)

JEL 01

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_12_516_528

De-Standardization of Employment: Trends and New Contours of Academic Discourse

Vyacheslav N. Bobkov¹, Olesya V. Veredyuk²

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

² Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

(o.veredyuk@spbu.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>)

Abstract

This article reviews current academic discourse among labour economists on the de-standardization of employment. The study aims to identify the current understanding of domestic economic science regarding trends in the field of employment de-standardization. The data for the article are based on the abstracts of speakers at the roundtable discussion «De-Standardization of Employment: Trends and Prospects» at the 10th St. Petersburg International Labour Forum. The uniqueness of this study is determined primarily by the database it utilizes, which is comprised of abstracts – a condensed form of academic discourse – written by academic labour economists from leading Russian research and educational institutions who presented their papers at the country's flagship discussion platform on labour issues. The study revealed the current vision of economic science regarding the trends and new contours of its de-standardization, which in 2026 focuses on the quality of working life, well-being and decent work, the impact of artificial intelligence, the dilemma of «human-centricity versus precarization», new forms of employment (including self-employment), as well as state regulation of the socio-professional structure of the population. An analysis of the reports presented by academic experts at the Labour Forum event over the past five years has shown that their topics sensitively reflect the complex and dynamic development of scientific understanding of employment de-standardization, revealing the close relationship between the external environment and the internal logic of the research process. The reports presented at this event, which has become one of the flagship events of the Labour Forum program, provide an opportunity to summarize trends and explore new contours of the phenomenon of employment de-standardization in Russia.

¹ По итогам круглого стола в рамках X Санкт-Петербургского международного форума труда 9 апреля 2026 г. См.: Программа // Форум труда: [сайт]. URL: <https://xn--80ahxhkbngdd.xn--p1ai/program> (дата обращения: 01.06.2026).

© Бобков В.Н., Вередюк О.В., 2026

Keywords: employment, employment de-standardisation, employment quality, precarious employment, St. Petersburg International Labour Forum, economic theory, labour economics

For citation: Bobkov V.N., Veredyuk O.V. De-Standardization of Employment: Trends and New Contours of Academic Discourse. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):516–528. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_12_516_528 (In Russ.)

Введение

В данной статье-обзоре представлены итоги круглого стола по дестандартизации занятости в рамках X Санкт-Петербургского международного форума труда (далее – Форум труда) 9 апреля 2026 г.

Дискуссия по проблемам дестандартизации занятости стала традиционной для Форума труда. В 2026 году она в шестой раз собрала учёных-экономистов по труду. Участники из Вологды, Москвы, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Томска представляли такие научные и образовательные учреждения, как Вологодский научный центр РАН (ВолНЦ РАН), Институт экономики Российской академии наук (ИЭ РАН), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ), Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ННГУ), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ), Томский государственный университет (ТГУ). Также среди докладчиков круглого стола были представители союза «Межрегиональное Санкт-Петербурга и Ленинградской области объединение организаций профсоюзов «Ленинградская Федерация Профсоюзов», профсоюза «Новый труд», AVRIO Group Consulting, ТМХ – Энергетические Решения, АО «Коломенский завод». Партнёром мероприятия стал Институт экономики РАН.

Авторы статьи выступали в ролях модераторов и докладчиков данного мероприятия в рамках Форума труда, организованного Правительством Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургским государственным университетом, Межпарламентской Ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств, ЭкспоФорумом-Интернэшнл при поддержке Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруд России) и Федеральной службы по труду и занятости (Роструд).

В рамках круглого стола тенденции и новые контуры занятости обсуждались в контексте качества трудовой жизни, благополучия и достойного труда, влияния искусственного интеллекта, дилеммы «человекоцентричность vs прекаризация», новых форм (в том числе самозанятости), а также государственного регулирования социально-профессиональной структуры.

Актуальный научный дискурс экономистов по труду о дестандартизации занятости

Теме неустойчивой занятости в концептуальной рамке современной экономики труда был посвящён доклад профессора, главного научного сотрудника, заведующего сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала (ИЭ РАН) Вячеслава Николаевича Бобкова. Научная проблема, которая решалась в данном докладе, заключалась в выявлении и обосновании места неустойчивой (прекаризованной) занятости (далее – НЗ) в концептуальной рамке современной экономики труда [1]. Понятие концептуальной рамки экономики труда докладчик определяет как структурированное теоретическое представление о её наиболее актуальной проблематике; точку зрения на основные приоритеты её предмета. В структурированном виде эта рамка включает в себя: 1) содержание и социально-экономические последствия глобализации сферы занятости и рынка труда, обусловленные: а) цифровизацией и искусственным интеллектом и б) внешней трудовой миграцией; 2) разрешение противоречий социально-трудовых отношений между монетарной абсолютизацией её субъектов и их ценностной сущностью: знаниями, мировоззрением и характером труда; 3) возрастание роли первичных звеньев экономики, обусловленное её суверенизацией, и развитие прикладной экономики труда; 4) легитимацию и сокращение масштабов неустойчивой (прекаризованной) занятости [2].

Как подчеркнул докладчик, проблематика неустойчивой занятости в настоящее время входит в основные приоритеты предмета современной экономики труда. Это обусловлено тем, что неустойчивая (ненадёжная) занятость (precarious employment) пронизывает «тело» современных капиталистических производственных отношений в нашей стране и проявляется в утрате работниками социально-трудовых гарантий вследствие трансформации стандартных трудовых отношений, основанных на бессрочных трудовых договорах с полной рабочей неделей.

На основе многолетних исследований возглавляемого им исследовательского коллектива докладчик констатировал, что НЗ охватывает не только практически всю теневую занятость, включая часть граждан в экономически активном

возрасте, не входящих в рабочую силу, но и занятость в неформальном секторе (секторе легальной экономики физических лиц), для которых она является основной, а также безработных, у которых она проявляется в наиболее уродливой форме (временное прерывание занятости). Под её влияние попадают и работники организаций, которые формально всё ещё считаются находящимися в стандартных трудовых отношениях. В подтверждение этого утверждения докладчик представил верифицированный перечень ключевых индикаторов НЗ (занятость на основе устной договорённости без оформления документов; уровень заработной платы, не обеспечивающий устойчивого материального положения домохозяйств (менее нижней границы душевых доходов для вхождения в средние слои по уровню жизни); вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя; отсутствие оплачиваемого отпуска; уменьшение работодателем заработной платы или сокращение часов работы), а также её не ключевых индикаторов (задолженность по заработной плате; неофициальная (частично или полностью) заработная плата; отклоняющееся от стандартного рабочее время (продолжительность рабочей недели более 40 часов или не более 30 часов и ряд других) [3]. Количественное оценивание масштабов НЗ свидетельствует о нахождении в таких производственных отношениях (в зависимости от состава вовлечённых в анализ секторов российской экономики и степени концентрации её индикаторов) от 30 % до 85 % от расширенного состава рабочей силы [4].

В заключение в докладе сделан вывод о том, что группировки работников по наличию и концентрации индикаторов НЗ, а домохозяйств по концентрации в них неустойчиво занятых и распределению по уровню жизни позволяют вариативно подойти к вопросу идентификации её масштабов, приоритизации и этапности решения имеющихся проблем.

Доклад профессора, заместителя заведующего Лабораторией исследований рынка труда **Ларисы Ивановны Смирных** (НИУ ВШЭ) был посвящён влиянию искусственного интеллекта на кадровую структуру предприятий. Кадры предприятий являются важным ресурсом в условиях конкуренции, обусловленной развитием и внедрением технологий искусственного интеллекта (ИИ). В России применение технологий ИИ находится на относительно высоком уровне – около 29 % предприятий в 2023 году применяли те или иные виды ИИ [5]. Однако часто компании отмечают, что сотрудники не обладают достаточными навыками работы с ИИ-технологиями. На предприятиях России доля работников с профессиональ-

ными и пользовательскими компетенциями в области ИИ составляет 8,5 % общей численности персонала; из них специальными компетенциями обладают менее одного процента (0,8 %) от всех работников². При активном внедрении ИИ предприятия имеют относительный высокий спрос на сотрудников с компетенциями и навыками работы с ИИ [6].

По мере погашения такого спроса ожидаются изменения в структуре рабочей силы (человеческого капитала, занятости, персонала) предприятий. В зарубежных исследованиях отмечается, что использование технологий ИИ приводит к увеличению на предприятиях доли квалифицированных работников при одновременном снижении доли работников с низкой квалификацией [7; 8].

В России исследования кадровой структуры предприятий, складывающейся в условиях применения технологий ИИ, до сих пор не проводились. При этом эффекты влияния технологий ИИ на предприятиях России могут отличаться от эффектов, которые выявлены в развитых странах. Во-первых, страны с развитой экономикой ощущают на себе в большей мере последствия использования ИИ, чем развивающиеся страны, к которым относится и Россия [9]. Во-вторых, под влиянием технологического прогресса в развитых странах растёт доля работников, выполняющих нерутинные физические задачи, в то время как в странах с переходной экономикой доля нерутинных и рутинных физических задач снижается. В-третьих, в развитых странах под влиянием информационно-компьютерных технологий (ИКТ) ожидается поляризации рабочих мест, а в странах с переходной экономикой её вероятность оценивается на низком уровне [10].

Для выявления влияния технологий ИИ на структуру кадров предприятий докладчиком были использованы данные опроса предприятий России за 2022–2023 гг., которые являются репрезентативными по стране, и содержат всю необходимую информацию для проведения анализа. На первом этапе были выполнены оценки значимых различий в структуре кадров на предприятиях, использующих и не использующих технологии ИИ. На втором этапе с применением тобит-моделей с эндогенным регрессором осуществлены расчёты, позволяющие определить характер и степень влияния технологий ИИ на долю работников с высокой (низкой) квалификацией, долю рабочих и офисных работников (менеджеров).

Тема *достойного труда для «новых» занятых* подняла в своём докладе **Евгения Владимировна**

² Искусственный интеллект. Серия информационно-аналитических материалов ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2024. 12 с. URL: <https://issek.hse.ru/news/991610162.html> (дата обращения: 28.03.2026).

Нехода, профессор, заведующая кафедрой стратегического менеджмента и маркетинга (ТГУ). Последние десятилетия во всём мире ознаменовались стремительным ростом новых форм занятости. По мнению докладчика, плюрализм и избыточность терминологии (нестандартная, нестабильная, неустойчивая, гиг-занятость, прекарная, независимая занятость) затрудняют как измерение новых процессов на рынке труда, так и выработку более или менее универсальных подходов к их исследованию. Не прекращаются дискуссии о «конце труда» и «трудового общества» Р. Дарендорфа [11], об отказе от первоначальной романтизации цифрового труда, и о «24/7 электронных потогонных заводах» [12], а также исторические дебаты об изменениях «конфигурации труда и капитала» [13]. Размышления о цифровой экономике, власти цифровых платформ, алгоритмическом управлении и «бесплатном» труде становятся новой научной повесткой в экономике и социологии труда [14; 15]. Докладчик разделяет позицию о формирующейся новой парадигме труда, разрушении части институциональных барьеров, когда «ключевую роль играет не место работы, а способность индивидуумов к адаптации и самоорганизации», а также то, что «для достойного труда фрилансеров доверие (социальный капитал) и цифровая репутация имеют большее значение, чем социальная защищённость и гарантированная занятость» [16].

При характеристике новых форм занятости встречаются две противоположные точки зрения (только минусы с точки зрения вызовов и рисков, или только плюсы с позиций возможностей), но чаще исследователи говорят о «дуализме» новых форм занятости и положении «новых» работников. С одной стороны, трудовая автономия, повышение ответственности самого человека за своё профессиональное развитие и благополучие, гибкость (места, графика, режима), разнообразие задач, дополнительный доход, разрушение входных барьеров и вовлечение в трудовую деятельность уязвимых категорий работников (молодёжь, женщины, люди с ограниченными возможностями, пожилые люди, мигранты и жители менее развитых регионов). Платформы цифрового труда становятся новым каналом трудоустройства, способствуя инклюзивному экономическому росту [17]. По мнению ряда учёных, новые формы занятости, в частности, платформенная занятость, являются логичным продолжением разворачивающихся на протяжении последних десятилетий тенденций к дерегулированию рынка труда и дестандартизации занятости [16]. С другой стороны, социальная незащищённость и уязвимость; размывание границ между работой и личной

жизнью (нарушение баланса life-work), не всегда понятный статус (работник или «независимый подрядчик»), сложность идентификации отношений (трудовые или гражданско-правовые), возрастание стресса и психологических нагрузок вследствие усиления ответственности за свою профессиональную жизнь (в условиях традиционной занятости эту ответственность в разных пропорциях несли государство и работодатель); в целом неустойчивый характер занятости и риски прекаризации (потеря социально-трудовых прав и гарантий) и маргинализации.

Однако обобщать, при всей научной важности, вызовы и риски для новых занятых, в равной степени, как и возможности, неправомерно. Например, в той же гиг-экономике одна работа (задача, проект) требует высокой квалификации, работы из любой точки мира онлайн, другая – невысокой квалификации в условиях режима офлайн. Онлайн-работа может включать в себя фриланс или платформенную занятость, тогда как офлайн-работа может быть организована через платформу (приложения) и выполняться посредством прямой связи с клиентом (Uber, TaskRabbit, Яндекс.Такси). Та же онлайн-работа может быть сложной, уникальной и требовать высокой квалификации (творческие, технические работы), и наоборот – простой, не требующей специальной профессиональной подготовки (виртуальный помощник, ввод данных). То же самое и с работой офлайн – от высокой квалификации (специализированные услуги) до средней и низкой (услуги доставки, домашние работы). Более того, с увеличением форм и разнообразия занятости возрастает и количество их комбинаций. Тот же фриланс может осуществляться по письменному договору, устной договорённости, с помощью интернета или без него. То же самое и с гиг-работником: он может выполнять работу (задание, проект) по трудовому договору, являясь работником со всеми вытекающими трудовыми правами, гарантиями и защищённостью, а может по договору гражданско-правового характера, являясь независимым работником без всего вышеперечисленного.

Платформы цифрового труда тоже неоднородны. МОТ выделяет две основные разновидности цифровых платформ труда и соответственно два типа работников: 1) платформы на основе геолокации / местоположения и, соответственно, работники, нанимаемые самими платформами (платформы такси, платформы доставки, гибридные платформы); 2) платформы на основе веб-технологий и работники, получающие работу / задачи с их помощью (веб-дизайнеры, программисты, переводчики, социальные медиа, финан-

совые услуги)³. Первые, как правило, более уязвимы с точки зрения дохода, «произвола» платформ, рисков прекаризации и социальной защищённости. Вторым нужны совершенно другие подходы к регулированию. Например, такие фрилансеры как веб-дизайнеры, программисты, переводчики, финансовые консультанты в большей степени ценят гибкость, возможности распоряжаться временем, профессиональное развитие. Докладчик отметил, что профессиональный фриланс, платформенная занятость, самозанятость в высококвалифицированных секторах чаще всего ассоциируются с высокими доходами и автономией, а не с прекариатом. Проблемы концентрируются в низкооплачиваемых, низкоквалифицированных сегментах платформенной экономики. И выгоды от цифровизации присваиваются высококвалифицированными работниками и платформами цифрового труда, в то время как издержки ложатся на низкоквалифицированных работников. Ключевым дифференцирующим фактором становится не тип контракта или отношений, а уровень уникальности компетенций.

Фундаментальная причина дискуссий о скором закате труда кроется, на взгляд докладчика, в использовании сложившихся подходов, которые не всегда годятся для исследования новых тенденций. По образному выражению А.В. Шевчука «вызов заключается в том, чтобы сделать технологические и организационные инновации социально приемлемыми» [15]. «Новые» занятые – не гомогенная группа, как в случае с наёмными работниками и индикаторами достойного труда для традиционной занятости (полный рабочий день, бессрочный трудовой договор и институционализированные трудовые отношения, возможности социального диалога со стороны наёмных работников, социальных гарантий и социальной защиты со стороны работодателей и государства). Более продуктивно сегодня оценивать качество занятости и достойный труд с позиций гибкости и адаптивности, технологичности, доверия, ответственности человека за своё благополучие, карьеру, профессиональное развитие, учитывая и уязвимость «новых» работников с точки зрения социальной защищённости, отсутствие институтов и «власти» платформ. Таким образом, достойный труд для «новых» занятых становится, по мнению докладчика, актуальной исследовательской задачей, а преодоление дефицита достой-

ного труда требует новых подходов к разработке системы показателей и методам сбора данных.

Объективным и субъективным сторонам благополучия, связанного с работой, посвятила доклад **Ирина Викторовна Соболева**, главный научный сотрудник, руководитель Центра развития человеческого потенциала (ИЭ РАН). Процессы, происходящие в сфере труда, она предложила рассматривать в двух основных ракурсах. Первый остро востребованный и весьма популярный среди исследователей ракурс – соответствие этой сферы текущим и перспективным потребностям экономического развития. Другой ракурс, воплощающий человеко-ориентированный подход к экономическому успеху, предполагает анализ того, что сфера труда даёт работнику, насколько участие в социально-трудовых отношениях удовлетворяет потребности его воспроизводства как носителя рабочей силы и как личности. Именно этому ракурсу был посвящён данный доклад.

Сопоставление концепций показало, что более-менее адекватная реальности оценка положения человека в сфере труда возможна лишь на основе интеграции объективных и субъективных индикаторов. В качестве методологической рамки докладчик предлагает использовать концепцию благополучия, связанного с работой (work-related wellbeing), рассматривающую ситуацию строго со стороны работника, его интересов, потребностей и предпочтений в единстве её объективной и субъективной сторон и охватывающую как внутренние характеристики работы, так и инструментальную полезность занятости, выходящую за пределы непосредственно трудовой жизни.

В основе авторского подхода к оценке благополучия, связанного с работой, лежит убеждение, что его уровень зависит не только от параметров рабочего места и общих условий занятости, но и от степени их соответствия индивидуальным характеристикам и жизненным обстоятельствам человека, который то или иное рабочее место занимает. С учётом опыта предыдущих исследований [18; 19; 20] и особенностей информационной базы для характеристики благополучия, связанного с работой, в современной России выбраны следующие аспекты: доход от занятости (монетарный аспект), защищённость занятости, условия и безопасность труда, профессиональная самореализация на рабочем месте и профессиональное развитие, баланс работы и жизни. Каждый аспект характеризуется с помощью комплексных индексов, обобщающих параметры его объективной и субъективной сторон. Такой подход, по мнению докладчика, позволяет определить актуальные зоны риска для различных категорий работников, на купирование которых целесообразно

³ Перспективы занятости и социальной защиты в мире: Роль платформ цифрового труда в трансформации сферы труда, 2021. Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Москва: МОТ, 2021. 285 с. ISBN 978-92-2-035920-4 URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@europe/@ro-geneva/@sro-moscow/documents/publication/wcms_829515.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

направить усилия государственной политики и инициатив работодателей для продвижения комплексного человеко-ориентированного подхода в сфере труда.

В продолжении темы благополучия, связанного с работой, выступила коллега предыдущего докладчика по исследованию **Екатерина Алексеевна Черных**, ведущий научный сотрудник сектора политики занятости и социально-трудовых отношений Центра развития человеческого потенциала (ИЭ РАН). Она конкретизировала *социально-демографический профиль благополучия, связанного с работой*.

Наиболее полное, на взгляд докладчика, представление, сопоставляющее объективную и субъективную сторону благополучия, можно получить на основе данных обследований населения, самым представительным из которых является Комплексное наблюдение условий жизни населения Росстата (КОУЖ)⁴.

В докладе было выделено четыре ключевых аспекта благополучия, каждый из которых оценивается через агрегатный индекс, состоящий на 50% из объективных данных (тип контракта, режим работы, наличие вредных факторов и др.) и на 50% из субъективных оценок (удовлетворённость): индекс защищённости занятости; индекс условий труда; индекс профессиональной реализации и развития; индекс баланса работы и личной жизни.

За исследованный автором период (2018–2024 гг.) наблюдалось устойчивое смещение профиля благополучия вверх по всем показателям. Наиболее выраженный рост зафиксирован в период 2022–2024 гг., что отчасти связано с дефицитом кадров и ростом ценности человеческого капитала. Почти по всем аспектам (кроме защищённости занятости) субъективные оценки значительно превышают объективные показатели. Это, как полагает автор, свидетельствует о заниженных притязаниях работников: люди склонны оценивать свою ситуацию как «приемлемую» даже при неблагоприятных объективных условиях, что подтверждает гипотезу о наличии у российских работников феномена «адаптивной рационализации».

«Защищённость занятости» – это единственный аспект, где объективный индекс (0,954 в 2024 г.) выше субъективного (0,882). Стабильность занятости остаётся приоритетом российской политики труда. Рост индекса «Баланс работы и жизни» происходит исключительно за счёт субъективного восприятия, в то время как объективный индекс баланса стагнирует или даже снижается (0,301 в 2024 г.).

Объективный показатель востребованности образования и участия в профессиональном обучении остаётся на низком уровне (0,442), хотя субъективно работники демонстрируют высокую удовлетворённость своими обязанностями (0,871).

Женщины имеют более высокий профиль немонетарного благополучия, чем мужчины, по всем четырём индексам. Самый низкий показатель у мужчин зафиксирован в индексе условий труда из-за высокой концентрации во вредных производствах.

Чем выше уровень образования, тем выше все индексы благополучия. Лица с высшим образованием лидируют как по объективной защищённости (0,985), так и по удовлетворённости доходом.

Представители старшего поколения (60+) демонстрируют самые высокие показатели субъективной удовлетворённости, несмотря на объективное отставание в возможностях профессионального развития. Это, как поясняет докладчик, объясняется более скромными притязаниями и приоритетом немонетарных аспектов на закате карьеры.

Хотя официальная статистика фиксирует рост благополучия, данные индексов указывают, по мнению докладчика, на скрытые зоны риска — прежде всего, стагнацию объективных условий для баланса работы и жизни и низкий уровень вовлечённости в реальное профессиональное развитие на рабочих местах.

Проблематике *качества занятости и её (не) устойчивости*, идентификация которых проводится на основе оригинальных верифицированных индикаторов [21], уделила внимание **Елена Валерьевна Одинцова**, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала (ИЭ РАН). Снижение качества занятости, согласно оценкам докладчика, затрагивает заметную долю работающих. В формальном секторе занятости у порядка 40% наёмных работников занятость не обеспечивает экономическую устойчивость их домохозяйств, т. е. снижение качества их занятости обусловлено индикатором уровня доходов от занятости. У другой группы работников (порядка 10%) эрозия качества занятости определяется наличием других признаков – неофициальная занятость, уменьшение работодателем заработной платы или сокращение часов работы, задолженность по заработной плате, неофициальные доходы от занятости и/или другими. Занятость этой группы работников является незащищённой. Ещё у порядка 40% работников занятость оценивается как неустойчивая, сочетая признаки незащищённой

⁴ Комплексное наблюдение условий жизни населения // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html (дата обращения: 23.11.2025).

занятости и занятости, не обеспечивающей экономическую устойчивость домохозяйств работников [22].

Занятость работников неформального сектора также можно оценить как неустойчивую, сопряженную с различными признаками снижения качества занятости. Неустойчивая занятость в формальном и неформальном секторах, а также временная незанятость (безработица как крайняя форма неустойчивой занятости) очерчивают её контуры в рамках традиционной концепции рабочей силы, а включение в фокус внимания лиц из числа потенциальной рабочей силы, – в рамках расширенной концепции рабочей силы [4].

При оценивании качества занятости, по мнению докладчика, необходимо выделять (не)устойчивость и (не)стабильность занятости. Это позволяет рассматривать (не)изменность во времени характеристики качества ((не)устойчивости) занятости. Отслеживание перемещений (перетоков) в рамках контура «занятые и их разные группы по качеству занятости – безработные – потенциальная рабочая сила» позволяет более объёмно, объективно оценивать ситуацию с занятостью и её качеством.

Дестандартизация занятости как инструмент повышения эффективности: человекоцентричность vs. прекаризация была в центре доклада **Татьяны Олеговны Разумовой**, профессора, заведующей кафедрой экономики труда и персонала и **Ирины Дмитриевны Бурак**, доцента той же кафедры (МГУ). Современный рынок труда переживает масштабную институциональную трансформацию, обусловленную технологическими изменениями, глобализацией и развитием цифровой экономики. Одним из наиболее заметных проявлений этих процессов становится дестандартизация занятости – распространение форм трудовых отношений, отклоняющихся от классической модели стандартной занятости. Международная организация труда определяет нестандартные формы занятости как совокупность трудовых отношений, отклоняющихся от стандартной модели, включая временную занятость, частичную занятость, заёмный труд, зависимую samozанятость и платформенную занятость. В индустриальной экономике XX века стандартная занятость выступала институциональной нормой и характеризовалась бессрочным трудовым договором, полной занятостью, стабильным рабочим местом у одного работодателя и довольно высоким уровнем социальной защиты. Однако в последние десятилетия такая модель постепенно утрачивает универсальность, уступая место более гибким формам организации труда. Как отмечают В.Н. Бобков и О.В. Вередюк, трансформация структуры заня-

тости является одной из ключевых характеристик современного рынка труда и проявляется в расширении нестандартных форм занятости, которые постепенно становятся значимым сегментом экономической активности [23]. К таким формам относятся временная занятость, неполная занятость, дистанционная работа, samozанятость, аутсорсинг, платформенная занятость и различные формы проектной работы. Дестандартизация занятости становится важным механизмом адаптации экономики к условиям высокой неопределённости и ускоряющихся структурных изменений.

С точки зрения работодателя, дестандартизация занятости выступает инструментом повышения гибкости использования рабочей силы и повышения эффективности трудовых отношений. Расширение нестандартных форм занятости позволяет компаниям быстрее адаптировать численность персонала к изменениям спроса и технологическим трансформациям. В экономической литературе отмечается, что использование гибких форм занятости позволяет предприятиям снижать транзакционные издержки управления персоналом, оптимизировать структуру занятости и более эффективно распределять человеческий капитал. Как отмечает О.В. Вередюк, дестандартизация занятости представляет собой сложный и многомерный процесс, который включает не только распространение новых форм занятости, но и трансформацию институциональной структуры рынка труда [24]. При этом важно учитывать, что многие формы нестандартной занятости возникли не в результате сознательной институциональной реформы, а как практическая адаптация рынка труда к изменяющимся экономическим условиям.

Исследования В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшниковой показывают, что разнообразие форм занятости сыграло важную роль в адаптации российского рынка труда к экономическим кризисам и структурным изменениям. В отличие от многих других стран, российский рынок труда характеризуется высокой гибкостью, которая проявляется не столько в динамике занятости, сколько в изменении заработной платы, продолжительности рабочего времени и распространении нестандартных форм занятости [25]. Такая институциональная гибкость позволила российской экономике относительно мягко адаптироваться к ряду экономических шоков, включая трансформационный кризис 1990-х годов и экономические спады последующих лет.

В мировой экономике нестандартные формы занятости занимают значительную долю рынка труда. По оценкам ОЭСР, около 40% занятых в развитых странах работают в различных формах

нестандартной занятости, включая временную занятость, неполную занятость и самозанятость⁵.

В России процессы дестандартизации занятости также приобретают всё более заметный масштаб. Так, по данным Федеральной налоговой службы, к концу 2024 года число зарегистрированных самозанятых в России превысило 12 млн человек, что свидетельствует о значительном расширении данного сегмента рынка труда⁶. Кроме того, существенную роль в структуре занятости играет неформальный сектор экономики. По оценкам Росстата, численность занятых в неформальном секторе в России в 2023 году составила свыше 13 млн человек⁷. Это свидетельствует о том, что нестандартные формы занятости в России имеют не только институциональный, но и значительный неформальный характер.

Особую роль в процессах дестандартизации занятости играет развитие цифровых технологий и платформенной экономики. Цифровые платформы создают новые формы организации труда, в которых взаимодействие между работниками и работодателями осуществляется через цифровые посреднические системы. По оценкам международных исследований, около 2–3% трудоспособного населения развитых стран выполняют работу через цифровые платформы, однако значительно большее число работников хотя бы раз участвовало в платформенной занятости⁸. В России в 2023 году, по данным Росстата, в платформенной занятости по основному месту работы участвовало почти 3,3 тыс. человек⁹. Платформенная экономика позволяет компаниям получать доступ к глобальному рынку труда и привлекать специа-

листов для выполнения краткосрочных задач, что способствует повышению гибкости и эффективности использования трудовых ресурсов. Однако такие формы занятости также создают новые вызовы для системы регулирования трудовых отношений.

Несмотря на потенциальные преимущества гибкой занятости, распространение нестандартных форм занятости сопровождается значительными социально-экономическими рисками. Одним из наиболее обсуждаемых явлений является прекаризация труда. Британский экономист Г. Стэндинг связывает распространение нестабильных форм занятости с формированием новой социальной группы – прекариата, характеризующейся нестабильностью занятости, неопределённостью доходов и ограниченным доступом к социальным гарантиям [26]. Сходные процессы отмечаются и в российской экономике: распространение нестандартных форм занятости может сопровождаться снижением уровня социальной защищённости работников и усилением сегментации рынка труда [23].

В последние годы в научной дискуссии активно развивается концепция человекоцентричного рынка труда, предполагающая ориентацию институтов занятости на развитие человеческого потенциала и повышение качества трудовой жизни. С этой точки зрения, гибкие формы занятости могут рассматриваться как инструмент расширения возможностей работника. Они позволяют индивидуализировать трудовые траектории, сочетать занятость с образованием или семейными обязанностями, а также расширять территориальную мобильность труда. Однако реализация человекоцентричной модели рынка труда требует соответствующей институциональной среды, обеспечивающей доступ работников к системам социальной защиты и возможностям профессионального развития.

Дестандартизация занятости представляет собой один из ключевых процессов трансформации современного рынка труда. С одной стороны, она выступает важным инструментом повышения гибкости и эффективности экономики, позволяя предприятиям адаптироваться к технологическим изменениям и колебаниям спроса. С другой стороны, расширение нестандартных форм занятости может сопровождаться рисками прекаризации труда и усилением сегментации рынка труда. В этих условиях ключевой задачей экономической политики становится поиск баланса между гибкостью трудовых отношений и социальной защищённостью работников. Дальнейшее развитие рынка труда будет во многом зависеть от способности институтов регулирования обеспе-

⁵ Distributional risks associated with non-standard work: Stylised facts and policy considerations // OECD Economic Outlook: Distributional risks associated with non-standard work. Issue Note 4. Paris: OECD Publishing; 2020. 336 p. ISBN 9789264700611 <https://doi.org/10.1787/0d1d1e2e-en> URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook/volume-2020/issue-1_0d1d1e2e-en/full-report/issue-note-4-distributional-risks-associated-with-non-standard-work-stylised-facts-and-policy-considerations_f26daa27.html (дата обращения: 14.03.2026).

⁶ Более 12 млн самозанятых зарегистрировались в России. 2024 // ФНС России: [сайт]. 06.12.2024. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15487019/ (дата обращения: 14.03.2026).

⁷ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2024. Стат. сб. / Росстат. М., 2024. 152 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

⁸ Handbook on Measuring Digital Platform Employment and Work. OECD, International Labour Organization, European Union. Paris: OECD Publishing, 2023. 142 p. ISBN 9789264518902 <https://doi.org/10.1787/0ddcac3b-en> (дата обращения: 14.03.2026).

⁹ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2024. Стат. сб. / Росстат. М., 2024. 152 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

читать сочетание экономической эффективности и высокого качества трудовой жизни.

О государственном регулировании социально-профессиональной структуры трудовых ресурсов как тренде нестандартной занятости высказался **Александр Владимирович Золотов**, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и методологии (ННГУ). С его точки зрения, для рыночной экономики характерен выбор профессиональной траектории в соответствии с собственными предпочтениями трудоспособных членов общества. Подобный выбор – неотъемлемая составляющая свободы труда в этой экономике, выступает и свойством стандартной занятости. «Чистая рыночная экономика» – модель, абстрагирующая от регулирующей роли государства, в том числе и на рынке труда. На самом деле, поддерживаемая государством система высшего образования и среднего профессионального образования определяет структуру направлений подготовки молодого поколения, что во многом формирует социально-профессиональную структуру трудовых ресурсов общества [27].

Постсоветская Россия унаследовала приоритет государственной формы всех ступеней образования. Поскольку экономика функционирует на рыночных принципах, то система высшего и среднего профессионального образования в значительной степени перешла на приём студентов на коммерческой основе. Трудоустройство студентов по специальности было в числе контролируемых государством показателей эффективности учебных заведений, но решающая роль в выборе фактической специальности оставалась за самими выпускниками.

Необходимость мобилизации ресурсов для суверенного развития России потребовала усиления роли государственного регулирования [2, с. 36], что в условиях напряжённости с обеспечением экономики кадрами привело к модификации структуры государственной системы образования. В последние годы почти половина школьников после 9 класса идут в учреждения среднего профессионального образования, СПО. Такое перенаправление потока потенциальных старшеклассников не является инициативой только их самих и их родителей, а стимулируется государством. В результате расширяется охват обучением молодого поколения по рабочим профессиям.

Программа «Профессионалитет» предусматривает увеличение времени производственной практики для обучающихся, что означает использование дополнительного ресурса труда по дефицитным профессиям. Для поступившего такой труд является, по сути, обязательным, хотя формально относится к производственному обучению.

Государство поддерживает целевой приём в учреждения СПО, что сопряжено с обязательной работой по специальности у конкретного работодателя в течение 1–2 лет.

Директивное ограничение платного приёма по широкому перечню направлений подготовки в университетах при одновременном сокращении бюджетного приёма по ним – новый шаг со стороны государства в регулировании социально-профессиональной структуры занятости. И на этом уровне образования прогрессирует целевое обучение, предполагающее этап обязательной работы у определённого работодателя.

Резонансное решение об обязательном трудоустройстве выпускников медицинских вузов и колледжей после обучения на бюджетной основе означает дальнейшее усиление роли государства в определении профессиональной траектории занятых.

Таким образом, по мнению докладчика, наличие тенденции к развитию государственного регулирования занятости, которое достигло уровня, связанного с обязательной работой выпускников вузов и колледжей в течение определённого периода по выбранной специальности, в определённых секторах экономики. Это одно из проявлений нестандартной занятости. В условиях нарастания демографической проблемы, сложной международной обстановки нетрудно спрогнозировать усиление этой тенденции в России, что может привести к соответствующему изменению стандартной занятости.

Перспективам и противоречиям развития института самозанятости в России в контексте завершения эксперимента по введению налога на профессиональный доход (НПД) в 2028 году уделил внимание **Андрей Васильевич Попов**, ведущий научный сотрудник (ВолНЦ РАН). Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления статуса самозанятых, поскольку за последнее время они стали значимой частью рынка труда, однако их положение остаётся противоречивым как с точки зрения экономической эффективности, так и социальной защищённости [28].

В докладе показано, что самозанятость имеет глубокие исторические корни и получила импульс к распространению в постсоветский период. Введение налога на профессиональный доход, НПД в 2019 году стало важным этапом её институционализации [29]. По данным ФНС на 2025 год, численность самозанятых достигла 15,4 млн человек, чьи налоговые поступления превышают 10 млрд рублей в месяц. Основными факторами роста стали простота регистрации, низкие налоговые ставки и отсутствие обязательных страховых взносов. В результате НПД заре-

комендовал себя как эффективный инструмент легализации доходов и расширения предпринимательской активности. Вместе с тем автор обращает внимание на существенные ограничения регистрационного подхода к оценке самозанятости. Сопоставление данных ФНС и выборочных обследований рабочей силы Росстата показывает, что фактический уровень самозанятости составляет около 5–6 %, что значительно ниже регистрационных показателей. Кроме того, почти 40% зарегистрированных не декларируют доходы, а для половины самозанятость носит временный характер и совмещается с другими видами занятости¹⁰. Средний уровень доходов остаётся невысоким (около 25 тыс. рублей в месяц), что указывает на её преимущественно вспомогательную роль и ограниченный потенциал формирования устойчивого бизнеса.

Ключевым результатом исследования стало выявление трёх системных противоречий развития самозанятости. Первое связано с одновременным эффектом легализации и упрощения экономической структуры: вывод доходов из «тени» сопровождается риском закрепления работников в сегментах с низкой добавленной стоимостью. Второе противоречие проявляется в сочетании гибкости и уязвимости: расширение автономии в трудовой деятельности сопровождается нестабильностью доходов и ограниченным доступом к социальной защите. Третье – в разрыве между предпринимательским потенциалом и фактической ограниченностью роста: несмотря на низкий порог входа, лишь небольшая часть самозанятых переходит к устойчивым формам бизнеса. В заключение докладчик подчёркивает, что гармоничное развитие института самозанятости требует условий для перехода к более устойчивым формам предпринимательства, развития систем социальной защиты, регулирования цифровых платформ и совершенствования системы профессионального образования. От итоговых решений по завершению эксперимента с НПД зависит, станет ли самозанятость полноценной формой занятости или сохранит преимущественно фискальный характер.

В завершении мероприятия **Олеся Васильевна Вередюк**, доцент (СПбГУ) отметила, что его повестка на протяжении всех лет проведения отражала актуальную ситуацию в сфере занятости. Она поделилась результатами авторского исследования, подтверждающего данную гипотезу.

Уникальность проведённого исследования определяется используемой базой данных, которую сформировали тезисы выступлений – форма научного дискурса, в сжатой форме отражающая содержательные актуальные позиции – академических экономистов по труду, представивших свои доклады на данной площадке Форума труда с 2021 по 2025 годы. Это был динамичный период, с точки зрения произошедшего в экономике страны. Акценты в дискуссии зависели от внешних факторов, таких как пандемия COVID-19, цифровизация и санкционное давление. Докладчик выделил этапы трансформации дискурса. Так, 2021–2022 гг. были охарактеризованы как этап диагностики и осмысления новых реалий, связанных с последствиями пандемии COVID-19 и цифровой трансформацией. Ключевыми обсуждаемыми темами стали следующие: размытие границ между профессиональной деятельностью и частной жизнью, а также рост цифрового неравенства («цифровой разрыв»). Следующий этап – 2023–2024 гг. – на фоне общего контекста перехода от пандемии к структурной перестройке экономики под влиянием санкций и дефицита на рынке труда ключевым вопросом обсуждения был вопрос о том, является ли дестандартизация занятости «вызовом или решением» в таких условиях. Третий этап – 2025 год – этап синтеза теории и практики. Впервые в дискуссии объединились академические эксперты и представители бизнеса. Главные направления обсуждений – платформенная экономика, влияние искусственного интеллекта на структуру занятости, регулирование временной и студенческой занятости на фоне продолжающегося дефицита на рынке труда.

Анализ докладов академических экспертов за последние пять лет позволил докладчику сделать вывод о том, что их тематика чутко отражает сложную и динамичную картину развития научного понимания дестандартизации занятости, раскрывая тесную взаимосвязь между внешней средой и внутренней логикой исследовательского процесса.

Из исключительно академической дискуссии мероприятие выросло в сессию представителей разных групп экспертов¹¹, став одним из флагманских мероприятий программы Форума труда. Публикация дайджестов докладов участников данного мероприятия и их анализ дают возможность обобщить тенденции и увидеть новые контуры феномена дестандартизации занятости.

¹⁰ Самозанятость в России 2019–2024: промежуточные итоги эксперимента // МГУ: [сайт]. URL: https://www.econ.msu.ru/science/News.20250910133238_6536/ (дата обращения: 12.03.2026).

¹¹ Представители бизнеса впервые присоединились к дискуссии в 2025 году, а в 2026 году круг экспертов пополнился лидерами профсоюзных организаций.

Список источников

1. Бобков В.Н. Классификация современной занятости, особенности и тенденции развития её нестандартных форм в Российской Федерации // Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости: монография / под ред. Н.Л. Лютова, Н.В. Черных. Москва: Проспект, 2022. С. 8–28. ISBN 978-5-392-36600-2
2. Бобков В.Н. О концепции проблематики современной экономики труда // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 355–370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_1_355_370 EDN COHNCQ
3. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Иванова Т.В., Чащина Т.В. Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 4. С. 502–520. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7> EDN KWLGGN
4. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Подвойский Г.Л. Устойчивая и неустойчивая занятость в Российской Федерации // Мир новой экономики. 2023. Том 17. № 3. С. 109–124. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-3-109-124> EDN MHZHXH
5. Смирных Л.И. Искусственный интеллект на предприятиях России: каковы эффекты для занятости? // Вопросы экономики. 2025. № 9. С. 88–102. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-9-88-102> EDN HCQLQI
6. Скоробогатов А.С., Свиридов О.И. Влияние искусственного интеллекта на структуру и содержание вакансий на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2025. № 1. С. 71–91. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-71-91> EDN IUBBUP
7. Dong Z., Abd Aziz M.F., Wang Y. An Empirical Analysis of How Artificial Intelligence Development Influences the Adjustment of Human Capital Structure in Businesses. *Finance Research Letters*. 2025;84:107827. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2025.107827>
8. Li Z., Yang H., Zhang T. Impact of Enterprise Artificial Intelligence Development on Human Capital Structure. *Finance Research Letters*. 2025;82:107600. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2025.107600>
9. Hatzius J., Briggs J., Kodnani D., et al. The Potentially Large Effects of Artificial Intelligence on Economic Growth. New York: Goldman Sachs, 2023. P. 268–296.
10. Hardy W., Keister R., Lewandowski P. Educational Upgrading, Structural Change and the Task Composition of Jobs in Europe. *Economics of Transition*. 2018;26(2):201–231. <https://doi.org/10.1111/ecot.12145>
11. Зубков В.И. Влияние современных социально-экономических тенденций на развитие нестандартных форм занятости // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. № 2. С. 156–177. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-2-156-177> EDN OHUNIN
12. Terranova T. Free Labor: Producing Culture for the Digital Economy. *Social Text*. 2000;18(2):33–58. https://doi.org/10.1215/01642472-18-2_63-33
13. Goods C., Veen A., Barratt T. Is Your Gig Any Good? Analysing Job Quality in the Australian Platform-Based Food-Delivery Sector. *Journal of Industrial Relations*. 2019;61(4):1–26. <https://doi.org/10.1177/0022185618817069>
14. Радаев В.В. Развитие платформ как вызов социологии // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 15–28. <https://doi.org/10.31857/S013216250022667-6> EDN WVZOOQ
15. Шевчук А.В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. Том 32. № 1. С. 30–54. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54> EDN XHQTOI
16. Kalleberg A.L. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition. *American Sociological Review*. 2009;74(1):1–22. <https://doi.org/10.1177/000312240907400101>
17. Овчарова Л.Н., Синявская О.В., Бирюкова С.С., Горина Е.А., Нагерняк М.А., Пишняк А.И. Социальная защита в России: развилки будущего. Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 5–31. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-5-31> EDN LTLLRD
18. Burchell B., Sehnbruch K., Piasna A., Agloni N. The Quality of Employment and Decent Work: Definitions, Methodologies, and Ongoing Debates. *Cambridge Journal of Economics*. 2014;38(2):459–477. <https://doi.org/10.1093/cje/bet067>
19. Nunes P.M., Proença T., Carozzo-Todaro M.E. A Systematic Review on Well-Being and Ill-Being in Working Contexts: Contributions of Self-Determination Theory. *Personnel Review*. 2024;53(2):375–419. <https://doi.org/10.1108/PR-11-2021-0812>
20. Stephens T.C. What has Happened to Job Quality in Britain? The Effect of Different Weighting Methods on Labour Market Inequalities and Changes Using a UK Quality of Work (QoW) Index, 2012–2021. *Social Indicators Research*. 2025;177(2):833–861. <https://doi.org/10.1007/s11205-025-03542-9>
21. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2024 год: [Ежегодник]. Вып. 3 (204) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2025. 170 с. ISBN 978-5-9940-0792-1 EDN MKBWFA
22. Одинцова Е.В. Оценивание неустойчивой занятости по найму в российском формальном секторе: от уровня работников к уровню домохозяйств // Общество и экономика. 2025. № 8. С. 18–32. <https://doi.org/10.31857/S0207367625080022> EDN COFQGD
23. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Занятость и рынок труда: контуры дестандартизации. Академическая дискуссия на V Санкт-Петербургском международном форуме труда (Санкт-Петербург, 23 апреля 2021 г.) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. № 2. С. 271–285. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.11> EDN GGSFRX
24. Вередюк О.В. Дестандартизация занятости: от практики к теории и наоборот. По итогам круглого стола в рамках IX Санкт-Петербургского международного форума труда // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 480–490. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_11_480_490 EDN RMGECK

25. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. Москва: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с. EDN WENTUL
26. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury Academic; 2011. 209 p. ISBN 978-1-84966-352-6
27. Белов А.В., Золотов А.В. Экономические аспекты деятельности университетов в Японии // Вопросы образования. 2014. № 3. С. 30–53. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2014-3-30-53> EDN SXHKAV
28. Шабунова А.А., Попов А.В. Больше, чем НПД. Социально-экономические контуры самозанятости // Журнал Бюджет. 2026. № 3(279). С. 73–77. EDN YDTBMU
29. Морозова Н.Г., Типалина М.В. Современные проблемы и перспективы применения налога на профессиональный доход // Вестник университета. 2023. № 6. С. 162–170. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-162-170> EDN MMBATN

Информация об авторах:

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни, Центр развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН

(SPIN-код: 5639-0410) (ResearcherID: U-6527-2019)

Олеся Васильевна Вередюк – кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (SPIN-код: 1559-8191) (Researcher ID: K-7044-2013)

Сведения о вкладе каждого автора:

В.Н. Бобков – научное редактирование текста.

О.В. Вередюк – общий замысел и структурирование статьи, обзор позиций участников дискуссии, заключение.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Вередюк Олеся Васильевна.

Статья поступила в редакцию 15.07.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Bobkov V.N. Klassifikatsiya Sovremennoj Zanyatosti, Osobennosti i Tendencii Razvitiya Eyo Nestandartnyh Form v Rossijskoj Federacii. In: Lyutov N.L., Chernyh N.V. (eds.) *Trudovye Otnosheniya v Usloviyah Razvitiya Nestandartnyh Form Zanyatosti*. Monograph. Moscow: Prospekt; 2022. P. 8–28. ISBN 978-5-392-36600-2 (In Russ.)
2. Bobkov V.N. On the Concept of the Problems of Modern Labour Economics. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):355-370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_1_355_370 (In Russ.)
3. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Ivanova T.V., Chashchina T.V. Significant Indicators of Precarious Employment and Their Priority. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):502–520. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7> (In Russ.)
4. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Podvoisky G.L. Sustainable and Precarious Employment in the Russian Federation. *Mir novoi ehkonomiki=The World of the New Economy*. 2023;17(3):109-124. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-3-109-124> (In Russ.)
5. Smirnykh L.I. Artificial Intelligence in Russian Enterprises: What are the Effects on Employment? *Voprosy Ekonomiki*. 2025;(9):88-102. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-9-88-102> (In Russ.)
6. Skorobogatov A.S., Sviridov O.I. The Artificial Intelligence Impact on Russian Labor Market. *Voprosy Ekonomiki*. 2025;(1):71-91. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-71-91> (In Russ.)
7. Dong Z., Abd Aziz M.F., Wang Y. An Empirical Analysis of How Artificial Intelligence Development Influences the Adjustment of Human Capital Structure in Businesses. *Finance Research Letters*. 2025;84:107827. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2025.107827>
8. Li Z., Yang H., Zhang T. Impact of Enterprise Artificial Intelligence Development on Human Capital Structure. *Finance Research Letters*. 2025;82:107600. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2025.107600>
9. Hatzius J., Briggs J., Kodnani D., et al. The Potentially Large Effects of Artificial Intelligence on Economic Growth. New York: Goldman Sachs; 2023. P. 268–296.
10. Hardy W., Keister R., Lewandowski P. Educational Upgrading, Structural Change and the Task Composition of Jobs in Europe. *Economics of Transition*. 2018;26(2):201–231. <https://doi.org/10.1111/ecot.12145>
11. Zubkov V.I. Influence of Modern Socio-economic Tendencies on the Development of Non-standard Forms of Employment. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya=Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2020;26(2):156-177. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-2-156-177> (In Russ.)
12. Terranova T. Free Labor: Producing Culture for the Digital Economy. *Social Text*. 2000;18(2):33–58. https://doi.org/10.1215/01642472-18-2_63-33
13. Goods C., Veen A., Barratt T. Is Your Gig Any Good? Analysing Job Quality in the Australian Platform-Based Food-Delivery Sector. *Journal of Industrial Relations*. 2019;61(4):1–26. <https://doi.org/10.1177/0022185618817069>

14. Radaev V.V. The Expansion of Platforms as a Challenge to Sociology. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*. 2022;(12):15–28. <https://doi.org/10.31857/S013216250022667-6> (In Russ.)
15. Shevchuk A.V. From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*. 2020;32(1):30–54. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54> (In Russ.)
16. Kalleberg A.L. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition. *American Sociological Review*. 2009;74(1):1–22. <https://doi.org/10.1177/000312240907400101>
17. Ovcharova L.N., Sinyavskaya O.V., Biryukova S.S., Gorina E.A., Nagernyak M.A., Pishnyak A.I. Social protection in Russia: Choices of the future. *Voprosy Ekonomiki*. 2022;(8):5–31. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-5-31> (In Russ.)
18. Burchell B., Sehnbruch K., Piasna A., Agloni N. The Quality of Employment and Decent Work: Definitions, Methodologies, and Ongoing Debates. *Cambridge Journal of Economics*. 2014;38(2):459–477. <https://doi.org/10.1093/cje/bet067>
19. Nunes P.M., Proença T., Carozzo-Todaro M.E. A Systematic Review on Well-Being and Ill-Being in Working Contexts: Contributions of Self-Determination Theory. *Personnel Review*. 2024;53(2):375–419. <https://doi.org/10.1108/PR-11-2021-0812>
20. Stephens T.C. What has Happened to Job Quality in Britain? The Effect of Different Weighting Methods on Labour Market Inequalities and Changes Using a UK Quality of Work (QoW) Index, 2012–2021. *Social Indicators Research*. 2025;177(2):833–861. <https://doi.org/10.1007/s11205-025-03542-9>
21. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. Monitoring of Incomes and Living Standards of The Russian Population – 2024. Yearbook. Issue 3(204). Moscow: IE RAS; 2025. 170 p. ISBN 978-5-9940-0792-1 (In Russ.)
22. Odintsova E.V. Assessment of Precarious Employment in the Russian Formal Sector: from the Level of Workers to the Level of Households. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economics*. 2025;(8):18–32. <https://doi.org/10.31857/S0207367625080022> (In Russ.)
23. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. Employment and Labour Market: Contours of De-Standardisation. Academic Discussion at the V St. Petersburg International Labour Forum (St. Petersburg, 23 April 2021). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021;17(2):271–285. <https://doi.org/10.19181/lspr.2021.17.2.11> (In Russ.)
24. Veredyuk O.V. De-Standardisation of Employment: from Practice to Theory and Vice Versa. Results of the Round Table at the IX St. Petersburg International Labor Forum. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):480–490. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_11_480_490 (In Russ.)
25. Gimpel'son V., Kapeljushnikov R. Nestandardnaja Zanjatost' i Rossijskij Rynok Truda. Preprint WP3/2005/05. Moscow: HSE University; 2005. 36 p. (In Russ.)
26. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury Academic; 2011. 209 p. ISBN 978-1-84966-352-6
27. Belov A., Zolotov A. Economic Aspects of University Activities in Japan. *Voprosy Obrazovaniya = Educational Studies*. 2014;(3):30–53. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2014-3-30-53>
28. Shabunova A.A., Popov A.V. Bol'she, Chem NPD. Sotsial'no-ehkonomicheskie Kontury Samozanyatosti. *Zhurnal Byudzhet*. 2026;(3(279)):73–77. (In Russ.)
29. Morozova N.G., Tupalina M.V. Modern Problems and Prospects of Tax on Professional Income Application. *Vestnik Universiteta*. 2023;(6):162–170. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-162-170> (In Russ.)

Information about the authors:

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 5639-0410) (ResearcherID: U-6527-2019)

Olesya V. Veredyuk – PhD in Economics, Associate Professor, Saint-Petersburg State University (SPIN-code: 1559-8191) (Researcher ID: K-7044-2013)

Information about the contribution of each author:

Vyacheslav N. Bobkov – scientific editing of the text.

Olesya V. Veredyuk – general idea and structuring of the article, review of the positions of the participants of the discussion, conclusions.

The authors declare the absence of conflict of interest.

Author responsible for correspondence – Olesya V. Veredyuk.

The article was submitted 15.07.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Материалы конференции

УДК 316

JEL J00

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_13_529_535

EDN GCCDGJ

Обзор по итогам XIX Всероссийской научной конференции «Ковалевские чтения»

Рафина Рафкатовна Закиева¹, Татьяна Павловна Жидяева²

¹ Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

² Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Алатырь, Россия

¹ (rafina@bk.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-9513-7672>)

² (tanya21_84@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8238-193X>)

Аннотация

В настоящей обзорной статье авторами отражены наиболее интересные доклады, прозвучавшие на российской научной конференции в рамках XIX Ковалевских чтений, проходившей 13–15 ноября 2025 г. в Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ). Чтения, посвященные актуальным проблемам российской социологии и смежных дисциплин, собрали ведущих учёных, исследователей и молодых специалистов со всей страны. Особое внимание было уделено вопросам социальной стратификации, трансформации институтов семьи и образования, а также влиянию цифровизации на общественные процессы. Обсуждались последние тенденции в изменении структуры российского общества, динамика уровня жизни различных социальных групп и проблемы социального неравенства. Участники дискуссий подчеркнули важность поддержки молодёжных инициатив и создания условий для их успешной интеграции в профессиональную и общественную жизнь. Фокусировка на междисциплинарных подходах стала ещё одной отличительной чертой XIX Ковалевских чтений. Социологи активно взаимодействовали с представителями политологии, экономики, культурологии и психологии, стремясь к более полному и комплексному осмыслению современных общественных явлений.

Ключевые слова: зарубежные санкции, молодёжь, прекаризация труда, специальная военная операция, трансформация российского общества

Для цитирования: Закиева Р.Р., Жидяева Т.П. Обзор по итогам XIX Всероссийской научной конференции «Ковалевские чтения» // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 529–535. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_13_529_535 EDN GCCDGJ

CNF (Conference Proceedings)

JEL J00

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_13_529_535

Review of the Results of the XIX All-Russian Scientific Conference «Kovalevsky Readings»

Rafina R. Zakieva¹, Tatiana P. Zhidyaeva²

¹ Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

² Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, Alaty, Russia

¹ (rafina@bk.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-9513-7672>)

² (tanya21_84@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8238-193X>)

Abstract

In this review article, the authors review the most notable presentations presented at the All-Russian Scientific Conference as part of the XIX Kovalevsky Readings, held on November 13–15, 2025 at St. Petersburg State University (SPbU). The conference, devoted to topical issues of Russian sociology and related disciplines brought together leading researchers, and early-career researchers from all over the country. Special attention was paid to issues of social stratification, the transformation of family and educational institutions, as well as the impact of digitalization on social processes. The latest trends in the changing structure of Russian society, the dynamics of the standard of living of various social groups and the problems of social inequality were discussed. The panelists stressed the importance of supporting youth initiatives and creating conditions for their successful integration into professional and public life. The focus on interdisciplinary approaches was another distinctive feature of the XIX Kovalev readings. Sociologists actively interacted with representatives of political science, economics, cultural studies and psychology, striving for a more complete and comprehensive understanding of modern social phenomena.

Keywords: foreign sanctions, youth, precarization of labor, special military operation, transformation of Russian society

For citation: Zakieva R.R., Zhidyaeva T.P. Review of the Results of the XIX All-Russian Scientific Conference «Kovalevsky Readings». *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):529–535. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_13_529_535 (In Russ.)

Введение

13–15 ноября 2025 г. в стенах Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) по традиции состоялась XIX Всероссийская научная конференция «Ковалевские чтения», темой которой стала «Социология новой современности: проблемы, теории, методы» [1].

Данная Всероссийская конференция спровоцировала мощный интерес со стороны научной общественности. В ней приняли участие учёные, преподаватели, аспиранты и студенты со всех субъектов Российской Федерации и других стран мира. Форма данного научного мероприятия предполагала очное и заочное участие.

В рамках конференции работали такие секции как: «Теоретические подходы к изучению социальных структур и процессов современности», «Социальные и политические процессы новой современности», «Экономика и государство в эпоху новой современности», «Особенности управления в новых условиях: поиски новой модели», «Социология цифрового общества: актуальные проблемы и перспективы развития», «Культурное пространство современности: социологический ракурс», «Прикладные исследования: методы, проблематика, возможности», «Антропология новой культурной реальности: контексты, проблемы, подходы», «Молодёжь в изменяющемся обществе: между традицией и современностью, общественным и индивидуальным», «Инновационные направления в современной социальной работе», «Семья, брак, женская и мужская социально-демографические общности в контексте новой современности». Помимо этого осуществлял работу круглый стол: «Молодая семья в XXI веке: смыслы, ценности, практики».

Основная часть

Доклад «Семантика капитала и замещение поколений в контексте цивилизационного подхода» был изложен А.В. Жаворонковым, д-р социол. наук, главным научным сотрудником Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН). Докладчик отмечает, что капитал, в своём широком понимании, выходит за рамки чисто экономических категорий. Его семантика охватывает совокупность ресурсов, ценностей и знаний, которые общество передаёт из поколения в поколение. Этот процесс замещения является краеугольным камнем цивилизационного развития, определяя не только экономическую состоятельность, но и культурную, социальную и духовную преемственность. Именно в механизмах передачи и трансформации капитала кроются ключи к пониманию динами-

ки цивилизаций. Помимо этого, нужно помнить, что каждое поколение наследует определённый набор ресурсов, – материальных, интеллектуальных, этических – но также сталкивается с необходимостью их приумножения или, по крайней мере, сохранения. Нарушение этого баланса, когда новое поколение способно лишь растрачивать накопленное, не генерируя нового, ведёт к стагнации и деградации.

Доклад «Цивилизационные векторы современности» представил В.В. Козловский, д-р социол. наук, профессор, научный руководитель Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (СИ – филиал ФНИСЦ РАН). Современный мир, как сложный, многогранный организм, движется по нескольким ключевым цивилизационным векторам, определяющим его прошлое, настоящее и будущее. Эти векторы не просто траектории развития, а скорее силовые линии, формирующие арену глобальных процессов и определяющие судьбы народов. От их понимания зависит наша способность ориентироваться в сложном ландшафте XXI века. По мнению В.В. Козловского, одним из наиболее мощных векторов является глобализация, охватывающая экономические, культурные и информационные потоки. Технологический прогресс, стирая географические границы, создаёт единое, хоть и неравномерно развивающееся, пространство. Этот вектор, с одной стороны, открывает беспрецедентные возможности для сотрудничества и обмена, а с другой – порождает новые вызовы: усиление неравенства, культурную гомогенизацию и конфликты идентичностей. Параллельно набирает силу вектор цифровизации и информатизации. Искусственный интеллект, большие данные, виртуальная и дополненная реальность – всё это не просто технологические новшества, а фундамент новой информационной цивилизации. Этот вектор трансформирует способы производства, потребления, коммуникации и даже мышления. Он несёт в себе как потенциал для решения глобальных проблем, так и риски манипуляции, потери приватности и усугубления цифрового разрыва.

Доклад «Семейногероическая концепция социализации молодёжи» представила О.А. Волкова, д-р социол. наук, профессор, главный научный сотрудник Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСД ФНИСЦ РАН). В основе семейногероической концепции лежит понимание семьи как первичного и основополагающего института социализации. Именно в семейном кругу заклады-

ваются базовые ценности, формируется мировоззрение и развиваются ключевые навыки. Идея «героизма» в этом контексте не подразумевает подвигов в традиционном понимании, но скорее – способности к самопреодолению, ответственности, стойкости перед трудностями и стремлению к совершенствованию. Семья становится тем пространством [2], где эти качества культивируются через личный пример, поддержку и совместное преодоление испытаний.

Доклад «Социальная структура современной России в контексте концепции среднего класса» представил М.Ф. Черныш, член-корр. РАН, д-р социол. наук, директор Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСД ФНИСЦ РАН). Современная социальная структура России представляет собой сложную мозаику [1, с. 121], где привычные страты видоизменяются под влиянием экономических, политических и культурных трансформаций. Данное явление подробно изучено в серии «Российское общество и вызовы времени» [2] за период 2014–2024 гг., где представлены результаты общероссийских исследований, проведенных рабочей группой Института социологии ФНИСЦ РАН (ИС ФНИСЦ РАН) под руководством М.К. Горшков (1950–2025), академика РАН.

Попытка описать её через призму концепции среднего класса оказывается одновременно и показательной, и проблематичной. С одной стороны, выделение среднего класса является общепринятым индикатором устойчивости и развития общества, его способности к воспроизводству стабильных социальных норм и устойчивого развития. М.Ф. Черныш акцентирует своё внимание на том, что ключевым вопросом при анализе российского общества становится критерий определения среднего класса. По мнению А.Ю. Хазова, традиционно это связывается с уровнем дохода, образованием, профессиональным статусом и потреблением [4]. В России же эти показатели зачастую оказываются размытыми. Значительная часть населения, формально соответствующая определённым экономическим параметрам, может не обладать теми свойствами, которые присущи среднему классу в развитых странах: доверием к институтам, долгосрочным планам, ориентацией на саморазвитие и гражданскую активность.

Доклад «Режим работы всегда «на связи» как часть классовой ситуации» представила Ю.Б. Епихина, канд. социол. наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН). В современном мире режим постоян-

ной доступности, или «всегда на связи», стал не просто профессиональной привычкой, но и значимым элементом классовой ситуации [1, с. 59]. Для представителей определённых социальных групп, чья работа предполагает высокую степень ответственности, гибкости или связана с обработкой информации, это становится нормой. Для них границы между рабочим и личным временем стираются, создавая новую реальность, требующую постоянного присутствия в цифровом пространстве. Эта «классовая ситуация» имеет глубокие последствия. С одной стороны, она может открывать возможности для более гибкого графика, удалённой работы и большей самостоятельности. С другой – приводит к хроническому стрессу, выгоранию и ощущению невозможности полноценного отдыха. Ю.Б. Епихина констатирует, что постоянное ожидание рабочих уведомлений, необходимость быть в курсе событий 24/7, приводит к тому, что человек оказывается привязан к своей роли, зачастую в ущерб своей личной жизни и здоровью.

Доклад «NEET-молодёжь: от личностной изоляции к социальной депривации» представила М.Б. Буланова, д-р социол. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Феномен NEET-молодёжи (Not in Education, Employment, or Training) – молодых людей, которые не учатся, не работают и не проходят профессиональную подготовку – становится всё более тревожной реальностью в современном мире [1, с. 923]. Этот статус, часто начинающийся на глубинном уровне личностной изоляции, постепенно перерастает в состояние системной социальной депривации, оказывая разрушительное воздействие как на самого индивида, так и на общество в целом. Первичным фактором, приводящим к такому состоянию, зачастую является личная изоляция. Это может быть следствием социальных тревог, низкой самооценки, проблем в семейных отношениях или неспособности найти своё место в образовательной системе [5, с. 30–31]. Отсутствие чётких ориентиров и поддержки со стороны близкого окружения приводит к формированию замкнутого круга, где неуверенность в себе порождает отказ от попыток интеграции в социум. Эта ранняя стадия часто остаётся незамеченной или списывается на «переходный возраст», упуская возможность своевременной коррекции. По мере усугубления изоляции личностные трудности трансформируются в социальную депривацию. Отсутствие работы или прекаризованная работа [6, с. 200], обучения означает не только финансовую зависимость, но и потерю социальных связей, навыков коммуни-

кации и ощущения своей полезности. Общество, ориентированное на продуктивность и участие, оказывается враждебным к тем, кто выпадает из его ритма. Это, в свою очередь, усиливает чувство отверженности, снижает мотивацию к поиску работы и ведёт к дальнейшему отчуждению. Об этом неоднократно писалось на страницах журнала «Уровень жизни населения регионов России» [7; 8].

Доклад «Особенности потребительских практик молодых мужчин на рынке бьюти-услуг» представила Л.А. Брушкова, канд. социол. наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН). Рынок бьюти-услуг, традиционно воспринимавшийся как сугубо женская сфера, претерпевает значительные изменения [1, с. 1218]. Вовлечение молодых мужчин в потребительские практики этой индустрии формирует новый, динамичный сегмент, обладающий рядом отличительных характеристик. Мотивация к потреблению здесь часто дистанцируется от эстетики ради эстетики, укореняясь в более прагматичных и социально-ориентированных нарративах. Речь идёт о профессиональном и личном позиционировании: ухоженность становится неотъемлемой частью персонального бренда, инструментом повышения конкурентоспособности на рынке труда и в социальных взаимодействиях. Этот тренд отчётливо коррелирует с визуализацией цифровой эпохи, где образ, транслируемый в социальных сетях, обретает капитал. Стилистика потребления данной группы характеризуется высокой избирательностью и рациональностью. В отличие от развлекательного или расслабляющего похода в спа, молодые мужчины часто ищут чётко сформулированный результат: коррекцию бороды, уход за кожей лица для решения конкретных проблем (акне, признаки старения), аппаратные процедуры. Они склонны к глубокому предварительному изучению вопроса – чтению обзоров, советов экспертов, составлению мнения на основе контента от мужчин-блогеров в данной нише. Таким образом, их практика минимально спонтанна и максимально информирована. Важнейшим аспектом является поиск специализированных пространств, где услуга адаптирована под мужские запросы как функционально, так и атмосферно. Ключевое значение имеет избегание «женских» кодаировок салонов в пользу барбершопов, мужских спа-зон или клиник эстетической медицины с нейтральным дизайном. Персонал в этих заведениях должен демонстрировать не просто навык,

но и компетенцию именно в мужской бьюти-рутинe, предлагая лаконичные консультации без излишней эмоциональности. Процедура часто встраивается в логику эффективного тайм-менеджмента, совмещая, к примеру, стрижку, уход за лицом и массаж.

Доклад «Отношение россиян к традиционным ценностям и семье» представила Е.В. Ковалевская, канд. социол. наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН). В современном российском обществе отношение к традиционным ценностям и институту семьи является собой сложный [1, с. 1240], подчас противоречивый синтез исконных устоев и вызовов нового времени. Семья, несмотря на все трансформации [9], продолжает оставаться фундаментальной опорой для абсолютного большинства граждан, воспринимаясь как тихая гавань в условиях социальной нестабильности. Однако само её содержание и внутренние ролевые модели претерпевают значительную эволюцию. С одной стороны, можно наблюдать мощный запрос на сохранение традиционных устоев, часто подкрепляемый на уровне государственной политики и публичного дискурса. Идеалы крепкой, многодетной семьи, взаимного уважения поколений и духовной общности сохраняют высокую символическую значимость. Они становятся своего рода моральным якорем, особенно на фоне глобализационных процессов, воспринимаемых как угроза культурной идентичности. Ценности супружеской верности, родительского долга и заботы о старших не оспариваются в своей основе, формируя устойчивый этический каркас, о чём в частности говорилось на XV Ковалевских чтениях [10].

Доклад «Социальные трансформации и культурные практики в условиях цифровой революции» представила Т.В. Ярова, канд. полит. наук, доцент кафедры управления инновациями Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал МГИМО МИД России). Цифровая революция, пронизывая все слои бытия, выступает не просто технологическим сдвигом, но мощнейшим социальным алхимиком [1, с. 124]. Она кардинально трансформирует сами основы человеческих взаимодействий, переплавляя традиционные институты и рождая новые, подчас причудливые, формы коллективности. Социальные иерархии, веками выстраиваемые вокруг контроля над материаль-

ными ресурсами и информацией, сегодня дрожат под натиском горизонтальных сетевых структур. Возникает парадоксальный феномен: гиперсвязанность, обеспечиваемая платформами, зачастую ведёт к атомизации индивида, погруженного в персонализированный цифровой поток. Общественный договор переписывается в режиме реального времени, ставя под вопрос привычные понятия приватности, авторства и доверия.

Заключение

Прошедшая XIX Всероссийская научная конференция «Ковалевские чтения», темой которой стала «Социология новой современности: проблемы, теории, методы», дала возможность собрать вместе экспертов из российских и международных научно-исследовательских институтов и учебных заведений, таких как Всероссийский центр изучения общественного мнения (Российская Федерация, г. Москва), Государственный академический университет гуманитарных наук (Российская Федерация, г. Москва), Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, г. Москва), Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, г. Москва), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Российская Федерация, г. Москва), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, г. Москва), Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья им. Н.А. Семашко (Российская Федерация, г. Москва), Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Российская Федерация, г. Москва), Российский государственный социальный университет (Российская Федерация, г. Москва), Российский университет дружбы наро-

дов им. Патриса Лумумбы (Российская Федерация, г. Москва), Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, г. Москва), Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского (Российская Федерация, г. Москва), Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва), Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург), Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург), Кемеровский государственный университет (Российская Федерация, г. Кемерово), Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Российская Федерация, г. Пермь), Севастопольский государственный университет (Российская Федерация, г. Севастополь), Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Российская Федерация, г. Якутск), Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Российская Федерация, г. Сыктывкар), Тульский государственный университет (Российская Федерация, г. Тула), Уральский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, г. Екатеринбург), Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, г. Череповец), Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Российская Федерация, г. Ярославль), Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск).

Модераторами и участниками конференции отмечено высокое качество представленных докладов, охвативших комплекс основных проблем, которые затрагивают современное общество, в сфере демографии, занятости, политики доходов, уровня и качества жизни, социальной поддержки и пенсионного обеспечения.

Список источников

1. Социология новой современности: проблемы, теория, методы // Материалы Всероссийской научной конференции XIX Ковалевские чтения, 13–15 ноября 2025, Санкт-Петербург, Россия. Иваново-Санкт-Петербург: ПресСто, 2026. 1331 с. ISBN 978-5-6054897-5-7 EDN FRGEON
2. Танатова Д.К., Королёв И.В. Благополучие российской семьи в самооценках населения // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 1. С. 100–111. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_7_100_111 EDN YIKMUS
3. Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.Л. Андреев [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. Институт социологии ФНИСЦ РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2025. 352 с. ISBN 978-5-7777-0969-1 EDN SKXDAR
4. Хазов А.Ю. Российское общество перед лицом современных вызовов. Размышления о коллективной монографии под редакцией М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой «Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая» // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 661–669. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_12_661_669 EDN JGDQLI

5. Тощенко Ж.Т. Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Том 24. № 1. С. 28–42. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-28-42> EDN TCBRDD
6. Козин С.В., Закиева Р.Р., Жидяева Т.П. Прекариат – новый угнетенный класс XXI века? // Философия хозяйства. 2021. № 3(134). С. 199–213. <https://doi.org/10.61726/8767.2024.85.98.001> EDN DZYOLJ
7. Тощенко Ж.Т. Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть 1 // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 274–286. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286 EDN SXDPZY
8. Черных Е.А. Качество трудовой жизни в регионах России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 1. С. 28–42. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_2_28_42 EDN MNHXLW
9. Эфендиев А.Г., Гоголева А.С. Внутренняя миграция работающей молодежи: факторы формирования готовности переехать в другой город // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Том 17. № 1. С. 47–64. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.104> EDN BWHAXT
10. Жидяева Т.П., Хазов А.Ю. Научная конференция глазами участников: XV Ковалевские чтения. (Санкт-Петербург, СПбГУ 25–27 ноября 2021 г.) // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Том 10. № 4 (40). С. 171–174. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9289> EDN JGBBXW

Информация об авторах:

Рафина Рафкатовна Закиева – доктор педагогических наук, профессор кафедры промышленной электроники, Казанский государственный энергетический университет (SPIN-код: 7893-8536) (ResearcherID: T-2047-2019) (Scopus Author ID: 57205611148)

Татьяна Павловна Жидяева – старший преподаватель, кафедра гуманитарных и экономических дисциплин, Алатырский филиал, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (SPIN-код: 5020-0021) (ResearcherID: GVT-2580-2022) (Scopus Author ID: 58681336300)

Заявленный вклад авторов:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Татьяна Павловна Жидяева.

Статья поступила в редакцию 26.02.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Sotsiologiya Novoi Sovremennosti: Problemy, Teoriya, Metody. the All-Russian Scientific Conference XIX Kovalevsky Readings Conference Proceedings; Saint Petersburg, Russia; November 13–15, 2025. Ivanovo; Saint Petersburg: PresSto; 2026. 1331 p. ISBN 978-5-6054897-5-7 (In Russ.)
2. Tanatova D.K., Korolev I.V. Russian Family Well-Being in the Self-Assessments of the Population. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(1):100–111. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_7_100_111 (In Russ.)
3. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (eds.), Andreev A.L., et al. Rossiiskoe Obshchestvo I Vyzovy Vremeni. Book 8. The Institute of Sociology FCTAS RAS. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2025. 352 p. ISBN 978-5-7777-0969-1 (In Russ.)
4. Khazov A.Y. Russian Society in the Face of Modern Challenges. Reflections on the Collective Monograph Edited by M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova «Russian Society and the Challenges of the Time. The Eighth Book». *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):661–669. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_12_661_669 (In Russ.)
5. Toshchenko Zh.T. Forms of Participation of Higher Education in Solving Problems of Labor Productivity. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Sotsiologiya=RUDN Journal of Sociology*. 2024;24(1):28–42. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-28-42> (In Russ.)
6. Kozin S.V., Zakieva R.R., Zhidyayeva T.P. The Precariat – the New Oppressed Class of the Twenty-First Century? *Filosofiya hozyajstva=Philosophy of the Economy*. 2021;(3(134)):199–213. <https://doi.org/10.61726/8767.2024.85.98.001> (In Russ.)
7. Toshchenko Zh.T. Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part I. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):274–286. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286 (In Russ.)
8. Chernykh E.A. Quality of Working Life in Russian Regions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(1):28–42. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_2_28_42 (In Russ.)
9. Efendiev A.G., Gogoleva A.S. Internal migration of Working youth: Factors of Formation of Readiness to Move to another city. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Sociologiya=Bulletin of St.Petersburg University. Sociology*. 2024;17(1):47–64. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.104> (In Russ.)

10. Zhidyaeva T.P., Khazov A.Y. Scientific Conference Through the Eyes of the Participants: XV Kovalev Readings. (St. Petersburg, St. Petersburg State University, November 25–27, 2021). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika=Sociological Science and Social Practice*. 2022;10(4):171–174. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9289> (In Russ.)

Information about the authors:

Rafina R. Zakieva – Doctor of Education, Professor of the Department of Industrial Electronics, Kazan State Power Engineering University (SPIN-code: 7893-8536) (ResearcherID: T-2047-2019) (Scopus Author ID: 57205611148)

Tat'yana P. Zhidyaeva – Senior Lecturer, department of humanities and economics, Alaty Branch, Chuvash State University named after I.N. Ulyanova

(SPIN-code: 5020-0021) (ResearcherID: GVT-2580-2022) (Scopus Author ID: 58681336300)

Authors' declared contribution:

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Tat'yana P. Zhidyaeva.

The article was submitted 26.02.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Уважаемые читатели!

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» включён в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

Основные тематические рубрики по номенклатуре ВАК:

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Журнал распределён по коэффициенту научной значимости в первую категорию (**K1**), включён в библиографическую базу данных научных публикаций российских учёных (**РИНЦ**), входит в базу данных Russian Science Citation Index (**RSCI**).

ISSN 1999-9836 (print); 2713-3397 (online)

На сайте журнала

<https://vcug-journal.ru/>

опубликована подробная информация о порядке рецензирования, публикационной этике, представлены архивы выпусков.

Отправить рукопись можно по адресу vcugjournal@mail.ru.

Статьи в журнале публикуются бесплатно, гонорары не выплачиваются.

Редакция оставляет за собой право тематического отбора и редактирования материалов.

Мнения авторов, изложенные в статьях, необязательно совпадают с мнением редакции.

Поступившие в редакцию рукописи не возвращаются. Авторы несут ответственность за содержание статей, сам факт их публикации, а также за ущерб, причинённый третьим лицам в случае направления в редакцию материалов, нарушающих этические нормы и/или авторские права. Окончательное решение о публикации материала принимает главный редактор.

Автору может быть отказано в публикации, если:

- автор отказался от рекомендованной редакцией доработки рукописи по итогам рецензирования или не исправил статью в назначенный срок;
- текст не прошёл проверку на плагиат.

Контакты редакции:

Нахимовский проспект, д. 32, Москва, 117218

Телефон +7 (499)125-84-45

E-mail главного редактора: bobkovvn@mail.ru

E-mail редакции: vcugjournal@mail.ru

Индекс журнала в каталоге «Урал-пресс» – **71187**

О журнале «Уровень жизни населения регионов России»

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» выходит с 1992 года и является научно-теоретическим и научно-практическим изданием.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

Индекс журнала в каталоге периодики «Урал-Пресс» – 71187.

Периодичность: 4 раза в год.

Рецензирование: двойное слепое

Сайт журнала: <https://vcug-journal.ru>

Страница журнала на сайте Института экономики РАН:

<https://inecon.org/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii.html>

Главный редактор: В.Н. Бобков, д. э. н., проф., засл. деятель науки РФ, главный научный сотрудник, зав. сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала ИЭ РАН, Россия

Контакты редакции: vcugjournal@mail.ru, телефон +7(499)125-84-45

Учредителем журнала с 2023 г. является ФГБУН Институт экономики Российской академии наук.

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» входит в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени доктора и кандидата наук, распределён по коэффициенту научной значимости в первую категорию (**К1**), включён в библиографическую базу данных научных публикаций российских учёных (**РИНЦ**), входит в базу данных **Russian Science Citation Index (RSCI)**.

Основные тематические рубрики по номенклатуре ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Статьи в журнале публикуются бесплатно, гонорары не выплачиваются. Редакция не взимает с авторов платы за размещение статей в открытом доступе, рецензирование и электронное депонирование рукописей.

Журнал поступает в библиотеки РФ и партнёрские организации за рубежом. Журнал «Уровень жизни населения регионов России» публикует результаты научных исследований и практических разработок, аналитические материалы ведущих специалистов России, Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Журнал получил общественное признание и предназначен для широкого круга читателей, заинтересованных в решении проблем уровня и качества жизни в России: работников органов исполнительной и законодательной власти на федеральном и региональном уровнях, органов по труду и социальной защите населения, профсоюзных и других общественных объединений, государственных внебюджетных фондов, профильных научных организаций, а также для преподавателей высших учебных заведений, докторантов, аспирантов, соискателей и студентов, изучающих гуманитарные и социально-экономические дисциплины, представителей социально-ответственного бизнеса, консалтинговых и маркетинговых организаций.

При перепечатке материалов из журнала ссылка обязательна!